

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ ГЛАЗАМИ РОССИЯН

(опыт многолетних социологических замеров)

Аналитический доклад

*Подготовлен в сотрудничестве
с Представительством
Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации*

Москва – 2011 г.

Содержание

Предисловие	3
1. Восприятие современным поколением россиян преобразований последнего десятилетия	6
2. Плюсы и минусы реформ, как они отразились на жизни людей	22
3. Отношение к наиболее важным событиям последнего десятилетия, деятельности инициаторов реформ, лидерам страны 1990-х и 2000-х	38
4. Изменение социально-психологического состояния российского общества	55
5. Жизненные проблемы и материальное положение россиян: вектор изменений	77
6. Трансформация рынка труда и отношения занятости.....	96
7. Социальный статус и мобильность россиян	119
8. Ценностные и идейно-политические установки в пореформенной России	142
9. Динамика взглядов россиян на роль государства в экономике и социальной сфере	159
10. Переосмысление в массовом сознании роли демократических институтов и ценностей.....	173
11. Изменение взглядов россиян на окружающий мир и место России в нём	188
12. Российская идентичность и межэтнические отношения.....	201
13. Сдвиги в морально-нравственных ориентациях россиян	214
14. Динамика досуговых предпочтений россиян	238
15. Пореформенные поколения российской молодёжи	259
16. «Настоящее» и «будущее». Оценка россиянами перспектив развития страны	276
К общим выводам.....	291

© Институт социологии РАН
e-mail: isras@isras.ru
<http://www.isras.ru>

© Представительство Фонда
им. Ф. Эберта в РФ

Предисловие

В конце декабря 2011 г. – начале 2012 г. исполняется двадцать лет с того момента, когда Российская Федерация, сразу после распада СССР, приступила к проведению радикальных реформ, коснувшихся в первую очередь экономики, но затронувших также и все остальные сферы жизни общества. Точную дату старта этих реформ назвать достаточно сложно. Можно вспомнить четыре события, ознаменовавших их начало:

- подавление «путча» ГКЧП в конце августа 1991 г., что привело к фактическому развалу Союза, параличу союзных органов власти и переходу практически всей полноты ответственности к «суверенному» руководству РФ;
- Пятый съезд народных депутатов РФ, состоявшийся в конце октября – начале декабря 1991 г., одоббивший планы радикального реформирования страны и давший Президенту РФ Б. Ельцину чрезвычайные полномочия для реализации этих планов;
- формирование «правительства реформ» с экономическим блоком во главе с Е. Гайдаром в середине ноября 1991 г.;
- либерализация цен в начале января 1992 г., ознаменовавшая переход к рынку.

Экономические реформы, наряду с распадом СССР, стали самым важным, знаковым событием новейшей российской истории, на многие годы определившим траекторию её развития. И сегодня, спустя двадцать лет, не прекращаются споры о необходимости этих реформ, их причинах и последствиях.

Уже ушли из жизни главные их инициаторы – Б. Ельцин и Е. Гайдар, но и сегодня обсуждение их политического наследия продолжает волновать как значительную часть общества, так и элиты, особенно в контексте современной эпохи, в чём-то наследующей курс, проложенный реформаторами, а в чём-то противоположной ему. Неслучайно одна часть общества, и особенно генерация либеральных политиков начала 90-х, критикует нынешние власти, обвиняя их в отказе от наследия реформ

Ельцина – Гайдара, прежде всего, от принципов политической демократии и экономических свобод. Другая часть населения и политического класса, напротив, убеждена, что именно сохранение преемственности нынешнего курса реформам 90-х, в первую очередь «олигархическая» форма власти, является главной проблемой и тормозом развития страны. Однако не следует забывать, что действия и поступки реформаторов часто носили спонтанный характер и были во многом вынужденными в условиях тотального системного кризиса в агонизирующем СССР, когда времени на поиск более «щадящих», постепенных путей реформирования уже не оставалось. В то же время массовое сознание склонно забывать исторический контекст, многое мифологизировать, упрощать.

И это вполне естественно, учитывая, что в сжатые сроки менялось практически всё: экономический и политический строй, власть, привычный уклад жизни и т. д. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Также чрезвычайно важным представляется проанализировать то, как эти перемены сказались на жизни наших сограждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни общества государства, демократических институтов и норм и т. д.

С целью выявления восприятия россиянами опыта реформирования экономической, социальной и политической жизни общества за последние двадцать лет, тех сдвигов, которые произошли в самом обществе за эти годы, в апреле 2011 г. Институт социологии РАН провёл общероссийское социологическое исследование: «Двадцать лет реформ глазами россиян». По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге, было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция (учёные, преподаватели вузов, учителя школ, училищ); работники торговли, сферы бытовых услуг,

транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сёл и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные.

Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сёл.

Вместе с тем эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты исследования, проведённого ИС РАН в 2001 г. «Новая Россия: десять лет реформ». Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели выборки с использованием ряда однотипных вопросов (показателей), в настоящем докладе имелась возможность проведения сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ. Речь идёт о двух периодах в жизни страны: 90-х гг. и 2000-х гг.

Исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН. Руководители исследования: член-корр. РАН Горшков М. К. (концепция и инструментарий исследования, предисловие, заключение, общая редакция), Петухов В. В. (концепция и инструментарий исследования, общая редакция, разделы 2, 3, 10, 16). Члены рабочей группы: Андреев А. Л. (разделы 8, 11), Бызов Л. Г. (разделы 1, 3, 16), Дробижева Л. М. (раздел 12), Лежнина Ю. П. (раздел 15), Мареева С. В. (раздел 9), Пахомова Е. И. (раздел 2), Седова Н. Н. (разделы 13, 14), Тихонова Н. Е. (концепция и инструментарий исследования, разделы 4, 5, 7), Тюрина И. О. (раздел 6).

Научный консультант – глава представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ, доктор Крумм Р.

Редактор – Кофанова Е. Н.

Макетирование – Зенина Р. Ю.

1. Восприятие современным поколением россиян преобразований последнего двадцатилетия

Как известно, в начале 90-х наша страна находилась в глубоком кризисе. Престиж власти, особенно после августовских событий 1991 г., падал, недовольство охватывало всё новые слои населения. Разочарованное в способности союзного руководства во главе с М. Горбачёвым вывести страну из кризиса или хотя бы затормозить катастрофические процессы, особенно в социально-экономической сфере, общественное мнение в РФ сделало ставку на сильного и харизматического лидера – Б. Ельцина, однозначно поддержав его и на президентских выборах в июне 1991-го, и во время борьбы с «путчистами» в августе того же года. Среди массы сторонников Б. Ельцина были не только «демократы по убеждению» и сторонники радикальных рыночных преобразований, но и те, кто просто увидел в российском президенте силу, способную восстановить функционирование разрушенных государственных институтов, сплотить вокруг себя общество. Поддержавшая в этот период Б. Ельцина политическая сила – «Демократическая Россия» – также представляла собой широкое и аморфное движение, напоминавшее скорее «народный фронт», чем политическую партию, и включавшее в себя людей с самыми разными взглядами, объединёнными общей установкой на перемены.

Необходимость провести жёсткие и непопулярные меры в области экономики, в том числе резкое повышение и либерализацию цен, приватизацию государственной собственности, формирование основных институтов рыночной экономики, – не вызывала сомнений у большей части сторонников новой власти РФ, дискутировались лишь скорость и конкретные формы рыночных преобразований. Так, Пятый съезд народных депутатов РФ, где значительную роль играли и представители оппозиции, без серьёзных колебаний утвердил в ноябре 1991 г. общую программу рыночных преобразований. В то же время политическая составляющая рыночного реформирования была предметом значительных дискуссий. Выбор

Б. Ельцина в пользу «команды Гайдара» – молодых экономистов, не имевших ни политического, ни управленческого опыта; не известных никому, кроме узкого круга специалистов, – в большой мере обусловил процесс рыночного реформирования «сверху», без учёта мнения общества и депутатского корпуса (т. н. «вертикали советов»); преобразования, во многом носившего насильственный, авторитарный характер.

В результате, с началом реформ общество стало постепенно отстраняться от влияния на процесс принятия решений, а попытки представительной власти как-то скорректировать ход реформ стали восприниматься всё более враждебно, что уже в 1992 г. значительно сузило социальную базу реформ, а в 1993 г. привело к известным событиям «чёрного октября». «Лишним» для «правительства реформ» стало и народное представительство в виде системы советов всех уровней, и оно взяло курс на свёртывание их деятельности. Новый слой бизнесменов, вставший у руля процессов перераспределения собственности, сформировался не снизу, не из среды наиболее эффективных представителей малого и среднего бизнеса, а был фактически «назначен» сверху, органами государственной власти, что надолго предопределило олигархический характер российского капитализма. Общество, лишившись рычагов влияния на власть, постепенно становилось всё более пассивным и инертным, граждане замыкались на решении своих личных проблем. А власть, лишённая эффективного контроля снизу, всё сильнее погрязала в коррупции, бюрократической неэффективности, безответственности. Все эти проблемы, порождённые решениями, принятыми в начале 90-х, до сих пор сохраняются, а во многом продолжают усугубляться.

Сменившаяся на рубеже веков «эпоха», приход к власти людей с иным опытом и иными политическими взглядами, как это сегодня видно, привели лишь к незначительным переменам в социально-политическом строе страны: были частично устранены наиболее очевидные негативные последствия реформ. В то же время основные противоречия – неэффективное

государственное управление, коррупция, чрезмерный рост социальной дифференциации, неработающие законы, отсталая социальная сфера, – всё это продолжает оставаться серьёзнейшими проблемами, пока не поддающимися решению. В ряде вопросов произошёл откат назад – практически исчезли ростки политической демократии, пробивавшие себе дорогу в 90-е, огромные проблемы испытывает бизнес, особенно мелкий и средний, снижена вертикальная мобильность граждан, что свидетельствует об элементах социально-политического застоя. Сегодня страна во многом находится перед очередной политической развилкой, которая может определить её судьбу ещё на многие годы вперёд.

Вернёмся, однако, в 1991–1992 гг. Как уже отмечалось, если на старте реформ, особенно после подавления «путча» ГКЧП, уровень поддержки российских властей составлял до 2/3 активных россиян, то уже с февраля 1992 г. он начал быстро падать, сократившись до 30–35%. В апреле 1993 г. лишь ценой огромных пропагандистских усилий властям РФ удалось добиться благоприятного для себя результата общенационального референдума, включавшего вопрос и об отношении к преобразованиям в социально-экономической сфере. Однако и этот успех оказался временным, он не смог предотвратить дальнейшего роста негативного отношения к действиям властей, что привело к поражению «партии власти» в лице тогдашнего «Демократического выбора» на парламентских выборах в декабре 1993 г. А к моменту ухода Б. Ельцина с поста Президента РФ уровень его поддержки составлял не более 3–4%.

Для того чтобы оценить, как менялись оценки россиянами радикальных реформ начала 90-х гг., в ходе мониторинговых исследований разных лет респондентам задавались два вопроса. Один касался ретроспективы их отношения к реформам – респондентов просили *вспомнить* свою реакцию на происходящее *на момент начала реформ*. Отвечая на второй вопрос, респонденты оценивали своё *нынешнее отношение к реформам*, т. е. на момент опроса.

Данные, приведённые на рис.1.1, показывают, что в сознании россиян, в их оценках собственной реакции на события начала 90-х гг. по-прежнему жива память о том общественном расколе, который эти события за собой повлекли. Общественное сознание в 2011 г., как и десять лет назад (в 2001 г.), воспроизводит картину противостояния двух лагерей российского общества – сторонников и противников реформ. В 2001 г. соотношение числа респондентов, вспоминающих о своей положительной или отрицательной реакции на реформы, составляло 47% и 34%, соответственно (разрыв в 1,4 раза в пользу сторонников реформ). Сегодня это соотношение составило 34% к 29% (разрыв в 1,2 раза, также в пользу сторонников). Конечно, со временем естественным образом становится всё меньше свидетелей тех событий, да и яркость исторической памяти постепенно блекнет – если десять лет назад затруднялись оценить своё прежнее отношение к реформам 19%, то в 2011 г. не смогли дать ретроспективу своим переживаниям того времени уже более трети россиян (37%). Но интересно, что воспоминания бывших сторонников реформ «блекнут» быстрее, нежели воспоминания их противников. И если эта тенденция сохранится, то через некоторое время опросы о том, на чьей стороне наши сограждане были в начале реформ, уже не смогут подтвердить тот исторический факт, что реформы начали проводиться при поддержке относительного большинства россиян.

Одновременно с этим динамика текущего восприятия россиянами реформ показывает «отложенный» позитивный социальный эффект преобразований, стартовавших в начале 90-х. Так, в 2001 г., по прошествии неполных десяти лет с момента начала реформ, явной доминантой общественного сознания было недовольство реформами – об этом говорили уверенное большинство опрошенных (59%). В поддержку преобразований выступали тогда лишь 28% россиян. Последующие десять лет заметно изменили картину общественного мнения. Оценки реформ с позиции сегодняшнего дня, которые вобрали в себя опыт развития после 90-х гг. страны в целом и собственной жизни респондентов, отражают постепенное

ослабление негатива и расширение зоны позитивного восприятия реформ. К 2011 г. доля людей, выражающих недовольство реформами 90-х, «похудела» с 59% до 43%, а доля тех, кто оценивает их позитивно, выросла с 28% до 34%. И хотя до сих пор преобладающим отношением к реформам остаётся негатив, но его доминанта явно слабеет (с более чем двукратного преобладания до превышения в 1,3 раза).

Однако в целом, несмотря на то, что жизнь после реформ постепенно примиряет общество с ними, консенсуса по поводу событий начала 90-х нет, раскол в обществе сохраняется. И чем дальше на временной ленте мы отстоим от тех событий, тем меньше остаётся людей, которые вспоминают о своей прежней поддержке того, чтобы «заварились эта каша», но больше становится тех, кто готов признать их необходимость и правомерность с позиции сегодняшнего дня.

Рисунок 1.1

Отношение россиян к радикальным реформам начала 1990-х – текущее («как относитесь сегодня?») и ретроспективное («как относились на момент начала проведения реформ?»), 2001 и 2011 гг., %

Где сегодня проходят основные линии раскола нашего общества в отношении реформ? Как показывают результаты опросов, реформы поддерживаются наиболее образованной, молодой и активной частью

российского общества, что, впрочем, характерно для любых перемен подобного типа.

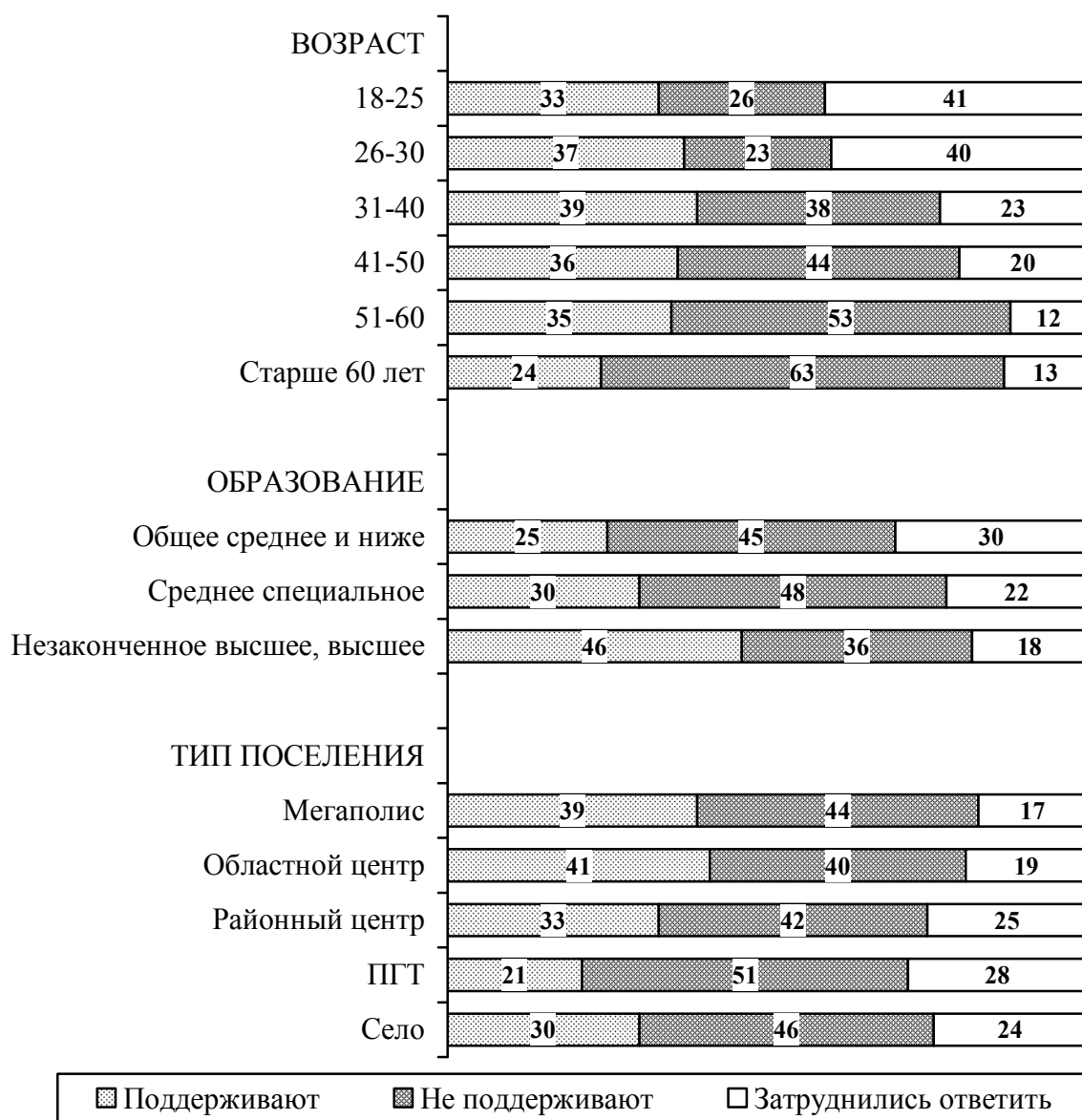
Прежде всего, среди сторонников реформ фигурируют представители молодёжи, которые судят о переменах начала 90-х лишь по школьным учебникам и рассказам родителей, но при этом воспринимают сложившуюся в их результате социально-экономическую, политическую среду как вполне естественную, поскольку она является средой их взросления, личностного и профессионального становления. В молодёжных группах минимальна доля тех, кто относится к реформам негативно (рис. 1.2). Напротив, поколение, которому на момент старта реформ было 40 лет и выше, оценивает их отрицательно; и чем люди старше, тем градус недовольства реформами выше. Если среднее по возрасту поколение (30–50 лет) демонстрирует умеренный негатив в отношении произошедших перемен, то люди, перешагнувшие 50-летний рубеж, воспринимают реформы резко отрицательно. Именно им уже в зрелом возрасте пришлось радикально менять устоявшуюся в предшествующие годы жизнь, и подавляющему большинству не удалось сделать это без потерь. Можно предположить, что если бы реформаторы 90-х в своё время сумели предложить и реализовать специальные адаптационные программы для людей предпенсионного возраста, возможно, развитие страны пошло каким-то иным путём и социальное самочувствие старшего поколения россиян было бы не столь пессимистичным. Однако, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Образование проводит свою демаркационную линию – наличие высшего образования (или хотя бы первые ступени к его получению) связано, как правило, с позитивным восприятием реформ (46% положительных при 36% отрицательных оценок). Отсутствие же высшего образования, по всей видимости, не позволяет людям по достоинству оценить те возможности, которые реформы (при всей спорности методов их реализации) принесли обществу. Во всех группах опрошенных, не имеющих высшего образования,

отношение к реформам складывается со знаком «минус», а в группе респондентов, чей образовательный уровень не поднялся выше средней школы, перевес «негатива» самый выраженный. Такое распределение оценок позволяет сделать предварительный вывод о том, что реформы принесли социальные дивиденды прежде всего тем россиянам, которые ориентированы на интеллектуальные формы освоения действительности с опорой на образовательный ресурс.

Рисунок 1.2

**Отношение (на сегодняшний день) представителей
различных социально-демографических групп
к реформам 1991–1992 гг., %**

Среди жителей различных типов поселений наибольшей поддержкой реформ отличаются респонденты мегаполисов (Москвы, Петербурга) и крупных городов в статусе областных центров (39–41% поддержки), тогда как в «глубинке» уровень поддержки реформ заметно ниже (21–33%). И в этом тоже нет ничего неожиданного. Крупные города, с их высоким темпом и разнообразием жизни, формируют социальную среду, которая отличается потребностью к обновлению, изменению, освоению нового, достижительной мотивацией. Соответственно, идеи реформирования отвечают этой среде в гораздо большей степени, нежели среде небольшого, провинциального поселения, с размеренным жизненным укладом и господством традиционных ценностей.

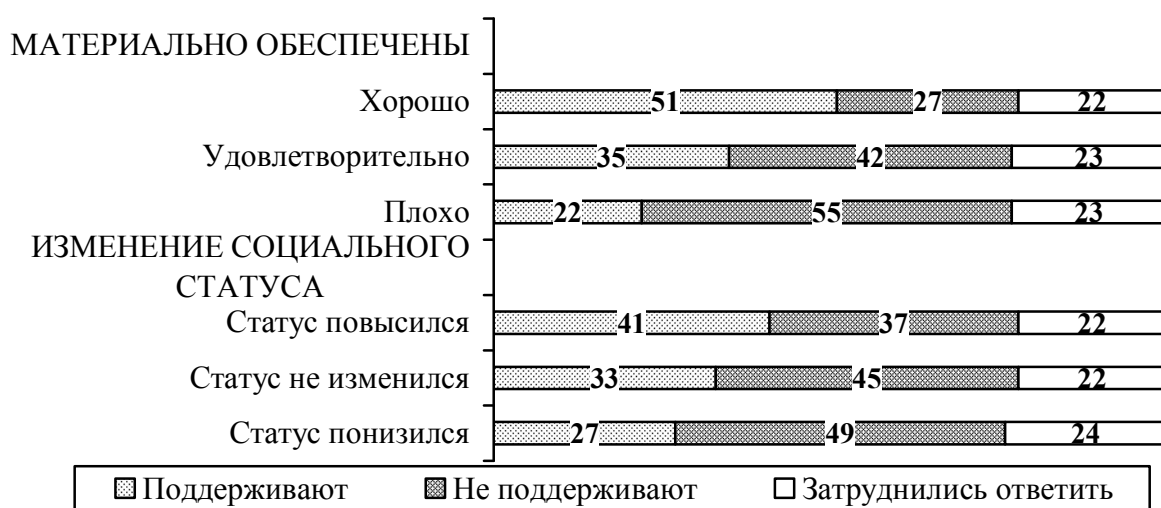
Отличается отношение к реформам и по линиям социальной и материальной дифференциации общества. Причём материальный фактор оказывает, пожалуй, наиболее сильное влияние на отношение россиян к реформам. Социальные полюса, которые он формирует – группу людей с наивысшими самооценками материального положения и группу с самыми низкими самооценками, – демонстрируют прямо противоположную реакцию на реформы. Так, среди опрошенных, считающих, что они хорошо материально обеспечены, большинство в 51% приветствует реформы, и немногим более четверти (27%) ими недовольны (рис. 1.3). В группе плохо обеспеченных респондентов картина обратная: большинство в 55% относится к ним негативно, и только 22% поддерживают.

Сходную картину рисуют данные об отношении к реформам людей, которые за последние десять лет сумели повысить свой социальный статус, потеряли либо сохранили прежние позиции в социальной иерархии. Для анализа связи между динамикой социального положения людей и их отношением к реформам использовались два вопроса о социальном статусе: каким он был десять лет назад, и каким является сейчас (самооценка по 10-балльной шкале). На рис. 1.3 видно, что только повышение социального статуса создает предпосылки для преобладания позитивных оценок реформ

(41% оценок «+» против 37% оценок «-»). Снижение или даже просто удержание социальных позиций формирует в целом негативное отношение к реформам. И это не случайно. Простое воспроизводство условий жизни, и прежде всего социального статуса, – это норма для общества, живущего стабильной жизнью. Реформы же обретают ценность в глазах общества или его социальных групп тогда, когда они приводят к улучшению социальной ситуации, когда общество/группы получают от них дивиденды. В противном случае их значимость девальвируется.

Рисунок 1.3

**Отношение (на сегодняшний день) представителей
различных социально-демографических групп
к реформам 1991–1992 гг., %**

В целом же, если посмотреть на реформы с точки зрения «социального заказа», они в большей степени отвечали интересам активного меньшинства, которому стало «тесно» в рамках старой системы общественных отношений. Для большинства же, не сумевшего воспользоваться плодами реформ в должной степени, существенно повысить качество и уровень жизни, реформы остаются пока тёмным пятном в новейшей истории страны.

Противоречивость результатов экономических реформ заставляет задуматься об их истинных целях. Являются ли неудачи реформирования результатом искреннего заблуждения молодых и недостаточно опытных

реформаторов, или же было изначальное стремление поделить основные богатства и собственность страны в узком кругу, не допустив или отстранив большую часть общества от контроля за этим процессом? А возможно «негатив», связанный с реформами, являл собой неизбежное зло, обусловленное катастрофическим развитием событий, угрозой голода и экономического коллапса? Как это обычно бывает, имело место сочетание и того, и другого, и третьего. И вопрос о том, были ли менее болезненные альтернативы в конце 1991 г. – начале 1992 г., не имеет однозначного ответа.

Относительно цели реформ участники опроса склоняются к наименее комплиментарному для реформаторов ответу, что *истинной целью реформ был захват власти вторым эшелоном советской номенклатуры и перераспределение в его пользу общенародной собственности*. Так считают 69% опрошенных (рис. 1.4). Лишь около трети готовы согласиться с точкой зрения, отстаиваемой «реформаторами», в частности самим Е. Гайдаром в его книгах и публичных выступлениях, согласно которой реформы проводились во имя спасения страны от экономического краха, голода, распада.

Ожидаемым результатом исследования является то, что негативное отношение к реформам связано в сознании респондентов с соответствующим толкованием целей реформ – как стремления к власти и наживе. Действительно, среди тех, кто резко негативно оценивает реформы, подавляющее большинство (86%) считает, что целью реформаторов были власть и собственность. Куда более любопытным и неожиданным стало то, что и среди тех, кто одобряет реформы, большинство (хотя и не столь преобладающее, на уровне 55–58%) также разделяют эту точку зрения. Другими словами, для них кумулятивный положительный эффект реформ оказался более значимым для окончательных выводов, нежели «частные» неблагоприятные цели реформаторов.

**Представления россиян о целях экономических реформ
Ельцина – Гайдара среди тех, кто по-разному оценивает
радикальные реформы начала 90-х, %**

Можно было бы предположить, что такое позитивное отношение этих людей к реформам, несмотря на то, какие изначально цели эти реформы преследовали, связано с их личной выгодой. Тем более что, как было показано выше, материальный фактор является одним из наиболее значимых в дифференциации отношения россиян к преобразованиям 90-х. Однако более подробный анализ социального состава группы респондентов, поддерживающих реформы, несмотря на признание корыстных целей реформаторов, показывает, что это не совсем верное предположение. Безусловно, благополучное материальное положение и продвижение по карьерной лестнице способствуют более снисходительному отношению к тому, ради чего в начале 90-х ломались копыя. Однако различия незначительны – стремление к власти и переделу собственности за реформаторами признают большинство всех групп сторонников реформ, как благополучных в материальном и социальном смысле, так и тех, кто беден и социально неуспешен (рис. 1.5).

Таким образом, в обществе сформирована устойчивая (хотя и сравнительно небольшая по численности) социальная группа сторонников реформ, чья поддержка не зависит от таких обычно значимых субъективных

факторов, как социальная успешность, материальное положение, оценка намерений реформаторов.

Рисунок 1.5

**Представления о целях экономических реформ Ельцина – Гайдара
среди сторонников реформ в зависимости от их материального
положения и динамики социального статуса, %**

Хотя, как мы уже подчёркивали, история не знает сослагательного наклонения, тем не менее, в обществе всё ещё обсуждается вопрос о том, были ли альтернативы осуществленным реформам, можно ли было выбрать другие методы их проведения в жизнь.

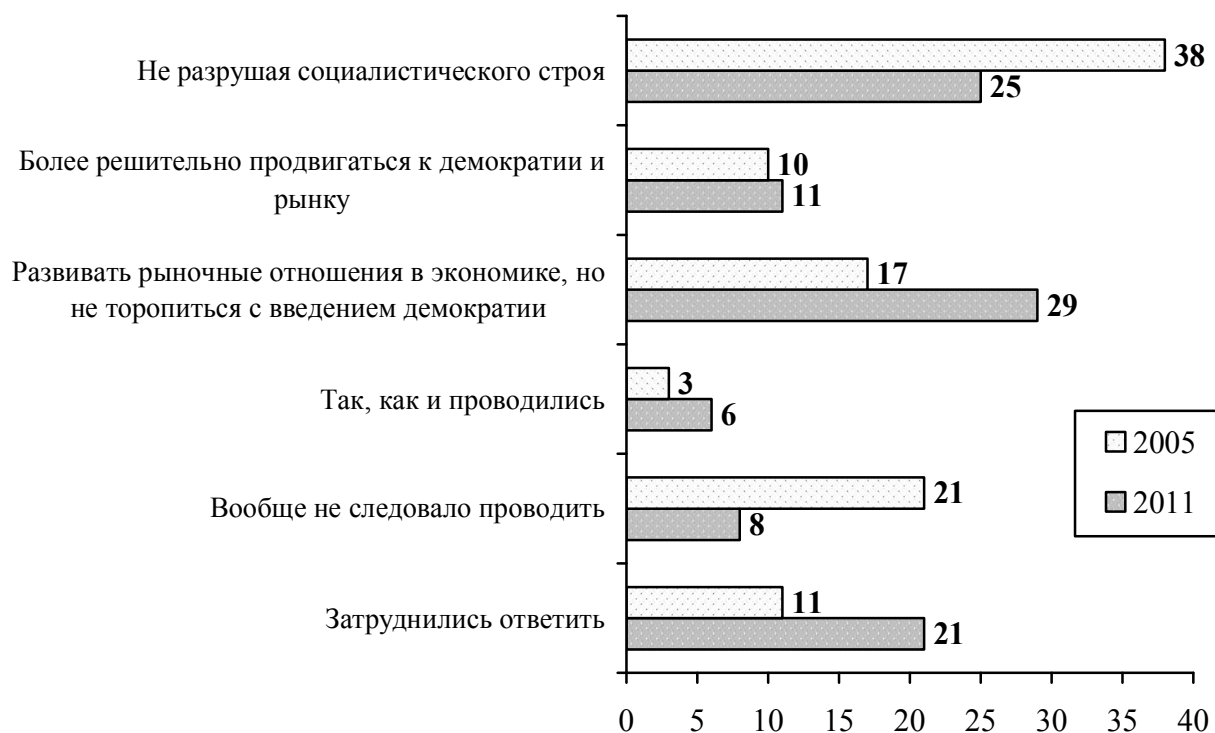
Среди возможных альтернатив «гайдаровским реформам» россияне называют, прежде всего, развитие рыночных отношений, но без политической демократии (часто этот вариант характеризуют как «китайский» или «чилийский», он набирает 29%), а также реформирование общества с сохранением основ социалистического строя, без масштабной приватизации и рыночной либерализации (25%). Причём, как видно из данных рис. 1.6, за последние несколько лет заметно сократилась доля сторонников реформирования России в рамках предшествующего социального строя, и напротив, выросла доля «либерал-авторитаристов», считающих, что главный акцент надо было делать на развитии рыночных отношений, а с демократией можно было бы повременить.

Ещё одним важным вектором является существенное сокращение доли тех, кто считает, что реформы вообще не следовало проводить (с 21% до 8%). Снижение этого протестного варианта компенсируется примерно соответствующим ему увеличением числа респондентов, затруднившихся с ответом (с 11% до 21%).

Доля россиян, которые считают, что реформы были проведены именно так, как их и следовало проводить, по-прежнему исключительно мала (6%).

Рисунок 1.6

Оценка россиянами возможных альтернатив проведения экономических и политических реформ, 2005 и 2011 гг., %

Понятно, что отношение к реформам и сегодня, спустя 20 лет, обусловлено во многом идейно-политическими симпатиями респондентов. Сторонники либеральных взглядов чаще других отмечают целесообразность синхронизации экономических и политических реформ, одновременное движение и к рынку, и к демократии (30% при 11% в среднем по массиву). Большинство сторонников коммунистических взглядов полагают, что при

реформировании экономики не следовало разрушать социалистический строй (51% при 25% по массиву). Идеи «рынка без демократии» симпатизируют и многие русские националисты (34%), и так называемые «центристы», группирующиеся вокруг партии «Единая Россия» (42%). Единственное, в чём сходятся практически все опрошенные, так это в том, что командой Б. Ельцина был осуществлён наихудший вариант реформирования экономики и всех других сфер жизни общества. Лишь 6% согласились с суждением, что «реформы следовало проводить именно так, как они проводились». Даже среди либералов этого утверждения придерживаются всего 11%.

В результате ошибок, неверно выбранной модели экономического и социального реформирования или по каким-то иным причинам в 90-е гг., по мнению россиян, произошло ухудшение практически во всех основных сферах жизни общества и государства (табл. 1.1). Негативная динамика характерна прежде всего для уровня жизни населения (77% опрошенных фиксируют ухудшение), морального состояния общества (76%), экономики страны в целом (73%), социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры (71%), межнациональных отношений (70%). Менее явное, но тоже значительное ухудшение наблюдалось в эти годы в сферах борьбы с коррупцией, обеспечения законности и правопорядка, борьбы с терроризмом и даже международного положения страны. Пожалуй, единственным направлением, где опрошенные отмечают не только минусы, но и плюсы, стала ситуация в области прав и свобод, развития демократии; в этом направлении 28% респондентов фиксируют улучшение, а 34% – ухудшение.

Таблица 1.1

Оценка россиянами положения дел в различных сферах жизни общества в 1990-е и 2000-е гг., %¹

Сферы жизни	Улучшалось в период:		Не изменялось в период:		Ухудшалось в период:	
	1990-х	2000-х	1990-х	2000-х	1990-х	2000-х
Состояние экономики страны в целом	11	45	15	25	73	29
Уровень жизни населения	8	34	13	27	77	39
Моральное состояние общества	5	14	18	34	76	52
Межнациональные отношения	6	20	23	32	70	47
Международное положение страны	17	43	32	36	50	20
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	28	28	36	48	34	23
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	6	14	25	35	68	49
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	6	19	22	30	71	51
Борьба с терроризмом, ситуация на Северном Кавказе	10	26	27	37	62	37

Направление реформ, предложенное Е. Гайдаром и продолженное правительством В. Черномырдина, уже к концу 90-х гг. во многом себя исчерпало и потребовало корректировки. Примерно с 1998 г., ознаменовавшегося экономическим «дефолтом», подведшим черту под первым этапом реформ, начались попытки исправления их курса с целью минимизировать негативные последствия. Курс на корректировку взяло уже правительство Е. Примакова, но в целом новый период развития страны в «нулевые» связан с именем В. Путина. Были предприняты попытки стабилизировать социально-политические процессы, ввести «управляемую» политическую демократию, усилить роль государства за счёт численного роста бюрократического класса, укрепления его влияния, обеспечить экономический рост, развитие социальной сферы и поднять жизненные

¹ В таблице не указаны затруднившиеся с оценками.

стандарты россиян, сформировать новый «средний класс». Решив, хотя и не до конца, проблему стабилизации, страна заплатила за неё, по мнению многих наблюдателей, высокую цену: замедление экономического и политического развития, что в свою очередь поставило под вопрос многие амбициозные планы возрождения России как великой державы.

Отсюда противоречивость эпохи «нулевых». Респонденты, с одной стороны, фиксируют позитивные, по сравнению с 90-ми гг., изменения во многих сферах жизни общества, а с другой – в своих оценках самих этих изменений весьма сдержанны. Согласно общественному мнению, наибольшие положительные сдвиги в 2000-е гг. произошли в экономике страны (45% отмечают улучшение, а 29% – ухудшение), а также в положении России на международной арене (43% против 20%). Примерный баланс позитивных и негативных оценок наблюдается в отношении динамики уровня жизни населения – 34% против 29%, а также в отношении прав и свобод граждан, развития демократии – 28% против 23%.

Скорее со знаком «минус» воспринимаются развитие ситуации на Северном Кавказе и борьба с терроризмом (26% отмечают улучшение и 37% – ухудшение). Наиболее провальными оказались «нулевые» для морального состояния общества (52% отмечают ухудшение при 14% тех, кто видит улучшение), для ситуации с коррупцией, законностью и правопорядком (49% против 14%), а также социальной сферы: развития здравоохранения, образования и культуры – 51% отмечает ухудшение, 19% – улучшение.

Всё это говорит о том, что нынешнее поколение россиян анализирует происходившие в стране перемены, сообразуясь отнюдь не только с «толщиной собственного кошелька». Их сегодня волнует не в меньшей, а возможно в большей степени деградация социальной сферы и моральных устоев, особенно властвующей элиты; отсутствие того самого порядка, законности и справедливости, которые были обещаны руководством страны в начале 2000-х гг.

2. Плюсы и минусы реформ, как они отразились на жизни людей

Реформы, начавшиеся более 20 лет назад, кардинально изменили жизненные устои и сложившиеся повседневные практики большинства населения страны. В этой связи представляется крайне важным оценить достижения или неудачи реформ не только с точки зрения общественного блага, но и интересов отдельных людей. Ведь очень часто в истории России реформы осуществлялись без учёта, а иногда вопреки воле и желанию её граждан, во имя неких «высших» общественных интересов. Судя по результатам настоящего исследования, реформы 90-х также были весьма конфликтны.

Так, на вопрос о том, что можно считать самым большим успехом, приобретением реформ, респонденты, практически по всем показателям, фиксируют их большее положительное влияние на развитие общества в целом, чем для себя лично и таких людей, как они.

Как видно из данных, представленных на рис. 2.1, в иерархии значимых достижений реформ лидирующие позиции занимают насыщение рынка товарами (52% для общества в целом и 40% для себя лично), свобода выезда за рубеж (32% и 27% соответственно), возможность зарабатывать без ограничений (25% и 28%), прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе (24% и 13%). В то же время весьма скромно оценили россияне такие фундаментальные изменения в жизни страны, как ликвидация «железного занавеса», сближение с Западом, легализация частной собственности, появление возможности для личного самовыражения, в том числе и в сфере политики.

Мнение россиян о том, что можно назвать самым большим приобретением реформ для общества в целом и лично для каждого
(не более 3-х ответов), %

Можно предположить, что, испытывая значительные затруднения с возможностями для себя реализовать эти достижения, многие уже не видят в этом каких-то позитивных изменений, снижая, таким образом, их значимость. Сказывается и постепенное привыкание россиян ко многим явлениям и процессам последнего двадцатилетия, которые становятся частью обыденной жизни.

Например, насыщенность рынка товарами становится неотъемлемой частью повседневности, а воспоминания о дефиците уходят в прошлое и не воспринимаются россиянами как реальная угроза. Напротив, несколько актуализировалась за последние десять лет потребность зарабатывать без ограничений и свободно перемещаться по миру.

Претерпело заметное изменение отношение россиян к проводимой в начале 90-х конверсии военной промышленности. Если 10 лет назад отказ от дорогостоящих программ в обороне и освоении космоса рассматривал как самое большое приобретение реформ каждый пятый респондент (20%), то сегодня на фоне развала промышленности и науки – лишь 9% опрошенных.

Также поубавилось число тех, кто к бесспорным завоеваниям реформ 90-х относит такие фундаментальные слагаемые демократии, как свобода слова и мысли, многопартийность, свободные выборы. Если в 2001 г. свобода слова занимала почётное второе место в перечне достижений реформ, то к 2011 г. – переместилось на шестую позицию (рис. 2.2).

Что же касается значимости реформ для себя лично, то россияне, судя по полученным данным, ожидали гораздо большего, нежели то, что получили в действительности. Это видно, в частности, по значительному сокращению числа тех, кто к успехам реформ отнёс возможность зарабатывать без ограничений. В 2001 г. отметивших эту позицию было 42%, сейчас – 28%. Безусловно, россияне, выигравшие от реформ, придерживаются иного мнения. Они не только много зарабатывают, но и много путешествуют, и в целом ведут яркую, насыщенную жизнь.

Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самым большим приобретением реформ для общества в целом
(не более 3-х ответов), %

Если десять лет назад главными достижениями реформ они называли свободу слова и мысли, развитие частной собственности, свободу выезда за рубеж, то сегодня этот перечень возглавляют (помимо той же свободы выезда за рубеж) насыщение рынка товарами (41%), более интересная и яркая жизнь (23%), возможности для самовыражения и личной карьеры (30%). Свобода же слова и мысли в качестве несомненного достижения

реформ для себя лично отошла в этой группе россиян на второй план - сегодня о ней вспоминают лишь 15% опрошенных, считающих себя выигравшими в ходе реформ (ровно такая же доля, как и в группе проигравших от реформ).

В этой связи можно констатировать, что одним из важных результатов реформ Ельцина – Гайдара является формирование в России «общества потребления», плодами которого сегодня пользуется уже немалое число россиян, хотя, конечно, далеко не все. Одновременно с этим происходит рассеивание прежнего романтического флёра вокруг реформ 90-х, одним из главных проявлений которого была связь в массовом сознании этих преобразований с обретением обществом и населением демократических прав и свобод.

Говоря о **минусах, о потерях от реформ**, следует заметить, что их список заметно шире, нежели список приобретений и достижений. Характерно и то, что если по оценкам достижений реформ рейтинги «для общества в целом» и «лично для себя» в основном совпадали, то по оценкам потерь мы получаем два заметно различающихся рейтинга.

Наиболее значимыми потерями *для общества* опрошенные считают снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, развал передовых отраслей промышленности, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных, – все эти позиции были названы не менее чем 25% опрошенных. В рейтинг потерь *для себя лично* россияне включили, прежде всего, утрату уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных (25% и более), а также отсутствие социальной справедливости (23%). Обратим внимание на то, что первый рейтинг (потери для общества) заметно более насыщен, чем рейтинг личных потерь (рис. 2.3).

Мнение россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом и лично для каждого
(не более 3-х ответов), %

Таким образом, россияне чаще рассматривают негативные последствия реформ, прежде всего, в контексте общезначимых проблем. И это весьма тревожный симптом, свидетельствующий о социальном неблагополучии в стране. Это подтверждает и динамика оценок россиянами наиболее существенных потерь от реформ для *общества в целом*. Несколько чаще, чем 10 лет назад, эти потери связываются в общественном сознании с утратой порядка в стране и ростом коррупции, усилением террористической угрозы, отсутствием социальной справедливости, делением общества на богатых и бедных. И хотя число россиян, включивших эти позиции в перечень наиболее значимых потерь, выросло незначительно (в пределах 4–9%), тем не менее, на эту тенденцию важно обратить внимание, поскольку она усиливает негативное прочтение россиянами реформ и их социального, экономического и политического наследия.

Но есть и позитивные сдвиги. Респонденты сегодня реже, чем 10 лет назад, включают в перечень потерь снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, развал передовых отраслей промышленности (снижение частоты упоминаний на 6–7%) и особенно снижение авторитета России в мире (снижение на 20%) (рис. 2.4).

Динамика оценок россиянами потерь от реформ, которые важны *лично для них*, не столь рельефна – тенденции на усиление недовольства в одних сферах и на его ослабление в других сферах здесь выражены меньше. Наиболее заметное усиление негативизма отмечается в 5-процентном росте числа опрошенных, считающих значимой лично для них потерей от реформ отсутствие социальной справедливости. Но самое выраженное ослабление негативизма проявляется в снижении на 9% доли тех, кто в перечень потерь от реформ, актуальных лично для них, включает снижение уровня жизни большинства населения.

Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом
(не более 3-х ответов), %

Следует отметить, что россияне, которых время перемен и реформ затронуло непосредственно, более остро, чем молодёжь воспринимают основные потери, которые реформы принесли обществу. Причём это касается оценок потерь и для общества, и для себя лично. Так, более остро представители средних и старших возрастных групп воспринимают снижение уровня жизни большинства населения, утрату стабильности,

чувства безопасности, утрату уверенности в завтрашнем дне, резкое деление общества на богатых и бедных. Представители самого старшего поколения крайне негативно воспринимают также падение морали, отсутствие социальной справедливости. При этом около четверти представителей молодого поколения (23%) вообще не видят каких-либо потерь в результате реформ (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Мнение представителей различных возрастных групп
о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ
для себя лично (не более 3-х ответов), %**

Потери	Среди всех опрошенных	Возрастные группы					
		18–25 лет	26–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Снижение уровня жизни большинства населения	37	22	24	41	40	38	49
Утрата стабильности, чувства безопасности	34	26	36	37	44	37	27
Падение морали	19	13	13	18	20	16	29
Утрата уверенности в завтрашнем дне	42	33	36	41	49	48	44
Отсутствие социальной справедливости	24	19	11	23	23	26	32
Не видят никаких потерь	7	23	13	4	1	3	3

Таким образом, сегодня идёт постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ – как для общества, так и для себя лично. Постепенно стихает главный лейтмотив недовольства реформами – снижение уровня жизни большинства населения, которым обществу в своё время пришлось заплатить за преобразования. На смену ему в общественном сознании приходят новые мотивы для недовольства реформами – отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, отсутствие социальной справедливости, резкое деление общества на богатых и бедных.

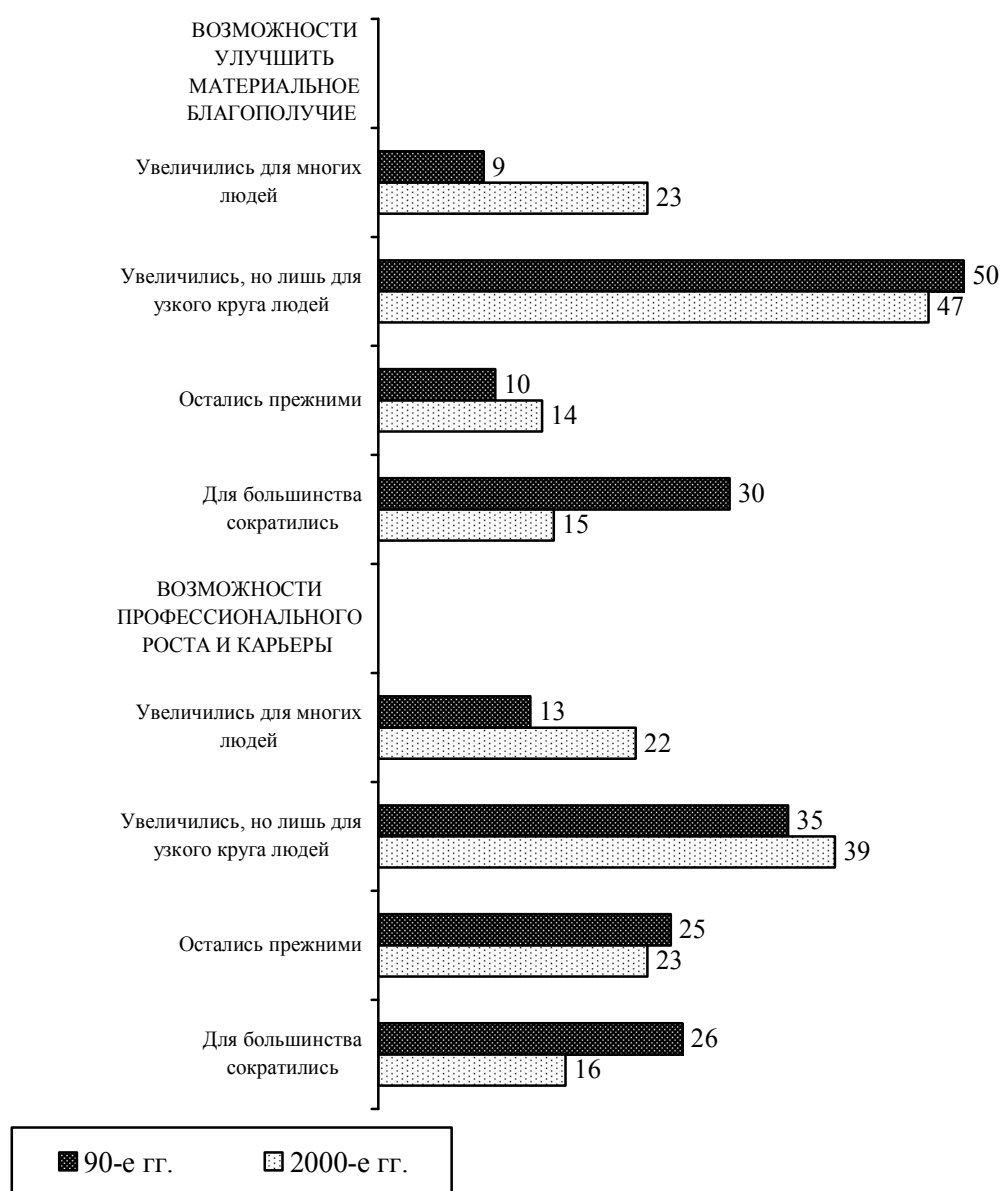
Характерно и то, что значительное число россиян, оценивая плюсы или минусы реформ, фиксируют «сужение» возможностей социальной

мобильности, личной самореализации в 2000-е гг. по сравнению с 90-ми. Действительно, в 90-е гг., по сравнению с советскими временами, появились новые возможности реализовать себя, особенно для активной части населения, в нарождающемся и ещё относительно слабо контролируемом бизнесе. Жили тогда беднее, но проблема занятости не являлась первоочередной. Кроме того, сохранялась возможность влияния на политическую жизнь в центре и на местах. Однако когда респондентам предложили сравнить два периода: 90-е и 2000-е по четырем основаниям – 1) возможности улучшить материальное благосостояние; 2) заниматься предпринимательской деятельностью; 3) профессионального роста и карьеры; 4) участия в общественной и политической жизни общества, – тогда большинство из них отдали предпочтение 2000-м.

Прежде всего это касается таких сфер жизни, как улучшение материального благополучия, возможностей профессионального роста и карьеры, занятий предпринимательской деятельностью. Как видно из данных рис. 2.5, существенно выросла доля респондентов, полагающих, что для многих россиян расширились возможности улучшения материального благополучия – с 9% в 2001 г. до 23% в 2011 г. Практически в два раза уменьшилась и доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, полагая, что такие возможности для большинства россиян сократились – с 30% до 15%.

Примерно такое же соотношение наблюдается и в оценках возможностей профессионального роста и карьеры. Число тех, кто считает, что такие возможности возросли для многих людей, увеличилось с 13% в 2001 г. до 22% в 2011 г., а доля тех, кто полагает, что, напротив, возможности профессионального роста и карьеры для большинства людей сократились, снизилась на 10%.

**Сравнительные оценки россиянами 90-х и 2000-х гг. с точки зрения:
улучшения материального благополучия людей,
возможности профессионального роста и карьеры, %²**

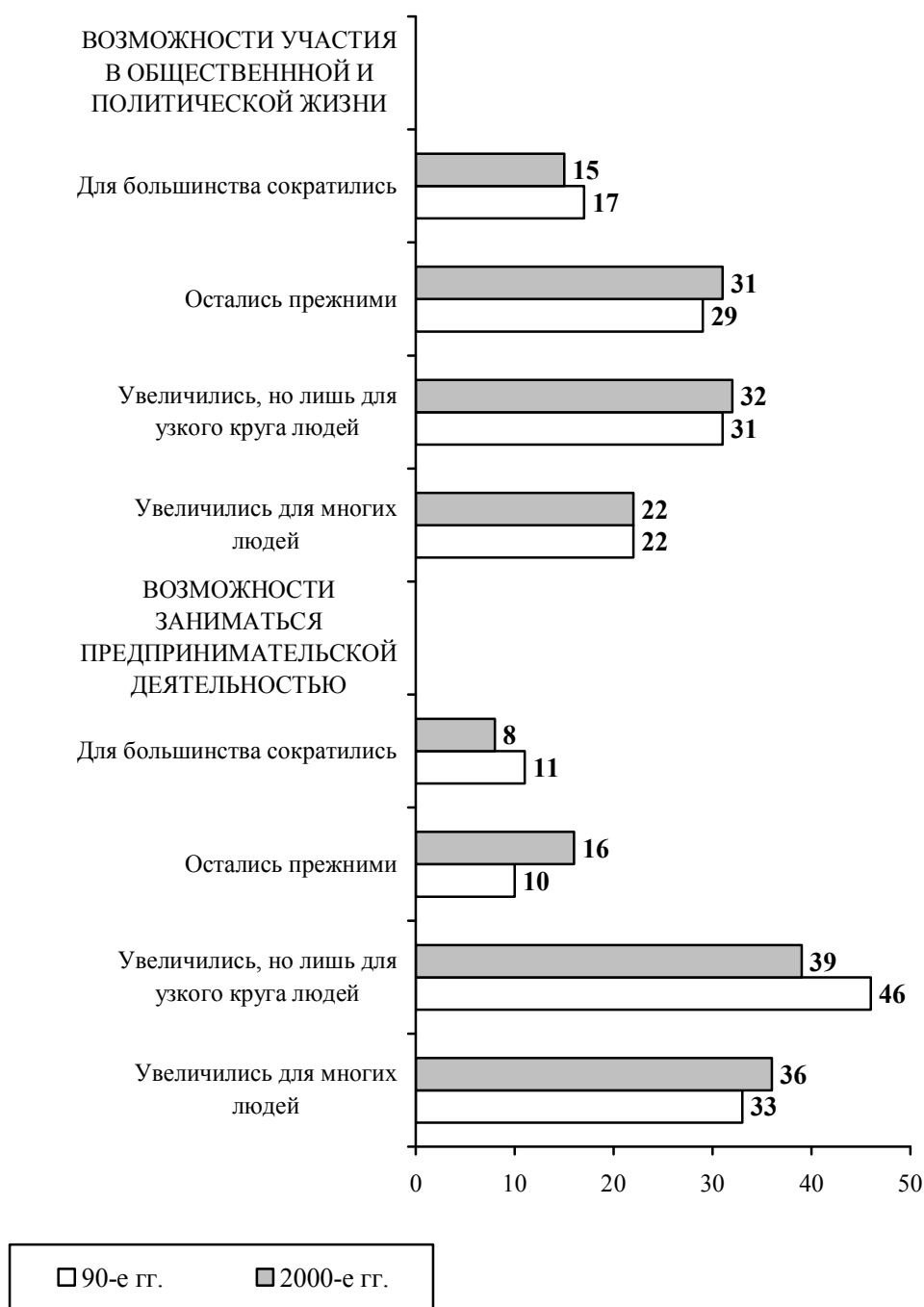
Не столь существенные, но также можно отметить позитивные сдвиги в оценках респондентами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью. Лишь возможности участия в общественной и политической

² Не указаны затруднившиеся с ответом.

жизни, судя по оценкам респондентов, за последние десять лет практически не претерпели существенных изменений (рис. 2.6).

Рисунок 2.6

**Сравнительные оценки россиянами 90-х и 2000-х гг. с точки зрения:
возможности профессионального роста и карьеры,
участия в общественной и политической жизни, %³**

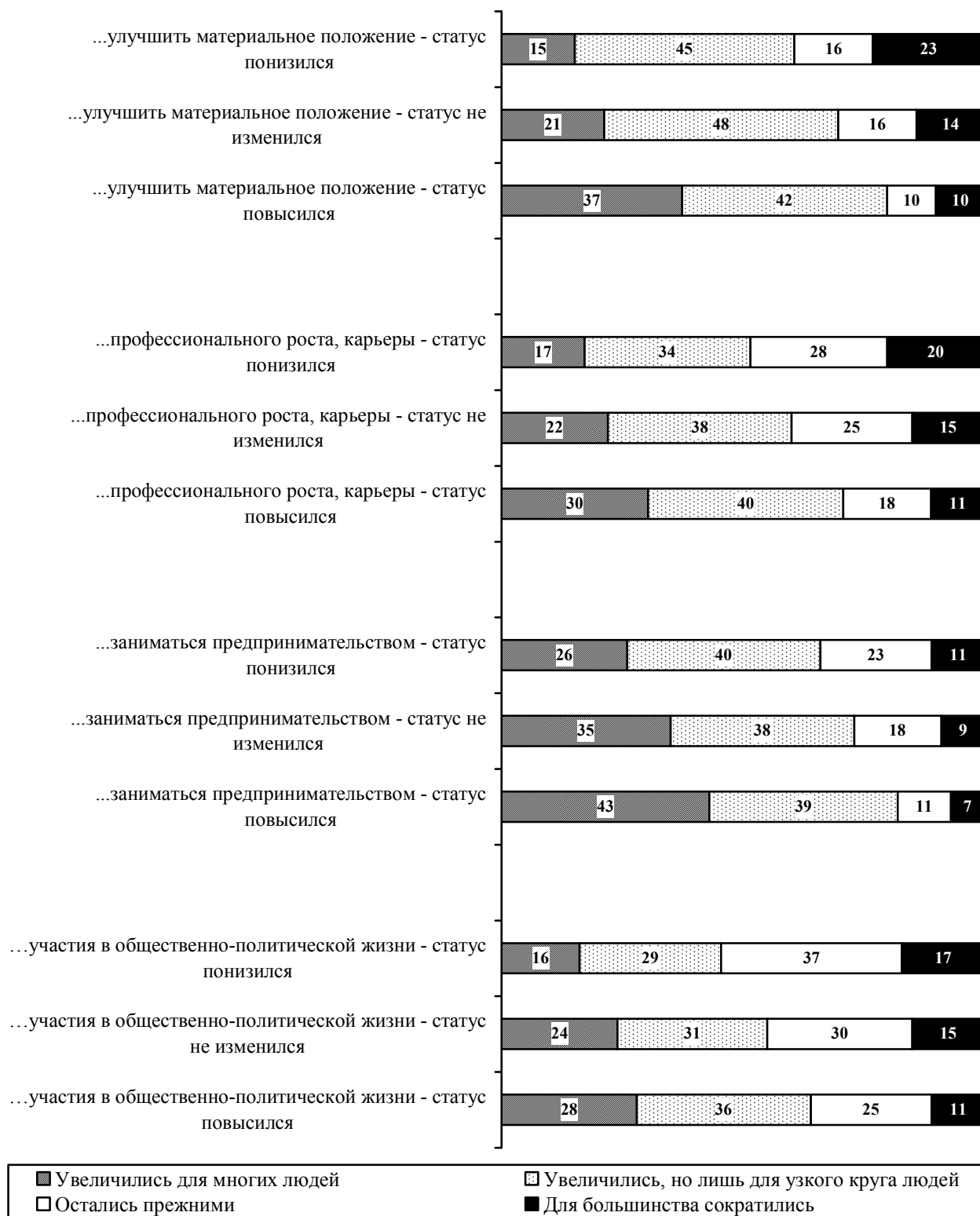
³ Не указаны затруднившиеся с ответом.

Понятно, что оценку существующим возможностям респонденты дают с учётом того, какими возможностями располагают они сами, и того, насколько им удалось этими возможностями воспользоваться. Значимость такого субъективного подхода к оценке происходящего хорошо иллюстрируют данные, приведённые на рис. 2.7. Чем успешнее респонденты, тем выше их оценки того, как менялись на протяжении последних лет различные возможности граждан. Так, среди опрошенных, которым самим удалось подняться вверх по социальной лестнице, заметно чаще встречается мнение, что возможности увеличились для большинства людей. Напротив, люди, оставшиеся на прежних социальных позициях или пережившие снижение социального статуса, чаще других сетуют на то, что возможности «схлопываются». Причём, эта логика работает в отношении всех тестируемых в исследовании сфер жизни – от улучшения материального положения до участия в общественной и политической жизни.

Однако, несмотря на заметно более позитивное восприятие населением развития страны в обозначенных сферах в 2000-е гг., следует отметить одно очень важное обстоятельство, которое если и не перечеркивает этот оптимизм, то, во всяком случае, заметно его остужает. Речь идёт о том, что относительное большинство опрошенных, хотя и отмечают расширение тех или иных возможностей, которые россияне обрели благодаря реформам и которые получили своё дальнейшее развитие в последние два десятилетия, вместе с тем подчеркивают, что эти возможности открылись не для всех, а лишь *для узкого круга людей*.

Иными словами, сегодня, как и десять лет назад, для большинства россиян существуют значимые ограничения и препятствия, не позволяющие им в полной мере реализовать свой потенциал и возможности в жизненно важных областях и сферах деятельности. На «элитистский» характер российского капитализма и демократии особое внимание обращают жители мегаполисов.

**Сравнительные оценки респондентов
с разной динамикой их социального статуса 90-х и 2000-х гг.
с точки зрения возможностей для людей в различных сферах жизни, %⁴**

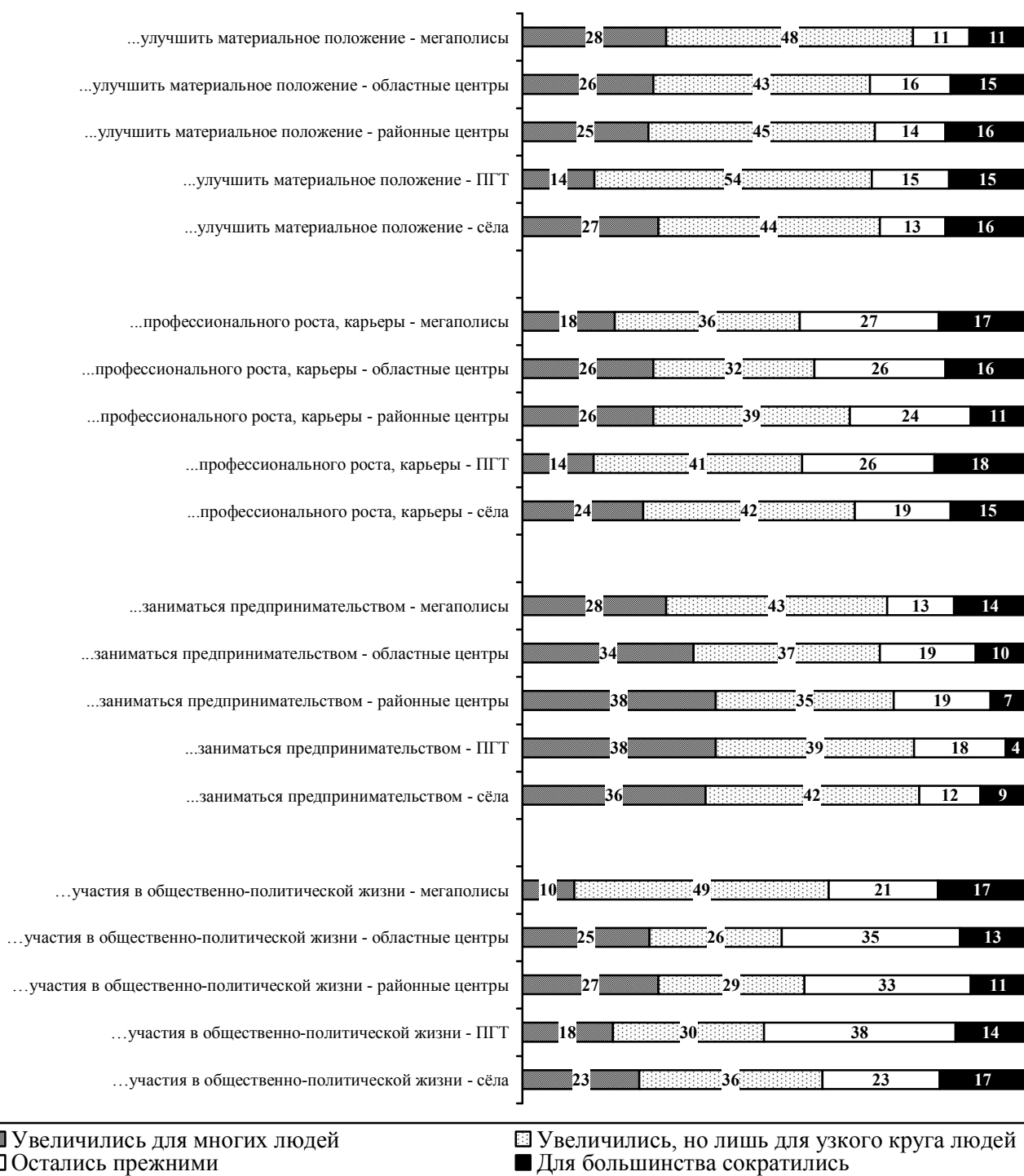

⁴ Не указаны затруднившиеся с оценкой.

В частности, они отличаются повышенным пессимизмом в оценках возможностей для большинства людей заниматься предпринимательской деятельностью и особенно участвовать в общественной и политической жизни общества. Обратим внимание, что обе эти сферы – и предпринимательство, и общественно-политическая жизнь – тесно связаны с вопросами административной регламентации. По всей видимости, именно данное обстоятельство во многом и определяет этот пессимизм. Лишь 10% ответов «возможности расширились для большинства» при 49% ответов «возможности расширились лишь для узкого круга людей» в отношении участия граждан в общественной и политической жизни – красноречивое свидетельство того, что в Москве и Санкт-Петербурге назревает кризис, создаётся база для протестных настроений людей, имеющих потребность и запрос на свободу общественно-политической деятельности, но не видящих для этого возможностей (рис. 2.8.)

Итак, сравнивая два периода по ключевым сферам и областям повседневной жизни, россияне отмечают определённые позитивные сдвиги, связанные, прежде всего, с некоторым расширением возможностей для многих людей в 2000-е гг. улучшения материальных условий жизни, профессионального роста и карьеры, предпринимательства, по сравнению с периодом 90-х гг. Тем не менее, сегодня, как и в начале реформ, значительное большинство россиян уверены в том, что в современном обществе возможности для реализации наиболее значимых жизненных

**Сравнительные оценки жителями различных типов поселений
90-х и 2000-х гг. с точки зрения возможностей для людей
в различных сферах жизни, %**

интересов по-прежнему ограничены либо отсутствуют для большинства людей. И это обстоятельство, безусловно, не может не отразиться на их восприятии настоящего и будущего страны.

3. Отношение к наиболее важным событиям последнего десятилетия, деятельности инициаторов реформ, лидерам страны 1990-х и 2000-х

Минувшее десятилетие, особенно его первая половина, было богато на исторические события, многие из которых носили и продолжают носить «знаковый» характер. Они воспринимаются не только эмоционально, но это восприятие в какой-то степени отражает систему ценностей граждан, современников данных событий. В первую очередь это относится к периоду конца перестройки – начала «ельцинских реформ». Некоторые из событий носили эпохальный характер и ещё долгое время будут будоражить умы людей, а некоторые начинают уже забываться. Рассмотрим их оценку россиянами более подробно.

Победа Б. Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г. Она являет собой достаточно неоднозначное событие нашей новейшей истории, сыгравшее огромную роль в дальнейшем развитии страны, сделавшее необратимым как распад СССР, так и смену общественного строя в России. Обстоятельства тех трёх дней до сих пор вызывают дискуссии, а в массовом сознании окружены мифами, имеющими лишь косвенное отношение к исторической правде. Несмотря на отрицательные оценки дальнейшей деятельности Б. Ельцина, отношение к ликвидации им ГКЧП можно охарактеризовать как скорее позитивное (41% против 35%) во многом потому, что оппоненты Б. Ельцина вызывают ещё меньше симпатий, как люди, пытавшиеся «повернуть время вспять». Иначе говоря, события августа 1991 г. воспринимаются сегодня скорее как выбор между большим и меньшим злом. К тому же современники этих событий вспоминают не только Б. Ельцина, но и атмосферу политического подъёма, энтузиазма тех дней. Хотя нельзя не видеть и того, что они оцениваются сегодня уже не так однозначно, как десять лет назад.

Наиболее позитивно победу Б. Ельцина над ГКЧП воспринимают сторонники либералов (56%), наименее – сторонники коммунистов (24%).

Запрет КПСС. Хотя этот запрет произошёл непосредственно после завершения «путча ГКЧП» и был вызван обстоятельствами августа 1991 г., отношение в обществе к этому событию значительно отличается от восприятия самой победы Б. Ельцина над ГКЧП. 32% опрошенных продолжают считать подобное событие позитивным, в то время как 39% – нет. Десять лет назад доля сторонников была заметно больше. Наиболее позитивно запрет воспринимается в группе респондентов, придерживающихся, по их собственным словам, либеральных взглядов (58% одобряют), а наиболее негативно, как и следовало ожидать, – среди сторонников коммунистов (80% относятся отрицательно). Что же касается остальных групп общества, их отношение к данному событию носит противоречивый характер. Это связано, по всей видимости, с тем, что запрет и ликвидация КПСС, а также последующая ликвидация системы Советов, привели на какой-то период к параличу многих государственных структур.

Распад СССР в декабре 1991 г. Само событие носит во многом мифологический характер, так как распад СССР фактически произошёл на рубеже августа и сентября 1991 г., а в декабре был лишь политически оформлен. Негативное отношение к этому событию является практически консенсусным (осуждают 73%, одобряют 14%), не сильно зависящим от взглядов и социальной принадлежности опрашиваемых, поскольку в восприятии большинства из них распад СССР означал уничтожение не столько социального строя, сколько великого и могущественного государства.

Резкая либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг. Отношение к либерализации цен, проведённой одномоментно в январе 1992 г., сложилось в обществе сугубо отрицательное (19% «за» против 66%). Даже в группе либералов поддержка носит достаточно

условный характер – 43% на 42%. За последнее десятилетие отношение общества к этой акции стало ещё более негативным (уровень поддержки упал с 38% до 19%). Это связано, прежде всего, с тем, что рост цен сопровождает жизнь россиян на протяжении всего последнего двадцатилетия. Но, если в начале 2000-х появилась надежда, что высокую инфляцию в самое ближайшее время властям удастся обуздать, то в последние два года всё вернулось на круги своя, и рост цен вновь прочно входит в тройку проблем, в наибольшей степени беспокоящих россиян.

Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1992–1993 гг. Так же, как и либерализация цен, подобная акция входит в «пакет» наиболее непопулярных мер, предпринятых реформаторами в 90-е гг. Соотношение тех, кто отзывается положительно, и тех, кто – отрицательно, составляет 27% против 60%. В то же время, в отличие от либерализации цен, динамика изменения мнений носит более позитивный характер – 10 лет назад лишь 7% опрошенных относились к приватизации государственной собственности позитивно. Видимо, имеет место «эффект привыкания». Тем не менее, эта мера пользуется основной поддержкой лишь в либеральном сегменте общественного мнения (48% против 38%).

Разгон Верховного Совета России в 1993 г. Отношение к этому событию в обществе сформировалось скорее негативное, чем позитивное (23% одобряют, 37% – нет), при «рекордной» – более 40% – доле тех, кто относится безразлично или плохо помнит. За минувшие десять лет отношение к разгону Верховного Совета РФ серьёзных изменений не претерпело. Лишь среди либералов наблюдается перевес в сторону положительных оценок: 37% против 30%. Наиболее негативное отношение среди сторонников коммунистов: 10% против 69%.

Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России. Несмотря на то, что многие политические силы высказывают свои претензии

действующей Конституции России, наспех принятой вскоре после событий октября 1993 г., сам акт её принятия воспринимается скорее со знаком «плюс» – 44% против 17%. Примерно также общество отзывалось об этом акте и в 2001 г. Наиболее позитивно к принятию Конституции относятся либералы (62% против 10%), очевидно, полагая, что именно ныне действующая Конституция закрепляет основные завоевания демократических перемен в России. Здесь также большой процент тех, кто не смог или не захотел выразить своё отношение (39%).

Первая чеченская война (1994–1996 гг.). Исключительно непопулярное событие, к которому позитивно относятся 4% опрошенных россиян, а негативно – 90%. Следует отметить то обстоятельство, что хотя эта война никогда не была популярной в обществе, ещё 10 лет назад 33% опрошенных (против 58%) её поддерживали. В крайне негативной оценке Первой чеченской войны едины все опрошенные, независимо от своих взглядов и убеждений.

Избрание на второй срок Б. Ельцина в 1996 г. Президентом России. Сегодня воспринимается обществом в целом негативно (24% «за», «против» 59%). Действительно, второй срок Б. Ельцина, который достался ему ценой беспримерных усилий и пропагандистских ухищрений, оказался во всех отношениях неудачным, завершившись экономическим дефолтом. Время менялось, вместе с ним менялся запрос общества к власти, и бывший «лидер революции», передоверивший большую часть власти собственной «челяди», этому запросу уже не соответствовал. Выше всего доля сторонников второго срока Б. Ельцина в группе респондентов с либеральными взглядами, но и там они не преобладают (39% против 45%).

Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г. Событие, которое во многом подвело черту под эпохой 90-х. Хотя многие экономисты уверены в долгосрочных позитивных последствиях дефолта, избавившего экономику от «пузыря», лишь 2% опрошенных против 91% склонны оценивать это событие

положительно. В такой оценке едины все группы опрошенных. Именно дефолт привёл к власти сначала правительство Е. Примакова, а потом и правительство В. Путина, которые были восприняты обществом как конструктивная альтернатива реформам 90-х.

Вторая чеченская война (1999–2001 гг.). Считается, что именно она принесла популярность В. Путину и способствовала его приходу на пост Президента РФ. Действительно, согласно данным исследования 2001 г., 56% опрошенных одобряли эту войну. Но по прошествии десяти лет отношение к ней радикально изменилось и ничем не отличается от отношения к Первой чеченской (4% «за», против 91%). По всей видимости, конкретные обстоятельства похода банды Ш. Басаева в Дагестан и последующая жёсткая реакция федеральных властей просто выветрились из массового сознания. Пересмотр же в сторону ужесточения первоначальных оценок как Первой, так и Второй чеченских войн, связан скорее всего с сегодняшним состоянием Северо-Кавказского региона в целом, и особенно Чечни, в которой, хоть и удалось консолидировать власть вокруг Р. Кадырова, угроза терроризма по-прежнему велика. Соответственно, жертвы, понесённые федеральными силами в этих войнах, во многом оказались, по мнению большинства опрошенных, напрасными. Лишь в группе сторонников «особого русского пути» набралось 10% относящихся к этой войне позитивно.

Уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его президентских полномочий в декабре 1999 г. 77% опрошенных россиян против 11% одобряют это решение Б. Ельцина (в 2001 г. одобряли ещё активнее – 86%). Б. Ельцин покидал свой пост в условиях резко негативного настроения общества по отношению к его деятельности, он явно «пересидел» у власти, оказавшись в новой политической эпохе, которой требовались новые лидеры и новая политика. В одобрении данного поступка первого президента РФ едины все опрошенные группы (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Отношение россиян к наиболее важным событиям 1990-х гг.;
2001 и 2011 гг., %**

События	2001			2011		
	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Безразличное, не помнят	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Безразличное, не помнят
Победа Б. Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	47	35	18	41	35	24
Запрет КПСС	39	38	23	32	39	29
Распад СССР в декабре 1991 г.	14	73	13	14	73	13
Резкая либерализация цен и переход к рыночной экономике в 1991–1992 гг.	38	54	8	19	66	15
Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1992–1993 гг.	7	85	8	27	60	13
Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	26	38	36	23	37	40
Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	46	20	34	44	17	39
Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	33	58	9	4	90	6
Избрание на второй срок Б. Ельцина в 1996 г. Президентом России	25	63	12	24	59	17
Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г.	3	89	8	2	91	7
Вторая чеченская война (1999–2001 гг.)	56	39	5	4	91	5
Уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его президентских полномочий в декабре 1999 г.	86	5	9	77	11	12
Избрание В. Путина в 2000 г. Президентом России	73	11	16	82	10	8

Таким образом, большинство событий 90-х оставили о себе в сознании большинства россиян недобрую память. Символично, что *лишь приход Б. Ельцина к власти в 1991 г. и его уход десять лет спустя воспринимаются современным поколением россиян со знаком «плюс»*. В то же время негативное отношение к «эпохе» Б. Ельцина постепенно ослабевает, трансформируясь в сожаление по поводу упущенных в 90-е гг. возможностей. То есть, россияне по-прежнему полагают, что реформы были

необходимы, но могли проводиться с меньшими издержками для страны и её граждан. Имеется в виду, прежде всего, «шоковый» переход к рыночной экономике. Россияне помнят и дефолт 1998 г., две чеченские войны и их влияние на развитие ситуации на Северном Кавказе.

На этом фоне «эпоха» В. Путина воспринимается населением страны как более успешная, чем предшествующая. И это несмотря на то, что многие начинания В. Путина так и не были доведены до конца, а то, что пришло на смену 90-м гг., частично сохранило преемственность с предшествующим периодом, частично стало его противоположностью. «Равноудалив» наиболее одиозных олигархов, В. Путин сохранил крупный олигархический по своей природе бизнес, встроив в него систему мощных госкорпораций, руководители которых стали своего рода «новыми олигархами». Начав наводить порядок на Северном Кавказе и в других беспокойных регионах, В. Путин фактически создал «ассиметричную федерацию», в которой исполнение некоторыми республиками федеральных законов в полном объёме де факто перестало быть обязательным. «Наведение порядка» в системе государственного управления обернулось невиданной вольницей для бюрократических кланов и групп. Государство то «монетизировало» льготы населения, то раздавало преференции, часто обременительные для бюджета, особенно в условиях кризиса. Многие другие реформы в области экономики и социальной сферы (ЖКХ, пенсионная, образовательная) или зависали, или давали явно не те результаты, которые ожидались.

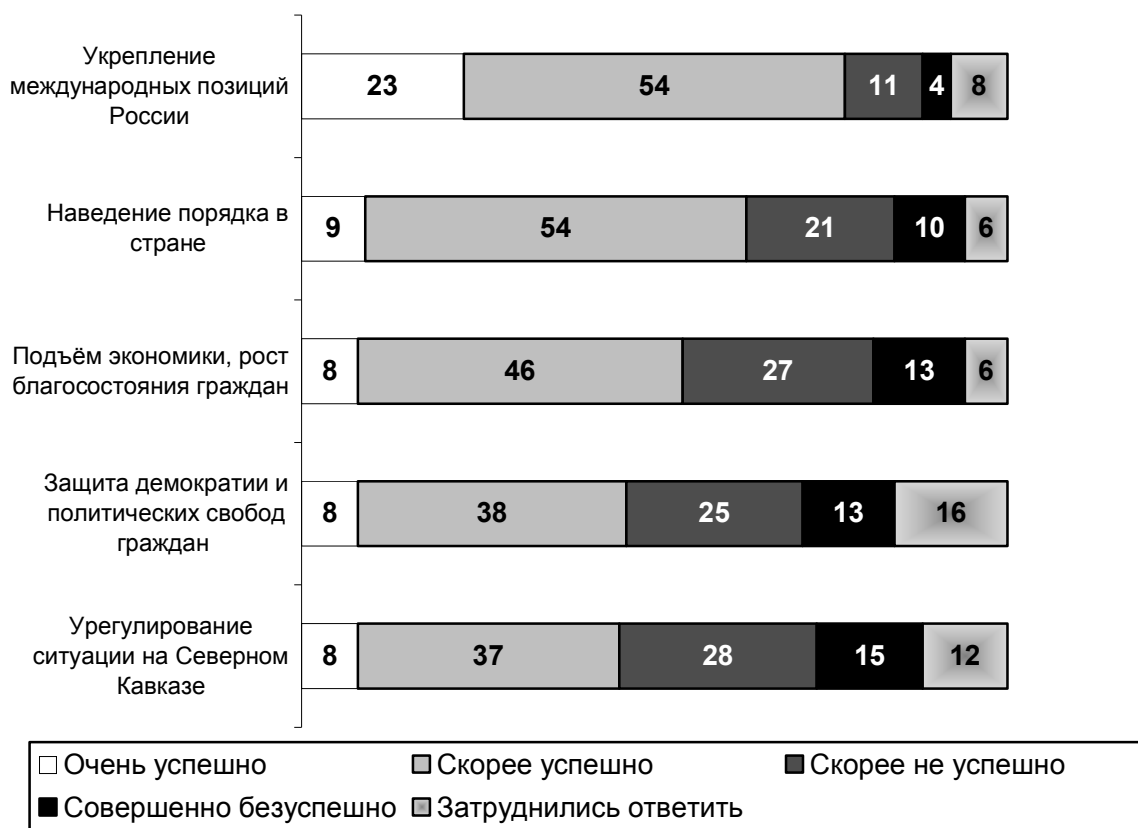
Отсюда весьма неоднозначные оценки итогов деятельности В. Путина на посту Президента России по ключевым, стратегическим направлениям развития страны. Пожалуй, лишь в сфере укрепления международных позиций России имеются очевидные положительные сдвиги по сравнению с 90-ми гг. (77% оценивают как успех, в т. ч. 23% как большой успех). Общественное мнение также признаёт, что В. Путину удалось «навести порядок в стране» (63% против 31%), хотя это наведение сопровождалось

рядом серьёзных издержек, связанных с ростом коррупции, произволом бюрократии, особенно на местах.

По всем остальным направлениям достижения, хотя и оцениваемые со знаком «плюс», гораздо скромнее. Это в первую очередь относится к подъёму экономики и росту благосостояния граждан, а также развитию демократии и политических свобод граждан, урегулированию ситуации на Северном Кавказе (рис. 3.1).

Рисунок 3.1

**Успешность решения В. Путиным основных проблем страны
в период его президентства в оценках россиян, %**

Та же самая картина неопределённости, неоднозначности просматривается в оценках, которые давали респонденты ключевым событиям или конкретным действиям властей в 2000-е гг. Безусловную

поддержку получило лишь *избрание В. Путина Президентом России*. 82% опрошенных оценили это событие со знаком «плюс»

Контртеррористические операции в Москве и на Северном Кавказе. Общество признаёт их скорее успешными, чем не успешными – 47% против 36%. Действительно, «пик» террористической деятельности пришёлся на 2002–2004 гг., с печально известными «Норд-остом» и Бесланом, однако полностью нейтрализовать террористическое подполье так и не удалось, несмотря на построение «административной вертикали» и выделяемые на антитеррористическую деятельность значительные средства. Так что успех, если он и есть, носит скорее частичный характер. В этой сдержанно-позитивной оценке едины все группы общества.

Монетизация льгот в 2005 г. (замена натуральных льгот денежными выплатами). Эта акция, проведённая в январе 2005 г., стала серьёзным испытанием для «режима Путина». Инициированная правительством, она вызвала массовые акции протеста, вынудившие власти значительно скорректировать процесс монетизации. Тем не менее, и сегодня проведённая монетизация льгот не встречает массовой поддержки, налицо скорее умеренно негативное отношение: 34% опрошенных «за», а 42% – скорее против. Лишь в составе либералов доля её сторонников несколько превышает долю противников (38% против 36%).

Любопытно, что из коллективной памяти, судя по опросам, уходят многие политические события не только восьмидесятых-девяностых годов, привлекавших в своё время огромное общественное внимание (борьба вокруг отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, разгоне Съезда народных депутатов России с последующим расстрелом здания парламента в 1993 г. и др.), но и события казалось бы совсем недавнего прошлого. Например, ликвидация ЮКОСа с последующим арестом М. Ходорковского, закрытие «старого» канала НТВ. Около 40% опрошенных и в том, и в другом случае заявили, что не помнят об этом, либо относятся индифферентно. Это связано, по всей видимости, с тем, что события, о

которых шла речь выше, с течением времени начинают восприниматься значительной частью общества скорее как эпизоды внутриэлитной борьбы за власть и влияние.

С 2008 г. «эпоха» В. Путина, формально закончившись, в реальности была продолжена уже в формате «тандема». Как показал опрос, подобная новая конструкция власти была воспринята россиянами в целом благожелательно.

Это видно из того, как реагируют россияне на избрание Президентом России Д. Медведева в 2008 г. Несмотря на всевозможные претензии к властям, россияне в массе своей остаются лояльными верховной власти, неважно, В. Путину, Д. Медведеву или им обоим одновременно. Пока эта тенденция сохраняется. 69% опрошенных против 19% полагают, что избрание Д. Медведева сыграло положительную роль в жизни страны. Наиболее высокий уровень позитивного отношения к избранию Д. Медведева у либерально ориентированной части общества – 73%, наименее высокий – среди сторонников особого русского пути – 59%.

Война с Грузией в 2008 г. Отношение россиян к событиям августа 2008 г., как показало исследование, сегодня носит неоднозначный характер. Лишь четверть опрошенных оценивает войну с Грузией со знаком «плюс», в то время как 68% – со знаком «минус», что выглядит несколько неожиданным на фоне высокого уровня поддержки обществом действий российских властей на Кавказе. Это касается и признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Именно по итогам «пятидневной войны» рейтинг верховной власти РФ достиг наивысших значений. Однако, всплеск патриотических настроений носил краткосрочный характер, сменившись привычным для последних десятилетий настроем на максимально возможное дистанцирование России от острых международных конфликтов и концентрацию внимания её властей на внутривнутриполитических и экономических проблемах.

Меры по преодолению экономического кризиса 2008–2009 гг. Хотя экономические последствия кризиса оказались для большей части россиян не столь тяжёлыми, как это предполагалось вначале, действия властей оцениваются как далеко не идеальные, хотя и не провальные. 40% опрошенных россиян оценивают их скорее позитивно, а 46% – скорее негативно. К подобной оценке привела резко выросшая безработица, всплеск инфляции, приоритетное «спасение» состояний банкиров-олигархов и т. п. Лишь в среде либералов 60% опрошенных одобряют антикризисные действия властей.

Определение Президентом РФ курса на модернизацию российского общества. Объявленный президентом Д. Медведевым в 2009 г. курс на модернизацию российского общества находит достаточно высокую поддержку населения России (60% против 18%), особенно среди наиболее молодой и активной его части. В то же время многие из тех, кто готов поддержать этот курс, пока не видят в нём реального политического содержания, опасаются, что всё опять ограничится благими пожеланиями. Наиболее высокий уровень поддержки курса на модернизацию среди либералов – 72%, а наименее высокий – среди коммунистов (51%).

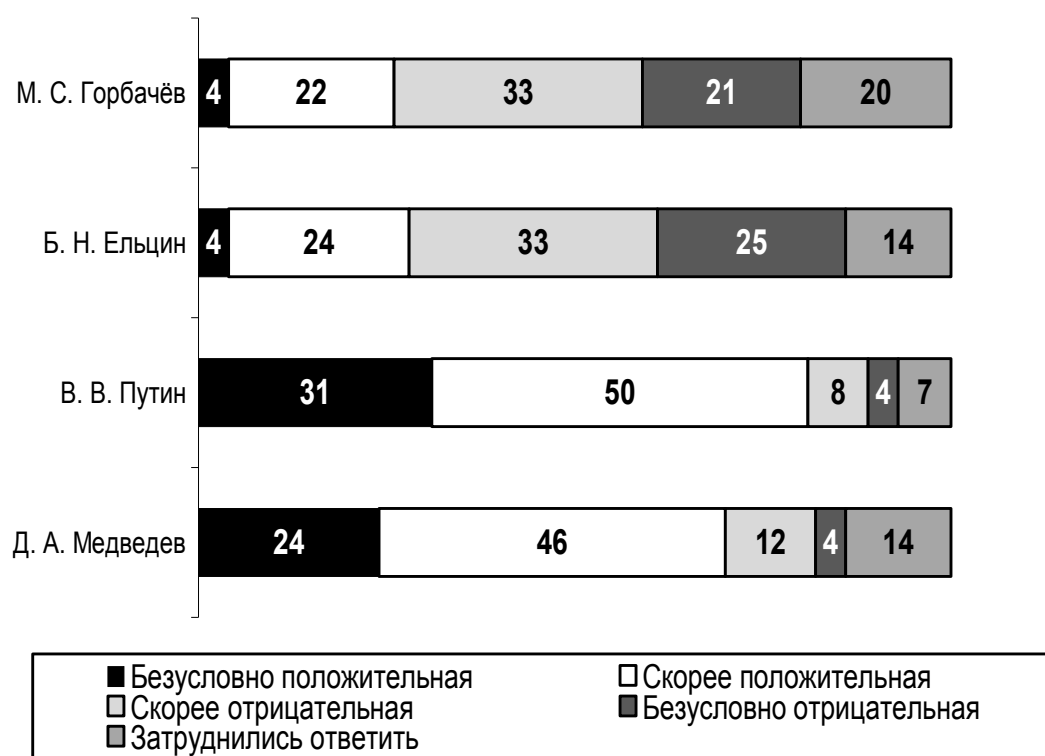
В целом со знаком «плюс» оцениваются большинством россиян действия властей по преодолению техногенных и экологических катастроф, а также получение *Россией права на проведение зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи и Чемпионата мира по футболу в 2018 г.* Безусловно, наши сограждане понимают, что реализация столь масштабных проектов будет сопровождаться (и уже сопровождается) коррупцией при освоении огромных средств, экологическими проблемами и т. п., однако соображения престижа страны, возможности создать во многих регионах России современную инфраструктуру, причём не только спортивную (дороги, аэропорты, связь и т. п.), превалируют (рис. 3.2).

Отношение россиян к наиболее важным событиям периода «нулевых», %

Итак, результаты исследования свидетельствуют, что «эпохи» Ельцина и Путина в истории нашей страны оцениваются россиянами по-разному. Глубокие различия в оценках двух эпох отчётливо проявляются и в отношении к лидерам страны. Если личности и деятельность лидеров революционного периода, М. Горбачева и Б. Ельцина, воспринимаются в целом негативно, то деятельность их преемников – В. Путина и Д. Медведева – напротив, в целом позитивно (рис. 3.3).

Оценка россиянами деятельности М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева на посту Президента СССР и России, %

Это объясняется в первую очередь направленностью современного массового запроса на ценности порядка, сильного государства, стабильности. Общество переживает период передышки после быстрых перемен, общественной смуты, нестабильности и ещё из этого состояния не вышло. Данный запрос сформировался в середине 90-х, и уже тогда недавний вождь перемен Б. Ельцин, кумир миллионов россиян, стал превращаться в общественном мнении в виновника всех бед, постигших страну, а с М. Горбачевым аналогичная эволюция произошла ещё раньше. И сегодня, спустя значительное время после ухода из власти и того, и другого, отношение к ним, лично и политически конфликтующим во времена нахождения в гуще политики, совершенно совпадает. И того, и другого

позитивно / скорее позитивно оценивают по 26–28%, негативно / скорее негативно – по 54–58% опрошенных.

Для молодёжи, выросшей после отхода М. Горбачева и Б. Ельцина от большой политики, – это уже исторические фигуры, частично забытые и не вызывающие особых эмоций. В отличие от старшего поколения, которое до сих пор их помнит и большинство которого (свыше 65%) оценивает их деятельность негативно.

Что же касается В. Путина и Д. Медведева, то они воспринимаются большей частью общества как «политические близнецы», как носители иной парадигмы развития. 81% опрошенных позитивно оценивают деятельность В. Путина (в т. ч. 31% – безусловно положительно), 12% отрицательно; деятельность Д. Медведева положительно оценивают 70% опрошенных, отрицательно – 24%. Нынешний Президент России является как бы «политическим младшим братом» своего партнёра по тандему, и, соответственно, его рейтинг немного ниже. Можно уверенно сказать, что, несмотря на постоянные разговоры о расколе элит, в которых либеральная часть делает ставку на Д. Медведева, а консервативная – на В. Путина, массовое сознание подобным противопоставлением ещё не прониклось. Во всех без исключения идейных группах общества, включая либералов, рейтинг В. Путина несколько выше, хотя разрыв в отношении к лидерам на протяжении последних трёх лет неуклонно сокращался. То же касается и возрастных различий в «профилях поддержки» В. Путина и Д. Медведева, которые выявлены чрезвычайно слабо, а распространённая точка зрения об «особых» симпатиях к Д. Медведеву молодёжи, а к В. Путину – пожилых россиян – ничем не подтверждается. Напротив, основная часть тех, кто относится к нашей верховной власти резко отрицательно, в основном сосредоточена как раз в старших возрастных группах (табл. 3.2).

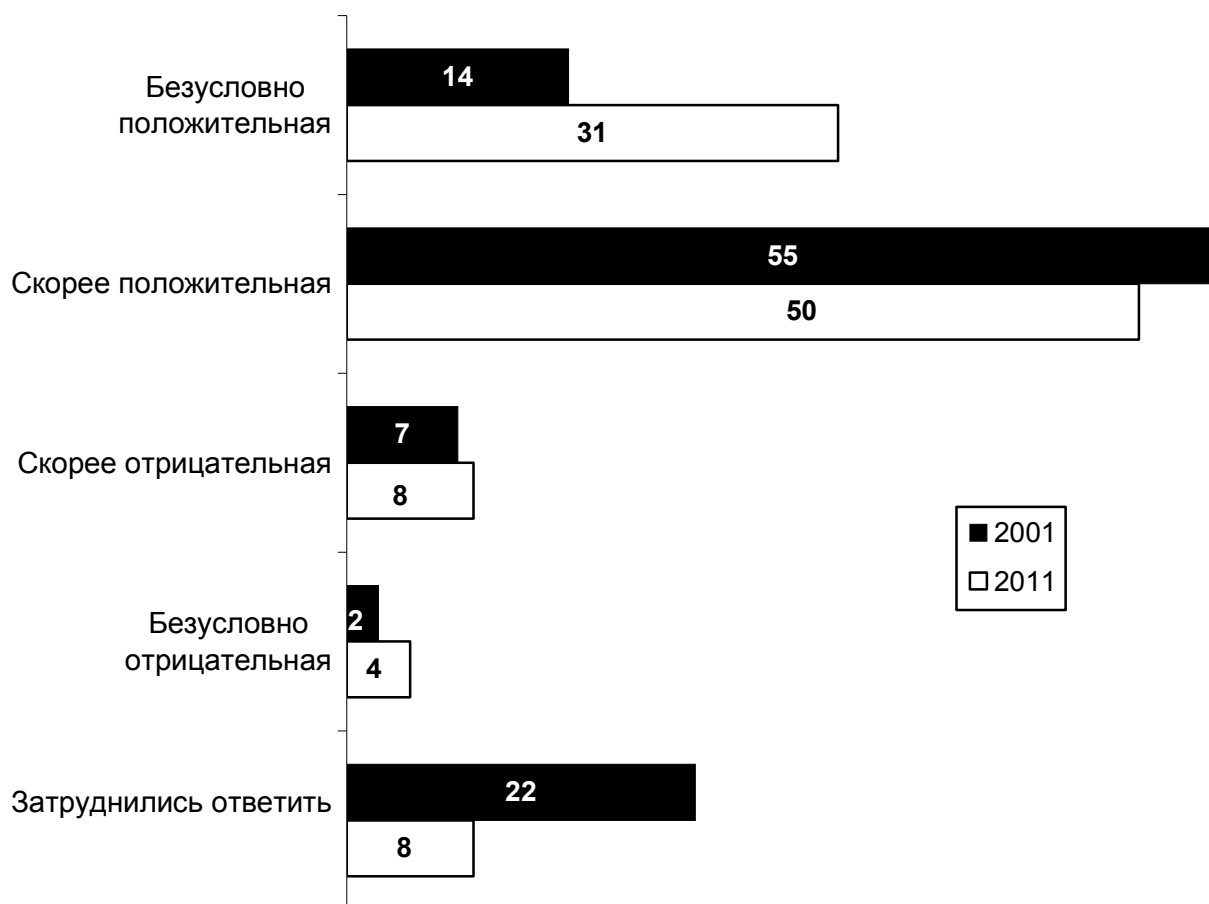
**Оценка деятельности В. Путина и Д. Медведева
на посту Президента России
среди представителей различных возрастных групп населения, %**

Президенты	Оценка	18–25 лет	16–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
В. В. Путин	Безусловно / скорее положительная	80	84	82	82	82	73
	Безусловно / скорее отрицательная	8	9	10	12	13	16
	Затруднились ответить	12	7	8	6	5	11
Д. А. Медведев	Безусловно / скорее положительная	75	69	69	73	66	70
	Безусловно / скорее отрицательная	17	16	17	15	16	16
	Затруднились ответить	8	15	14	12	18	14

Устойчивость высокого уровня поддержки обществом В. Путина является феноменом, объяснить который пытались многие аналитики. В отличие от своих предшественников, он не только не растерял высокий уровень доверия, но даже сумел его преумножить. Так, если в 2001 г., через год после избрания, его деятельность на посту президента страны положительно оценивали 69% опрошенных, то к настоящему времени эта поддержка выросла до 81%, а доля тех, кто относится к нему безусловно позитивно, увеличилась с 14% до 31% (рис. 3.4).

Это связано, прежде всего, с тем, что В. Путину удалось остановить «бегство» государства из большинства сфер жизни общества, хотя оно сопровождалось рядом серьёзных издержек, связанных с выстраиванием «президентской вертикали».

**Оценка деятельности В. Путина на посту Президента России
в 2001 и 2011 гг., %**

Другое достижение, возможно, не столько самого В. Путина и его команды, сколько благоприятной экономической конъюнктуры – это выход России в начале 2000-х гг. на траекторию устойчивого экономического развития; пусть медленный, но ощутимый рост, даже несмотря на кризис 2008–2009 гг., доходов населения и улучшение качества жизни, если не всех, то значительных слоёв населения.

Кроме того, его феномен состоял в том, что ему на протяжении длительного времени удавалось соединять образ «покровителя, защитника», близкий традиционалистскому большинству населения, и образ «менеджера», нанятого обществом для решения насущных проблем, импонирующий активистскому, либерально-ориентированному меньшинству.

Что же касается Д. Медведева, то большинство россиян (54%) полагают, что его политика является продолжением политики В. Путина. Лишь 6% считают, что Д. Медведев реализует новый курс, отличный от политики В. Путина, а ещё 29% видят лишь некоторые новые нюансы, которые, тем не менее, не меняют общей направленности преобразований, осуществляемых в стране (рис. 3.5).

Рисунок 3.5

**Оценка степени преемственности курса Д. А. Медведева
политике В. В. Путина среди всех опрошенных
и респондентов разных имущественно-материальных групп,
выигравших/ проигравших от реформ, %⁵**

⁵ Не указаны затруднившиеся с ответом.

Причём среди успешной части населения (выигравших от реформ, хорошо материально обеспеченных), видимо в силу их лучшей информированности, несколько больше тех, кто полагает, что Д. Медведев начинает корректировать политику В. Путина, реализовывать свой собственный курс. Речь в данном случае идёт в первую очередь о заявленной президентом страны программе модернизации. Однако, судя по вышеприведённым данным и результатам других исследований, тема модернизации начинает постепенно выхолащиваться, приобретать «дежурный» характер и уже в силу этого перестаёт быть, по мнению большей части населения, серьёзной альтернативой курсу его предшественника.

4. Изменение социально-психологического состояния российского общества

После всего, что было сказано выше о восприятии россиянами реформ, вполне естественно, что их социально-психологическое состояние тоже внутренне неоднозначно. Так, если посмотреть на то, как оценивают россияне ситуацию, сложившуюся сейчас в стране, и сравнить её с периодом острой фазы глобального экономического кризиса, то картина выглядит постепенно возвращающейся к норме (рис. 4.1).

Рисунок 4.1

Динамика оценок ситуации в стране, 2009–2011 гг., %⁶

⁶ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

В то же время, если сравнить эту картину с весной 2008 г., то она будет выглядеть уже не столь благополучной – тогда почти половина (44%) россиян оценили её как нормальную, и лишь 6% считали её катастрофической. Как видим, до показателей этого благополучного времени нынешние показатели оценок россиянами сложившейся в стране ситуации находятся ещё достаточно далеко.

Однако если посмотреть на более длинные временные ряды, то видно, что *сейчас население России оценивает сложившуюся в стране ситуацию на уровне вполне благополучных лет – 2003–2004 гг.* (рис. 4.2).

Рисунок 4.2

На рис. 4.2 хорошо видно, что показатели оценки россиянами ситуации в стране как «катастрофической», постепенно нарастая в течение всех 90-х гг. и достигнув своего пика осенью 1998 г., начали затем постепенно снижаться. А с 2000 г. доля оценивавших ситуацию в стране как нормальную стала даже превышать долю тех, кто оценивал её как катастрофическую. В итоге к весне 2008 г. доля считавших ситуацию в стране катастрофической вышла на уровень своих минимальных значений – уже упоминавшихся 6%. Тогда же минимальное число россиян оценивали ситуацию в стране как кризисную. В итоге доля тех, кто воспринимал текущую ситуацию как

⁷ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

нормальную, впервые за период наблюдений стала превышать долю сторонников двух других точек зрения. Однако «радость была недолгой», и кризис конца 2008–2009 гг. существенно изменил эту оптимистическую картину, хотя в последние два года идёт постепенное улучшение оценок респондентами положения в стране.

Оценки россиянами ситуации в стране связаны в первую очередь не с их собственной жизненной ситуацией, а с тем, как они оценивают динамику экономического положения в стране, отставание России от ведущих стран мира, перспективы развития страны в ближайшие годы. Так, например, среди тех, кто считает, что Российская Федерация, её экономика успешно развиваются, 53% полагают, что ситуация в России в настоящее время нормальная; при том что среди считающих, что идёт нарастание отставания России от ведущих стран мира, таковых лишь 5%, и практически треть расценивает ситуацию как катастрофическую (рис. 4.3).

Рисунок 4.3

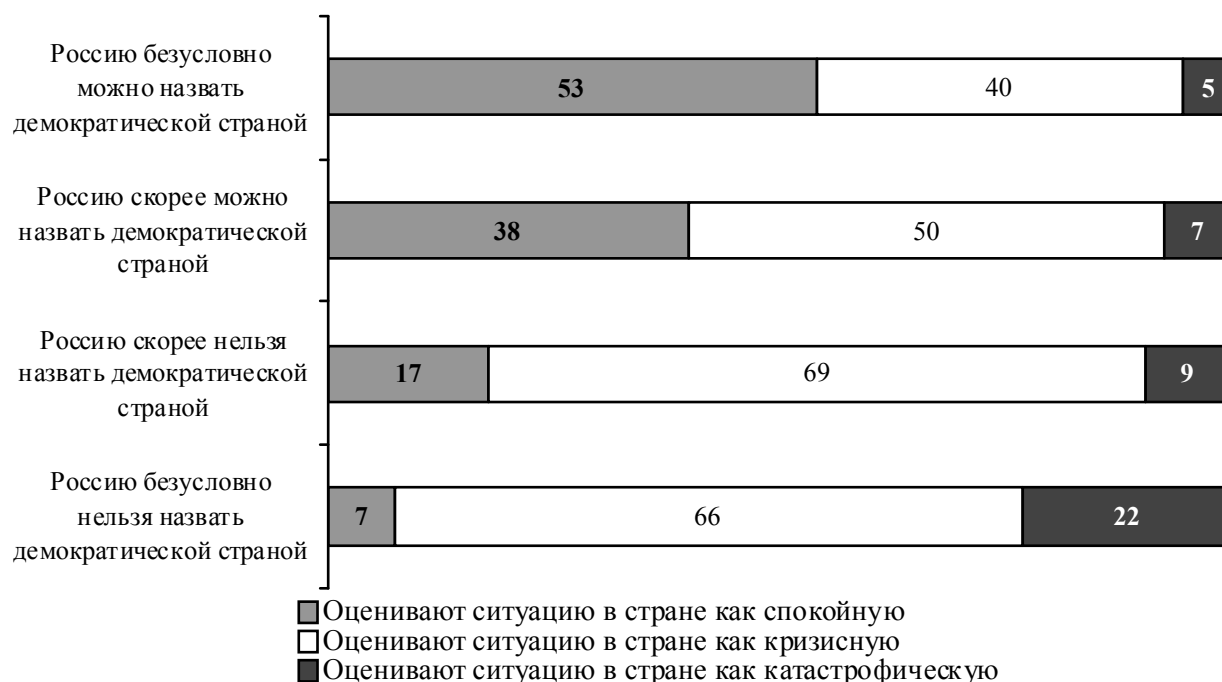

⁸ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

Менее жёстко, но тем не менее совершенно отчётливо прослеживается и связь оценок ситуации в стране с видением степени демократичности сложившегося в России общества (рис. 4.4).

Рисунок 4.4

**Связь видения России как демократической страны
и оценок сложившейся в ней ситуации, %⁹**

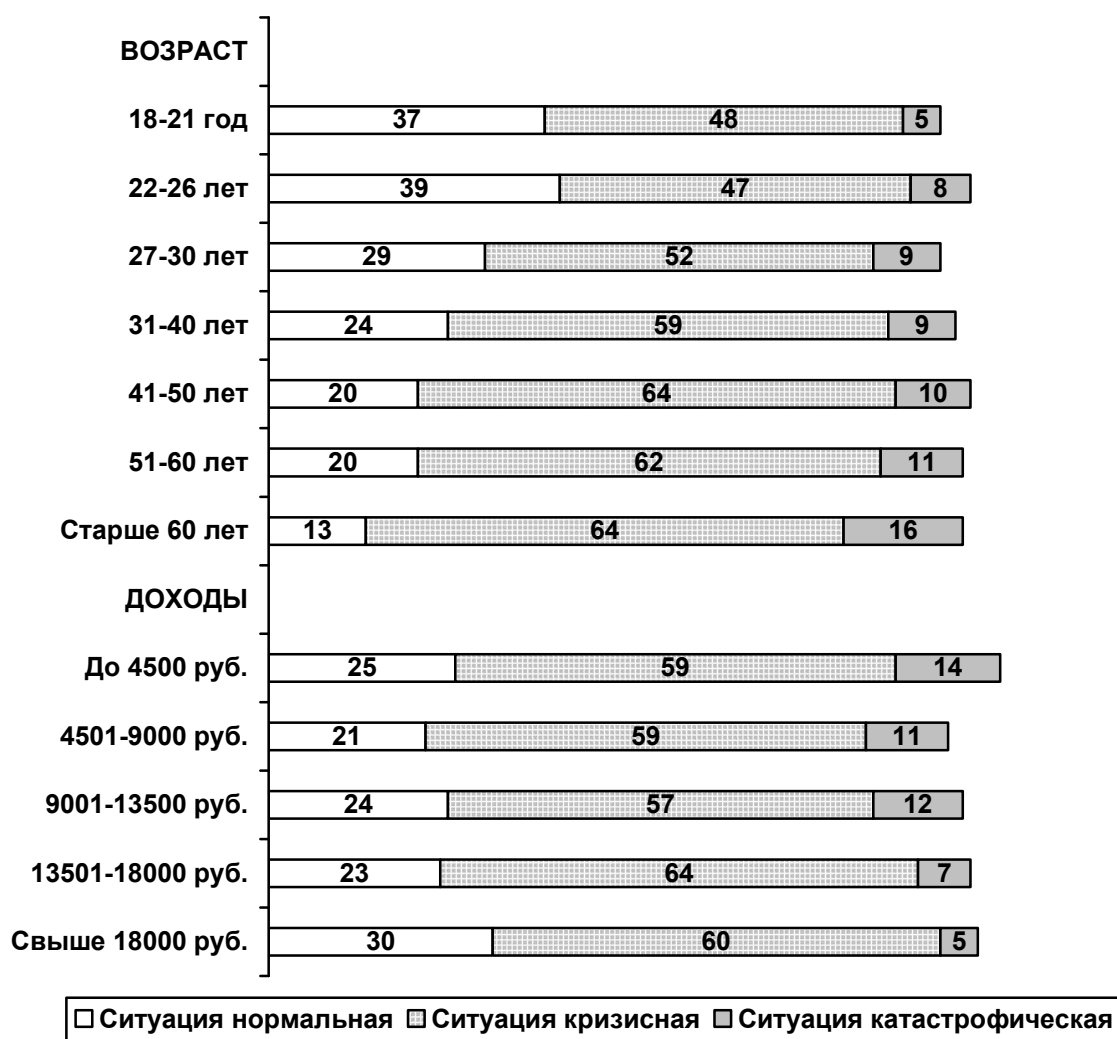
Наиболее пессимистичны при оценке сложившейся в стране ситуации представители старшего поколения, в то время как молодёжь склонна оценивать ситуацию более позитивно. Так, среди лиц в возрасте от 18 до 21 года более трети (37%) характеризовали положение в стране как благополучное и лишь 5% – как катастрофическое, в то время как в наиболее пессимистично настроенной группе пенсионного возраста (60+ лет) эти доли составляли 13% и 16% соответственно (рис. 4.5). При этом даже при контроле возраста наибольшее влияние среди факторов, определяющих оценки россиянами ситуации в стране, имели факторы макроуровня, т. е. не индивидуальные интересы или особенности экономического положения

⁹ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

конкретного респондента, а видение им места России в мире, особенностей её развития и оценки её перспектив, т. е. и в этом случае важен был не сам по себе возраст, а разное видение перспектив страны в различных возрастных группах.

Рисунок 4.5

**Оценки сложившейся в России ситуации
в различных социальных группах, %¹⁰**

Как хорошо видно из данных табл. 4.1, такой фактор, как уровень среднедушевых доходов в домохозяйствах, оказывал в этом вопросе ещё менее заметное влияние, чем возраст. Нельзя сказать, что связи между доходами и оценками текущей ситуации вообще не прослеживалось, но

¹⁰ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

влияние фактора дохода на оценки ситуации в стране практически было не ощутимо по сравнению с теми мировоззренческими факторами, о которых шла речь выше.

Однако если за оценками текущей ситуации в стране стоит представление россиян о перспективах страны в целом, относящееся скорее к идеологическим компонентам их мировоззрения, а не являющееся следствием их социально-психологического состояния, то что можно сказать о последнем? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к анализу чувств, которые доминируют сегодня в жизни россиян (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Сравнительная распространённость различных чувств, испытываемых россиянами в настоящее время, %¹¹

Чувства	Как часто их испытывают		
	Часто	Иногда	Практически никогда
<i>Позитивно окрашенные чувства</i>			
Чувствовали надёжную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится	48	42	10
Был(а) доволен(льна), что дела идут по моему плану	25	60	15
<i>Негативно окрашенные чувства</i>			
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг	46	46	8
Чувствовали стыд за нынешнее состояние своей страны	37	48	15
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг	36	50	14
Чувствовали страх перед беспределом и разгулом преступности в стране	36	49	15
Чувствовали, что дальше так жить нельзя	29	49	22
<i>Чувства, отражающие состояние внутренней агрессии</i>			
Чувствовали желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране стала такой, какова она сейчас	34	38	28
<i>Чувства, отражающие потребность в изменениях текущей ситуации</i>			
Ощущали желание в корне изменить свою жизнь	25	53	22
Чувствовали, что остаётся потерпеть ещё немного, и жизнь наладится	12	43	45

Как видно из табл. 4.1, чаще всего из положительно окрашенных чувств россияне ощущают **поддержку со стороны своих близких.**

¹¹ Отранжировано по доле часто испытывающих соответствующее чувство.

Собственно, это единственное положительно окрашенное чувство, которое распространено среди населения действительно широко – доля испытывающих его часто составляет почти половину всех россиян. Интересно при этом, что ощущение наличия такой поддержки достаточно заметно варьирует в различных социальных группах. Так, например, в высокодоходной группе (имеющей более 18 тыс. рублей среднедушевого ежемесячного дохода, т. е. более двух медианных доходов по стране на человека в месяц) часто такую поддержку ощущают 60%, а в самой низкодоходной – 40%, при этом никогда не ощущают её 15% представителей низкодоходной и 5% высокодоходной групп. С изменением возраста картина ощущения этой поддержки выглядит несколько иначе – доля ощущающих её часто резко сокращается с 63% среди тех, кто не старше 25 лет, до 45–46% в группах старше 25 лет, и этот показатель остаётся абсолютно устойчив во всех возрастных группах, внутри которых распространённость этого чувства начинает детерминироваться уже не возрастными, а иными факторами (например, доходом и т. д.).

При этом самые низкие показатели устойчивого ощущения такой поддержки были среди незанятых (37% у безработных и не работающих по семейным обстоятельствам, что даже ниже, чем среди пенсионеров, где её ощущали 46%). Отчасти это связано, видимо, с тем, что для этой группы вообще характерно более болезненное восприятие своего положения, а отчасти – с объективным отсутствием сетей поддержки или их слабым развитием из-за узости социальных контактов. Парадоксальным выглядит при этом, однако, слабое ощущение поддержки среди рабочих. Даже среди более благополучных в материальном отношении высококвалифицированных рабочих доля часто ощущающих такую поддержку составляет лишь 40% (для сравнения: среди специалистов – 52%, технических служащих – 53%, рядовых работников торговли – 52%). Такая ситуация говорит о *распаде солидарности на микроуровне в тех группах, где такого рода солидарность традиционно считалась достаточно высокой.*

В этой связи стоит отметить и то, что реже всего из всех выделенных по относящимся к их положению социальных групп, как это ни парадоксально, устойчиво ощущают надёжную поддержку со стороны близких и коллег жители сёл (39% соответственно при 48% в среднем по массиву, 65% в мегаполисах и 52% в областных центрах). Это говорит об *опережающем разрушении традиционных для российской культуры отношений внутрисемейной и межсемейной взаимопомощи именно там, где, казалось бы, она должна была прочнее всего сохраняться – в так называемой «малой России»*. В то же время в условиях внешней нестабильности такого рода поддержка со стороны ближайшего окружения исключительно важна для психологического состояния человека.

Парадоксально также, но если говорить не только об объективных, а о субъективных характеристиках респондентов, то самыми низкими показателями устойчиво ощущающих поддержку близких и друзей характеризуются атеисты – лишь 38% их ощущают её часто, в то время как среди приверженцев ислама таковых 56% (для православных этот показатель 48%, т. е. в точности соответствует среднему по всему массиву).

Ещё одно позитивно окрашенное чувство, добавляющее человеку уверенности в себе и в своём будущем, – это **удовлетворение от того, что всё движется по его плану**. Это чувство часто испытывает четверть россиян, и оно в относительно большей степени характерно для молодёжи до 21 года, где его часто испытывает 39% группы. Затем происходит скачок и вплоть до 40 лет этот показатель держится на уровне 30–31%, а затем начинает падать, доходя среди тех, кто старше 60 лет, до 16% (при 25% никогда не испытывающих соответствующего чувства; для сравнения, среди младшей возрастной группы этот показатель составляет лишь 9%). Положительно сказывается на наличии этого чувства уровень дохода – если в низкодоходной группе данное чувство часто испытывают лишь 16%, то в высокодоходной – 42%. При этом, как и в случае с ощущением поддержки близких, доход линейно сказывается и на полном отсутствии

соответствующего чувства – в низкодоходной группе его никогда не испытывают 19%, а в высокодоходной – лишь 8%. Если говорить о других наиболее значимых основаниях для группировки населения страны по данному индикатору социально-психологического состояния, то это место жительства и социально-профессиональный статус. Хуже всего соответствующие показатели в сёлах и посёлках городского типа (20–21% часто испытывающих чувство, что дела идут по их плану, при 15–18% никогда не испытывающих этого чувства) и таких социально-профессиональных группах, как рядовые работники торговли и средне- и низкоквалифицированные рабочие (20–21% часто испытывающих чувство, что дела идут по их плану, при примерно 20% никогда не испытывающих этого чувства).

При этом большинство россиян или часто, или иногда всё-таки испытывали оба рассматривавшиеся выше позитивно окрашенных чувства, причем 16% устойчиво ощущали оба этих чувства. И это, несомненно, можно было бы считать свидетельством достаточно благоприятного социально-психологического состояния россиян, если бы не вопрос о том, как же живут те, также составляющие 16% населения, наши сограждане, которые никогда не испытывают хотя бы одно из них и лишь иногда ощущают другое. А ведь это десятки миллионов человек!

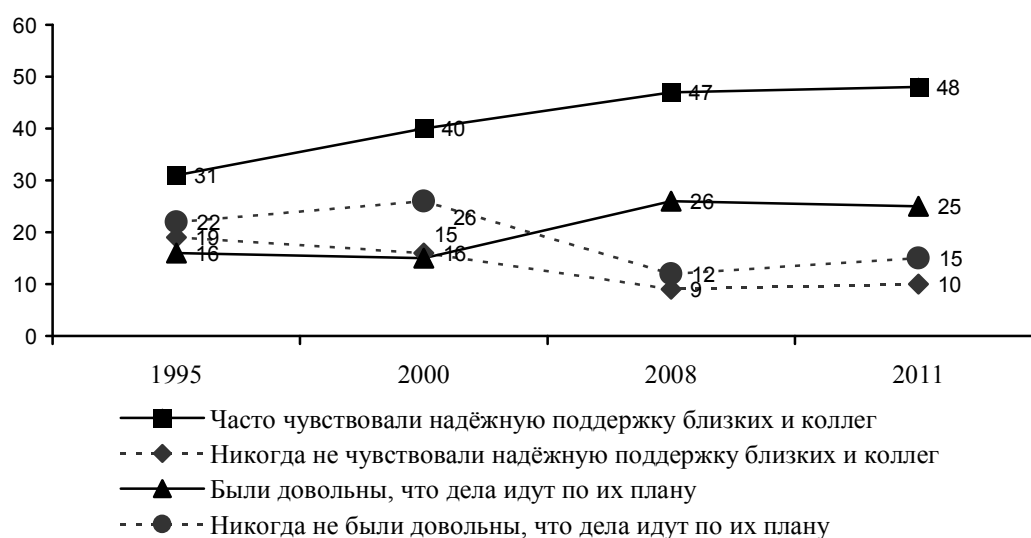
Такая поляризация россиян по их социально-психологическому состоянию означает, пользуясь терминологией теоретической социологии, *отчуждённость значительной их части от собственной жизни, которая представляется им неуправляемой, точнее – управляемой какими-то внешними силами, и в которой они, не имея возможности рассчитывать на чью-то поддержку, являются лишь «игрушкой в руках судьбы»*. Кроме того, с учётом социальных портретов полярных по распространённости положительно окрашенных чувств групп, это означает, что *разница в условиях материального благосостояния генерирует в современном российском обществе не только различия в доступе к разного типа*

материальным благам, но и своего рода принадлежность к двум разным мирам – миру, где ты уверен в себе, можешь управлять своей жизнью и рассчитывать на поддержку окружающих, и миру социальной эксклюзии, для которого характерно зависимое, отчуждённое существование, без опоры на социальные сети, не только без чувства уверенности в себе, но, как правило, и без каких-то надежд на будущее. Наконец, всё это позволяет говорить о существовании своего рода внутренне взаимосвязанного комплекса позитивных чувств, который либо присутствует в той или иной степени у человека, либо отсутствует у него.

Обратимся теперь к анализу динамики распространённости позитивно окрашенных чувств за период с середины 1990-х гг. по настоящее время (рис. 4.6). Как видим, до кризиса социально-психологическое состояние россиян характеризовалось в части положительно окрашенных чувств положительной же динамикой, однако сейчас картина распространённости этих чувств несколько ухудшилась.

Рисунок 4.6

Динамика распространённости положительных чувств, испытываемых россиянами, 1995–2011 гг., %¹²

Итак, хотя сегодняшняя картина распространённости положительных чувств сама по себе свидетельствует о сохраняющемся неблагоприятном социально-психологическом состоянии значительной части

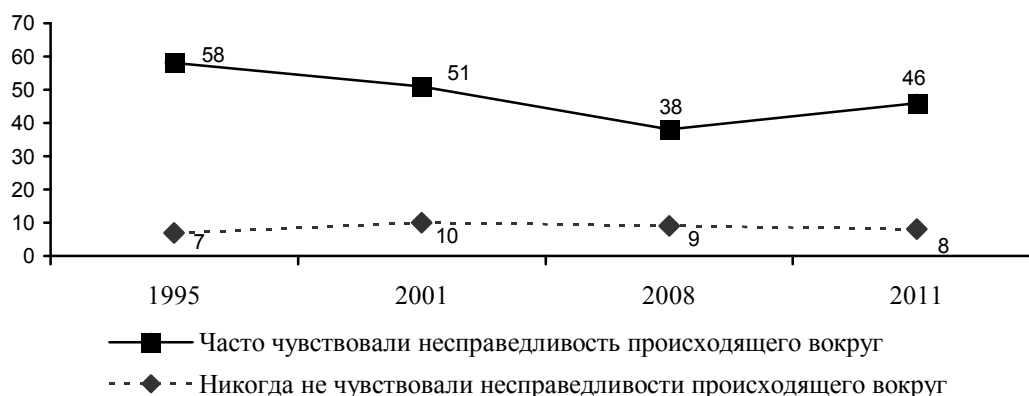
¹² На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

россиян. Вместе с тем, тенденции в этой области, если рассматривать их на длительном историческом отрезке времени, в целом положительные, хотя динамика последних лет позволяет говорить о стабилизации соответствующих показателей и завершении развития позитивных тенденций.

Однако эта стабилизация не означает, что даже испытывающие на микроуровне положительно окрашенные чувства граждане России комфортно ощущают себя в макросреде, т. е. в обществе в целом. Рассмотрим в этой связи ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнём с самого распространённого по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг.** *Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто.* Учитывая роль справедливости/несправедливости в российской культуре, где она выступает своего рода каркасом национального самосознания, это очень серьёзный «звонок», сигнализирующий о неблагополучии в этой области. Шире всего устойчивое чувство несправедливости происходящего было распространено среди представителей возрастных групп старше 50 и, особенно, 60 лет (55% и 66% соответственно), бедного и малообеспеченного населения (55% у тех, чей среднедушевой доход не превышает половины медианы, и 51% – у тех, кто имеет доходы не выше медианы доходов по массиву в целом, т. е. 9 000 рублей). При этом среди русских это чувство было выражено несколько слабее (46%), чем у представителей других национальностей (51%).

Наиболее интересна, однако, даже не локализация, а динамика чувства несправедливости происходящего вокруг в последние годы (рис. 4.7).

Динамика распространённости чувства несправедливости происходящего среди россиян в целом, 1995–2011 гг., %¹³

Как видно на рис. 4.7, начало 2000-х гг. ознаменовалось резким сокращением доли тех, кто ощущал несправедливость происходящего вокруг часто. Однако последние годы вновь дали прирост, и весьма ощутимый, распространённости этого чувства. Кроме того, на фоне остальных негативно окрашенных эмоций, чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда — весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы*. И, судя по некоторым другим особенностям динамики социально-психологического состояния россиян и роли социально-психологических факторов в протестных выступлениях, вряд можно спокойно относиться к развитию этой тенденции.

Что же это за особенности социально-психологического состояния наших сограждан, которые, также как и приведённые выше данные, вызывают тревогу? В первую очередь в этой связи стоит упомянуть **чувство**

¹³ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

стыда за нынешнее состояние своей страны. Стыд за страну в условиях её достаточно прочного внешнеполитического положения и в целом успешного и стабильного прохождения наиболее острой фазы глобального экономического кризиса последних лет связан с отрицанием сложившегося в России «порядка вещей», «правил игры» и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными. Правомерность такой интерпретации подтверждает тот факт, что теснее всего чувство стыда за свою страну связано с чувством несправедливости происходящего вокруг (рис. 4.8) и чувством, что дальше так жить нельзя. Фактически три эти чувства образуют внутренне целостный, единый компонент мировоззрения значительной¹⁴ группы россиян, при том что лишь 3% их не испытывают трёх анализируемых чувств практически никогда.

Рисунок 4.8

**Связь чувства стыда за состояние страны
и чувства несправедливости всего происходящего, %¹⁵**

Если же говорить об объективных характеристиках респондентов, влияющих на распространённость среди них этого чувства, то наиболее значимую роль среди них играет возраст: 46% испытывающих его часто – это люди старше 50 лет, причём эта возрастная группа составляет свыше половины (52%) и среди тех, кто устойчиво испытывал все три

¹⁴ Часто испытывает все три эти чувства пятая часть всего населения. Еще 15% россиян испытывают два из этих чувств часто, а третье – хотя бы иногда.

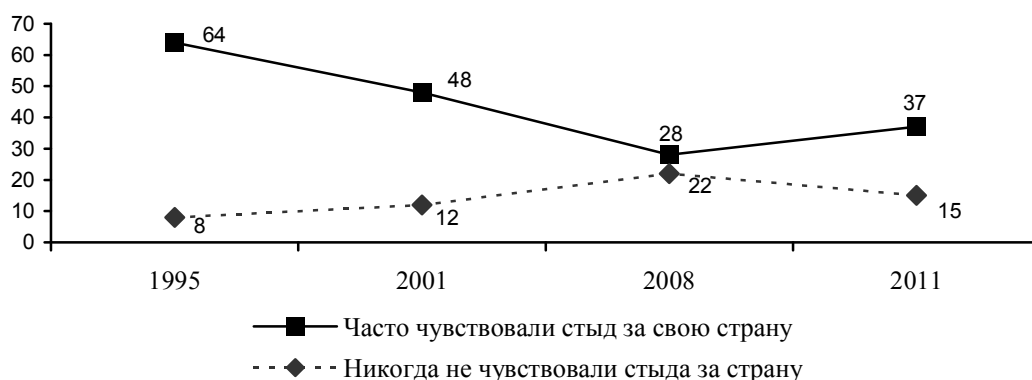
¹⁵ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

составляющих единый мировоззренческий блок негативных чувства одновременно. Однако и среди молодёжи чувство стыда за свою страну и весь тот мировоззренческий блок, в который оно входит, распространены довольно широко – достаточно сказать, что чувство стыда за свою страну устойчиво ощущает каждый четвёртый россиянин до 25 лет и лишь 30% в этой возрастной группе не испытывают его практически никогда (при 27% никогда не испытывающих все три рассматриваемых негативных чувства).

Новой тенденцией последних лет является при этом практически полное исчезновение связи чувства стыда за свою страну и всего блока негативных чувств с доходом – если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учетом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали прежде всего из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти. При этом, как видно на рис. 4.9, в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает.

Рисунок 4.9

**Динамика распространённости чувства стыда за свою страну,
1995–2011 гг., %¹⁶**

¹⁶ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

Рассмотрим динамику ещё двух негативно окрашенных чувств, связанных с возможностью изменить то, что не устраивает в окружающем мире, кажется в нём несправедливым и вызывает чувство стыда – мы имеем в виду чувство, что дальше так жить нельзя, и ощущение собственной беспомощности повлиять на происходящее. Как видно на рис. 4.10, доля испытывающих **чувство, что дальше так жить нельзя**, с 1995 по 2005 гг. сократилась почти вдвое, а затем вновь начала медленно расти. Одновременно шёл и зеркально обратный процесс – сначала росла, а затем начала плавно снижаться доля тех, кто не испытывал этого чувства практически никогда.

Рисунок 4.10

Динамика распространённости чувства, что так дальше жить нельзя, 1995–2011 гг., %¹⁷

Теснее всего чувство, что так дальше жить нельзя, связано с чувством стыда за нынешнее состояние своей страны – три четверти тех, кто устойчиво ощущает, что так дальше жить нельзя, одновременно часто испытывают и стыд за страну. При этом за последние годы произошли заметные изменения состава тех, кто его испытывает. Если раньше это были в первую очередь низкодходные группы населения, испытывавшие страх дальнейшего ухудшения своего положения, то сейчас расширилось представительство в данной группе вполне благополучных слоёв, а статистическая значимость связи чувства, что так жить нельзя, с доходом или

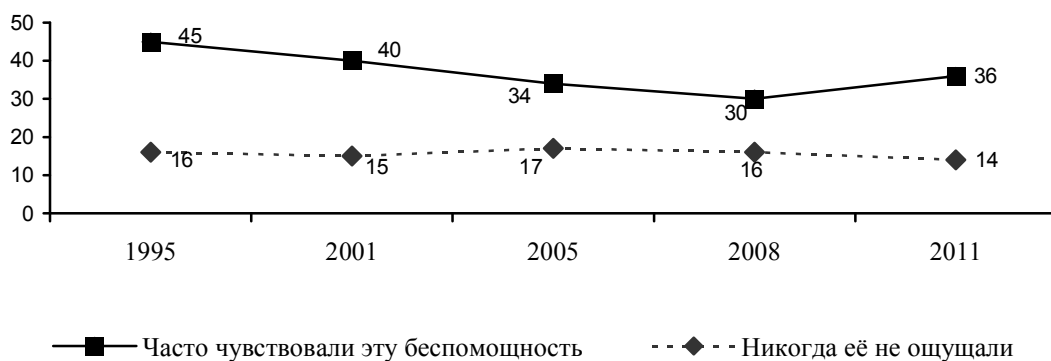
¹⁷ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

возрастом стала просто несопоставима с ролью мировоззренческих особенностей конкретных респондентов, в частности наличием у них устойчивого чувства несправедливости происходящего и стыда за свою страну. В итоге даже в группе до 30 лет каждый пятый устойчиво ощущает, что так жить дальше нельзя. Такие же показатели характеризуют и вполне благополучную группу с доходом от 1,5 до 2 медиан доходов. Более того – в плане пространственной локализации носители этого чувства сосредоточены отнюдь не в глубинке, они достаточно равномерно распределены по всем типам поселений, и даже в мегаполисах их доля составляет четверть населения.

Если же говорить о **чувстве беспомощности повлиять на происходящее**, то и в его распространённости просматриваются те же тенденции, что и в чувстве, что так дальше жить нельзя (рис. 4.11).

Рисунок 4.11

Динамика распространённости чувства собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг, 1995–2011 гг., %¹⁸

Как и все остальные чувства, о которых шла речь выше, чувство беспомощности повлиять на происходящее связано прежде всего с блоком других негативных чувств, но, в отличие от них, наиболее значимой из числа влияющих на его распространённость объективных характеристик выступает не столько возраст или доход, сколько состояние здоровья – среди тех, кто оценил своё здоровье как плохое, 59% испытывали чувство беспомощности

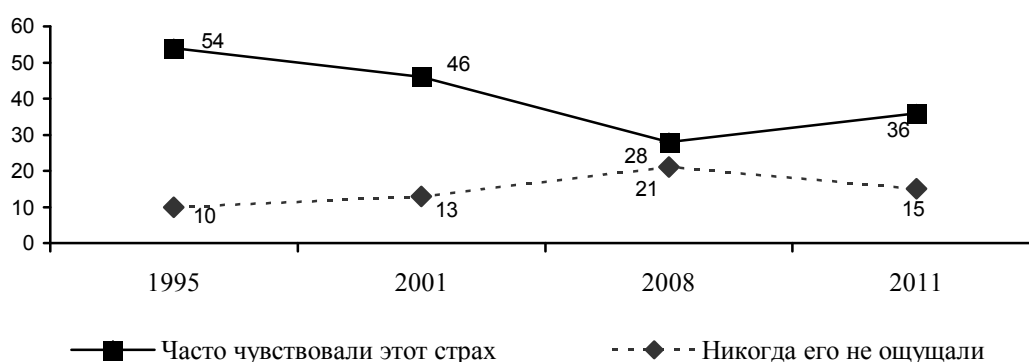
¹⁸ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

часто (при 19% среди оценивших его как хорошее и 37% среди оценивших его как удовлетворительное). Видимо, плохое самочувствие, выступая мощным ограничителем для реализации эффективных адаптационных стратегий на микроуровне, уже само по себе генерирует чувство беспомощности.

Интересно также, что распространённость устойчивого чувства **страха перед беспределом и разгулом преступности в стране**, при кажущемся благополучии в этой области, за последние три года выросла очень значительно – с 28% до 36% (рис. 4.12). Одновременно заметно снизилась и доля тех, кто не испытывает этот страх никогда.

Рисунок 4.12

Динамика распространённости чувства страха перед беспределом и разгулом преступности в стране, 1995–2011 гг., %¹⁹

Для испытывающих страх перед беспределом и преступностью характерны не столько какие-то материальные обстоятельства их жизни (хотя, разумеется, возраст и доход оказывают заметное влияние на распространённость этого чувства), сколько общий негативный и тревожный настрой. Однако, в отличие от прежних лет, в его локализации в обществе появились и новые особенности, заставляющие считать его рост далеко не случайным. Ключевой среди таких особенностей выступает «привязка» этого страха к отдельным регионам, в том числе – и вполне благополучным с точки зрения официальных милицейских сводок. Так, например, лидерами в его устойчивой распространённости стали Москва (где 56% испытывали его часто и лишь 9% не испытывали его практически никогда), а также

¹⁹ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

Ростовская (54% и 15% соответственно) и Рязанская (46% и 15%) области. В наименьшей же степени этот страх был распространён в Новгородской (14% и 20% соответственно). Причём Новгородская область была в нашей выборке единственным регионом, где доля практически никогда не испытывавших этого страха превышала долю испытывавших его часто), Тульской (18% и 15%) и Архангельской (23% и 7%) областях.

Что же касается актуализированной для большинства россиян **потребности в изменении собственной жизни**, то желание в корне изменить свою жизнь – скорее следствие конкретных проблем в индивидуальной жизненной ситуации, нежели результат глобального недовольства «неправильностью» жизни, т. е. в данном случае речь идёт не о «жизни вообще», а именно о собственной жизни. Теснее всего это желание связано с недовольством респондентов своим материальным положением и жилищными условиями. Заметно влияют на его распространённость также тип поселения и регион, где проживают респонденты. Если же говорить о динамике показателей распространённости данного чувства за последние 10 лет, то они достаточно стабильны и находятся в диапазоне 25% плюс-минус 3% (т. е. диапазон статистической погрешности) для тех, кто испытывал это чувство часто, и 22–29% для тех, кто не испытывал его практически никогда.

При этом россияне не очень верят в то, что **остается потерпеть ещё немного, и жизнь наладится**. Ощущение близкого улучшения жизни характеризует прежде всего тех, кто положительно оценивает деятельность в качестве прежнего и нынешнего президентов страны В. Путина и Д. Медведева и верит в то, что они успешно справлялись и справляются с руководством страной. Таким образом, это простое проецирование доверия к руководству страны на будущее.

Итак, при стабилизации распространённости чувства поддержки со стороны близких, ощущения управляемости собственной жизнью, потребности в изменении личной жизненной ситуации, в российском обществе в последние годы нарастает распространённость негативно окрашенных чувств – ощущения несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, невозможности продолжать жить по-

прежнему, ощущение собственной беспомощности и чувство страха перед беспределом и преступностью. При этом меняется локализация этих чувств, которые начинают всё более равномерно распределяться по всем группам и слоям общества. Это свидетельствует о том, что всё большую роль в их распространённости начинают играть факторы макроуровня – от неприемлемости сложившихся «правил игры» до институциональных ограничений или региональных особенностей работы ряда органов власти. Всё это не может не образовывать поистине «гремучую смесь».

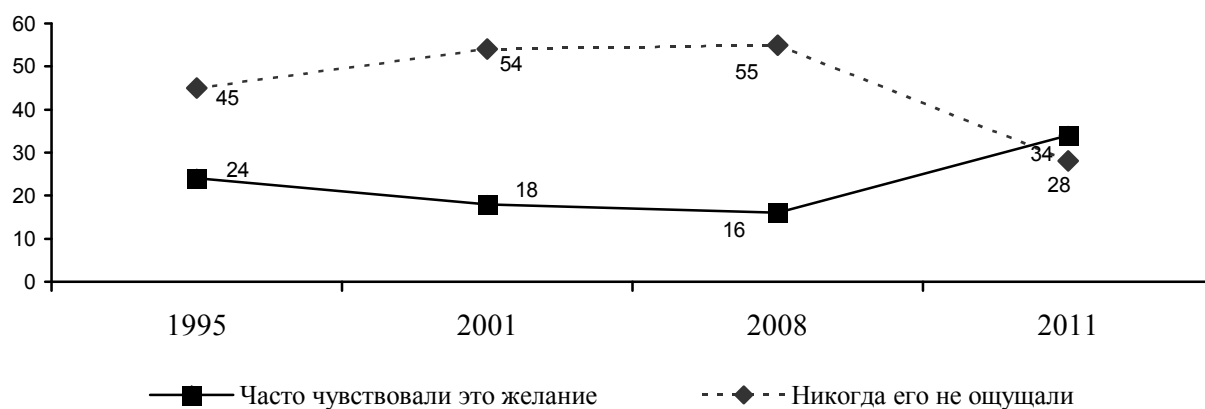
Одним из важных следствий сложившейся ситуации являются длительные стрессы, изнутри подрывающую и психику, и физическое здоровье многих россиян – ведь жизнь с постоянным ощущением несправедливости происходящего и одновременным пониманием невозможности что-то изменить иначе, чем стресс, охарактеризовать трудно. Сочетание это достаточно широко распространено, и почти 30% россиян пребывает сейчас именно в таком состоянии при том, что лишь 4% населения никогда не испытывают двух этих чувств. Причём картина эта изменилась за последние 15 лет в худшую сторону, и в этом её отличие от динамики каждого показателя в отдельности – в 1995 г. часто ощущали свою беспомощность повлиять на происходящее при одновременном ощущении его несправедливости 17%, в 2008 г. – четверть населения страны. Таким образом, эти чувства оказываются всё теснее связаны в современной России друг с другом.

Однако проблема не только в относительном ухудшении социально-психологического состояния населения страны в последние годы и роста в связи с этим рисков для его здоровья на будущее. Такого рода длительный массовый стресс не может не вызывать роста агрессии – это естественная реакция человеческой психики на невозможность изменить неприемлемые для себя условия жизни. А это, в свою очередь, означает, что социальная напряжённость, подспудно тлеющая пока в обществе, может внезапно выплеснуться на улицы, и при этом отнюдь не в благопристойных и институционализированных формах митингов и демонстраций (неважно – санкционированных или нет), а в формах, с которыми Москва столкнулась в

декабре 2010 г., а ряд других российских городов – и раньше. Во всяком случае, база для такого рода выступлений в обществе уже сформирована, и она связана именно с социально-психологическим состоянием населения, а не с какими-либо его личными материальными интересами, которые могут сыграть роль детонатора, но не являются при этом глубинной причиной возможности такого рода выступлений. Об этом свидетельствует, в частности, динамика такого показателя, как распространённость желания перестрелять всех взяточников и спекулянтов²⁰, из-за которых жизнь в стране стала такой, какова она сейчас (рис. 4.13). Ключевое словосочетание в данном случае – «желание перестрелять», т. е. выраженная установка на агрессивные и насильственные действия. И хотя понятно, что само по себе такое желание отнюдь не означает реальной готовности к такого рода действиям, но более чем двукратный рост распространённости этой установки за последние три года уже сам по себе говорит о многом.

Рисунок 4.13

Динамика распространённости желания перестрелять всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какова она сейчас, 1995–2011 гг., %²¹

Как видно на рис. 4.13, никогда ещё за весь период наблюдений, даже в середине 1990-х гг., в российском обществе не было такого потенциала агрессии, как сейчас. Более того – лишь около четверти россиян остались

²⁰ Конечно, в современных условиях формулировка этого вопроса не должна была ограничиваться только взяточниками и спекулянтами. Однако изначально вопрос разрабатывался в середине 1990-х гг., и тогда он был вполне адекватен сложившимся на тот момент в общественном сознании стереотипам.

²¹ На рисунке не представлены испытывавшие соответствующие чувства иногда, поэтому сумма ответов менее 100%.

пока не подверженными подобному чувству. При этом возможные насильственные действия скорее всего могут принять характер националистических выступлений – во всяком случае, наибольшая связь показателя наличия агрессивных чувств прослеживается с согласием респондентов с суждениями, что: 1) «люди моей национальности за последние 15–20 лет многое потеряли», 2) «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и 3) с одобрением принудительного выселения представителей определённых национальностей из их населённого пункта (табл. 4.2).

Таблица 4.2

**Распространённость чувства агрессии
в зависимости от наличия националистических установок, %**

«Желание “перестрелять” всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какова она сейчас»	Отношение к суждениям по национальному вопросу				
	Полностью согласны	Скорее согласны	Скорее не согласны	Не согласны	Затруднились с ответом
<i>Отношение к суждению «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет»</i>					
Часто испытывают это желание	40	34	16	9	1
Иногда испытывают это желание	20	40	28	11	1
Практически никогда его не испытывают	14	35	35	16	0
<i>Отношение к суждению «Все средства хороши для защиты интересов моего народа»</i>					
Часто испытывают это желание	26	27	29	17	1
Иногда испытывают это желание	14	24	45	16	1
Практически никогда его не испытывают	8	24	43	24	1
<i>Отношение к принудительному выселению представителей каких-то национальностей из их города (села)</i>					
	Одобрили бы	Скорее одобрили бы	Скорее не одобрили бы	Не одобрили бы	Затруднились ответить
Часто испытывают это желание	25	26	20	16	13
Иногда испытывают это желание	12	21	24	27	16
Практически никогда его не испытывают	9	21	22	29	19

Как видим, среди тех, кто часто испытывает желание перестрелять всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какова она сейчас, 74% согласны с тем, что люди их национальности многое потеряли за последние 15–20 лет,

и свыше половины (53%) считают, что для защиты интересов их народа все средства хороши. Кроме того, 51% их одобрительно относятся к принудительному выселению лиц определённых национальностей из их города или села.

Всё это позволяет предположить, что *внезапный всплеск агрессии может принять формы националистических выступлений, хотя в основе его будут лежать совсем иные причины.* И не случайно среди тех, кто часто испытывает чувства несправедливости происходящего и стыда за страну, а также ощущает, что дальше так жить нельзя, 64% часто ощущали и желание перестрелять всех, из-за кого жизнь стала такой, какова она сейчас. При этом среди тех, кто практически никогда не ощущал этих чувств, лишь 11% испытывали желание «всех перестрелять» (рис. 4.14).

Рисунок 4.14

Связь желания «перестрелять» всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какова она сейчас, с тремя негативно окрашенными чувствами (стыда за состояние страны, несправедливости всего происходящего и невозможности жить так дальше), %²²

Присутствует, хотя и гораздо более слабая, чем с националистически окрашенными настроениями, и связь агрессивных чувств с эмоциями, испытываемыми по отношению к людям, разбогатевшим за последние годы. Так, среди тех, кто испытывал желание перестрелять всех тех, из-за кого

²² На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом и различные промежуточные комбинации испытывающих три рассматриваемых чувства с той или иной частотой.

жизнь в стране стала такой, какова она сейчас, 42% относились к людям, разбогатевшим за последние годы, с подозрением, неприязнью и презрением, в то время как среди не ощущавших никаких агрессивных чувств их доля составляла всего 19%.

Особую опасность возможным взрывам агрессии населения придаёт то, что в региональном и поселенческом срезе она распределена неравномерно. Максимальны её показатели в Москве, где 61% респондентов часто испытывал желание «всех перестрелять» и лишь 17% вообще его не испытывали, а минимальны – в Архангельской области, где эти показатели составили, соответственно, 18% и 36%. Добавим, что именно Москва характеризуется и наибольшей распространённостью трёх упоминавшихся выше негативных чувств – 64% её населения испытывают их часто и лишь 14% – практически никогда при том, что в среднем по массиву эти показатели составляют 34% и 28% соответственно.

5. Жизненные проблемы и материальное положение россиян: вектор изменений

Социально-психологическое состояние россиян; чувства, которые они испытывают, во многом обуславливаются теми реалиями, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни. Чтобы понять, что же это за реалии и почему сложившийся в России тип социума представляется её жителям столь несправедливым и нетерпимым, рассмотрим сначала, какие процессы в жизни страны вызывают у россиян наибольшую тревогу, а затем – как они живут и что вызывает у них чувство неустроенности своей жизни, неудовлетворённости ею.

Как показало исследование, в отличие от общего социально-психологического состояния, связанного, как и оценки россиянами текущей ситуации в стране, прежде всего с общим вектором развития России и восприятием его населением; чувство тревоги у россиян вызывают всё-таки в первую очередь процессы, связанные с их повседневной жизнью (табл. 5.1).

Таблица 5.1

**Явления и процессы в жизни страны,
вызывающие у россиян наибольшую тревогу, %**
(допускалось до 5-ти ответов,
отранжировано в порядке убывания распространённости)

Явления и процессы	%
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	57
Низкий уровень жизни значительной части населения	50
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	45
Коррупция, засилье бюрократии	44
Рост цен на товары и услуги	40
Рост алкоголизма, наркомании	34
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	30
Быстрое вымирание населения России	29
Безработица	28
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	24
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	16
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	14
Возможность новых терактов	14
Наличие межнациональных противоречий в обществе	9
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	9
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	7
Сохранение напряжённой ситуации в Чечне и вокруг неё	6
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	4
Охлаждение отношений России с Западом	3
Затруднившиеся с ответом	2

Как видно из данных табл. 5.1, безусловным лидером среди тревожащих россиян явлений в жизни российского общества выступает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей, непосредственно затрагивающие абсолютно всех граждан страны, имеющих постоянное место жительства. Это единственный из 20-ти пунктов списка, набравший более половины ответов. Далее довольно плотной группой идут позиции, набравшие от трети до половины голосов респондентов – низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, коррупция и засилье бюрократии, рост цен на товары и услуги и рост алкоголизма и наркомании. При этом действует та же закономерность, что и в случае с чувствами, испытываемыми россиянами – их собственная ситуация достаточно слабо (и гораздо слабее, чем несколько лет назад) влияет на их тревогу по поводу развития в стране соответствующих процессов. Так, например, низкий уровень жизни значительной части населения беспокоит и

тех, чьи доходы составляют менее половины медианы доходов (среди них 53% включили этот пункт в пятёрку наиболее тревожащих их процессов), и тех, кто имеет доходы от 1,5 до 2-х медиан (43%).

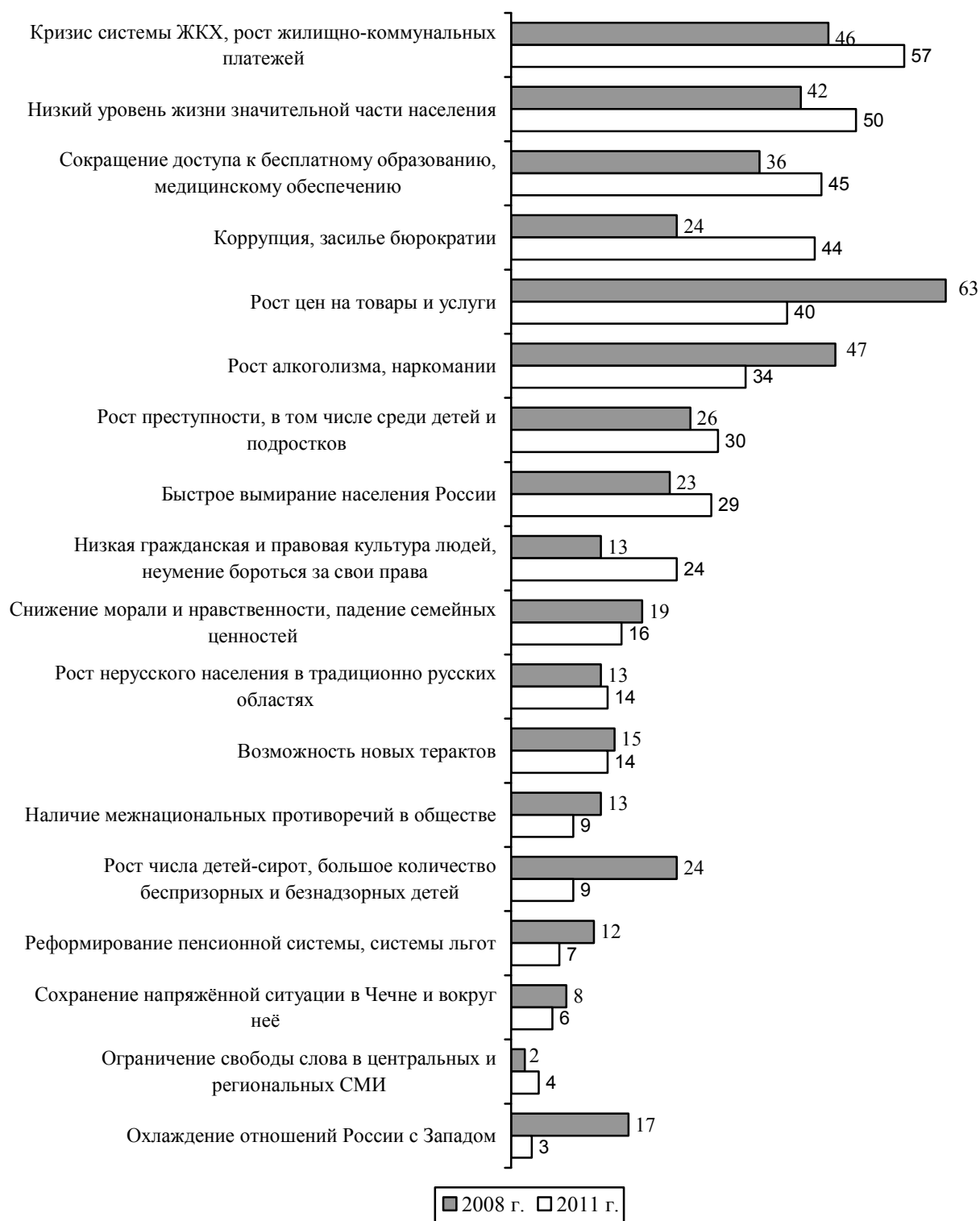
Есть лишь несколько позиций, по которым среди тревог-лидеров наблюдается очень существенная межгрупповая разница. Это, прежде всего, отношение к коррупции и засилью бюрократии. Хотя, казалось бы, сильнее страдать от них должны низкодходные слои, у которых нет денег на взятки, но беспокоит коррупция в большей степени как раз благополучные слои населения. Так, среди тех, чьи доходы составляют менее половины медианы доходов, доля обеспокоенных ею равна 36%, а среди тех, кто имеет доходы от 1,5 до 2-х медиан – 54%. Та же тенденция характеризует и ситуацию с ростом алкоголизма и наркомании, где соответствующие показатели составляют 26% и 40%.

Среди других тревог россиян особого внимания заслуживают рост преступности (в наибольшей степени тревожащий низкодходные слои); быстрое вымирание населения России, в равной степени волнующее всех; и безработица, тревога по поводу которой среди работающего населения страны немного выше (29%), чем среди экономически неактивного – студентов и неработающих пенсионеров (23%).

Несколько особняком в общем ряду этих проблем стоит низкая гражданская и правовая культура людей и их неумение бороться за свои права, вызывающие тревогу у четверти россиян. Далее с большим отрывом идут снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей, рост нерусского населения в традиционно русских областях и возможность новых терактов, которые, несмотря на их сравнительную частоту, по сравнению с угрозами, исходящими от системы ЖКХ, оказываются на периферии сознания граждан страны. Все остальные позиции списка вызывают у россиян очень слабое беспокойство и вошли в пятёрку тревог-лидеров лишь для 4–9% всех опрошенных.

Для более глубокого понимания того, что стоит за этими цифрами, важно оценить, однако, не только их абсолютную величину, но и динамику соответствующих показателей (рис. 5.1).

**Процессы в жизни страны,
вызывающие у россиян наибольшую тревогу,
2008 и 2011 гг., %²³**
(допускалось до 5-ти ответов,
отранжировано в порядке убывания распространённости в 2011 г.)

²³ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом. Позиция «Безработица» в опросе 2008 г. отсутствовала и на рисунке не представлена.

Как видно из рис. 5.1, относительно одних процессов тревога россиян за последние 3 года выросла, а относительно других, напротив, несколько спала. Среди первых – *коррупция и засилье бюрократии, с одной стороны, и низкая правовая культура людей, их неумение бороться за свои права, с другой. Рост тревожности по этим позициям, во многом являющимся двумя сторонами одной медали, всего за три года был практически двукратным.* Менее заметно, но тоже значительно выросли показатели тревоги по поводу кризиса системы ЖКХ и роста жилищно-коммунальных платежей, низкого уровня жизни значительной части населения, а также сокращения доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению. В итоге все они, именно в результате этого роста, вышли в число лидеров среди тревожащих россиян процессов в жизни современной России.

Если же говорить не только о лидерах, а о вызывающих менее острую тревогу россиян явлениях и процессах, то это рост преступности, в том числе среди детей и подростков, и быстрое вымирание населения России.

Среди проблем, которые стали за это время меньше волновать россиян, в первую очередь надо назвать рост цен на товары и услуги, рост алкоголизма и наркомании, рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей и охлаждение отношений России с Западом.

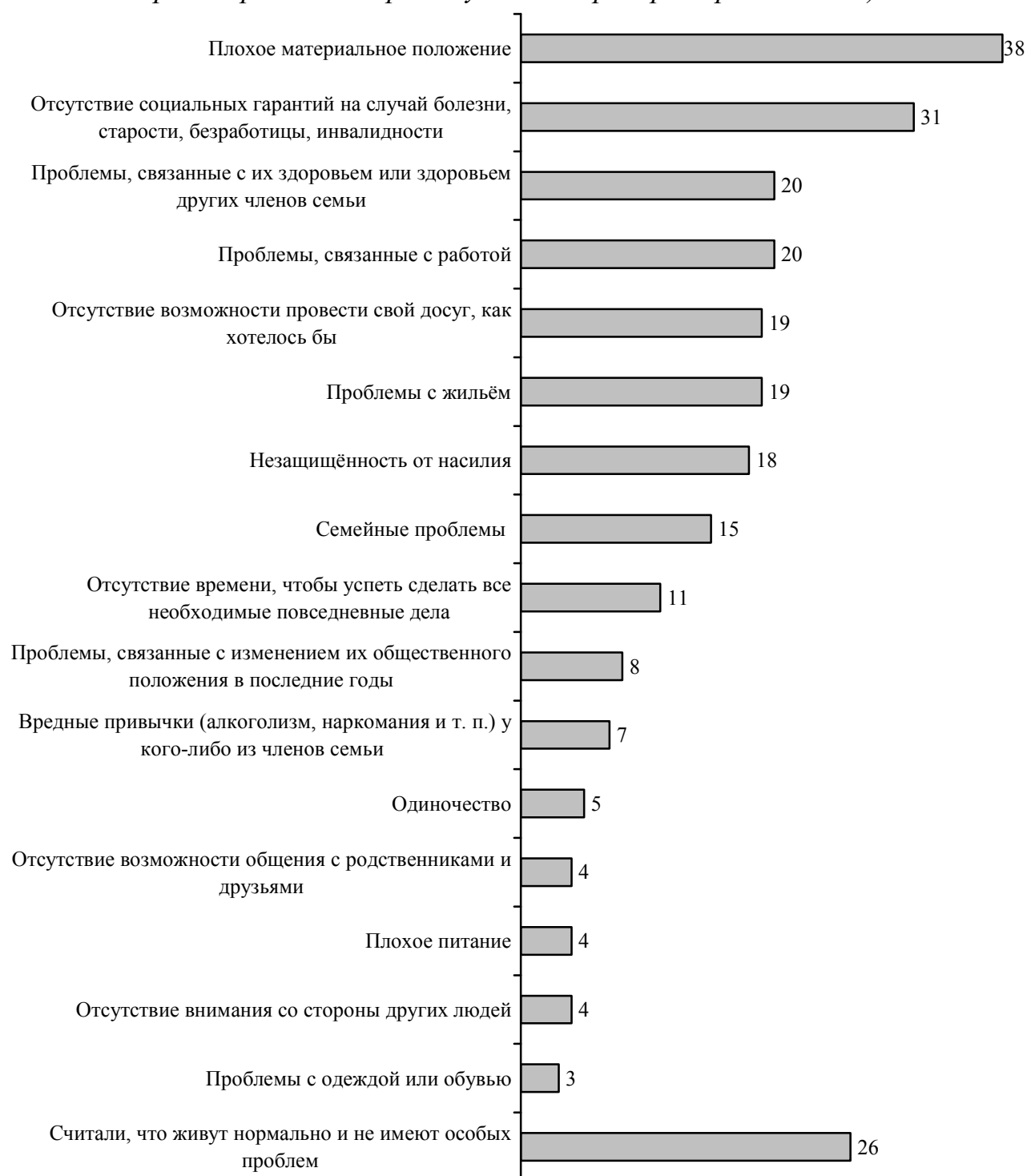
Таким образом, *относительно меньшую значимость для россиян стали иметь проблемы, с которыми большинство из них сталкивается не столько на собственном жизненном опыте (за исключением роста цен), сколько в виртуальном пространстве, во многом формируемом повесткой дня СМИ.* Выросла же в их глазах значимость проблем, которые отчасти являются результатом их собственного повседневного опыта (рост жилищно-

коммунальных платежей, низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению), *а отчасти – результатом смены повестки дня в СМИ* (как, например, быстрое вымирание населения России).

При этом значительный рост обеспокоенности ситуацией с коррупцией – лидера среди проблем по скорости роста распространённости тревоги, с одной стороны, и рост обеспокоенности низкой правовой культурой граждан, слабо связаны между собой – выражающие тревогу по поводу этих явлений люди лишь на треть являются пересекающимися множествами. Тем не менее, *среди факторов, влияющих на степень обеспокоенности обеими этими проблемами, помимо мировоззренческих особенностей респондентов, ключевую роль играет регион их проживания. Однако регионы с «пиковыми» показателями по ним не совпадают между собой.* По обеспокоенности коррупцией лидерами являются Ростовская область (64% включивших эту проблему в пятёрку своих основных тревог), Москва (60%) и Рязанская область (58%), т. е. регионы, которые уже упоминались нами при характеристике лидеров плохого социально-психологического состояния населения. «Аутсайдерами» же по озабоченности коррупцией являются Хабаровский край (24%) и Новосибирская область (29%). В то же время, обеспокоенность низкой гражданской и правовой культурой населения, его неспособностью бороться за свои права в наибольшей степени характеризует Хабаровский край и Воронежскую область (по 35%), а также Красноярский край (33%). При этом в Москве обеспокоенность этой проблемой выражали 20% опрошенных, в Ростовской области – 16%, в Рязанской – 13%.

Посмотрим теперь, как выглядят в восприятии россиян проблемы, из-за которых они считают свою собственную жизнь неустроенной (рис. 5.2).

**Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной,
% (допускалось несколько ответов,
отранжировано в порядке убывания распространённости)**

Как видно на рис. 5.2, *низкий уровень жизни является бесспорным лидером среди проблем, отравляющих жизнь россиян*. Более того, если

рассмотреть только тех, кто считает, что в его жизни есть какие-то проблемы, то в большинстве случаев (51%) это будут именно проблемы, связанные с плохим материальным положением. В то же время, говоря о своём плохом материальном положении, большинство имеет в виду всё-таки не столько глубокую бедность, сколько малообеспеченность – лишь у 15% назвавших плохое материальное положение в числе причин неустроенности собственной жизни, ежемесячный среднедушевой доход в домохозяйствах составлял не более 4 500 рублей. Основная же часть (55%) этой группы имела доходы, по самооценке, от 4 500 до 9 000 рублей на человека в месяц, и еще 19% – от 9 000 до 13 500 рублей. Впрочем, среди последних относительно большой была доля тех, кто проживал в регионах с высокой стоимостью жизни, и прежде всего москвичей. Тем не менее, доход большинства членов даже этой группы позволял им питаться хотя бы удовлетворительно и решать проблемы с одеждой – лишь 13% в ней при 3% в группе, не считающей плохое материальное положение причиной неустроенности собственной жизни, оценили своё питание как плохое (доли охарактеризовавших своё питание как хорошее в этих двух группах составили, соответственно, 20% и 45%), а большинство и там, и там оценили его как удовлетворительное. И хотя показатели ситуации с одеждой и обувью были в группе считающих плохое материальное положение причиной неустроенности собственной жизни несколько хуже, но и они говорили о том, что в большинстве случаев мы имеем дело в данной группе скорее с малообеспеченностью, чем с глубокой бедностью. Во всяком случае, лишь 19% её представителей (при 5% в более благополучной группе) оценили свои возможности по приобретению необходимой им одежды и обуви как плохие, 9% (и 32% в более благополучной группе) как хорошие, а основная часть обеих групп оценила их как удовлетворительные.

Второе место в списке отравляющих жизнь россиян проблем занимает отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности. И плохое материальное положение, и сокращение доступа к

бесплатной медицине – это именно те проблемы, которые, как мы показали выше, «прибавили в весе» за последние три года в списке процессов и явлений, характерных для сегодняшней России и вызывающих у россиян особую тревогу. При этом серьёзная обеспокоенность по поводу недоступности социальных гарантий тесно связана с озабоченностью незащищённостью от насилия – 37% тех, кто считает свою жизнь неустроенной из-за отсутствия социальных гарантий, в число ключевых проблем своей жизни включает и незащищенность от насилия.

Как и некоторые другие аспекты озабоченности россиян, значимость проблемы отсутствия социальных гарантий также имеет ярко выраженный региональный аспект, вновь заставляя говорить о сильной региональной дифференциации в удовлетворении базовых социальных потребностей и в приемлемости предлагаемых в разных регионах страны «правил игры». Худшие показатели по этой проблеме были в момент опроса в Ростовской области, где более половины опрошенных считали одной из ключевых причин неустроенности своей жизни именно отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности, хотя наибольшую по численности группу составляли регионы, где этот показатель находился в пределах 20%.

Далее по распространённости следует довольно большой блок текущих, повседневных проблем, каждая из которых «мешает жить» 18–20% россиян. Это проблемы, связанные со здоровьем респондентов или членов их семьи; проблемы, связанные с работой; отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы; проблемы с жильём и уже упоминавшаяся проблема незащищённости от насилия, также имеющая ярко выраженную «региональную окраску».

Все остальные проблемы набрали относительно небольшой процент голосов, хотя некоторые из них (например, алкоголизм и т. п. «вредные привычки» кого-либо из членов семьи) всё же нельзя не упомянуть отдельно. Как оказалось, единственный значимый для проблем с алкоголизмом и т. п. в

семье объективный фактор – это возраст. Вопреки распространённому мнению, это скорее проблемы старших возрастов, и медиана возраста тех, кого алкоголизм и т. п. поведенческие особенности их близких заставляют считать свою жизнь неустроенной, на 6 лет выше, чем у тех, для кого эта проблема незначима (49 лет и 43 года соответственно). При этом если среди первых лишь 9% – это люди в возрасте до 30 лет, а почти половина их (44%) – старше 50 лет, то среди вторых эти показатели – 23% и 35% соответственно.

Рассмотрим теперь динамику восприятия россиянами тех проблем, которые мешают им нормально жить, за последние 10 лет (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной, 2001 и 2011 гг., % (допускалось несколько ответов, отранжировано в порядке убывания распространённости)²⁴

Причины неудовлетворённости жизнью	2001	2011
Плохое материальное положение	44	38
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности	23	31
Проблемы, связанные с их здоровьем или здоровьем других членов семьи	22	20
Проблемы, связанные с работой	16	20
Отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы	18	19
Проблемы с жильём	19	19
Незащищённость от насилия	13	18
Семейные проблемы	17	15
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	12	11
Проблемы, связанные с изменением их общественного положения в последние годы	8	8
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т. п.) у кого-либо из членов семьи	6	7
Одиночество	6	5
Отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	4	4
Плохое питание	8	4
Отсутствие внимания со стороны других людей	3	4
Проблемы с одеждой или обувью	10	3
Считали, что живут нормально и не имеют особых проблем	24	26

²⁴ Жирным шрифтом выделены позиции, по которым за последние 10 лет произошли изменения на 5 и более процентных пунктов.

Как видно из таблицы, изменения на 5 и более процентов за последние десять лет характеризуют лишь 4 позиции. По двум из них – плохое материальное положение и проблемы с одеждой и обувью – озабоченность россиян сократилась, а по двум – отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности, а также незащищённость от насилия – выросла. Таким образом, либо денег у россиян стало больше, либо они притерпелись к своему материальному положению, но в любом случае особых негативных изменений в области уровня жизни не фиксируется. А вот те факторы, которые негативно влияют на качество жизни населения, в том числе и на его социально-психологическое состояние, явно демонстрируют рост своей значимости. И не случайно среди основных потерь, которые лично им принесли реформы последних десятилетий, почти четверть россиян назвали отсутствие социальной справедливости. Безусловным же лидером с показателем в 43% стала среди этих потерь утрата уверенности в завтрашнем дне. При этом весьма существенно, что, несмотря на то, что за последние 20 лет подросли новые поколения, социализировавшиеся в новых условиях, показатели значимости утраты лично для себя уверенности в завтрашнем дне за последние 10 лет практически не изменились, а значимость социальной справедливости среди потерь даже выросла – с 19% до 23% лично для себя и с 6% до 12% (т. е. вдвое) для общества.

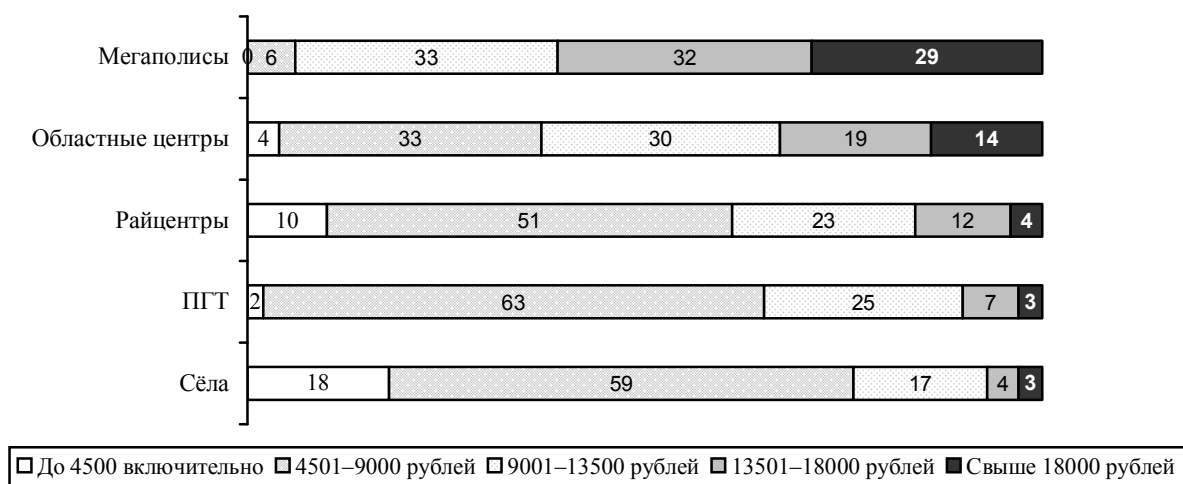
Всё это свидетельствует о том, что усугубляющиеся *проблемы россиян связаны сегодня, по их мнению, со сложившимся в России типом социума, который кажется им неправильным, несправедливым, не обеспечивающим никаких гарантий на случай тяжелой жизненной ситуации и элементарной защищённости от разных форм насилия, причём во многом – за счёт коррумпированности чиновников, формально призванных решать их проблемы.* В этих условиях не удивительно и то ухудшение социально-психологического состояния россиян, о котором шла речь в предыдущем разделе.

Однако действительно ли рост пессимизма и агрессивности россиян происходил из-за объективного ухудшения в последние годы той «институциональной матрицы», в которой им приходится жить, или же это всё-таки результат не вполне осознаваемых ими процессов ухудшения их материального положения, к которым они просто «притерпелись»? И как вообще живут сегодня россияне?

Начнём с уровня их ежемесячных доходов. Медианное значение ежемесячного душевого дохода составило для данного региона проживания, по самооценкам респондентов, 9 000 рублей, среднее – 10 415 рублей. Эти значения заметно возросли по сравнению с прошлыми годами – так, например, в 2010 г. медианное значение составляло 7 500 рублей, среднее – 8 954 рублей, а в 2001 г. эти показатели составляли 1 350 и 1 766 рублей соответственно. Однако за этими средними значениями скрывается высокая дифференциация доходов. Так, например, если в среднем по России по состоянию на начало 2011 г. величина прожиточного минимума составляла 5 902 рубля, то в нашем массиве респондентов с уровнем дохода не выше 5 900 рублей оказалось 19%. Впрочем, нужно учитывать, что в вопросе анкеты речь шла о субъективной самооценке респондентами своих доходов, которая, по данным социологических опросов, всегда оказывается ниже официальной статистики как минимум в полтора раза. Если же говорить о верхних 10%, то они имели доходы от 18 000 рублей в месяц на человека. Естественным, что наиболее высокодоходные группы в состав выборки социологического исследования не попадают, поэтому максимальный среднедушевой доход, который имели наши респонденты, и который характеризовал верхний процент распределения, находился в диапазоне 40 000–80 000 рублей.

Картина доходов россиян будет выглядеть более объёмной, если рассмотреть распределение доходных групп по разным типам поселений, характеризующимся различной стоимостью жизни и разными её стандартами (рис. 5.3).

**Самооценка уровня среднедушевых ежемесячных доходов
жителями разных типов поселений, %**

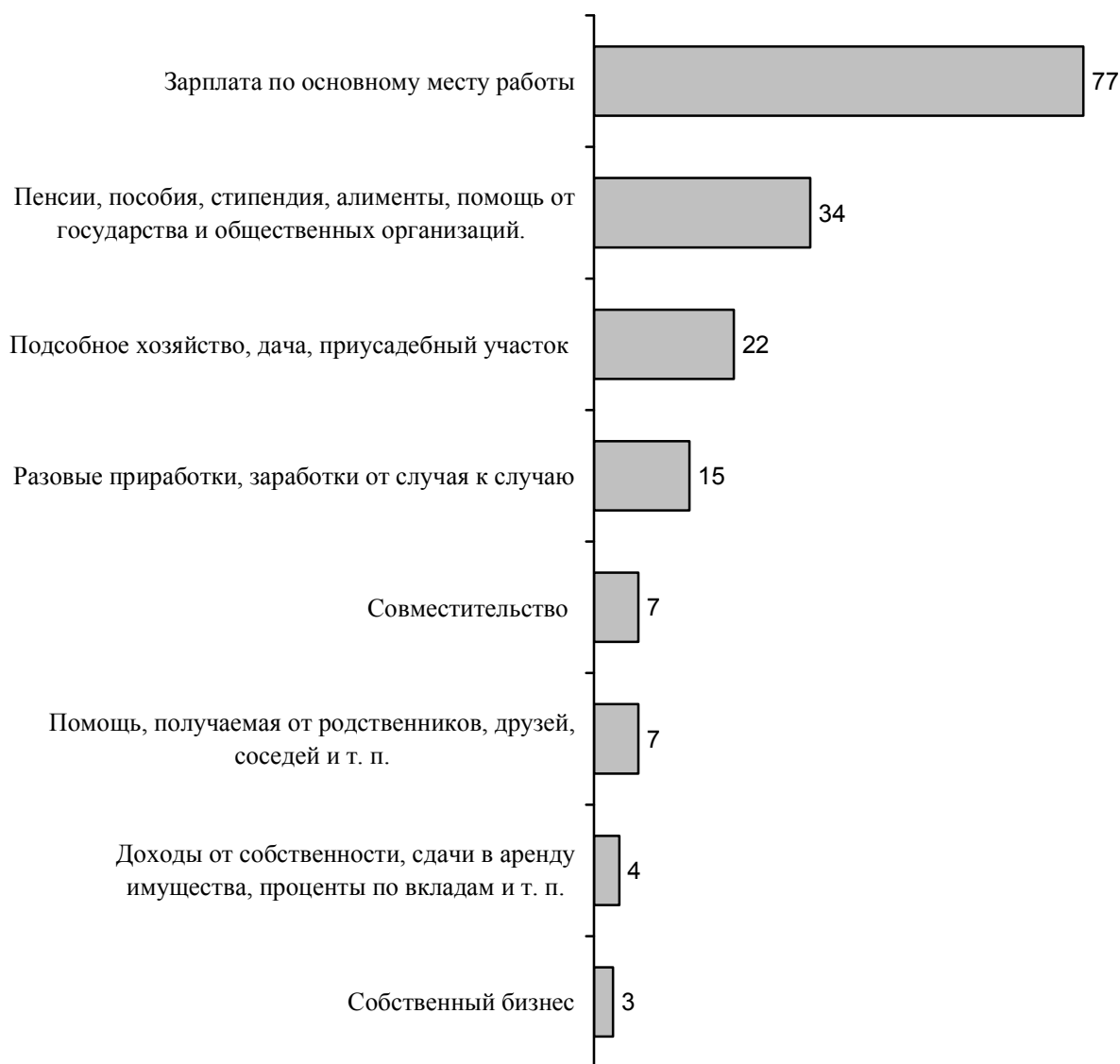
Как видим, различия в структуре доходного распределения в разных типах поселений весьма существенны, и медиана доходов, задающих определённый образ жизни локального сообщества, проходит в разных типах поселений на различных уровнях доходов. Весной 2011 г. для мегаполисов это было 15 000 рублей, для областных центров – 10 000, для райцентров и поселков городского типа (ПГТ) – 8 000 рублей, а в сёлах – всего 7 000 рублей. Конечно, в данном случае не учитывается «добавка» от натурального (подсобного) хозяйства, но различия между разными типами поселений в этой области сейчас уже далеко не так значительны, как несколько десятилетий назад – в сёлах более половины жителей не имеют никакого подсобного хозяйства, и лишь 38% указали его в числе источников дохода своей семьи (при этом в массе своей они имели в виду именно доход в «натуральной», а не денежной форме). В то же время в областных центрах около четверти жителей имеют садово-огородные участки, и 19% всех жителей этого типа поселений указывают доход от подсобного хозяйства в числе основного для своей семьи.

В этой связи уместен вопрос – а каковы же вообще основные источники дохода россиян в настоящее время? Как видно из рис. 5.4, для подавляющего большинства россиян (77%) основным источником доходов домохозяйств является работа. Значительна и доля тех, для кого основным

источником дохода выступают пособия, пенсии и прочие трансфертные выплаты – таковых в настоящее время более трети (34%), при этом почти 60% этой группы не имеют в составе домохозяйств людей, получающих зарплату.

Рисунок 5.4

Основные источники дохода россиян, %
(допускалось несколько вариантов ответа)

Какие же возможности обеспечивает россиянам тот уровень доходов, который они имеют? (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Оценка россиянами различных аспектов своей жизни, 2011 г., %²⁵

Сферы жизни	Хорошо	Плохо	Разница	Справочно: разница в 2010 г.
Отношения в семье	55	4	51	48
Питаетесь	36	7	29	32
Место, регион, в котором Вы живёте	33	9	24	28
Ситуация на работе	25	11	14	18
Одеваетесь	23	10	13	17
Состояние здоровья	24	13	11	17
Возможности проведения досуга	27	16	11	16
Ваше положение, статус в обществе	25	10	15	15
Возможность реализовать себя в профессии	24	20	4	9
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	22	19	3	9
Уровень Вашей личной безопасности	15	16	–1	*26
Возможность отдыха в период отпуска	20	29	–9	*27
Материально обеспечены	14	24	–10	–3
Жизнь в целом складывается	28	7	21	26

Как видим, картина в плане самооценки населением различных сторон своей жизни складывается довольно противоречивая. С одной стороны, практически все аспекты жизни получают у россиян в настоящий момент больше положительных, чем отрицательных оценок. Негативные отзывы преобладают только в вопросе об общей материальной обеспеченности, возможности отдыха в период отпуска и уровне личной безопасности. В то же время, наиболее распространёнными во всех сферах, кроме сферы семьи, остаются оценки «удовлетворительно», которые даёт более половины населения. Более того, по всем позициям, за исключением оценок ситуации в семье, картина за прошедший год ухудшилась. Это кажется тем более парадоксальным, что объективно 2010 г. можно охарактеризовать как вполне успешный с точки зрения окончания наиболее острой фазы глобального экономического кризиса и роста доходов населения. Тем не менее, не только оценки населением отдельных сфер жизни, но и своей жизни в целом, за этот

²⁵ В анкете был также предусмотрен ответ «удовлетворительно», не приведенный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

²⁶ В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

²⁷ В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

год ухудшились, а доля считающих, что жизнь у них складывается хорошо, в марте 2011 г. составляла менее 30%. Втрое выросла и разница положительных и отрицательных оценок россиянами своего материального положения, ухудшились также оценки ситуации с питанием и одеждой, что в условиях того роста номинальных доходов, о котором говорилось выше, выглядит прямо-таки противоестественно.

Одно из наиболее вероятных объяснений этого – *утрата россиянами надежд на то, что выход страны из кризиса принесёт с собой качественный перелом ситуации, повлекшая за собой и общий рост их неудовлетворённости.* Видимо, в начале кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечёт из этого кризиса уроки на будущее или, хотя бы, что он коснётся всех в более-менее равной степени. Однако, *когда, по мнению населения, вся тяжесть кризиса оказалась возложена на рядовых граждан, а из острой его фазы страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, то население «ответило» на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью* вопреки стабилизации своего материального положения, которое фиксируется как статистическими, так и социологическими методами. Россияне поняли или, по крайней мере, ощутили, что под лозунгами необходимости повышения эффективности российской экономики и преодоления последствий разразившегося кризиса началось масштабное долгосрочное наступление на права и благополучие рядовых граждан, что падение их доходов (если не в абсолютной, то в относительной форме) в кризис – это не временное явление и что докризисные времена уже не вернутся независимо от того, что будет происходить с ценой на нефть и дефицитом бюджета.

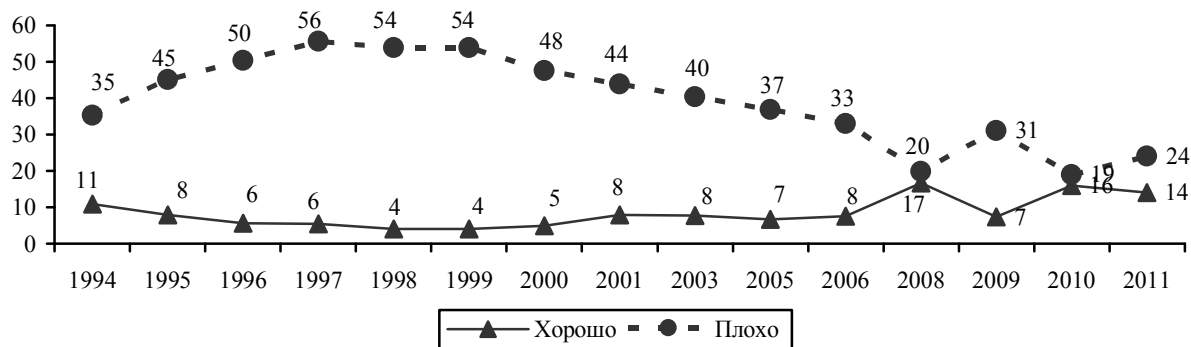
Тревожным индикатором выступает и тот факт, что разница положительных и отрицательных оценок по таким аспектам жизни, как возможности реализовать себя в профессии или возможности получить

образование и знания, резко (более чем вдвое) сократилась. А это как раз те области жизни, где роль уже упоминавшейся выше «институциональной матрицы» очень велика.

Посмотрим теперь, как изменялись ответы по некоторым позициям, описывающим уровень благосостояния россиян, в течение последних пятнадцати лет. Начнём с оценки ими своего материального положения (рис. 5.5).

Рисунок 5.5

**Оценки своего материального положения
как «хорошего» или «плохого»,
1994–2011 гг., %²⁸**

Данные, приведённые на рис. 5.5, показывают, что негативные оценки россиянами своего уровня материального благосостояния за последний год заметно выросли. Одновременно шло сокращение оценок своего материального положения как хорошего. Те же тенденции, хотя и в более сглаженной форме, характеризуют и оценки качества своего питания и ситуации с одеждой (рис. 5.6 и 5.7) – доля «хороших» оценок, хотя и гораздо менее явно, чем в отношении интегральной самооценки материального положения, в последний год упала, а отрицательных – осталась неизменной или даже чуть выросла.

²⁸ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Рисунок 5.6

**Оценки своей ситуации с питанием как «хорошей» или «плохой»,
1994–2011 гг., %²⁹**

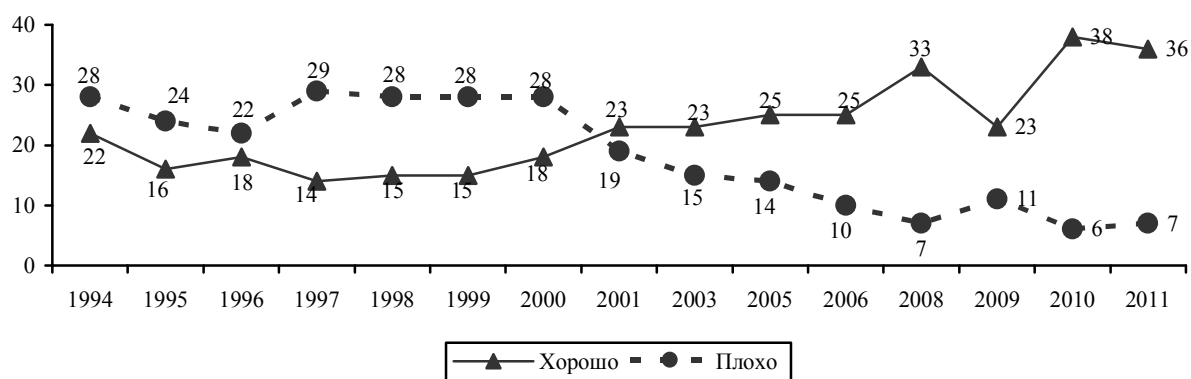
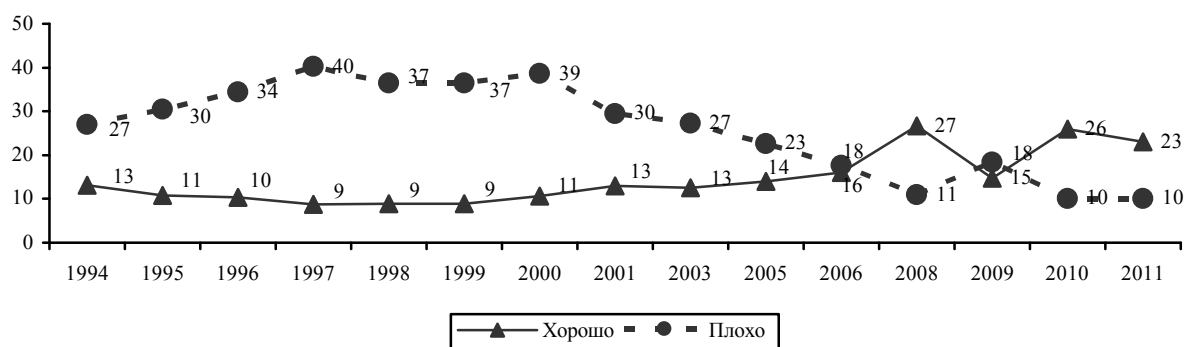

Рисунок 5.7

**Оценки своей ситуации с одеждой как «хорошей» или «плохой»,
1994–2011 гг., %³⁰**

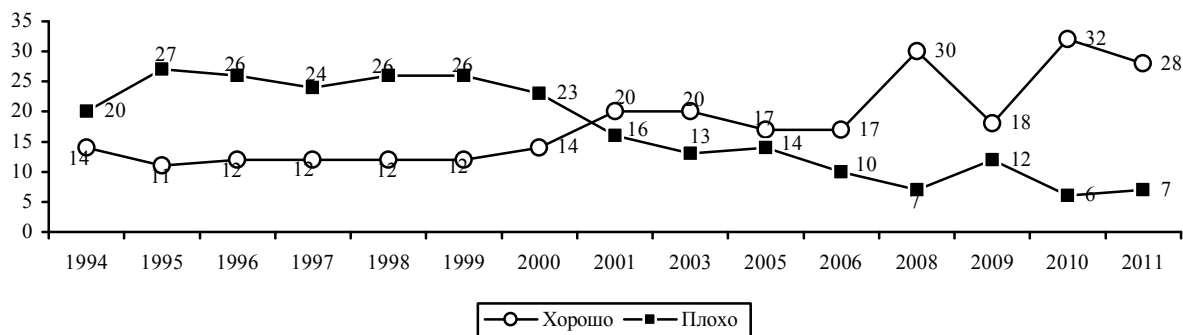

Тем не менее, *несмотря на негативную динамику последнего года, общие показатели удовлетворенности россиян своей жизнью продолжают сохраняться ещё на высоких уровнях* (рис. 5.8), превосходя даже «период надежд» начала 2000-х гг. и лишь ненамного уступая весне 2008 г. и периоду радости от заканчивающегося, как тогда казалось, кризиса весной 2010 г.

²⁹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

³⁰ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

**Как, по самооценкам россиян, в целом складывается их жизнь,
1994–2009 гг., %³¹**

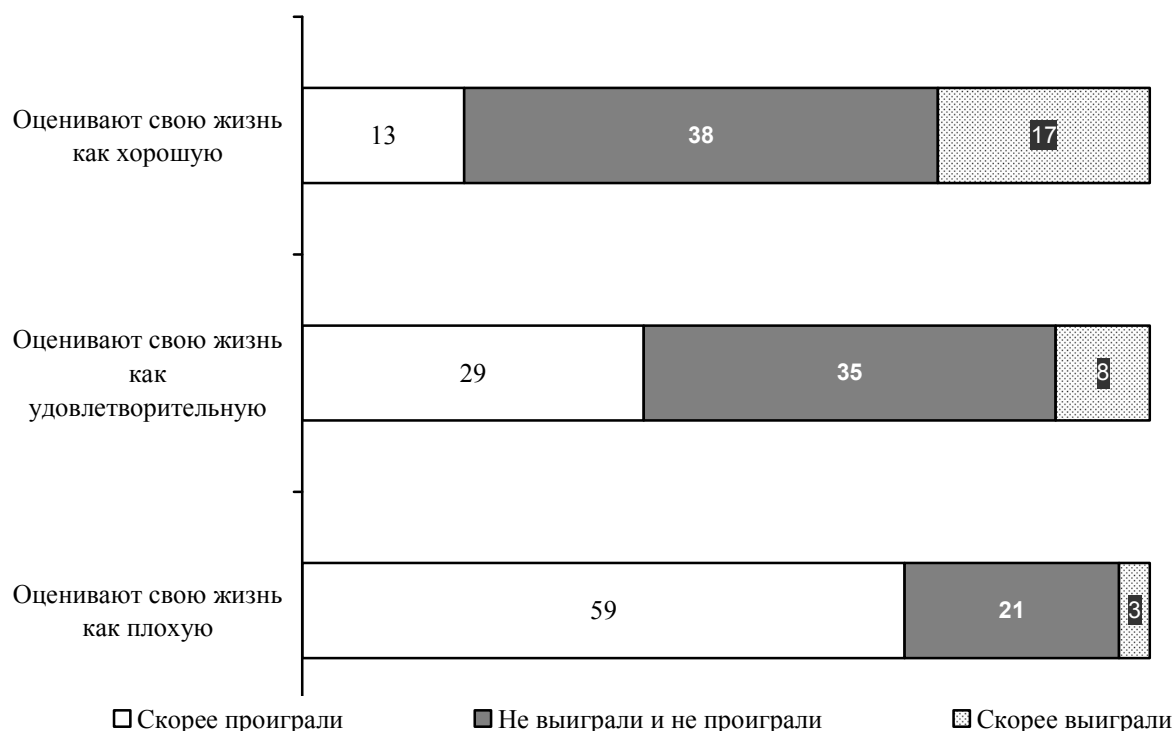
Показатели удовлетворённости жизнью наиболее тесно связаны не только с оценками респондентами различных сторон своей жизни, но и с их оценками своего выигрыша/проигрыша от реформ и оценкой своего социального статуса в обществе. Считают себя выигравшими от проводимых в России с 1992 г. реформ всего 10% населения; проигравшими – 26%; полагают, что они не выиграли и не проиграли, – 35%; и еще 29% затруднились с ответом на данный вопрос (на 60% это люди, которым в момент реформ было менее 20 лет).

При всём том, что сами по себе эти показатели кажутся не очень благополучными (выигравшей от реформ себя считает лишь четверть россиян!), рассмотренные в динамике они свидетельствуют о медленном росте толерантности населения страны к проводившимся в последние два десятилетия реформам. Так, если отвлечься от тех, кто затрудняется с ответом на данный вопрос или считает, что он не выиграл и не проиграл, то пятнадцать лет назад, в 1996 г., соотношение считавших себя проигравшими от реформ и выигравшими от них составляло 86:14. Десять лет назад, в 2001 г., оно выглядело уже как 76:24, а весной 2011 г. – как 72:28.

Если посмотреть на группы с разной удовлетворённостью своей жизнью, то мы увидим, что доли выигравших и проигравших от реформ будут в них существенно разниться (рис. 5.9).

³¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

**Выигравшие/проигравшие от реформ
в зависимости от степени удовлетворённости своей жизнью, %³²**

Как видим, недовольные своей жизнью в большинстве своём считают, что от проводившихся в России с 1992 г. реформ они только проиграли. Однако в двух других группах картина уже не столь однозначная, и на их оценках своего выигрыша от реформ начинают сказываться многие другие факторы, в числе которых и особенности их мировоззрения, и социально-профессиональный статус, и доход, и многие другие факторы, в совокупности определяющие их место в обществе и разницу их жизненных шансов — в том числе, и шансов на восходящую или нисходящую социальную мобильность.

6. Трансформация рынка труда и отношения занятости

Совершённый Россией переход к рыночным отношениям, связанная с ним структурная перестройка экономики породили глубокие изменения в сфере труда и занятости, привели к возникновению принципиально новой

³² На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

картины социально-трудовых отношений в стране. Существенно изменился и национальный рынок труда, который формировался в чрезвычайно сложных условиях, после длительного господства плановой, централизованно управляемой системы хозяйствования. И сегодня, двадцать лет спустя, его состояние и развитие обуславливается не только факторами, связанными с переходом к принципиально иной системе хозяйствования (приватизация собственности, развитие новых форм хозяйствования, интеграция России в международный рынок, либерализация экономики и т. п.), но и спецификой его развития в прошлом и, прежде всего, широко распространёнными в СССР практиками жёсткого административного контроля и регулирования со стороны государства.

Новые механизмы отечественного рынка труда начали формироваться в стране в поздние «перестроечные» и первые «пореформенные» годы. Их появление ознаменовалось принятием ряда законодательных актов, отменявших большую часть ограничений, действовавших в сфере занятости, ликвидировавших монополию государства на трудовые ресурсы, их подготовку, распределение и использование, утверждавших принцип свободно избранной занятости, значительно ослаблявших искусственные барьеры на пути перемещения рабочей силы.

Вопреки глубокому системному кризису России удалось избежать массовых увольнений и масштабного сокращения занятости, оказавшейся не слишком чувствительной к шокам трансформационного перехода. Несмотря на то, что до определённого момента общая численность занятых в стране снижалась из года в год, за весь пореформенный период её падение составило 12–14%, что было явно непропорционально масштабам сокращения объёмов ВВП, достигавшим, по официальным оценкам, 40%. С 1999 г. ситуация на российском рынке труда начала стабилизироваться: первоначальное падение уровня занятости сменилось его восстановлением. И даже на фоне мирового финансово-экономического кризиса, приведшего на исходе первого десятилетия XXI в. к осязаемому падению массового спроса

на товары и услуги, автоматическому свёртыванию объёмов их производства, а также к неизбежно сопутствующему им сокращению рабочих мест, ведущему к росту уровня безработицы, отечественный рынок труда оставался и остаётся достаточно «энергичным».

Отчасти подобная «нечувствительность» занятости явилась следствием *распространения её нестандартных форм* (занятость непостоянная (временная), неполная, в неформальном секторе, в личном подсобном хозяйстве и т. п.), ставших своего рода «визитными карточками» российского рынка труда, «приспособительными механизмами», вырабатываемыми рыночными агентами в ответ на неожиданные изменения экономической и институциональной среды. Масштаб и разнообразие распространённых в России нестандартных форм занятости оказались столь значительны, что сегодня подобные способы адаптации воспринимаются как повседневная рутина, фактически норма трудовых отношений.

Специфическим фактором, определяющим невысокую чувствительность российской занятости, выступает и *вторичная занятость*, традиционно воспринимаемая в качестве средства ослабления бремени материальных трудностей работников, «амортизатора», облегчающего решение проблем трудоустройства, поддержания приемлемого уровня жизни, поиска новых источников доходов. Оценка наиболее значимых в условиях российского общества причин вторичной занятости позволяет утверждать, однако, что мотивы её неоднозначны и не могут быть сведены исключительно к стремлению получать больший доход. Среди прочих стимулов вовлечения в отношения дополнительной занятости специалисты называют также желание получить более интересную работу, завести нужные знакомства и связи, найти стабильное рабочее место и т. п.

Значительное расширение масштабов вторичной занятости наблюдалось на рубеже 80–90-х гг. XX в. и связывалось со снятием многочисленных запретов и административных ограничений на совместительство и приработки, действовавших в советское время. Вторая

половина 90-х гг. ознаменовалась, вопреки прогнозам и ожиданиям, заметным сокращением доли вторично занятого населения, явившимся (хотя бы и отчасти) следствием стабилизации ситуации с преобразованием экономической системы России и обусловленного ею относительного улучшения социального самочувствия российских граждан. Однако тот факт, что с течением времени уровень вторичной занятости в стране постепенно снижался, а её сектор становился более стабильным и консервативным, ни в коей мере не умаляет её значимости для россиян, подтверждаемой к тому же существенной и превышающей фактическую долю потенциальных «вторично занятых». Международные сравнения свидетельствуют и о том, что даже «заниженный» уровень вторичной занятости населения в России, является более высоким по отношению к уровню, наблюдаемому в американской экономике и экономике стран ЕС.

Вместе с тем, несмотря на широкую распространённость и гипертрофированную роль вторичной занятости, возможности получения второй (и последующих) работы имеются далеко не у всех россиян, ибо определяются социальным (включая образовательный) статусом работника: чем он выше, тем они больше. Как следствие, во вторичную занятость чаще вовлекаются представители наиболее конкурентоспособных на отечественном рынке труда групп: мужчины, люди молодого и среднего возраста, имеющие образование не ниже среднего, руководители и специалисты, жители больших городов, работники массовых профессий.

К другим факторам, опосредующим невысокие показатели сокращения занятости населения, следует отнести *гибкость рабочего времени*, достигаемую российскими предприятиями за счёт перевода персонала на сокращенный график работы и административных отпусков, пик использования которых пришелся на середину 90-х гг., когда в режиме неполного времени ежегодно могли трудиться до 6–7 млн, а отправляться в вынужденные отпуска – до 7–8 млн человек; а также *гибкость цены труда*, обеспечиваемую, в том числе и практиками теневой («конвертной») оплаты.

Её широкое распространение стало естественным следствием существования в России значительного сектора теневой экономики, способствовавшего размыванию границ между официальной и теневой занятостью, а также расширению последней.

Обширный и сильно поляризованный теневой рынок труда начал складываться в российской экономике в начале 90-х гг. и постепенно превратился в самостоятельный сегмент со значительной (однако, практически не определяемой) численностью занятых, традиционными сферами деятельности, сложившимся социально-демографическим и профессионально-квалификационным составом работающих. По оценкам Росстата, в марте 2010 г. количество занятых в неформальном секторе составило без малого 10,5 млн человек (или 15,3% общей численности занятого населения). Однако это – официальная и, как полагают эксперты, сильно заниженная статистика. Очевидно одно: масштабы неформальной занятости в России существенно превосходят показатели, фиксируемые в большинстве развитых стран, и сопоставимы с уровнем теневого рынка труда в странах развивающихся, где его доля составляет 25–45%.

Переход к рынку ослабил типичные для советской экономики стимулы к накоплению излишков рабочей силы. Ужесточение бюджетных ограничений, предоставление предприятиям свободы в определении численности и состава занятого персонала, отход от принципа гарантированной занятости с неизбежностью привели к появлению ранее отсутствовавшего в России феномена открытой безработицы, старт которому был дан экономическими реформами 1992 г.

В начале 90-х гг. в российском обществе царил страх перед перспективой сверхвысокой безработицы. Несмотря на это, реальное развитие событий опровергло мрачные ожидания: траектория изменения безработицы в стране была плавной, без каких-либо резких скачков.

Исходной точкой отечественной безработицы являлся уровень безработицы в 5,2%. Только на шестом году рыночных реформ общая

безработица, никогда не достигавшая в России пиковых значений, характерных для других реформируемых постсоциалистических экономик, превысила уровень 10%, а точка максимума (14,6%) была достигнута в I квартале 1999 г. Однако стоило российской экономике вступить в фазу оживления, как показатели общей безработицы быстро пошли вниз, уменьшившись к середине 2008 г. более чем вдвое (до уровня 5,5–6%).

Очевидно, что экономический кризис 2008 г. не мог не затронуть рынок труда. Его влияние проявилось, в частности, в увеличении доли потерявших работу вследствие высвобождения, сокращения или ликвидации организации (28% в 2009 г. против 19% 2008 г.), снижении реальной заработной платы, быстром распространении неполной занятости и т. п. Вместе с тем, эксперты рынка труда единодушно признают, что уровень российской безработицы оказался в период кризиса гораздо ниже всех прогнозов и меньше, чем в странах с аналогичной экономикой. В марте 2011 г. указанный показатель фиксировался на уровне 7,1%.

Что касается официально регистрируемой безработицы, то по международным меркам, она всегда оставалась в России предельно низкой, а в настоящий момент достигла своего докризисного уровня. На протяжении всего пореформенного периода уровень регистрируемой безработицы колебался в узком диапазоне, не выходя за пределы 1,4–3,5%. В этом отношении Россия выступала абсолютным «рекордсменом»: такими устойчиво низкими показателями регистрируемой безработицы не могла похвастаться никакая другая постсоциалистическая страна.

Тем не менее, страх потери работы оставался достаточно сильным и явно не соответствующим уровню фактической безработицы. На последнее указывает хотя бы тот факт, что высокий уровень данного страха отмечался в российском обществе даже в период 2000–2007 гг. на фоне заметного экономического роста и дефицита в некоторых секторах экономики рабочей

силы. При всей иррациональности подобного страха, он имеет под собой вполне объективные и веские основания, к разряду которых, несомненно, относятся социальная незащищённость россиян и низкая эффективность системы государственной социальной защиты от безработицы, оценки работы которой оставляют желать много лучшего.

Немаловажной характеристикой общенационального рынка труда России представляется свойственная ему ярко выраженная территориальная дифференциация показателей занятости и безработицы, находящая отражение в массовом сознании. Так, наибольшие доли относящих безработицу к разряду проблем, вызывающих серьёзные опасения и тревогу, приходится на респондентов, проживающих в посёлках городского типа, сёлах и деревнях, а также городах с населением менее 100 тыс. человек (35%, 36% и 33% соответственно) со специфичным для них узким и депрессивным рынком труда, резко ограничивающим возможности трудоустройства и поиска достойного рабочего места.

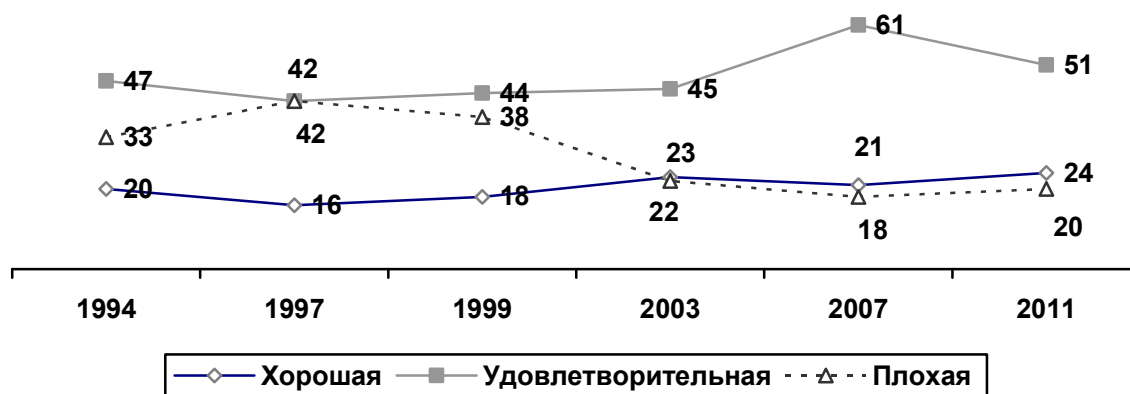
Фиксируемый на протяжении всего периода реформирования страх безработицы, усугубляемый последствиями экономического кризиса, опосредует (хотя бы отчасти) тот факт, что в 2011 г. резко (с 65% в 2007 г. до 53%) сократилась доля россиян, удовлетворённых ситуацией у себя на работе. При этом практически неизменными с годами остаются доли тех, кто оценивает её как «хорошую» или «плохую» (рис. 6.1). Таким образом, данные исследования ещё раз подтверждают подмеченные ранее тенденции отсутствия качественных изменений в социально-профессиональной сфере и видимость стабильности ситуации на российском рынке труда, равно как и указывают на потребность в создании привлекательных рабочих мест для высококвалифицированных кадров, а также адекватной системы оплаты труда.

Оценка россиянами ситуации у себя на работе в 2003–2011 гг., %³³

Ситуация на работе достаточно тесно связана с возможностями профессиональной самореализации россиян (рис. 6.2), доля удовлетворённых которыми несколько увеличилась по сравнению с периодом 1994–2003 гг., однако претерпела сокращение по сравнению с 2007 г. (61% и 51% соответственно). Из рис. 6.3 видно, что последние годы ознаменовались и увеличением доли российских граждан, оценивающих эти возможности как «хорошие» (так, даже на фоне быстрого последефолтного восстановления российской экономики периода 1998–2000 гг. доля эта составляла 18–20% и была меньше фиксируемой сегодня). При этом резко (с 33–42% до 20%) сократилась доля тех, кто считал возможности профессиональной самореализации плохими. Казалось бы, исходя из этого, можно констатировать определённое улучшение ситуации, складывающейся в данной области. Однако всё не так однозначно, поскольку в настоящий период похвастаться хорошими возможностями самореализации в профессиональной сфере может позволить себе лишь четверть россиян, тогда как пятая их часть таких возможностей практически не имеет.

³³ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому суммы цифр по каждому году могут быть менее 100%.

**Динамика оценки россиянами возможности
реализовать себя в профессии в 1994–2011 гг., %**

Хорошие возможности реализовать себя в профессиональной сфере имеются, главным образом, у лиц с высоким уровнем образования (более половины заявивших об их наличии – обладатели двух высших образований); представителей возрастных групп 27–30 (30%) и 31–40 (29%) лет; руководителей высшего уровня и предпринимателей (75% и 64% соответственно); лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью (36%), а также жителей городов-миллионников (30%). Констатация плохих возможностей профессиональной самореализации характеризовала более других лиц с невысоким и, прежде всего, неполным средним и общим средним (30% и 25% соответственно) уровнем образования; представителей старших – 51–60 и выше 60 лет – возрастных групп (22% и 31% соответственно); средне- и низкоквалифицированных рабочих, а также рядовых работников торговли и сферы услуг (27%, 31% и 21% соответственно, хотя и здесь наибольшая доля неудовлетворённых пришлась на группы не работающих из-за семейных и личных обстоятельств (60%) и безработных (44%)); сельских и деревенских жителей (24%).

Можно утверждать, что в современных условиях большинство россиян испытывает значительные трудности в сфере профессиональной

самореализации – трудности, практически не разрешимые в контексте особенностей социально-профессиональной структуры российского общества. При этом сама работа играет значимую роль в поляризации жизненных шансов российских граждан.

Неудивительно, что именно она (а точнее, связанные с ней проблемы) входит, как уже отмечалось, в пятёрку главных причин или факторов, определяющих, по мнению российских граждан, неустроенность их жизни.

В эпоху, предшествовавшую началу реформ, структурные характеристики отечественной рабочей силы заметно отличали её от рабочей силы экономически развитых стран. При слаборазвитой сфере услуг в стране существовал и функционировал гипертрофированный промышленный сектор, в котором (преимущественно на крупных и сверхкрупных предприятиях) была сконцентрирована основная часть занятых в экономике. Распределение работников по профессиональным группам смещалось в пользу «синих воротничков», в то время как целый ряд «беловоротничковых» профессий был недопредставлен либо вообще отсутствовал.

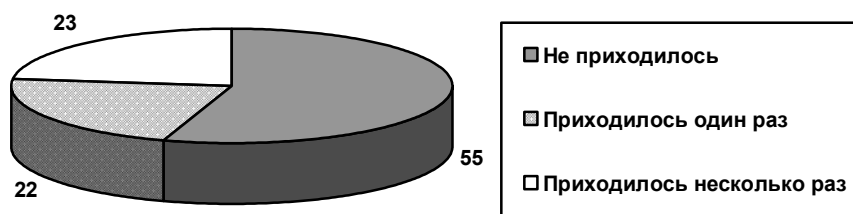
Переходный период серьёзно трансформировал отраслевую структуру российской занятости, что выразилось в заметном сокращении удельного веса занятых в промышленности, науке и научном обслуживании, сельском хозяйстве при увеличении доли занятых в торговле, на транспорте и в сфере связи, ЖКХ, здравоохранении, кредитно-финансовом обслуживании, аппарате органов управления (т. е. в основном в непроизводственной сфере). Возникла очевидная диспропорция трудовых ресурсов, производная от порождённого асимметрией информации неэффективного поведения домохозяйств при вложении в образование. Как следствие, острая нехватка одних категорий рабочей силы сопровождалась избытком других. В условиях экономической нестабильности и спровоцированных ею волн сокращений многие россияне были вынуждены пересмотреть свой профессиональный

путь: сменить не только место работы, но также профессию и сектор занятости.

Из рис. 6.3 видно, что за последние 10 лет большинству (55%) респондентов не приходилось менять профессию или специальность. Несколько меньшая (45%), но всё же весьма внушительная доля их была вынуждена сделать это (при этом без малого четверть опрошенных – 22% – решала данную задачу несколько раз).

Рисунок 6.3

Приходилось за Вам за последние 10 лет менять профессию, специальность?, %

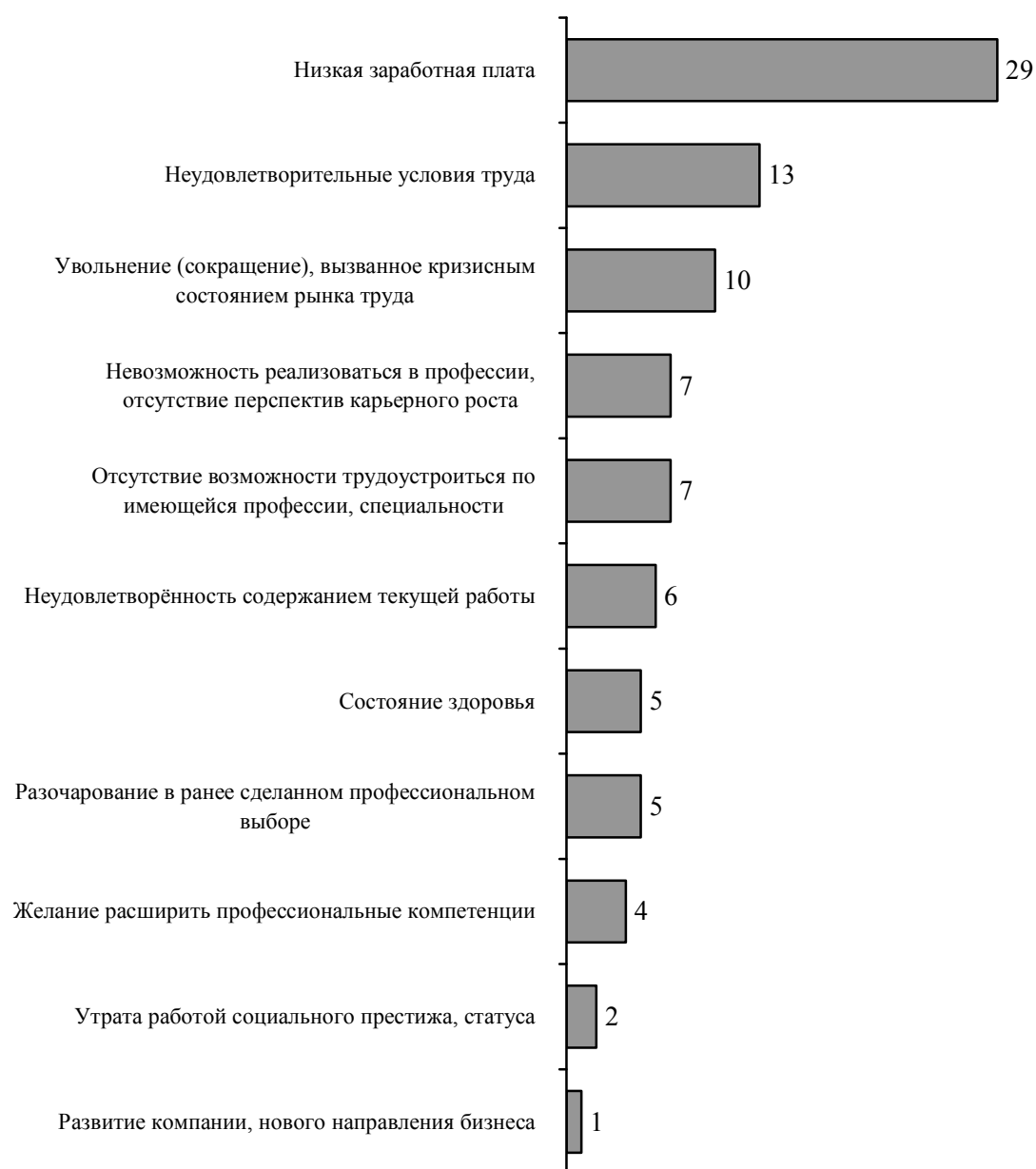
С точки зрения поло-возрастных и образовательных характеристик, среди тех, кто менял профессию или специальность не один раз, преобладают мужчины (26% против 21% женщин), представители возрастных групп 27–30 (32%) и 31–40 (30%) лет и лица с неполным средним, средним специальным и незаконченным высшим образованием (31%, 28% и 27% соответственно).

Казалось бы, в условиях реформирования экономической системы, нестабильности сферы труда и занятости, безработицы, порождаемой не только кризисным состоянием отечественного рынка труда, но и типичной для него качественной диспропорцией спроса и предложения, на фоне практически застывшей и недвижимой социально-профессиональной структуры на первый план должны выходить те из них, что связаны с

вынужденными увольнениями и сокращениями, отсутствием возможности трудоустроиться по имеющейся профессии, специальности и т. п. Однако, как показало исследование, реальное положение дел обстоит несколько иначе.

Среди главных причин смены профессии, респонденты чаще всего называли *стремление к увеличению уровня доходов*: практически треть (29%) опрошенных заявили, что сменить профессию их вынудила низкая заработная плата. Кроме финансовых причин, работу меняют из-за *неудовлетворённости условиями труда* (13%), а также в связи с *увольнениями и сокращениями, вызванными кризисным состоянием рынка труда* (10%). Невысокая – на фоне опасных, с точки зрения дестабилизации рынка труда, последствий экономического кризиса и порождённой им безработицы циклического типа – доля вынужденных расстаться с прежней профессией вследствие высвобождения, сокращения или ликвидации организаций вновь напоминает нам о специфических особенностях российской модели рынка труда – типичных для него практиках «придерживания» персонала, популярных среди российских работодателей, предпочитающих добиваться гибкости в основном за счёт снижения зарплат, неполной рабочей недели и неоплачиваемых отпусков, которые и становятся впоследствии основными причинами смены сферы профессиональной деятельности. Ещё меньше (7%) оказывается доля тех, кто меняет профессию или специальность, *будучи не в состоянии трудоустроиться по уже полученным из-за их невостребованности или, наоборот, высокой конкуренции на рынке*. Встречаются и специфические причины: профессию или специальность меняют вследствие *невозможности реализоваться в них, отсутствия перспектив карьерного роста* (7%); *неудовлетворённости содержанием текущей работы* (6%); *разочарования в ранее сделанном профессиональном выборе* (5%) (рис. 6.4).

Причины смены профессии, специальности за последние 10 лет, %³⁴

В целом же можно констатировать, что трудные 1990-е гг., когда россиянам приходилось думать в первую очередь (а то и исключительно) о зарплате, уже позади. И на первый план выходят психологические причины смены профессии.

В этом же контексте следует рассматривать тенденцию постепенного осознания многими нашими согражданами значимости повышения потенциала собственной трудовой мобильности как важнейшего фактора усиления конкурентоспособности на рынке труда. Вместе с тем, столь

³⁴ Допускалось до трёх ответов.

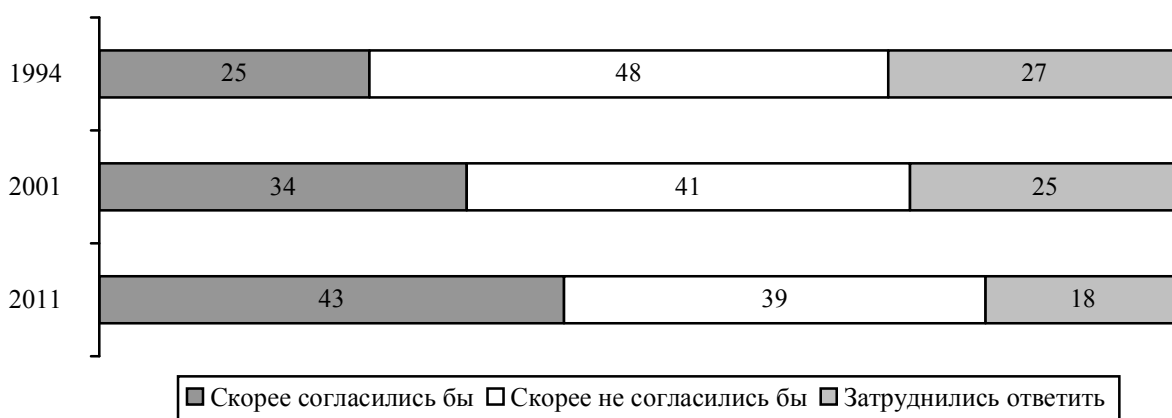
высоко ценимая в современных условиях гибкость поведения на рынке труда определяется не только высокой готовностью к смене профессии или специальности.

Не менее значимы в этом смысле и показатели географической мобильности рабочей силы. Несмотря на распространённое мнение, согласно которому россияне в отличие от европейцев и американцев – не слишком мобильные люди, и даже кризис не заставил их более активно перемещаться по стране в поисках работы, действительности не соответствует.

Безусловно, периоды беспокойной экономической ситуации заставляют многих работников с большей осторожностью относиться к самой возможности резких перемен в своей жизни. Однако число допускающих смену места жительства ради получения интересной и высокооплачиваемой работы стабильно превышает количество тех, кто не хочет ничего менять, и демонстрирует при этом тенденцию к росту (43% в 2011 г. против 25% и 34% в 1994 и 2001 гг. соответственно). Зримо уменьшаются с течением времени и доли тех, кто не готов к переезду или не может точно определиться со своим мнением (рис. 6.5).

Рисунок 6.5

Согласие / не согласие респондентов сменить местожительство, если бы им предложили более интересную, высокооплачиваемую работу, 1994–2011 гг., %

Логично, что наиболее мобильными оказываются представители молодёжи, а именно возрастных групп 18–21, 22–26 и 27–30 лет (74%, 71% и

61% соответственно). Чуть осторожнее относятся к возможности переезда люди в возрасте от 31 до 50 лет (54% и 41% в группах 31–40 и 41–50 лет соответственно). Ближе к пенсии данный показатель резко падает (до 16% в группе респондентов старше 60 лет). Опрос показал, что мужская аудитория несколько мобильнее женской: 45% респондентов-мужчин готовы к смене места жительства, и только 36% – нет, в то время как среди женщин эти показатели составляют по 42%.

Если кризисное состояние экономики и заставляет работающих россиян быть осторожнее, выбирая «синицу в руках» и снижая, тем самым, их потенциальную мобильность, то по этим же причинам россияне, уже потерявшие работу, готовы – в условиях отсутствия выбора – переехать туда, где им смогут предложить рабочее место. Именно этим объясняется, по всей видимости, достаточно высокий процент согласных изменить своё нынешнее место жительства, фиксируемый среди безработных (89%).

Возможно, что представления о низкой мобильности российского населения опосредуются (хотя бы отчасти) данными официальной статистики, согласно которым показатель численности россиян, меняющих место жительства, стабильно снижался на протяжении 1990-х гг., достигнув в итоге двух миллионов человек в год и практически застыл на этом рубеже. Понятно, однако, что видимая Росстату внутренняя миграция – лишь часть общей мобильности населения, включающая в себя тех, кто официально меняет прописку или регистрируется по временному месту жительства на срок от года и более, тогда как многие переезды означенными действиями не сопровождаются. Ситуация с «недоучётом» объёмов перемещающихся усугубляется и тем, что в условиях современной России традиционная миграция всё активнее вытесняется другими – плохо поддающимися статистической оценке – её формами (вахтовый метод работы, переезд за работой в другой регион на достаточно длительный срок (полгода – год) и т. п.).

Среди факторов, которые, как полагают, сдерживают территориальную мобильность россиян, называются, в частности, особенности их менталитета.

Вместе с тем, сами по себе факторы эти сложны и многообразны: здесь можно упомянуть и серьёзные институциональные барьеры (необходимость регистрации); и проблемы с получением медицинского обслуживания (хотя формально полис ОМС должен приниматься в любой государственной клинике, в реальности добиться этого совсем не просто); и дороговизну жилья, цена аренды, а тем более покупки которого не сопоставима с уровнем оплаты труда, на который может претендовать большинство потенциальных мигрантов. Таким образом, решение вопросов активизации внутренней трудовой мобильности населения невозможно вне контекста трансформации сложившейся в современной России институциональной среды.

Распад СССР и последовавшие за ним изменения территориальных границ, втягивание страны в общемировую систему общественного развития предопределили то, что в конце XX – начале XXI столетий Россия не только превратилась в центр притяжения трудовых мигрантов из менее благополучных (с точки зрения уровня и качества жизни) стран ближнего и дальнего зарубежья, но и ощутила – вследствие имеющихся в структуре национального рынка труда деформаций, порождаемых, в числе прочих, проблемами демографического характера и несоответствием спроса и предложения – экономическую потребность в использовании иностранной рабочей силы. Признание того факта, что даже при реальном повышении производительности труда экономический рост в стране невозможен без масштабного пополнения трудовых ресурсов за счёт более эластичной миграции, интенсифицирует миграционные потоки, выводя Россию в число трёх крупнейших – наряду с США и Германией – центров мировой иммиграции.

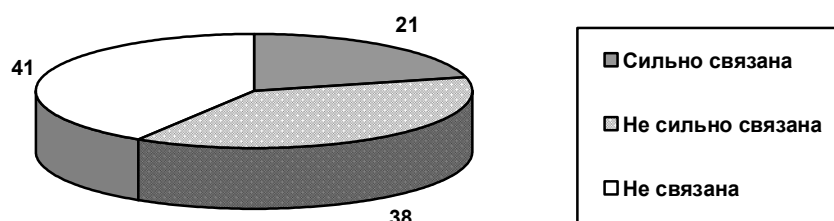
За последние полтора десятка лет рост масштабов миграции превзошёл самые смелые прогнозы и ожидания. Эксперты называют ряд «специфически российских» факторов, благодаря которым последние годы сопровождалось столь активным притоком в нашу страну иммигрантов. Среди них выделяются, в частности, экономический подъём, вызванный возросшими доходами от экспорта нефти; географическая протяжённость РФ,

соприкасающейся со многими странами, испытывающими избыток рабочей силы (или недостаток рабочих мест); а также «имперское прошлое» нашей страны, благодаря которому население государств постсоветского пространства способно изъясняться на русском языке, а, следовательно, относительно легко адаптироваться в России.

Оценивая реальные последствия происходящего для России, специалисты всё чаще подвергают сомнению точку зрения, согласно которой миграция безоговорочно выгодна как принимающим странам, так и странам выезда. О неоднозначности восприятия феномена миграции говорит и то, что, отвечая на вопрос «А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?», большинство (56%) выбрало вариант «испытываю иногда», а треть (32%) вообще затруднилась с ответом. Насколько неприязнь, возникающая на национальной почве, связана с тем, что происходит на рынке труда, например, с конкуренцией за престижную работу?

Рисунок 6.6

**Насколько связана, по Вашему мнению,
неприязнь на национальной почве
с конкуренцией за престижную работу, %**

Из рис. 6.6 видно, что относительное большинство (41%) респондентов не считает конкуренцию на рынке труда основанием для возникновения национальной розни или неприязни. 38% полагают, что связь между ними имеется, однако, не носит ярко выраженного характера. Чуть более пятой (21%) части опрошенных уверены в том, что конкуренция за рабочие места является одной из причин возникающих на национальной почве проблем.

Среди последних преобладают *мужчины* (24% против 19% женщин; и это не удивительно, учитывая тот факт, что трудовая миграция в Россию была, а во многом и остаётся мужским занятием); *лица с неполным средним и начальным образованием* (34% и 28% соответственно); *представители возрастных групп 18–21 (24%) и 22–26 (25%) лет*, а также *жители городов* (куда, собственно, и направляются в поисках заработков основные потоки трудовых мигрантов).

Характерный для большинства опрошенных отказ рассматривать конкуренцию за престижные рабочие места в качестве *серьёзного* основания для возникновения неприязни на национальной почве отражает ситуацию, сложившуюся сегодня на российском рынке, в условиях которого мигранты мало конкурируют с местными жителями. Во-первых, потому, что работают там, где не хватает своих кадров; во-вторых, постольку, поскольку занимаемые ими рабочие места предполагают, по большей части, неформальный, социально-незащищённый и низкооплачиваемый труд, а посему не пользуются спросом у местного населения. Отсутствие конкуренции между мигрантами и национальными работниками, или наличие секторов, где эта конкуренция минимальна, говорит о сформировавшихся анклавах «мигрантской» занятости.

Очевидно, что в этом смысле Россия идёт по пути других принимающих стран: постепенно складывается определённое разделение труда, выделяются «зарезервированные» для мигрантов ниши, и со временем эта сегрегация на рынке только усугубляется. Серьёзной угрозы для большинства трудоспособных россиян мигранты не представляют: недостаток квалифицированных кадров таков, что рабочих мест пока что хватает всем.

Другое дело – конкуренция на рынке труда за престижную, интересную, хорошо оплачиваемую работу. Из рис. 6.7 видно, что возможность заниматься престижной или интересной работой, а также любимым делом имеется сегодня примерно у трети (34%) россиян.

Характерно, что за последние десять лет доля таковых практически не менялась, за исключением некоторого увеличения числа наших сограждан, добившихся получения престижного рабочего места. Вызывают опасения низкие значения показателя «карьерного успеха», увеличившиеся, правда, по сравнению с серединой первого десятилетия XXI в. (12% в 2011 г. против 8% в 2006 г.).

Рисунок 6.7

**Профессиональные сферы, в которых россияне добились, чего хотели,
2001 и 2011 гг.³⁵, %**

Более трети респондентов (37%), уже сумевших сделать карьеру, приходится на обладателей двух высших образований, что ещё раз подчёркивает значимость образования как фактора, способствующего увеличению шансов на успех; а также на представителей старших возрастных групп (наибольшая доля (18%) их фиксируется в группе «старше 60 лет»). Последнее, как отмечалось ранее, свидетельствует, по всей видимости, о том, что люди эти добились своего положения ещё в советское время. Без малого четверть (23%) опрошенных заявили, что, хотя и не добились пока карьерного успеха, уверены в том, что это им по силам и они смогут реализовать себя в будущем. Среди оптимистично настроенных в этом смысле российских граждан преобладают представители молодого поколения (до 40 лет).

Как правило, отсутствие планов по достижению успеха в сфере профессиональной деятельности характерно для лиц, не имеющих высшего образования и, как следствие, обладающих низким социально-

³⁵ В 2001 г. позиция о желании сделать карьеру в данном вопросе отсутствовала.

профессиональным статусом (наибольшая доля их приходится на группы с начальным и неполным средним образованием (84% и 58% соответственно против 27%, фиксируемых в группе получивших два высших образования). Не задумывается о карьере и половина обладателей общего среднего и среднего специального образования, а также представители старших возрастных групп. Более того, с возрастом стремление респондентов подняться, сделать карьеру ослабевает, пусть и постепенно, но вполне зримо. Доля тех, для кого это важно, сокращается с 75% среди опрошенных 18–26 лет до 43% в возрастной группе 51–60 лет и до 32% в группе старше 60-ти.

Вместе с тем доля индифферентных к карьерным успехам велика и среди российской молодёжи. Так, около трети молодых россиян в возрасте 18–30 лет не включает их в приоритетные жизненные планы. По всей видимости, это свидетельствует о том, что молодое поколение российских граждан не готово делать карьеру любой ценой.

Тот факт, что подавляющее большинство россиян стремится не столько к карьере, сколько к интересной работе – несомненный плюс в плане возможностей дальнейшей модернизации российского общества. Вопрос, однако, заключается в том, как это стремление соотносится с возможностями?

Исследование показало, что россияне оценивают перспективы достижения успеха в разных сферах жизнедеятельности (рост материального благополучия, возможность профессиональной самореализации и карьерного роста, занятия предпринимательством) весьма не однозначно, но в целом сдержанно позитивно. Анализируя данные исследования (рис. 6.10), можно отметить имевшее место в последнее десятилетие нарастание позитивных умонастроений в части, касающейся восприятия россиянами возможностей карьерного и профессионального роста. Так, если при оценке 1990-х гг. об увеличении этих возможностей заявляли 14%, то применительно к 2000-м гг. доля разделяющих данную точку зрения вырастает до 24%, составляя фактически четверть опрошенных российских граждан. Уменьшается на 10%

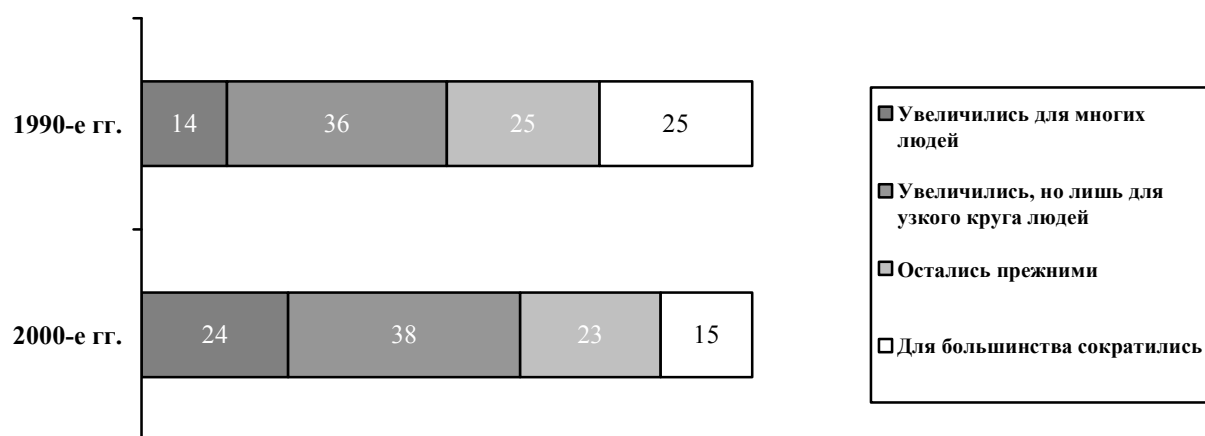
и доля лиц, полагающих, что годы реформ большинство наших сограждан ограничи́ли в возможностях профессиональной и карьерной самореализации (25% и 15% в 1990-е и 2000-е гг. соответственно). Вполне возможно, что фиксируемое усиление оптимистических умонастроений, ассоциируемое с 2000-ми гг., следует рассматривать как результат имевшего место до наступления мирового экономического кризиса оживления национальной экономики, повлекшего за собой рост уровней занятости и реальной заработной платы, сужение ареалов неполной занятости, рост годовой величины отработанного рабочего времени, превращение российского рынка труда в рынок продавца, в роли которого выступали работники, а в более общем смысле – как результат преодоления системного кризиса 1990-х гг. Преодоления, сумевшего вывести Россию на траекторию последовательного и устойчивого развития.

Вместе с тем, четверть россиян полагает, что и в 1990-е, и в 2000-е годы их возможности профессионального и карьерного роста не менялись, оставаясь по большей части прежними. Чаще же других среди ответов встречается вариант «увеличились, но лишь для узкого круга людей», приверженность которому демонстрируют более трети респондентов (36% и 38% при оценке 1990-х и 2000-х гг. соответственно). Неудивительно, что в этих условиях многие россияне не рассматривают карьеру в числе приоритетных жизненных планов и не видят для себя реальных возможностей для её построения, о чём упоминалось выше.

Таким образом, наличие некоторых позитивных моментов в плане усиления профессионального и карьерного преуспевания россиян не может восприниматься как основание для успокоенности. Напротив, полученная картина свидетельствует в какой-то мере о застойности ситуации на рынке труда, указывает на настоятельную необходимость разработки и реализации системы мер по повышению социально-профессиональной мобильности российских граждан.

Рисунок 6.8

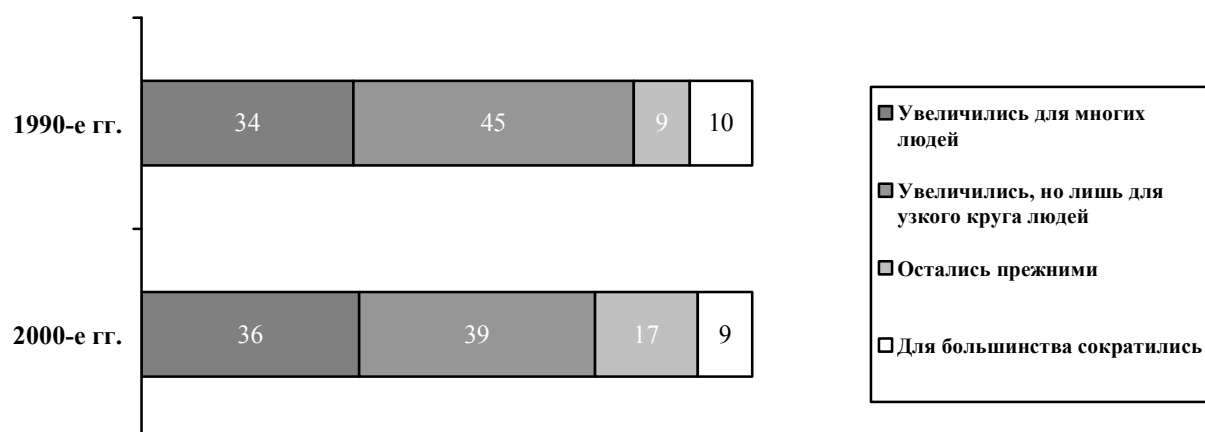
Динамика оценки россиянами возможностей профессионального роста и карьеры в 1990-е и 2000-е гг., %

Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе динамики оценок россиянами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью.

Рисунок 6.9

Динамика оценки россиянами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью в 1990-е и 2000-е гг., %

Известно, что годы реформ кардинально изменили практики распределения населения не только по отраслям, но и по секторам экономики. В результате разгосударствления предприятий, создания новых негосударственных компаний, развития самостоятельной занятости населения в российской экономике сформировался обширный

негосударственный сектор, появились новые сектора, связанные с частной собственностью и частными собственниками, лицами ненаёмного труда.

Из рис. 6.9 видно, что 1990-е гг. ассоциировались у российских граждан с увеличением возможностей заниматься предпринимательством. И это вполне объяснимо на фоне возникновения и стремительного роста предпринимательского слоя, вызванного к жизни как реализацией в России программ приватизации, так и активизировавшимися тенденциями появления «предпринимателей поневоле», вынужденных заниматься во многом незнакомой им деятельностью в силу отсутствия или недоступности иных вариантов трудоустройства или путей поддержания необходимого уровня доходов семьи в рамках своей профессии и рода занятий. Правда, и здесь большинство респондентов склонно считать, что в рассматриваемый период такого рода возможности имелись далеко не у всех и даже не у многих (34%), но лишь у ограниченного круга лиц (45%).

Консолидация экономики и порождённое ею ужесточение конкуренции, экономические кризисы, нанесшие серьёзный урон (а то и сведшие на нет многих игроков пространства малого и среднего бизнеса), очевидная «закупорка» каналов восходящей социальной мобильности, специфика взаимоотношений власти и бизнеса, в условиях которой быть предпринимателем в России сегодня зачастую не просто невыгодно, но и неинтересно, изменили сложившуюся в 1990-е гг. картину. Как следствие, при оценке по тем же позициям 2000-х гг. на 6% сократилась доля лиц, полагающих, что имеющиеся условия способствовали увеличению возможностей для занятия предпринимательством хотя бы и для ограниченного круга людей. Одновременно, несмотря на тенденции продвижения российского общества в направлении дальнейшего формирования и укрепления рыночной экономики, не мыслимой вне практик усиления частного бизнеса и предпринимательства, существенно (на 8%)

возросло число респондентов, рассматривающих данные возможности как неизменившиеся.

Неудивительно в связи с этим, что без малого половина наших сограждан (49%) не склонна включать создание собственного бизнеса в число приоритетных жизненных планов, а ещё треть хотела бы организовать его, однако, понимает, что вряд ли сможет добиться желаемого. Примечательно, что первое десятилетие XXI в. увеличило долю последних на 6% (с 23% в 2001 г. до 29% в 2011 г.).

И это не может не настораживать. Особенно, учитывая тот факт, что российские власти активно пропагандируют сегодня реализацию программ самозанятости населения (по которым гражданин, доказавший состоятельность своего бизнес-плана, может получить от государства 58,8 тыс. рублей для старта собственного дела), позиционируя их в качестве одного из наиболее действенных средств и инструментов стабилизации ситуации на национальном рынке труда. Несоответствие реальной готовности россиян к использованию открывающихся перед ними возможностей и декларациями государства заставляет задуматься о необходимости развития инфраструктуры отечественного рынка труда; улучшения работы государственных служб занятости населения, констатация низкой эффективности которых является общим местом при критике государственной системы регулирования рынка труда; равно как и о настоятельной потребности в совершенствовании проводимой в России политики занятости населения в целом.

7. Социальный статус и мобильность россиян

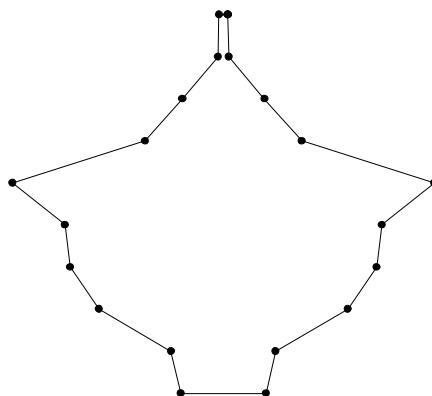
О расслоении общества на богатых и бедных как об одном из наиболее тяжелых последствий начатых в России реформ, о «смещении» вниз её социальной структуры и заниженности социального статуса большинства

россиян много говорится и политиками, и учёными, и представителями широкой общественности. Вошли эти проблемы и в пятёрку тех основных негативных последствий реформ, названных россиянами в ходе нашего опроса, которые не только затронули лично их, но и оказались, по их мнению, наиболее тяжёлыми для общества в целом. Это делает особенно актуальными вопросы о том, как же сказались реформы последних десятилетий на расслоении современного российского общества и как ощущают россияне свой сегодняшний социальный статус?

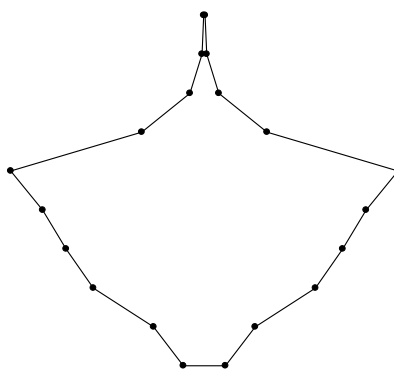
Сразу подчеркнём – собственным статусом весной 2011 г. была довольна только четверть населения. Каждый десятый россиянин оценивал его однозначно отрицательно, и почти две трети россиян – как «удовлетворительный». Какое же место на социальной лестнице должен занимать человек, чтобы быть довольным собственным статусом? Как показывают данные исследования, он должен находиться в верхней половине социальной лестницы, состоящей как бы из десяти ступенек. При этом среди тех, кто был однозначно недоволен собственным статусом, более половины составляли находившиеся на двух нижних её ступенях.

Методический приём, когда опрашиваемые должны указать своё положение на социальной лестнице, уже неоднократно использовался в социологии, в том числе и в наших исследованиях. Если, воспользовавшись полученными данными, попытаться построить модель социальной структуры сегодняшней России, где расположить всех россиян на избранных ими ступеньках десятиступенчатой лестницы социальных статусов, то получится следующая картина (рис. 7.1), во многом напоминающая ситуацию десятилетней давности (рис. 7.2).

**Социальная структура российского общества,
построенная на основе оценок россиянами своего социального статуса
в 2011 г.**

**Социальная структура российского общества,
построенная на основе оценок россиянами своего социального статуса
в 2001 г.**

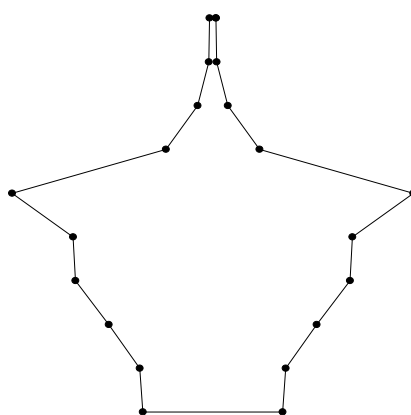

Впрочем, как видно на рис. 7.1 и 7.2, и тогда, и теперь, на одних ступенях лестницы (3–6 снизу) «толпится» довольно много людей, а на других, полярных для распределения в целом (1–4 сверху и 1–2 снизу) –

очень мало. Важно также, что картина социальной структуры российского общества, построенная на основе самоощущения россиянами своего места в социуме, заметно лучше той, что была «на входе» в реформы, в 1992 г., когда «низ» фигуры был гораздо более массивным (рис. 7.3).

Рисунок 7.3

**Социальная структура российского общества,
построенная на основе оценок россиянами своего социального статуса
в 1992 г.³⁶**

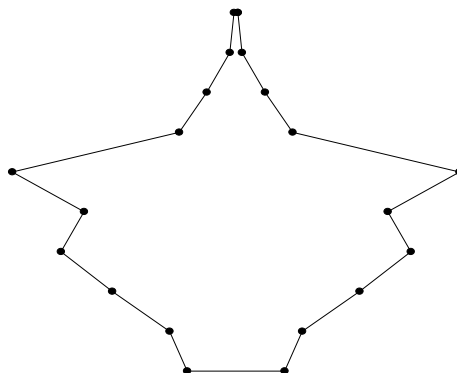

Интересно, что ретроспективное самоощущение людьми своего социального статуса, т. е. самооценка до начала реформ и десять лет назад, хотя и имеют отличия от представленных на рис. 7.2 и 7.3, но общий контур фигур на этих рисунках, построенных на основе оценок, данных респондентами в 2011 г., по их воспоминаниям о соответствующем периоде, в краеугольных характеристиках очень близок (рис. 7.4 и 7.5).

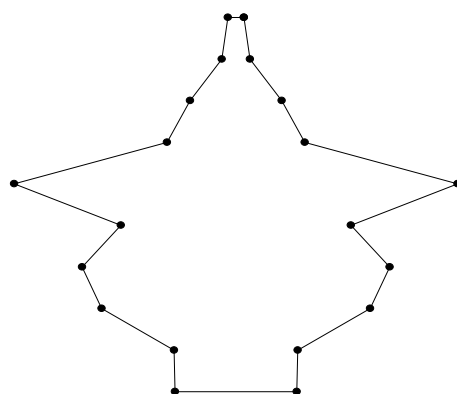
---

³⁶ Данные для построения модели взяты из исследования The International Social Survey Programme «Social Inequality II» (ISSP–1992, проводившегося в 1991–1993 гг. в 17 странах Европы и Северной Америки, включая Россию).

**Социальная структура российского общества 2001 г.,
построенная на основе ретроспективных оценок россиянами
своего социального статуса в 2011 г.**

**Социальная структура российского общества в 1991 г.,
построенная на основе ретроспективных самооценок россиянами
своего социального статуса в 2011 г.**

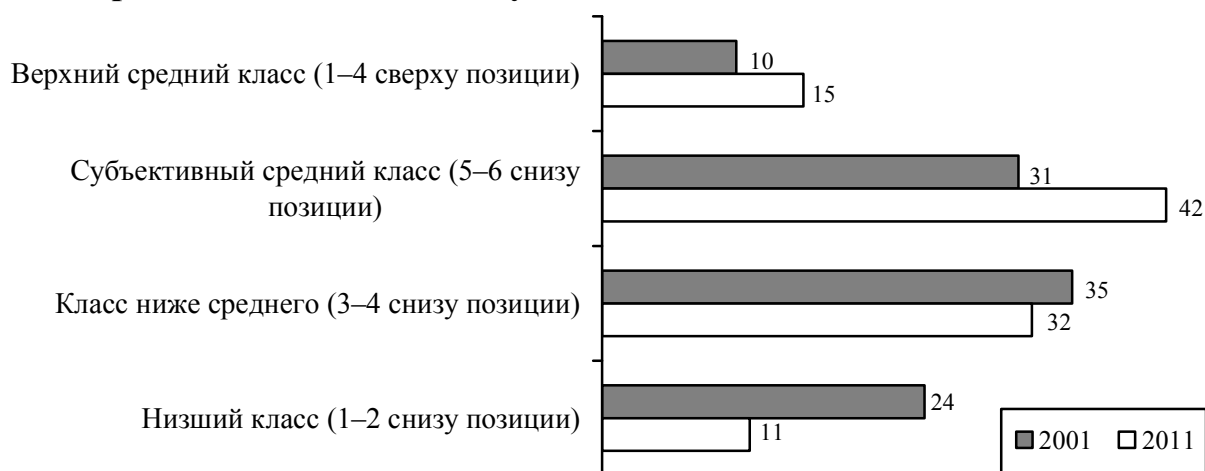
Сопоставление всех приведённых выше рисунков показывает, что они во многом похожи, и ключевое различие касается 5-ой снизу позиции – в ретроспективных оценках людей эта позиция набирает гораздо меньшее число ответов, чем в случае оценки своего места в обществе в любой конкретный текущий момент времени. Видимо, это промежуточная,

переходная позиция; и в середине распределения есть две ключевые точки концентрации, отражающие самоощущение россиянами своего места в обществе. Те, кто ощущает себя не внизу, но ниже середины в вертикальной иерархии статусов российского общества, ставят себя на 4-ую снизу позицию, а те, кто чувствует себя вполне благополучно по своему положению в социуме – на 6-ую снизу. При этом две низшие позиции соответствуют ощущению себя абсолютным социальным аутсайдером, представителем «низов».

Если, учитывая особенности каждой «ступеньки» социальной лестницы, попытаться объединить все эти ступени в определённые отрезки, которые соответствуют тому или иному классу в структуре современного российского общества, то получится следующая картина (рис. 7.6):

Рисунок 7.6

Численность основных классов, выделенных на основе оценок россиянами своего статуса в обществе, 2001 и 2011 гг., %

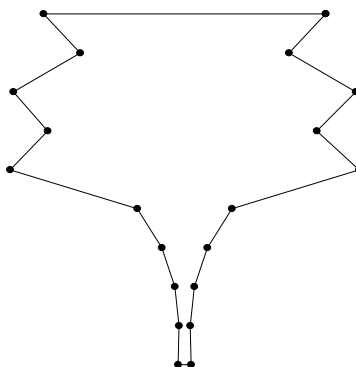
Таким образом, верхний средний и средний классы, выделенные на основе самооценок их членами своего социального статуса, составляют сегодня в совокупности 57% всех россиян. Это не просто очень высокий, но и максимальный за все годы наблюдений показатель – в 2001 г., например, совокупная численность двух этих классов составляла 41%, а в период начала реформ (1992 г.) – 52%. При этом летом 1998 г., за два месяца до кризиса, их общая численность составляла всего 27%, а летом 1999 г. – 19%. Как видим, картина времён дефолта достаточно резко контрастирует с

ситуацией кризиса 2008–2009 гг., когда 35% респондентов даже в самый его пик (март 2009 г.) отнесли себя к позициям, соответствующим субъективным верхнему среднему и среднему классам, и лишь четверть поставила себя в зону, которая соответствует позициям низшего класса общества. Как видно на рис. 7.6, сейчас ситуация, по сравнению с 2009 г., значительно улучшилась как в отношении двух верхних, так и низшего классов общества.

Теперь посмотрим, где хотели бы находиться россияне на лестнице социальных статусов (рис. 7.7).

Рисунок 7.7

Модель социальной структуры, построенная на основе самооценок россиянами желаемого социального статуса в 2011 г.

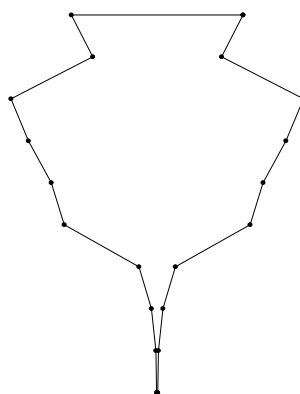
Как видим, нижняя из кажущихся привлекательными для сколько-нибудь массовой группы россиян «ступенька» – это 6-ая снизу позиция. При этом практически такую же по численности группу составляют те, кто хотел бы находиться на 8-ой снизу позиции, которая соответствует верхнему среднему классу, и почти столько же хотели бы находиться «на самом верху». В целом всего лишь 11% россиян устроили бы 1–5 снизу позиции, по 21% хотели бы находиться на 6-ой и 8-ой снизу позициях, а 17%, 16% и 13% – на 10-ой, 7-ой и 9-ой «ступенях» соответственно.

Вряд ли нужно говорить о том, что сама по себе реализация таких запросов абсолютно нереальна – нет и не может быть общества, где почти 90% его членов находятся в верхней его половине, а на двух верхних

позициях (т. е. в элитных и субэлитных группах) оказывается треть населения. В то же время, *такие нереально высокие запросы россиян далеко не случайны и являются их реакцией на растущую поляризацию российского общества, явно чрезмерную глубину социальных неравенств в нём.* В пользу такого вывода говорит прежде всего сравнение картины желаний россиян относительно того места в обществе, которое они хотели бы занимать, весной 2011 г. и 8 лет назад, весной 2003 г. (рис. 7.7 и 7.8).

Рисунок 7.8

Модель социальной структуры, построенная на основе самооценок россиянами желаемого социального статуса в 2003 г.

Как видим, в 2003 г. картина социальных притязаний россиян была гораздо скромнее, и большинство их стремилось к позициям с 5-ой снизу по 8-ую, что вполне укладывается в концепцию «общества массового среднего класса». Однако за прошедшие годы уровень притязаний россиян значительно вырос. Даже среди тех, кто поставил себя в 2011 г. на 1–2-ую снизу позиции из 10-ти возможных, т.е. отнес себя, фактически, к низшему классу, 38% хотели бы входить в верхний средний класс. В классе ниже среднего эта доля составляла 57%, в субъективном среднем классе – 72%. В то же время, ещё несколько лет назад наиболее типичным желанием россиян, в том числе и находящихся на нижних ступенях социальной лестницы, было подняться на три ступеньки вверх, а не «перескочить» всю лестницу сразу.

В пользу предположения о том, что за столь резким ростом социальных

притязаний россиян стоит резкое углубление в последние годы социальных неравенств, особенно – в крупных городах и, прежде всего, Москве, говорят и другие факты. Так, фиксируется более высокий уровень социальных запросов в мегаполисах вообще и Москве в особенности. И это не случайно – разрыв в медианных среднедушевых ежемесячных доходах верхнего и нижнего дециля в областных центрах в нашей выборке был вдвое ниже, чем в Москве. В этой связи стоит вспомнить и то, что по данным Всемирного банка коэффициент Джини составлял в России в 2009 г. 43,7 (в Москве же надёжных данных о нём просто нет, но понятно, что здесь он гораздо выше). При этом в неолиберальной Великобритании коэффициент Джини составлял в том же году 36,0, в успешно движущейся по пути экономического развития Германии – 28,3, а в исторически близких нам Украине и Болгарии – 27,6 и 29,2 соответственно³⁷.

Генерируемое углубляющимися социальными неравенствами нарастание социальных притязаний россиян при заведомой невозможности реализации их желаний будет дополнительно подогревать их и без того высокое недовольство сложившимися в стране «порядками».

Очень важно при этом, что на оценку россиянами и своего реального, и желаемого статуса в обществе влияют не только характеристики, связанные с оценками респондентами различных сторон их повседневной жизни (материального положения, жизни в целом, ситуации с одеждой и питанием, ситуации на работе и т. д.) и своих достижений, но и показатели динамики социального статуса, включая общую удовлетворённость респондентов последним. Так, например, среди тех, кто оценил свой статус в обществе как хороший, медианным баллом самооценки своего статуса по десятиступенчатой шкале оказалась та самая 6-ая снизу позиция, с которой, в

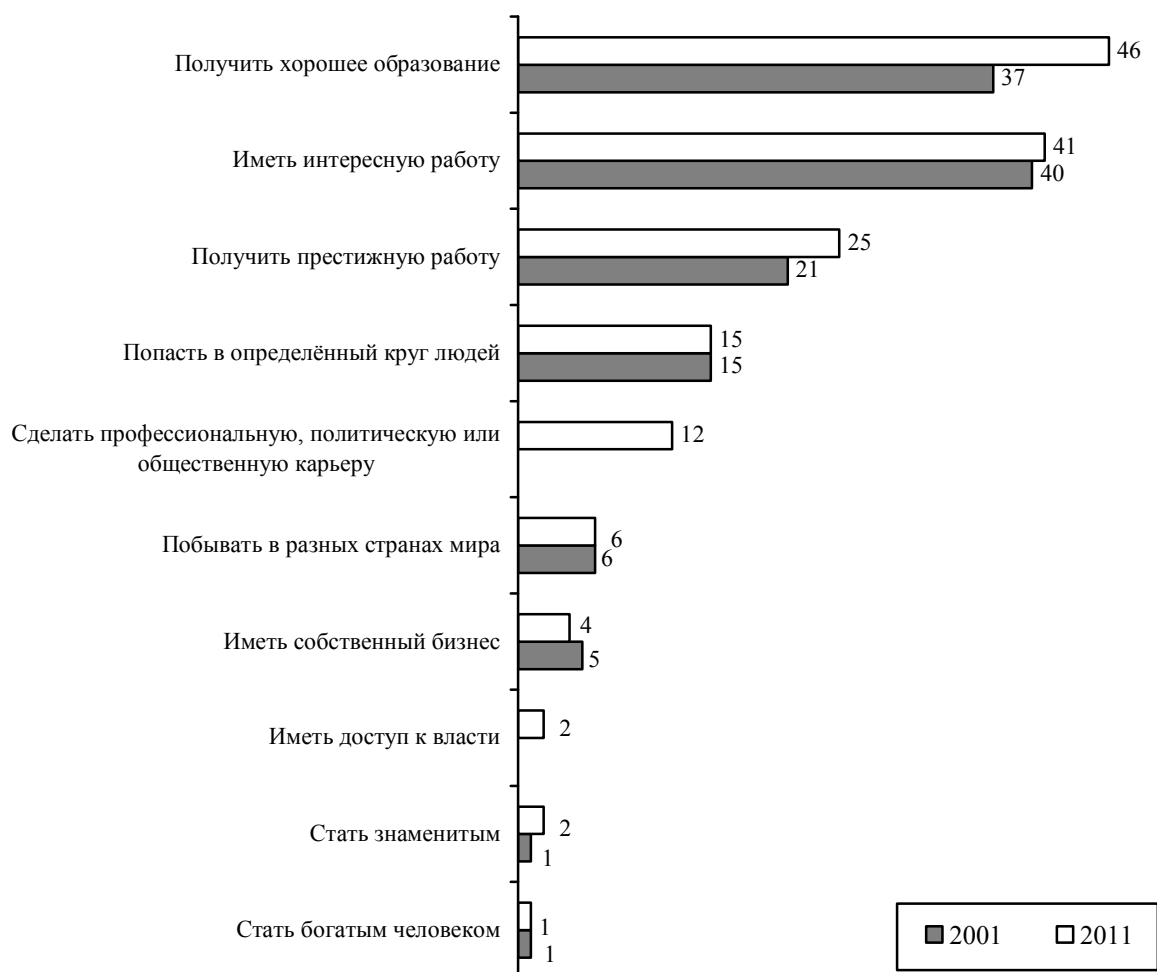
³⁷ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. 20-е, юбилейное издание. – М.: Весь мир, 2010.

глазах россиян, и начинается «социальное благополучие». При этом медианный балл ретроспективных оценок своего социального статуса в этой группе был на 1 балл меньше (5-ая снизу позиция). Эта же позиция соответствовала ситуации за все три точки наблюдений (включая момент опроса) в группе тех, кто оценил свой сегодняшний статус как удовлетворительный.

Как видим, *единственное различие между двумя группами с различной степенью удовлетворённости своим социальным статусом заключалось в том, что в первой группе наблюдалась восходящая социальная мобильность, а во второй – ситуация в этой области была стабильной.* Добавим к этому, что в группе оценивших свой социальный статус как плохой, при определении на предложенной «лестнице» своего места в обществе, чаще всего отмечали третью снизу позицию, а динамика социального статуса за последние 20 лет оказалась в ней, по самооценкам её членов, нисходящей. Учитывая всё это, понятно, что *одним из ключевых вопросов для самооощущения россиянами своего места в обществе выступает восходящий или нисходящий характер их социальной мобильности, в свою очередь тесно связанной с возможностями достичь каких-то успехов в различных областях жизни.* Вот почему мы рассмотрим сначала, как выглядят успехи и достижения россиян, а затем – каковы тенденции социальной мобильности в России, сосредоточившись на том, какие шансы даёт россиянам (и даёт ли) в плане изменения их социального статуса смена места жительства (об их возможностях, связанных с рынком труда, речь шла в разделе 6).

Итак, чего же уже удалось добиться россиянам? И какова динамика их достижений в различных областях? Рассмотрим сначала те из этих достижений, которые связаны с местом человека в макросоциуме (рис. 7.9), а не в его микромире – семье, круге дружеского общения и т. д.

**То, чего россиянам, по их мнению, уже удалось добиться,
2001 и 2011 гг., %³⁸**

Как видно на рис. 7.9, относительно массовыми достижениями россиян выступают наличие интересной и/или престижной работы и получение хорошего, по их мнению, образования. При этом по всем трём этим позициям ситуация за прошедшие 10 лет улучшилась. С другой стороны, почти по всем позициям, представленным на рис. 7.9, снизился процент тех, кто к ним не стремился. Так, с 54% до 49% сократилась доля тех, кто не хотел бы иметь собственный бизнес, с 57% до 54% – не стремившихся попасть в определённый круг людей, с 19% до 11% – не ставивших перед собой задачу получить хорошее образование, с 16% до 12% – не желавших

³⁸ Цифры приведены по всем респондентам массива, т. к. даже в вопросах, связанных с работой, распределение ответов не работающих россиян практически совпадало с распределением ответов работающих (отличия составляли не более 1%). Две позиции (о карьере и доступе к власти) в исследовании 2001 г. отсутствовали, поэтому цифры по ним не приведены.

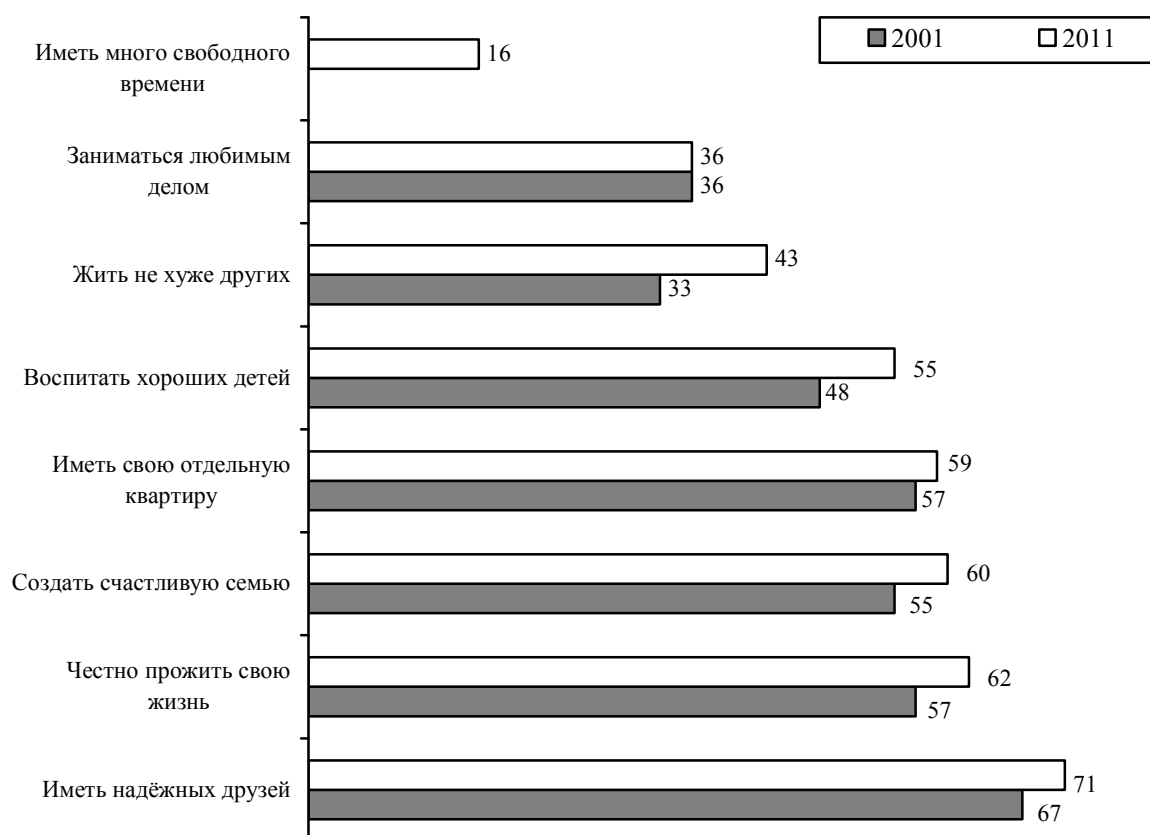
иметь престижную работу. И в этом плане *можно говорить о росте достижительных мотиваций среди россиян.*

Но что вкладывают россияне в эти достижения? Самая массовая позиция, по которой россияне фиксируют наличие у себя соответствующих достижений, – уже имеющееся хорошее образование. В двух третях случаев за ней скрывается наличие высшего образования. Более того – свыше 90% всех тех, кто имел высшее образование, считали, что они имеют хорошее образование, т. е. для россиян важен в данном случае сам уровень образования, а не его качество. Остальные среди тех, кто считал, что уже получил хорошее образование, – это люди со средним специальным образованием, хотя среди всех, имевших такой уровень образования, лишь менее половины (42%) считали, что уже получили хорошее образование.

Престижная работа, в восприятии россиян, – это занятость на должностях руководителей (включая предпринимателей с наёмными работниками) и специалистов. Только в этих группах большинство считает свою работу престижной, а общий вес этих групп в составе оценивающих свою работу как престижную – 56% при том, что их доля в составе населения в целом составляла менее четверти, а среди работающих – 29%. Таким образом, большинство россиян, в силу структурных ограничений, связанных с определённой моделью экономики, существующей в России, заведомо не имеют возможности реализовать установку на доступ к престижной работе. Из остальных групп чаще всего такие ответы встречались среди служащих. Что же касается интересной работы, то вес руководителей (включая предпринимателей с наёмными работниками) и специалистов среди считающих, что уже добились такой цели, был несколько меньше (46%). Однако, так же, как и в случае с престижной работой, только в этих группах большинство считало свою работу интересной.

Если посмотреть теперь на установки, связанные с микромиром человека, а не его местом в макросоциуме, то видно, что здесь достижения россиян более существенны (рис. 7.10).

**То, чего россиянам, по их мнению, уже удалось добиться
в их частной жизни, 2001 и 2011 гг., %³⁹**

Как видно на рис. 7.10, динамика и в этих сферах их жизни у россиян за последние 20 лет также положительная – большинству респондентов уже удалось найти надёжных друзей, честно прожить свою жизнь, создать счастливую семью, жить в отдельной квартире и воспитать хороших детей. Учитывая, что по всем этим позициям доля не стремившихся к успеху в соответствующих сферах жизни была минимальна (2–6%), можно считать, что в их частной жизни у большинства россиян всё складывается в целом неплохо.

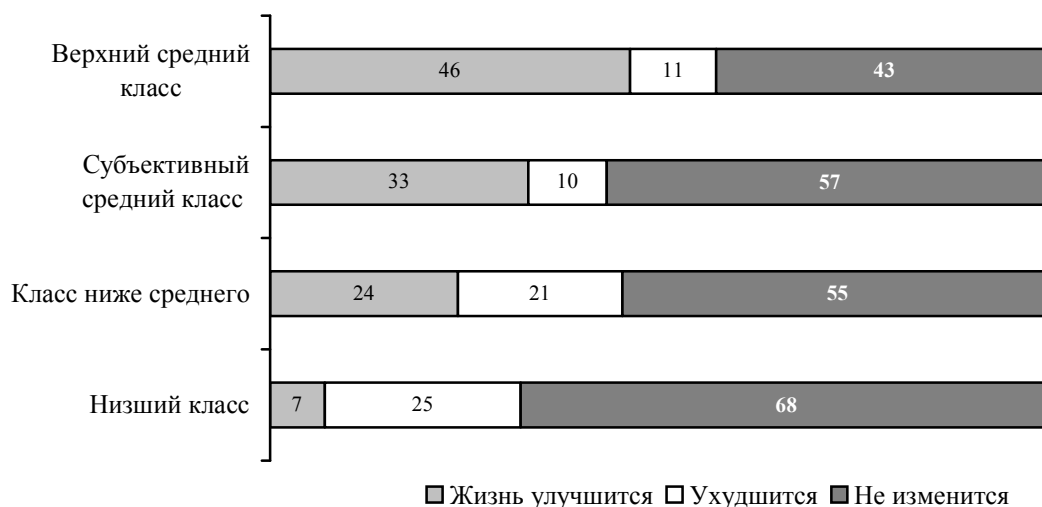
Кажется поистине странным, чтобы при таком благополучии в реализации наиболее значимых для россиян стремлений в их частной жизни, вполне благоприятной динамике в их материальном положении, о которой

³⁹ Позиция о свободном времени в исследовании 2001 г. отсутствовала, поэтому цифры по ней не приведены.

уже говорилось, вполне благополучной картине их оценки собственного статуса, у них такое плохое социально-психологическое состояние, как то, которое описано в разделе 4. Однако более глубокий анализ ещё раз подтверждает, что «не хлебом единым жив человек». Так, весной 2011 г. лишь 29% россиян были убеждены, что их жизнь скорее всего улучшится, 56% полагали, что их жизнь останется без изменений, и 15% – что она, скорее всего, ухудшится. При этом три года назад, весной 2008 г., наиболее массовой группой (46%) также была та, представители которой полагали, что их жизнь в ближайший год не изменится, но группа убеждённых в том, что их жизнь улучшится, была тогда практически такой же численности (41%). Таким образом, доля оптимистов относительно своего будущего за последние три года сократилась почти в полтора раза, хотя, казалось бы, пик кризиса уже пройден и, учитывая сложности конца 2008–2009 гг., будущее должно восприниматься россиянами сейчас вполне оптимистически. Однако этого не происходит.

Оптимизм, как, впрочем, и пессимизм относительно своего будущего, в различной степени распространён в разных группах россиян. Так, например, среди тех, кто полагал, что его жизнь складывается хорошо, практически половина (49%) считала, что в ближайший год их жизнь продолжит улучшаться. Среди тех, кто рассматривал свою жизнь как не более чем удовлетворительную, 61% полагал, что на будущее она останется такой же, какова она сейчас. Наконец, среди тех, кто считал, что их жизнь складывается плохо, треть ожидала дальнейшего ухудшения собственной жизни, свыше половины не ждали никаких перемен, а 12% ждало даже ухудшения своего положения. При этом в наибольшей степени пессимизм был распространён у представителей низшего класса (рис. 7.11).

Оценка своих перспектив на ближайшие два-три года представителями различных классов, выделенных по их оценкам своего места в обществе, 2011 г., %

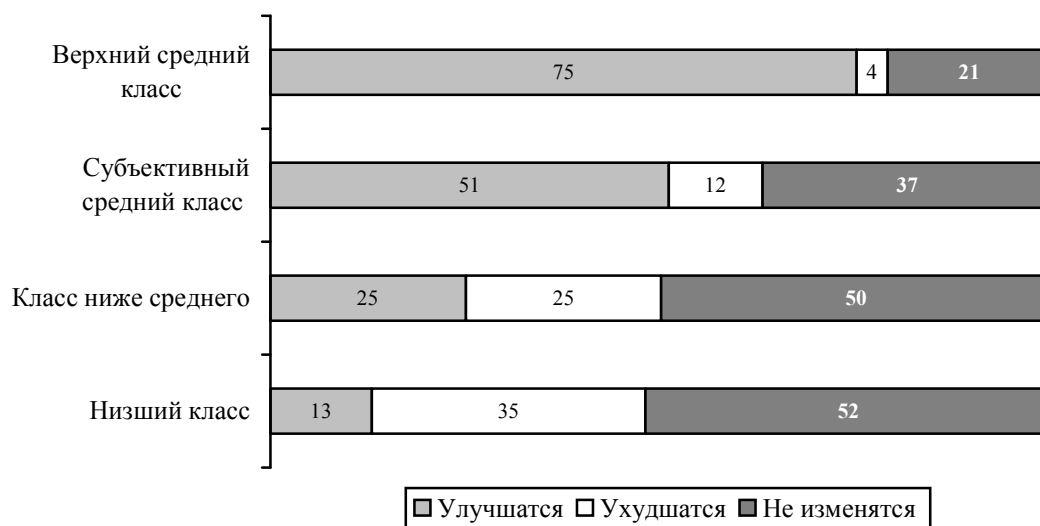

Интересно, что в наименьшей степени перемены за последние 10 лет затронули класс «ниже среднего» – в 2001 г. четверть его также ждала улучшений, более 20% – ухудшений, и половина считала, что в ближайшие 2–3 года в их жизни ничего не изменится (рис. 7.12). При этом *оптимизм верхнего среднего и субъективного среднего классов очень существенно сократился*, что, естественно, сильно сказалось и на их общем социально-психологическом состоянии, а низшего – несколько вырос. В итоге и произошло то самое сокращение значимости уровня благосостояния для формирования определённого социально-психологического самочувствия, которое уже ранее отмечалось.

Учитывая связь социально-психологического состояния россиян не столько с их материальным положением, как было, например, 10 лет назад, сколько с ощущением ими своего статуса и их отношением к тем порядкам и «правилам игры», которые сложились в российском обществе, посмотрим теперь, каковы возможности наших сограждан улучшить свою жизнь и изменить своё положение в обществе за счёт собственной территориальной мобильности (о том, как связана их социальная мобильность с их положением на рынке труда, уже говорилось в предыдущем разделе).

Рисунок 7.12

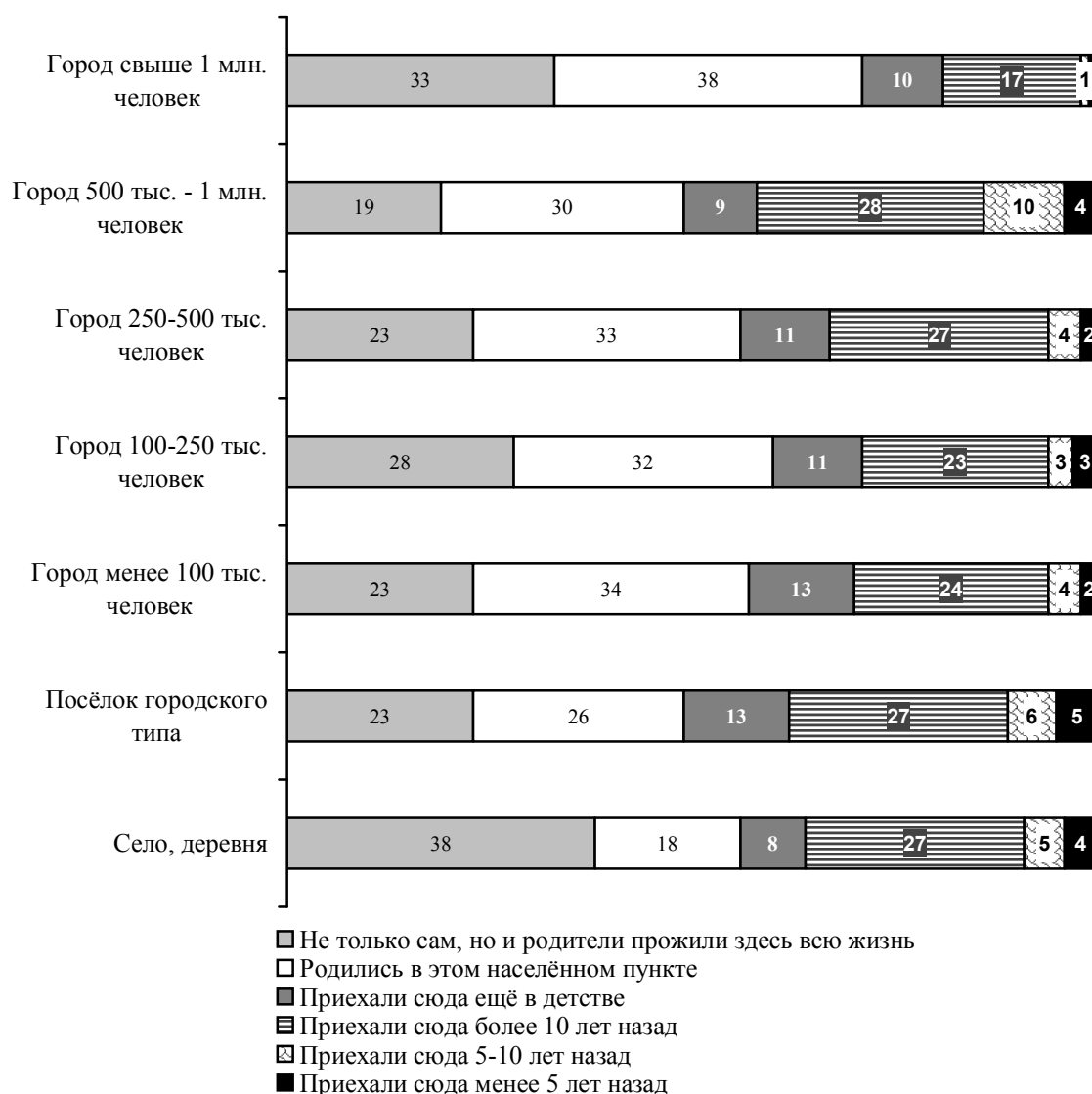
Оценка своих перспектив на ближайшие два-три года представителями различных классов, выделенных по их оценкам своего места в обществе, 2001 г., %

Куда же готовы поехать или едут россияне «за лучшей долей»? И насколько оправданным оказывается для них такой шаг?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, отметим, что 42% в нашей выборке проживали в городах с численностью не менее 250 тыс. человек, 26% – в сёлах и деревнях и 32% – в малых и средних городах с числом жителей менее 250 тыс. человек. Это примерно соответствует статистическим данным о распределении населения страны по разным типам поселений. При этом большинство наших респондентов являлись коренными жителями тех населённых пунктов, где они жили. В то же время около трети приехали в эти населённые пункты уже взрослыми, в том числе 7% – в последние 10 лет, хотя в разных типах населённых пунктов эти пропорции существенно различались (рис. 7.13).

**Доля в составе жителей различных типов населенных пунктов
выходцев из различных типов поселений, %**

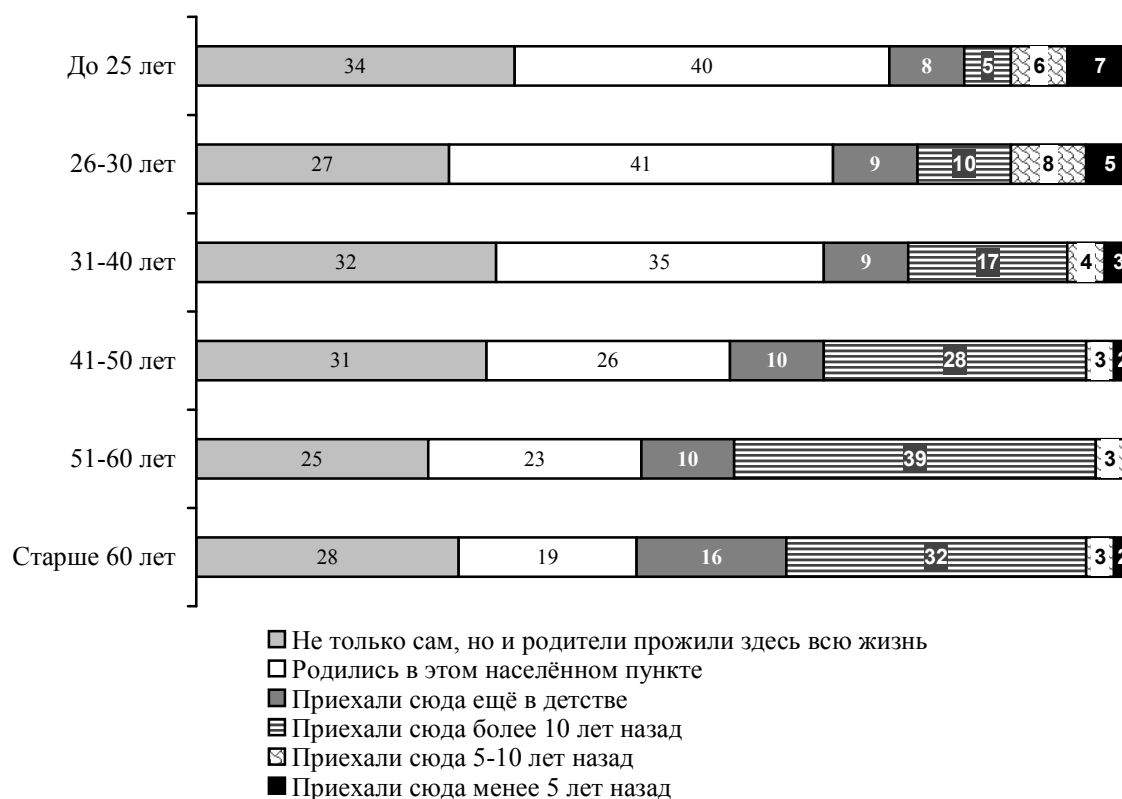
Как видно на рис. 7.13, россиян вряд ли можно назвать «домоседами», и пространственная мобильность их очень высока — во всех населённых пунктах, за исключением городов-миллионников, более четверти их жителей — это те, кто приехал туда уже взрослыми. Коренное же население составляет в каждом из типов населенных пунктов около половины, и даже в сёлах лишь 56% — это их коренные жители. При этом изумляет не только очень низкая доля тех, чья семья жила в соответствующем населённом пункте хотя бы

на протяжении двух поколений; но и высокая доля тех, кто приехал на нынешнее место своего жительства ещё в детстве. Это значит, во-первых, что нынешняя картина расселения россиян – результат колоссального «броуновского движения» многомиллионных масс на протяжении ряда десятилетий, а во-вторых, что само по себе наличие детей не выступает в России «блокиратором» миграции – ведь каждый десятый россиянин именно в детстве сменил населённый пункт, в котором он проживал до этого.

Однако мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян. Более того – на рис. 7.14 хорошо видно, что мобильность россиян всех возрастных групп, за исключением молодёжи до 30 лет, очень низка – сменили своё место жительства за последние 10 лет в средних и старших возрастных группах всего 4–7%, в то время как среди молодёжи этот показатель составляет 13%. Впрочем, в период, когда они были молодыми, представители старших поколений, судя по всему, отличались ещё большей мобильностью, чем нынешняя молодёжь. Во всяком случае, в старших поколениях (старше 40 лет) заметно ниже, чем в более молодых возрастах, доля тех, кто живет в том же населённом пункте, где он родился, и очень велика доля тех, кто приехал в них взрослым, но более 10 лет назад (28–39%). Таким образом, мобильность в советский период истории России была, видимо, гораздо выше, чем сегодня. Учитывая, что ситуация на многих локальных рынках труда поистине драматическая, такая ситуация говорит о том, что институционально межпоселенческая и межрегиональная миграция тогда, видимо, поддерживалась значительно лучше, чем сейчас. В этих условиях *вряд ли можно говорить о необходимости импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа – пока ещё в стране есть огромный ресурс перераспределения рабочей силы, практически не используемый в российской экономике.*

Рисунок 7.14

**Доля выходцев из различных типов поселений
в составе различных возрастных групп, %**

Откуда же ехали россияне в разные типы поселений? И куда идёт приток мигрантов извне нашей страны? Отвечая на эти вопросы, прежде всего отметим, что *мигранты из-за рубежа едут в первую очередь не в крупные российские города, а в сёла и малые города численностью до 100 тыс. человек.* При этом мигранты из-за рубежа, выросшие в сельской местности, едут прежде всего в российские сёла (почти в двух третях случаев), а мигранты-горожане – в малые города численностью до 100 тыс. человек или в сёла. В результате *они начинают оказывать заметное давление на и без того депрессивный рынок труда этих типов поселений, что не может не генерировать дополнительной социальной напряжённости, которая в ряде случаев приобретает характер межнациональной розни.* Возможно, такой вектор внешней миграции связан

с относительно меньшей стоимостью жилья в этих типах поселений, но *сохранение его на будущее – это серьёзная ошибка миграционной политики.*

Что же касается вектора миграции россиян, то он очень разнообразен. Россияне, выросшие в сёлах, почти на две трети проживают в сёлах же, но в случае миграции относительно чаще едут в небольшие города с численностью до 100 тыс. человек, в т. ч. и в посёлки городского типа – этот вектор миграции характеризует почти половину уехавших из сельской местности. Выросшие во всех типах городов с численностью населения не свыше 500 тыс. человек также на две трети проживают в населённых пунктах того же типа (или просто в тех же), что и тот, в котором они выросли. При этом остальные едут как в более крупные, так и в менее крупные населённые пункты (табл. 7.1).

Таблица 7.1

**Состав жителей различных типов населённых пунктов
в зависимости от места проживания до 18 лет, %**

Проживают в:	Выросли в:						
	Городе свыше 1 млн. человек	Городе 500 тыс. – 1 млн. человек	Городе 250–500 тыс. человек	Городе 100-250 тыс. человек	Городе менее 100 тыс. человек	ПГТ	Селе
Городе свыше 1 млн. человек	86	16	6	5	4	13	7
Городе 500 тыс. – 1 млн. человек	1	60	12	8	9	11	2
Городе 250– 500 тыс. человек	1	5	67	2	4	3	7
Городе 100– 250 тыс. человек	2	4	4	67	3	1	-
Городе менее 100 тыс. человек	4	8	5	5	70	17	12
ПГТ	1	1	2	1	4	36	10
Селе, деревне	5	6	4	12	6	19	62

Выходцы из городов с численностью жителей от 250 тыс. до 1 млн едут при этом в первую очередь в более крупные города, а из средних городов (100–250 тыс. человек) активно едут и в более мелкие населённые пункты, в первую очередь – сёла. За этой тенденцией могут стоять как позитивные, так и негативные для экономики и социальной сферы страны процессы. С одной стороны, приезд в сёла городских жителей (а каждый седьмой житель села сегодня – это человек, по меньшей мере до 18 лет живший в городе, и ещё 7% – выходцы из ПГТ) должен способствовать расширению в селах той группы людей, которые отличаются большей мобильностью, восприимчивостью к инновациям и т. п. особенностями, в большей степени присущими людям, прошедшим социализацию в городской, а не сельской культуре. Это может позитивно сказаться на перспективах реформирования российского сельского хозяйства и способствовать оживлению российских сёл.

С другой стороны, за этой тенденцией могут скрываться негативные процессы миграции части люмпенизированного городского населения, теряющего свои квартиры в городах, с соответствующим увеличением в сёлах доли маргинализованного населения. Эмпирические данные позволяют говорить о присутствии обеих этих тенденций. Так, среди сельских жителей – бывших горожан – показатели оценивающих своё материальное положение как хорошее практически вдвое (17% против 9%) выше, чем среди коренных сельских жителей, т. е. часть мигрантов сумела найти себе достаточно удачную «экологическую нишу», и переезд в сельскую местность был для них рациональным шагом. В то же время среди проживающих в сёлах выходцев из городов выше также (28% против 25%) по сравнению с коренными селянами доля материально неблагополучных (по самооценкам) респондентов. Более того, доля оценивающих своё материальное положение как плохое в группе проживающих в сёлах мигрантов из городов более чем вдвое превышает долю оценивающих его как хорошее.

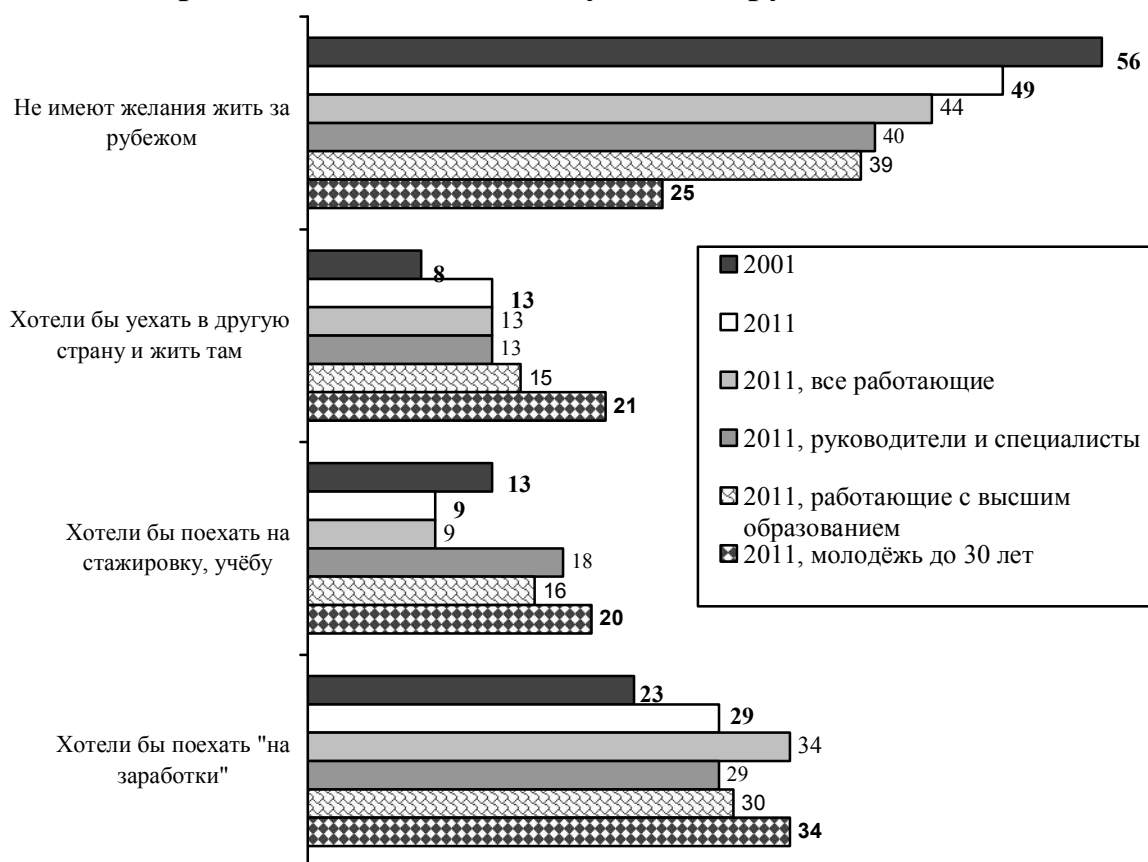
Интересно также, что есть только два типа поселений, резко, хотя и разнотипно, выделяющихся на общем фоне по доле оставшихся в них выходцев из поселений тех же типов. Это города-миллионники, где эта доля достигает 86% (хотя примерно каждый пятый в этой группе приехал в город, где он проживал в момент опроса, из другого города-миллионника уже во взрослом состоянии), и посёлки городского типа, для которых она, напротив, аномально низка и составляет всего чуть более трети. При этом из ПГТ их жители активно едут и в крупные города (от 500 тыс. жителей и выше), и в небольшие города до 100 тыс. населения, и в сёла. Однако в любом случае для большинства из них эта миграция оказывается неоправданна – показатели оценивающих своё материальное положение как плохое для выходцев из ПГТ, как, впрочем, и сёл, везде – и в сёлах, и в городах – выше, чем для их коренных жителей или выходцев из других типов городов, а оценивающих его как хорошее – ниже. Положение мигрантов из ПГТ и сёл в малых городах чуть лучше, чем в крупных, но начиная с городов численностью 250 тыс. человек миграция, по крайней мере в её нынешнем стихийном виде, для людей, прошедших первичную социализацию вне городской культуры, экономически неоправданна. И наоборот – выходцы из более крупных типов поселений, переехавших в населённые пункты меньшего размера, демонстрируют лучшие показатели своего материального положения, чем даже их коренные жители.

Это значит, что, *хотя миллионы и миллионы россиян ехали и продолжают ехать «за лучшей долей» в крупные российские города, но подавляющее их большинство вряд ли сможет найти в них то, что ищет. Возможно именно поэтому доля людей, решившихся на переезд в другой населённый пункт, от поколения к поколению сокращается.* Но, если переезд внутри России себя в большинстве случаев не оправдывает, а недовольство своей жизнью и местом в обществе присутствует, то выходом может выступать эмиграция – временный выезд «на заработки» или же переезд в другую страну на постоянное место жительства.

И действительно – за последние 10 лет доля тех, кто хотел бы уехать за рубеж, заметно выросла; и сегодня доля тех, кто вообще не хотел бы уезжать из России, составляет уже менее половины населения (рис. 7.15). Впрочем, при этом далеко не для всех, кто хочет уехать из России, это желание означает окончательный отъезд из своей страны – лишь 13% респондентов хотели бы покинуть Россию навсегда. Однако это более чем в полтора раза больше, чем десять лет назад, а в группе работающих с высшим образованием эта доля составляет даже 15%. Минимальна в ней и доля тех, кто вообще не хотел бы жить за рубежом – всего 39%. Таким образом, *общее недовольство россиян нынешней ситуацией в стране отчётливо проявляется в росте их установок на эмиграцию, причем в наибольшей степени эти установки распространены отнюдь не у социальных аутсайдеров, как это было раньше, а у вполне благополучного населения.*

Рисунок 7.15

Отношение россиян к возможности уехать за рубеж, 2001 и 2011 гг., %

Кроме того, как видно на рис. 7.15, основным мотивом миграции для россиян является стремление заработать. Они массово готовы превратиться в «гастарбайтеров» и уехать за рубеж «на заработки» – свыше трети всех работающих выразили такое желание. При этом среди наиболее образованного населения, а также руководителей, предпринимателей и специалистов этот мотив несколько менее популярен, хотя и в этих группах доля потенциальных «гастарбайтеров» очень высока.

Конечно, наличие некоего общего желания поехать за рубеж отнюдь не означает наличия соответствующей «установки к действию», а тем более – и самих действий в этом направлении. Но *сокращение на 7% за 10 лет доли тех, кто вообще не хотел бы уезжать из России; как и доли тех, кто готов был бы съездить куда-нибудь в другую страну «поучиться» при одновременном, и весьма заметном, росте тех, кто хотел бы покинуть Россию навсегда или поехать в другую страну на заработки, является серьёзным индикатором общего неблагополучия в стране.* Ведь 2001 г. – это далеко не самый благополучный из предкризисного периода год, когда экономика ещё не полностью восстановилась после дефолта 1998 г. Особенно тревожно при этом то, что среди молодёжи до 30 лет, т. е. самой мобильной группы населения, лишь четверть сказали, что они вообще не хотели бы жить за рубежом. Свыше трети хотели бы уехать «на заработки», а каждый пятый хотел бы уехать из России навсегда.

8. Ценностные и идейно-политические установки в пореформенной России

Реформы начала 90-х гг. привели к стремительной трансформации социальной структуры российского общества. В ходе этого процесса почти мгновенно рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришел не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая социальная аномия и общая хаотизация ментального

пространства. У разных социальных групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелких, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии, порой очень плохо совмещающиеся не только с принципом общего блага или с традиционной моралью, но и с универсальными юридическими нормами, на которых построено любое общество.

Всё это поначалу не особенно тревожило архитекторов «новой России», которые были озабочены совсем другим, в первую очередь – форсированным созданием класса собственников, способного стать социальной базой реформ. Вскоре, однако, выяснилось, что общество, утратившее общие цели и смыслы, чрезвычайно нестабильно. Оно становится генератором неприемлемых рисков и конфликтов высокой интенсивности, при том что на таком социальном фоне государству никак не удаётся представить себя в качестве носителя «общего блага». В результате этого и власть, и оппозиционные ей политические силы почти одновременно обратились к поиску некой объединяющей россиян идеи. Можно сказать, что приблизительно с середины 90-х гг. поиск национальной идеи становится полем специфической конкуренции между разными политическими проектами и, соответственно, между выдвигающими и поддерживающими их политическими силами.

Какие же варианты национальной идеи пользовались поддержкой населения страны в прошлом и к чему оно склоняется в настоящее время? Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют рассматривать эту тему в динамике. На табл. 8.1 представлено выявленное в ходе опросов 1995, 2001 и 2011 гг. распределение мнений наших сограждан по поводу того, какая идея могла бы объединить российское общество. При этом респондентам предлагалось выбрать до трёх наиболее привлекательных, с их точки зрения, вариантов из 10-ти возможных.

Таблица 8.1

**Динамика представлений россиян о том,
какая идея могла бы объединить российское общество,
1995–2011 гг., %⁴⁰**

Идеи	1995	2001	2011
Идея единения народов России в целях её возрождения как великой державы	41	48	42
Идея укрепления России как правового государства	30	47	38
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	24	24	26
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	12	15	7
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	10	15	21
Идея объединения всех славянских народов	9	15	13
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	7	8	9
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	6	10	8
Идея очищения общества через православную веру	6	8	9
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	2	13	12
Другая идея	1	2	1
Затрудняюсь ответить	7	6	18

Как видно из таблицы, на протяжении вот уже полутора десятилетий взгляды россиян на данную проблему остаются достаточно постоянными. По крайней мере, первые три места во всех рассматриваемых нами случаях распределились одинаково. Наиболее значимыми интегрирующими идеями для россиян являются: единение народов России с целью её возрождения как великой державы, укрепление правового государства и объединение усилий всех народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Причём распределение мнений по этим вопросам в основных социально-демографических группах оказалось довольно ровным. Разумеется, доля поданных за каждую из этих идей голосов в разные годы менялась, однако общий порядок, в котором они располагались по степени своей привлекательности, всё время оставался неизменным. Сохранялся и значительный разрыв между названными выше тремя наиболее «рейтинговыми» вариантами национальной идеи и – всеми последующими.

⁴⁰ Сумма цифр в столбцах превышает 100%, т. к. можно было выбрать до 3-х ответов.

Как показывает таблица, основные перегруппировки и другие изменения происходили в средней её части. Наиболее заметные из них связаны с изменением отношения россиян к Западу. Так, в 1995 г. примерно каждый восьмой гражданин России связывал будущее страны с её вхождением в общеевропейский дом, тогда как противостояние Западу рассматривал в качестве национальной идеи едва ли один человек из пятидесяти. Но затем эти индикаторы как бы поменялись местами. И в 2001, и в 2011 гг. каждый восьмой россиянин выразил готовность консолидироваться на почве антизападных ценностей. Перспектива сближения с Западом стала терять кредит несколько позже. В 2001 г. её поддерживала даже несколько большая часть опрошенных, чем в 1995 г. – около 15%. Однако к настоящему времени данная цифра уменьшилась по крайней мере в 2 раза.

Обращает на себя внимание рост числа сторонников социалистических идеалов. Как и следовало ожидать, динамика данного показателя находится в прямой зависимости от возраста. Если в самой молодой возрастной когорте – до 25 лет – поддержку социалистическим убеждениям высказали только 9% опрошенных, то среди переступивших 60-летний рубеж доля таковых в 3,5 раза больше. Заметим, что, хотя общее количество людей, получивших в своё время «советское» воспитание, естественным образом сокращается, доля респондентов, выступающих за консолидацию общества на почве социалистических ценностей, держится примерно на одном уровне или даже несколько возрастает. Так, по сравнению с 2001 г. их доля увеличилась примерно в 1,5, а по сравнению с 1995 г. в 2 раза. Это значит, что распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще. Судя по данным проведённого опроса, в настоящее время социалистических взглядов придерживается примерно каждый пятый россиянин. Это, конечно, не большинство населения, но тем не менее *весьма значимое* меньшинство.

Отметим в этом контексте одну немаловажную деталь. Более половины россиян в настоящее время вообще не придерживаются каких-то определённых идейных позиций либо пытается сочетать элементы самых разных социально-политических доктрин, избегая при этом слишком «крайних» точек зрения. Однако среди людей, идентифицирующих себя с каким-то определённым идейным течением, социалистических убеждений придерживается каждый второй. При этом общая доля «социалистов» в российском идейно-политическом спектре примерно в 3 раза превышает долю как либералов, так и националистов, исходящих из веры в уникальность русского пути развития (табл. 8.2).

Таблица 8.2

**Динамика идейно-политических предпочтений россиян,
2001 и 2011 гг., %**

Идейные позиции	2001	2011
Относят себя к либералам, сторонникам рыночной экономики	7	5
К сторонникам коммунистов	12	12
К сторонникам обновлённого, реформированного социализма (например, к социал-демократам)	4	6
К приверженцам самостоятельного русского пути развития	6	6
Стоят за сочетание различных идей, избегая крайних и радикальных	16	17
Не являются сторонниками никаких идейных течений	39	41
Затруднились ответить	16	13

Вряд ли кому-нибудь покажется неожиданным тот факт, что ностальгия по социалистическим ценностям менее всего присуща сторонникам «Единой России», а за возвращение к ним выступают в основном те, кто на выборах собирается голосовать за КПРФ. Удивляться надо, скорее, другому – тому, что за реальное осуществление социалистической идеи высказалось *менее половины* (49%) сторонников компартии. Неожиданно мало сторонников социализма оказалось и в электорате позиционирующей себя в левой части политического спектра «Справедливой России». Значение соответствующего индикатора по результатам опроса оказалось практически равным его среднему значению по выборке (23–24%).

Размышляя об опыте российской модернизации и возможности реализации в России тех или иных исторических проектов, нельзя не

заметить одной особенности социального мышления именно *российских реформаторов*. Состоит она в том, что *эти последние практически всегда идут не от «социального материала», а от «модели развития»*. Соответственно, социальные преобразования в России обычно предполагают своего рода «антропологическую коррекцию». Так, идеология социалистического эксперимента 1917–1991 гг. включала в себя тезис о формировании «нового человека». А рыночные реформы 90-х начинались с пропаганды этики успеха и артикуляции модели «успешного человека», готового использовать «новые шансы».

Однако данные проводившегося на протяжении всего периода реформ социологического мониторинга показывают, что *ценностные ориентации российского общества очень устойчивы*. Безусловно, новые образы и идеи, которые активно продвигались реформаторами в информационное пространство, повлияли на общественное сознание, в особенности – на молодёжь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», в целом не меняющих общую иерархию ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа.

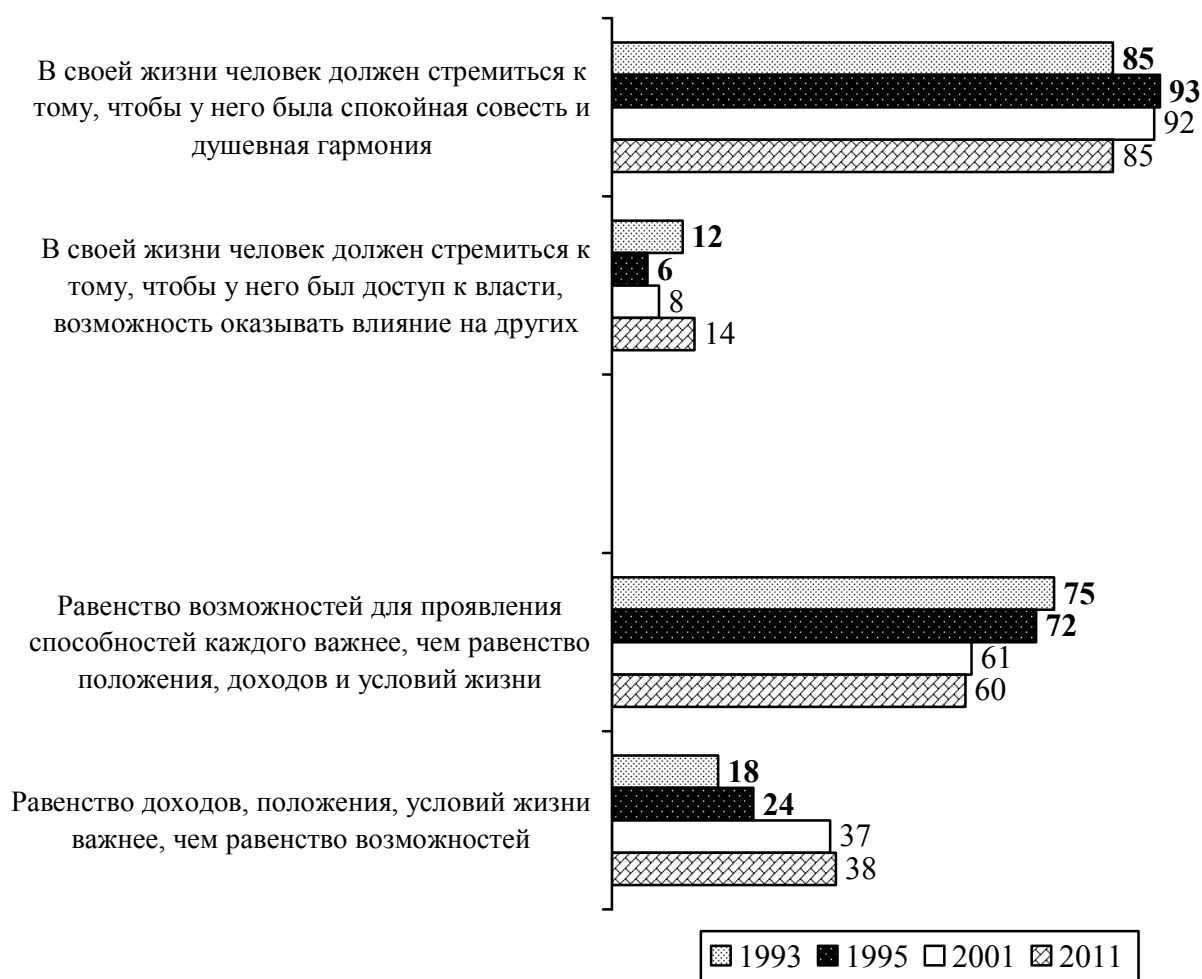
В ходе проведённого исследования зондирование этих предпочтений осуществлялось при помощи вопросов, предлагающих респондентам выбор между двумя альтернативными друг другу ценностными суждениями. Все эти вопросы неоднократно задавались нами и в прошлом, что создаёт достаточно хорошую основу для отслеживания динамики ценностных установок.

Начнем с самого бесспорного для россиян вопроса о том, к чему должен стремиться человек: к спокойной совести и душевной гармонии или – к власти и возможности оказывать влияние на других. На протяжении всего периода проводившихся по данной методике исследований первая из этих двух альтернатив постоянно выигрывала, причем всегда – с подавляющим преимуществом во всех основных социально-демографических группах россиян.

В целом по выборке первый индикатор постоянно удерживался на уровне 85% и выше (рис. 8.1). Более всего отклоняются от общего мнения самые молодые, а также хорошо обеспеченные россияне. Но и в этих социально-демографических группах доля лиц, предпочитающих спокойную совесть стремлению доминировать над другими, не опускается ниже 75%.

Рисунок 8.1

Динамика ценностных ориентаций россиян, 1993–2011 гг., %⁴¹

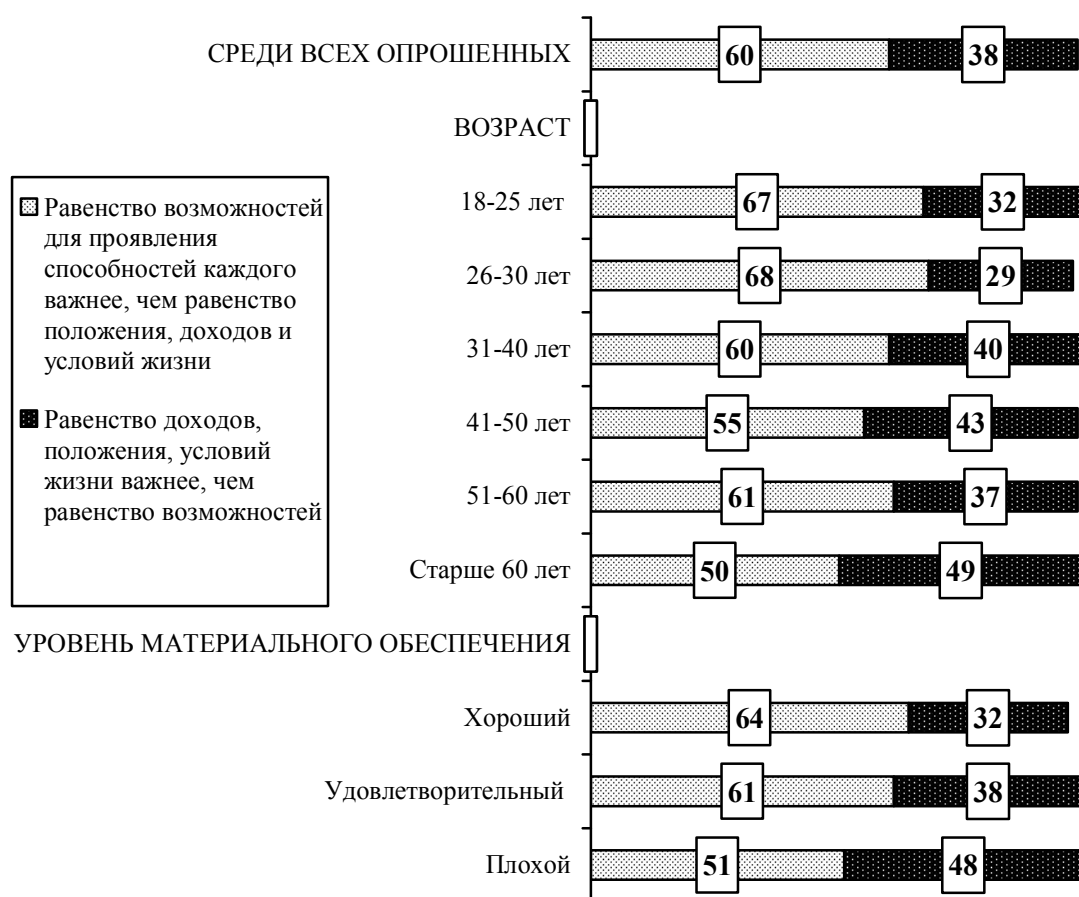
Принципиальное значение, с нашей точки зрения, имеют результаты зондирования мнения россиян по вопросу о том, что важнее – равенство доходов и уровня жизни или равенство возможностей для проявления способностей каждого. Как известно, и в отечественных, и в зарубежных публикациях, посвящённых особенностям российского менталитета, бытует

⁴¹ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

расхожее мнение, согласно которому одной из главных его черт является ярко выраженное пристрастие к «уравниловке». Это, однако, никак не подтверждается данными социологических исследований. Несомненно, наши сограждане очень чувствительны к проблеме справедливости, и, как видно на рис. 8.1, разочарование в ходе рыночных реформ привело к определённом подъёму эгалитаристских умонастроений – начиная с середины 90-х гг. их уровень увеличивается по сравнению с началом десятилетия примерно в 1,5 раза. Тем не менее, большинство – в настоящее время это 60%, а среди молодежи до 30 лет 67–68% опрошенных – отдаёт предпочтение равенству возможностей, считая это более справедливым, чем механическое нивелирование условий жизни.

Рисунок 8.2

**Выбор между равенством доходов и равенством возможностей
в составе различных социально-демографических групп населения,
2011 г., %⁴²**

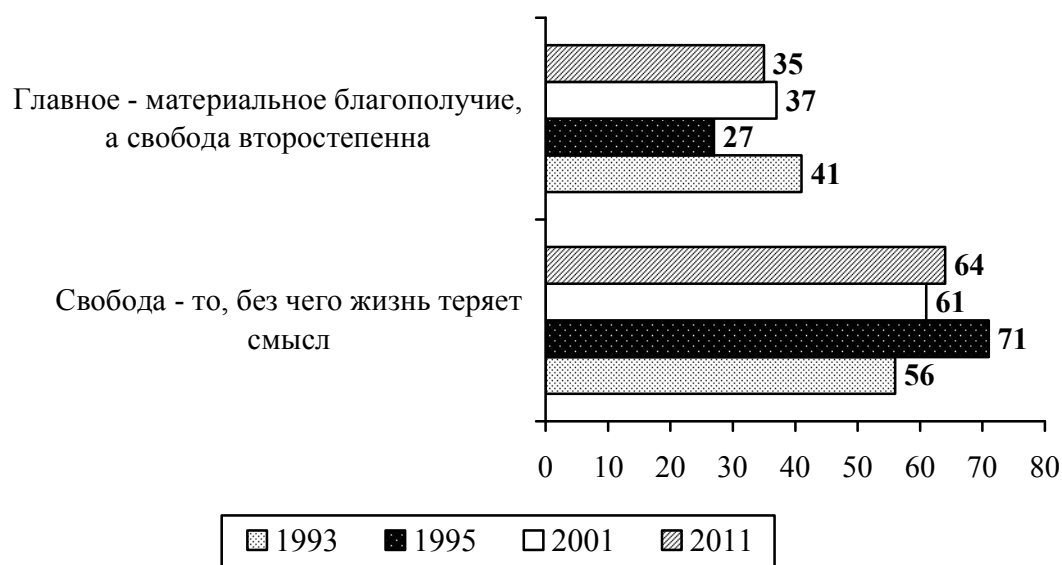

⁴² Сумма цифр в каждой строке может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Данные проводившегося на протяжении почти двух десятилетий мониторинга постсоветского российского общества определённо указывают на то, что для всех социальных групп российского общества важнейшей ценностью является свобода. Начиная с 2001 г. 60% наших респондентов и более солидаризировались с тезисом, что свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл (рис. 8.3).

Рисунок 8.3

**Динамика отношения россиян к ценности свободы,
1993–2011 гг., %⁴³**

По данным настоящего опроса таковых насчитывается примерно 64%, а среди молодёжи до 30 лет – 70–75%. Противоположную точку зрения («главное в жизни материальное благополучие, а свобода второстепенна») разделяет лишь чуть более трети опрошенных. Однако семантика свободы в российском социуме существенно отличается от либеральной традиции Запада. Для большинства россиян свобода – это «воля», возможность быть самому себе хозяином, жить, не оглядываясь на внешние ограничители. Соотношение между теми, кто придерживается такого понимания свободы, и носителями либерально-правового сознания на протяжении многих лет составляет почти не подверженную колебаниям пропорцию – 2:1. Устойчивость этого соотношения наводит на мысль о том, что это – одна из социокультурных констант, или, если использовать терминологию

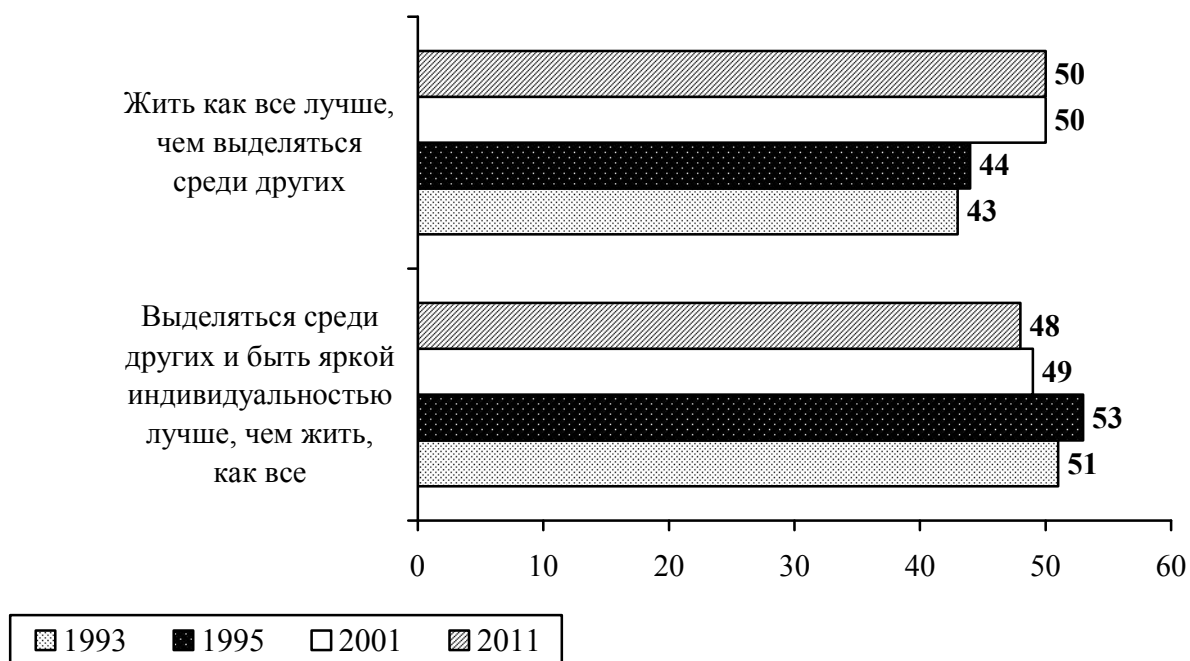
⁴³ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

синергетики, параметров порядка, характеризующих российский социум в его специфических характеристиках в масштабе так называемых «длинных времён».

Как же россияне используют ресурс свободы? Для многих он служит условием максимальной индивидуализации духовного мира или самоутверждения через свободно избранный стиль жизни. Однако немалое число россиян сочетают признание высокой ценности свободы с отчётливо выраженным конформизмом. Они убеждены в том, что жить как все лучше, чем выделяться. Пропорция, в которой распределяются голоса сторонников этих противоположных друг другу жизненных стратегий, постоянно колеблется. В настоящее время она в целом близка к паритету; однако на протяжении времени мониторинга ценностных диспозиций российского общества (с 1993 г.) значения соответствующих индикаторов колебались, причём первенство постоянно переходило от одного из них к другому (рис. 8.4).

Рисунок 8.4

**Динамика отношения россиян
к ценностям индивидуализма и конформизма,
1993–2011 гг., %⁴⁴**

⁴⁴ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

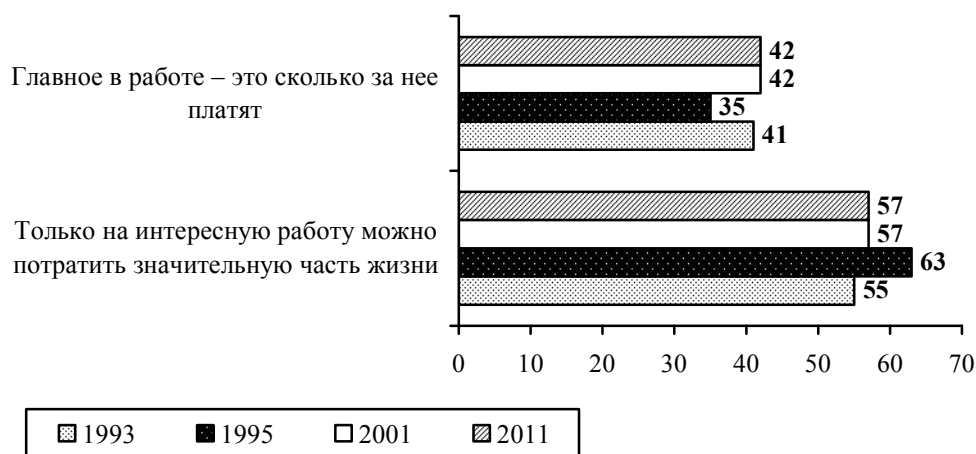
Поэтому говорить о преодолении конформистских умонастроений, о том, что в этот период в России воцарился дух дерзания и раскованного экспериментирования, было бы большой натяжкой (во всяком случае полученные в ходе исследования данные пока не дают для этого достаточных оснований). Дух этот достигал своего максимума лишь однажды – в 1995 г., когда с тезисом «Лучше быть яркой индивидуальностью, чем жить как все» солидаризировалось почти 53% респондентов. Обращает на себя внимание то, что этот всплеск в точности коррелирует с максимумом, до которого поднялось значение индикатора «Свобода – это то, без чего жизнь человека теряет смысл».

В том же 1995 г. было зафиксировано и наибольшее значение ещё одного важного индикатора, косвенно связанного с приоритетом свободы. Это выбор между интересом к работе и тем, сколько за неё платят. В 1995 г. почти 2/3 наших респондентов (точнее – 63%) поддержали мнение, что только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни, в то время как чисто утилитарное отношение к своему делу лишь как к источнику дохода выразили 35%. В дальнейшем ценностные приоритеты меняются на обратные, но после преодоления последствий дефолта, интерес к работе вновь начинает преобладать. Опросы 2001 и 2011 гг. дали в этом отношении практически одинаковые результаты: «только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни» – 57%, «главное в работе – это сколько за неё платят – 42% (рис. 8.5).

Относительная экономическая стабильность истекшего десятилетия, отмечавшееся в этот период некоторое повышение уровня жизни населения, а с другой стороны, переход России к более активной внешней политике, направленной на восстановление её в статусе великой державы, способствовали укреплению ценностей патриотизма. Это проявляется, в частности, в некотором снижении эмиграционных настроений (хотя ситуация всё ещё остаётся сложной, особенно среди молодёжи с высшим образованием). В вопросе о том, где должен жить и обустраиваться человек –

Рисунок 8.5

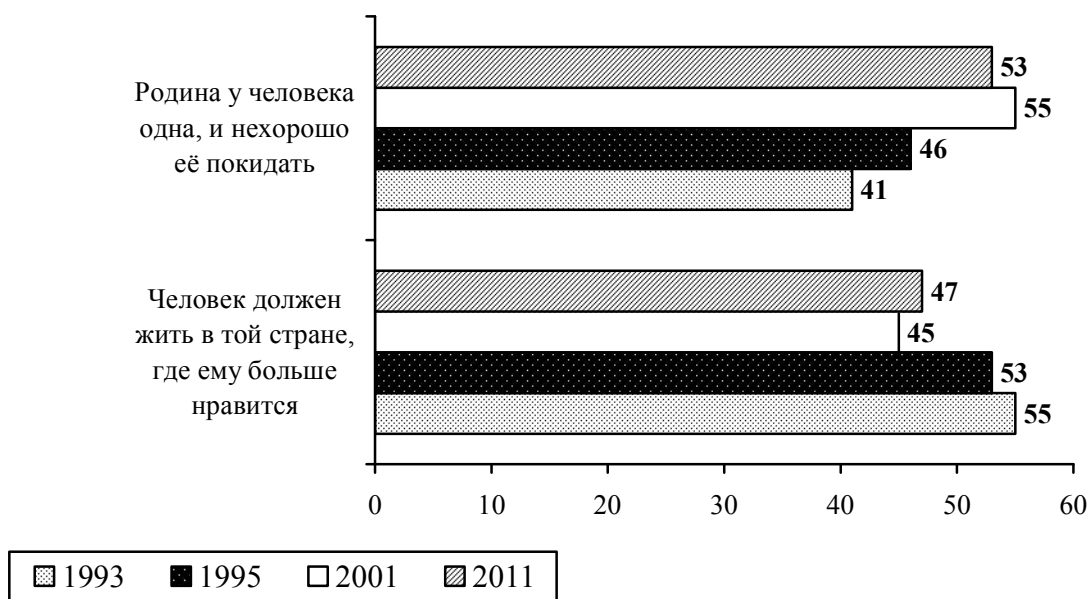
Динамика отношения россиян к работе, 1993–2011 гг., %⁴⁵

на Родине, или в любой стране, где ему больше нравится, население делится почти поровну. Но если до конца 90-х гг. мнение «там, где больше нравится» несколько преобладало над точкой зрения «Родина у человека одна, нехорошо её покидать», то, на протяжении последних 10–12 лет, «патриотическая» установка в данном вопросе имела стабильную поддержку 53–55% опрошенных (рис. 8.6).

Рисунок 8.6

Динамика патриотических установок россиян, 1993–2011 гг., %

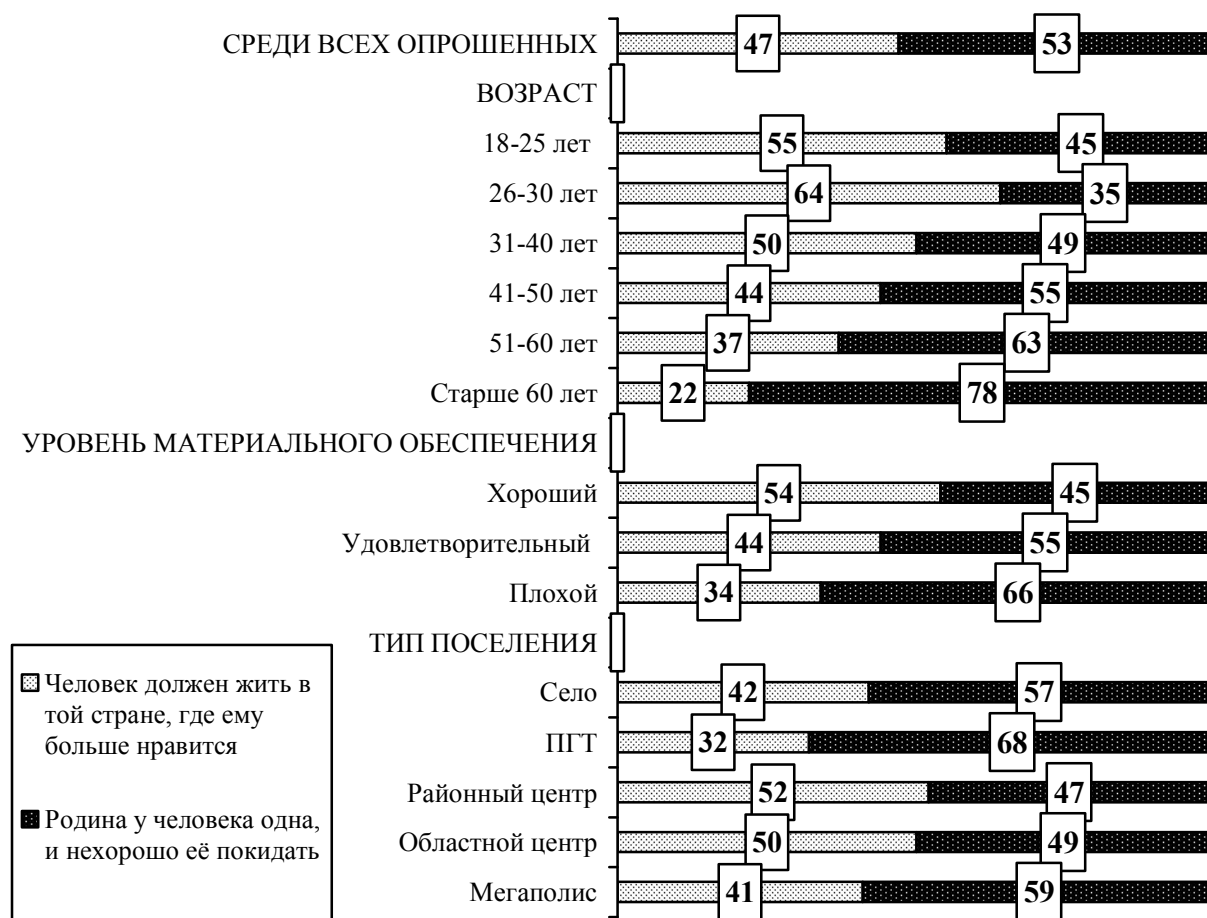

⁴⁵ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

В то же время «космополитическая» альтернатива сохраняет заметное влияние в наиболее обеспеченных слоях населения и среди молодёжи. В этих социально-демографических группах соотношение по-прежнему является обратным: старую традицию «раньше думать о Родине» поддерживают 45% опрошенных, а хотели бы жить там, где больше нравится, 54–55% (рис. 8.7).

Рисунок 8.7

**Установка россиян на то, где должен человек жить,
в составе различных социально-демографических групп населения,
2011 г., %**

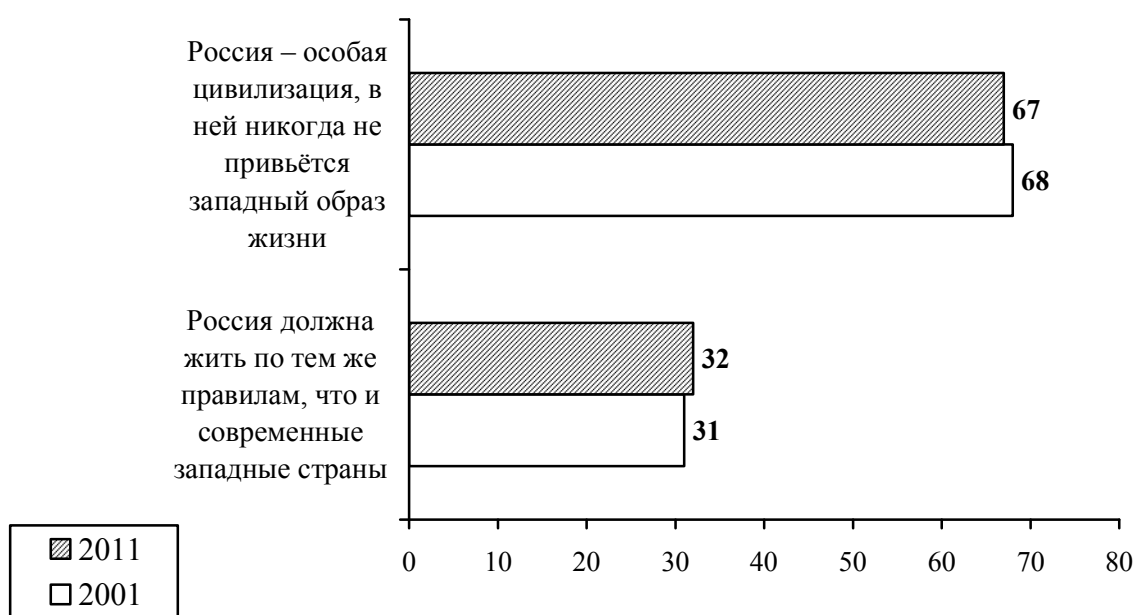
Надо полагать, что выбор данной альтернативы определяется возможностями, которыми располагает тот или человек. Хотя нельзя исключать и того, что сегодня значительная часть наших сограждан, с большей уверенностью смотрит в будущее своей страны, чем это имело место в 90-е гг.

Перестройка советской системы, а затем и её демонтаж в начале 90-х гг. XX в. первоначально воспринимались большинством россиян как

условие приобщения к Западу. Однако опыт сближения с ним оказался разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. С середины 90-х в российском обществе происходит укрепление собственной идентичности, когда самобытность России воспринимается не как историческое проклятие, а как ценность. В настоящее время только треть наших сограждан соглашались с тезисом, согласно которому они непременно должны жить по тем же правилам, что и страны Запада, тогда как 2/3 убеждены в том, что Россия – это особая цивилизация и западный образ жизни здесь никогда не привьётся (рис. 8.8).

Рисунок 8.8

**Динамика отношения россиян к идее самобытности России,
2001 и 2011 гг., %⁴⁶**

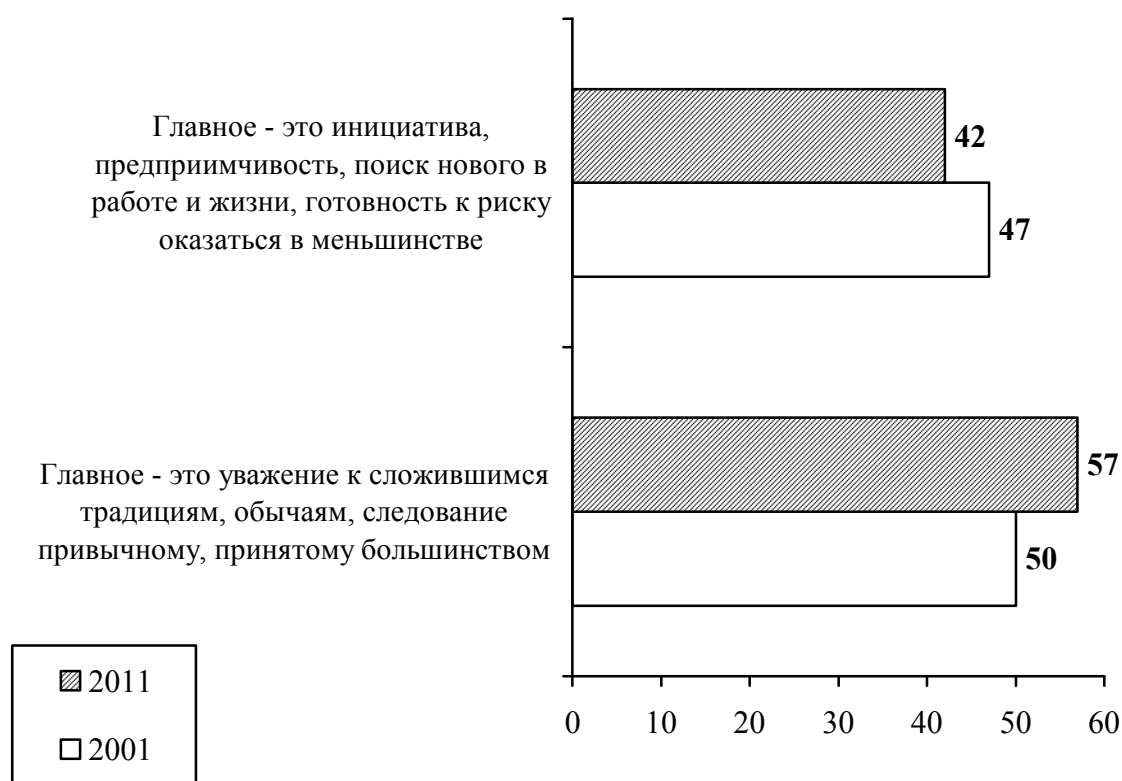
Только у очень молодых (до 25 лет) и, с другой стороны, у наиболее обеспеченных россиян между двумя названными цивилизационными ориентациями сохраняется паритет по принципу «фифти-фифти». Лидерами общественного мнения в данном вопросе выступают жители мегаполисов, где доля поддерживающих российскую альтернативу Западу поднимается до 75%.

⁴⁶ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Надо заметить, что у многих наших сограждан ориентация на цивилизационную самобытность сочетается с традиционалистскими установками, стремлением по возможности ничего не менять в окружающей реальности (рис. 8.9).

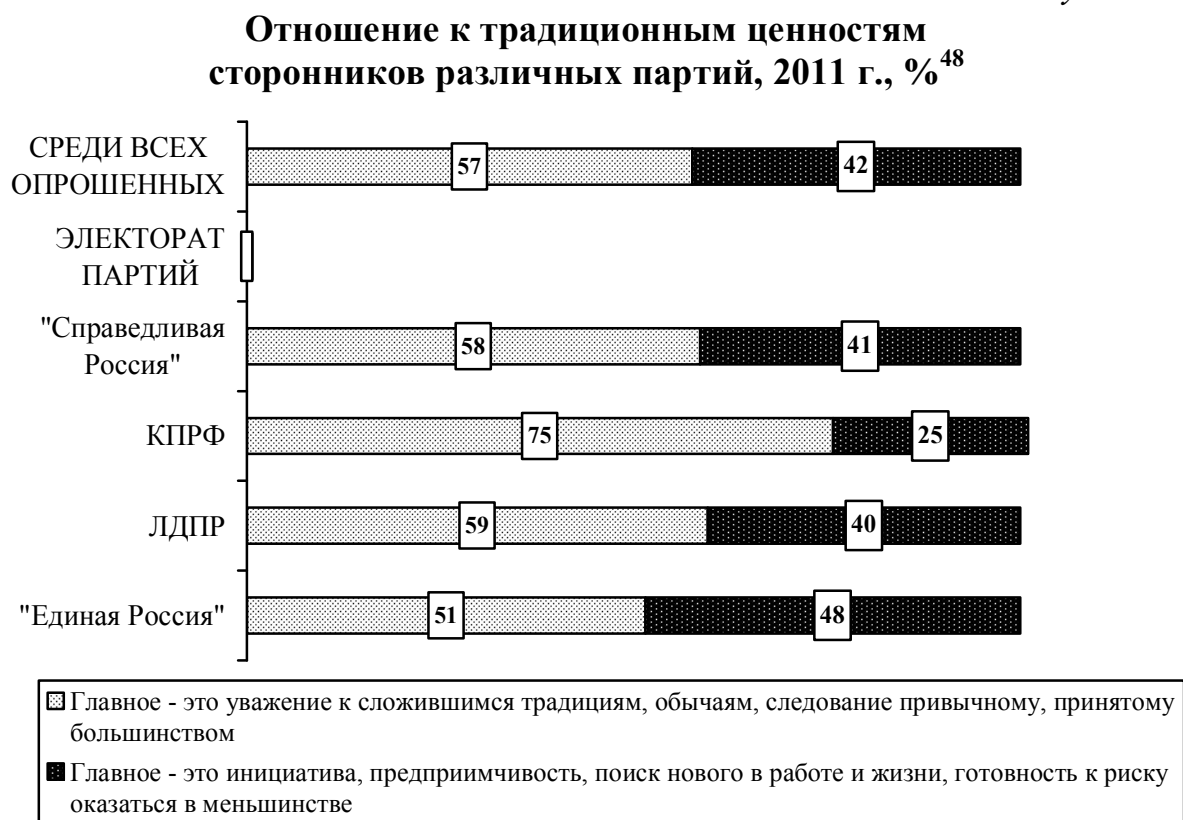
Рисунок 8.9

**Динамика отношения россиян к традиционным ценностям,
2001 и 2011 гг., %⁴⁷**

Вообще, вопрос о том, что важнее – поддерживать традиции или проявлять предприимчивость, стремиться к новому – раскалывает россиян почти пополам с некоторым, однако, перевесом в пользу традиций. Причём эти ориентации связаны с политическими предпочтениями (рис. 8.10).

⁴⁷ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Если у сторонников «Единой России», позиционирующей себя в качестве партии «просвещённого консерватизма», соотношение «традиционалистов» и «новаторов» примерно одинаково; то среди приверженцев КПРФ доля «традиционалистов» поднимается до 75%, а доля их оппонентов снижается по сравнению с правящей ныне партией примерно в 2 раза. Хотя в своих программных документах КПРФ декларирует верность марксизму-ленинизму, реально её сторонники ориентированы не столько на марксистскую теорию, сколько на цивилизационную модель исторического процесса, близкую евразийцам и славянофилам.

Характерно в этой связи то, что электорат коммунистов занимает наиболее чёткую антизападную позицию: Россия – это особая цивилизация и западный образ жизни здесь никогда не привьётся. Данную точку зрения поддерживают 84% респондентов, голосующих за КПРФ. Среди электората других парламентских партий данная точка зрения также доминирует, но не в

⁴⁸ Сумма цифр по каждой паре суждений может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

такой степени: доля её сторонников варьируется от 60% («Единая Россия») до 74% (ЛДПР). Наиболее жёсткую позицию по сравнению с другими сторонники коммунистов занимают и в отношении либерального тезиса о том, что человеку надо жить в той стране, где ему больше нравится. С такой постановкой вопроса согласились только 22% сторонников компартии, тогда как 78 % считают, что Родина у человека одна и нехорошо её покидать. Для сравнения укажем, что среди электората «ультрапатриотической» по своей риторике ЛДПР лишь чуть более половины опрошенных сочли эмиграцию постыдной, а 46% не видят в этом ничего дурного, если решение уехать принесёт человеку большой достаток и комфорт.

В то же время, вопреки широко распространившимся предрассудкам, симпатизирующие коммунистам россияне несколько не отличаются от сторонников других партий, по крайней мере парламентских, по своему отношению к ценности свободы. Более того, что бы ни думали по этому поводу некоторые склонные к слишком жёстким схемам политологи, сторонники российских социалистических партий (и КПРФ, и «Справедливой России») в большей степени, чем сторонники центристских и правых партий, склонны воспринимать свободу как совокупность политических прав и свобод, а не как аморфную и неопределённую «волю». Возможно, сказывается долгое пребывание в оппозиции, когда сам факт их наличия является чуть ли не единственным условием политического выживания.

В целом исследование показало, в современной России сохраняется разномыслие, ценностные и идейно-политические противоречия, которые сегодня уже не так остры, как 10–15 лет назад, но которые оказывают серьёзное влияние на жизнь страны и её граждан. Революция ценностей давно завершилась, но поиск новых смыслов, новых идей, далёких от доктринальных идеологических схем, ещё только начинается.

9. Динамика взглядов россиян на роль государства в экономике и социальной сфере

Изучение взглядов россиян на роль государства в экономической и социальной сферах жизни общества является, безусловно, актуальной исследовательской задачей. Учитывая неоднозначное отношение населения страны к реформам, неоднородные оценки происходящего в обществе, важно понять, какой запрос в этих условиях россияне предъявляют к государству, что относят к его компетенциям, какие надежды на него возлагают.

Начнём с социальной сферы, установки по отношению к роли государства в которой формируют соответствующие запросы к проводимой социальной политике, а также оказывают влияние на оценку текущей ситуации и степени успешности в целом государственной политики. Данные показывают, что представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в сфере социальной политики выглядят следующим образом: государство должно обеспечить всем определённый минимум, а остального каждый должен добиваться сам. В настоящий момент такую точку зрения разделяют 45% населения (табл. 9.1)

Таблица 9.1

**Представления россиян о роли государства в социальной сфере,
2011 г., %**

Представления	%
Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый рассчитывает только на себя	2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	12
Государство должно обеспечить всем гражданам определённый минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	45
Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	41

Ответы россиян на этот вопрос показывают также, какие модели социального устройства оказываются для них совершенно неприемлемыми. Так, *поддержать либеральную модель социальной политики, при которой*

государство либо вообще не вмешивается в социальную сферу жизни общества, либо оказывает помощь только самым неблагополучным слоям населения, готова незначительная доля ответивших (всего 14%). Это не удивительно, если учесть, что для 65% населения, по их самооценке, будет сложно прожить без поддержки государства. При этом, хотя модель, при которой всем обеспечивается минимум, а остального они добиваются сами, является приоритетным выбором российского населения, но лишь чуть меньшая доля россиян выступает за полное равенство всех граждан, которое должно обеспечить государство.

Уже из этих данных видно, что установки россиян по отношению к государству и его компетенциям и обязанностям неоднородны и что в стране существуют группы с разными типами мировоззрения. Проанализируем подробнее, кто поддерживает ту или иную модель роли государства в социальной сфере.

За модели, при которых вмешательство государства в социальную сферу жизни общества вообще не предполагается, или предполагается только помощь слабым и беспомощным, а все остальные не попадают под опеку государства и действуют сами, выступают в несколько большей степени те, кто считает, что их жизнь складывается хорошо (17% против 8% среди тех, кто считает, что их жизнь складывается плохо). Идея отсутствия государственного вмешательства или сведения его к минимуму также в большей степени характерна для тех, кто считает, что сможет обеспечить свою семью самостоятельно – 19% против 11% среди тех, кому сложно прожить без материальной поддержки государства. Нужно также отметить, что за эти модели чаще выступают жители средних по размеру поселений, в то время как жители мегаполисов и сёл дают оценки, соответствующие среднероссийскому уровню. Кроме того, наибольшая доля сторонников такого выбора наблюдалась в группе тех, кто находился в возрастной группе от 18 до 30 лет – т. е. наиболее экономически активной группе населения, кто, по всей видимости, меньше зависит от государства. Что касается уровня

образования, то он не являлся дифференцирующим признаком при выборе моделей деятельности государства в социальной сфере – во всех группах, различающихся образовательным уровнем, доли выступающих за варианты либеральной модели были примерно одинаковыми.

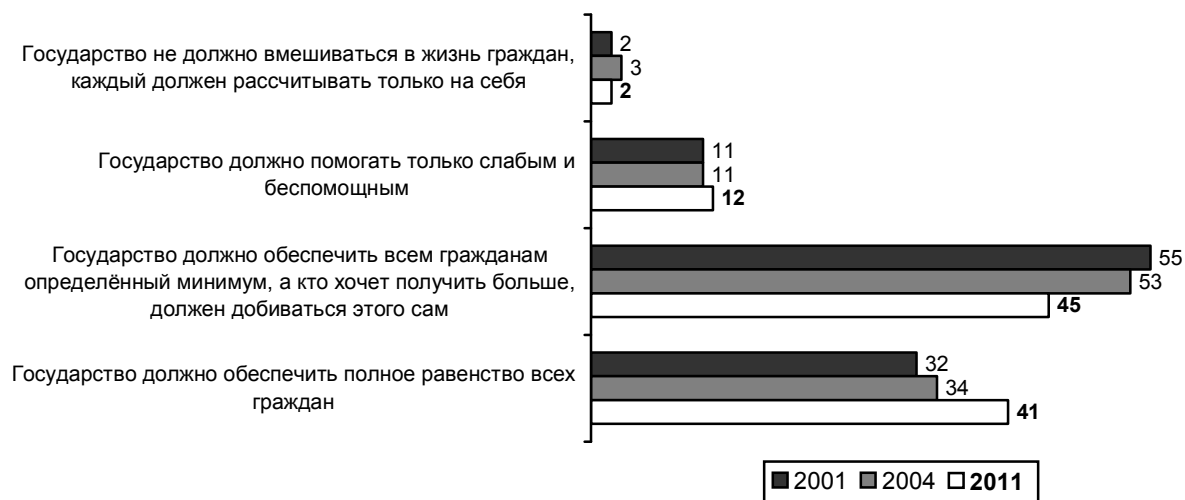
Интересно посмотреть, чем отличаются две наиболее значительные по численности группы: приверженцев модели полного равенства всех граждан, обеспечиваемого государством, и тех, кто считает, что государство должно гарантировать всем только определённый минимум. Анализ показывает, что важным фактором здесь является возраст. Так, среди тех, кто старше 60 лет, доля сторонников всеобщего равенства превышает долю тех, кто выступает за обеспечение государством для всех лишь определённого минимума (49% против 37%), в то время как во всех остальных группах наблюдается противоположное распределение ответов. Таким образом, приверженцы полного равенства – это, прежде всего, пожилые россияне. Тип поселения также играет свою роль – наибольший запрос на полное равенство предъявляют жители ПГТ, в то время как в крупных городах и, как ни странно, сёлах больше сторонников активной роли самого человека в достижении определённых результатов.

Кроме того, большую поддержку модели полного социального равенства высказывают те, кто отмечает среди основных источников своих доходов трансферты от государства. Среди них 44% поддерживают такую модель, и 41% выступает за модель с обеспечением определённого минимума; в то время как среди тех, кто не зависит от государства с точки зрения источников дохода, эти доли составляют 39% и 47%, соответственно. Наконец, говоря о дифференциации предпочтений в зависимости от занимаемых структурных позиций, нужно сказать, что за полное равенство выступают, прежде всего, неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации, а за минимальные гарантии со стороны государства чаще, чем представители остальных групп, выступают руководители.

Посмотрим, менялись ли предпочтения населения, связанные с ролью государства в социальной сфере, в течение последнего десятилетия (рис. 9.1).

Рисунок 9.1

**Динамика представлений россиян о роли государства
в социальной сфере, 2001–2011 гг., %**

Как видно из рис. 9.1, вариант полной независимости социальной сферы от государства в течение последних 10 лет стабильно привлекал лишь 2–3% населения. Для абсолютного большинства россиян такая модель нелегитимна. Помощь только слабым и беспомощным в течение последних лет набирала не более 12% сторонников, причём за последний год поддержка такой модели сократилась. Судя по данным, основное перераспределение голосов происходило вокруг двух наиболее популярных моделей: модели полного равенства и модели с гарантированным государством минимумом для всех. В настоящий момент вариант полного имущественного, правового, политического равенства приобрёл максимальное количество сторонников за последние 10 лет – сейчас его поддерживают 41% россиян. При этом поддержка варианта, при котором государством обеспечивается только определённый минимум, наоборот, сократилась – с 55% в 2001 г. до 45% в 2011 г., хотя этот вариант и остаётся пока преобладающим. Возможно, это частично связано с тем, что для населения остро стоит проблема не только имущественного неравенства, но и неравенства правового и политического характера, и россияне ждут решения этих проблем именно от государства. По

крайней мере, именно обеспечение равенства всех перед законом большинство россиян назвали в качестве ключевой идеи для модернизации страны в 2010 г.

Что это означает? А то, что *рост надежд на государство может быть частично связан не столько с желанием населения «всё отобрать и поделить», сколько с обеспечением для всех россиян равенства возможностей, равенства перед законом, равенства в политических правах и свободах* – тех типов равенства, которые население пока не видит в реальности. Такая трактовка подтверждается и тем фактом, что россияне в своей массе всё же являются сторонниками общества равных возможностей, а не общества равных доходов. В течение последних 10 лет около 60% населения (и эта цифра стабильна) утверждают, что равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни. При этом противоположного мнения придерживаются менее 40%.

Таким образом, можно говорить о том, что *россияне ждут от государства активной политики в социальной сфере. Однако цель её, по мнению наиболее многочисленной группы населения, состоит всё же не в обеспечении имущественного равенства, а в предоставлении всем гражданам страны равных возможностей для реализации своего потенциала, а также минимальных гарантий, которые могли бы подстраховать россиян в случае неблагоприятного развития ситуации в стране, проблем на рынке труда или неблагоприятной ситуации в их домохозяйствах.*

Как было показано выше, в течение последнего года запрос на активную роль государства в социальной сфере увеличился. Это подтверждается и данными о том, в каком обществе сейчас хотели бы жить россияне – обществе индивидуальной свободы или обществе социального равенства. В настоящий момент *о своём предпочтении общества социального*

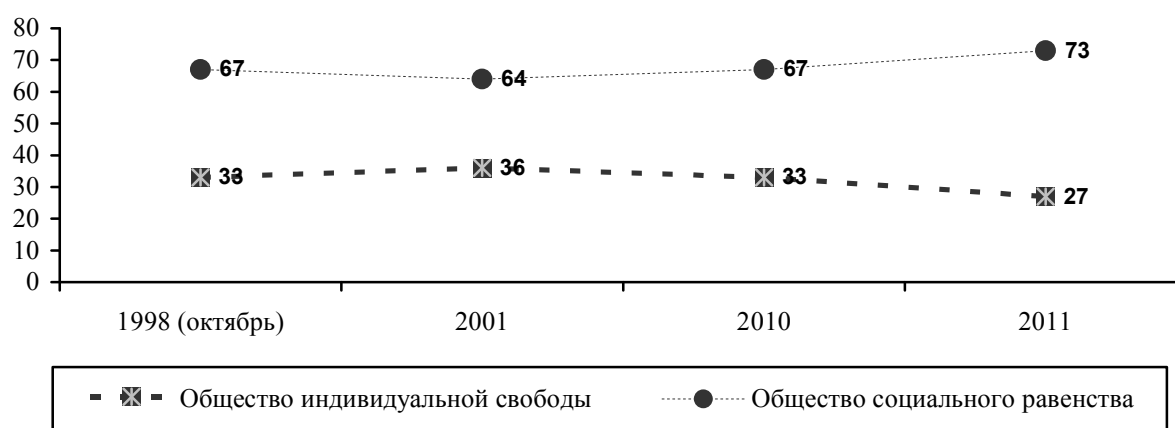
равенства говорят 52% россиян, о предпочтении общества индивидуальной свободы – 19%. Остальные затруднились дать ответ на этот вопрос.

Динамика ответов на данный вопрос показывает, что за последний год произошло значительное сокращение сторонников общества индивидуальной свободы. Однако часть из них не изменила своего мнения на кардинально противоположное, выразив чёткое желание жить в обществе социального равенства, а затруднилась с ответом, не имея возможности выбрать одну из двух предложенных позиций или предпочитая какую-то иную, третью альтернативу. По всей видимости, растёт запрос на более активные действия государства в социальной сфере, на меньшее неравенство в обществе, но при этом не на полную «уравниловку» по всем возможным жизненным параметрам.

Посмотрим теперь, как менялось распределение ответов россиян при выборе между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства в течение пореформенных лет (рис. 9.2).

Рисунок 9.2

Выбор в дилемме «общество индивидуальной свободы – общество социального равенства», 1998–2011 гг., % от определившихся с позицией в этом вопросе

Как видно из рис. 9.2, картина распределения ответов россиян в этом вопросе достаточно устойчива. Среди определившихся с ответом доля сторонников общества социального равенства стабильно составляет более двух третей населения, а за последний год произошел её рост с 67% до 73%.

Если же рассмотреть абсолютные, а не относительные доли выбравших тот или иной вариант ответа на этот вопрос, то становится ясен рост доли неопределённости для россиян в данном вопросе – за последний год снизилась и доля сторонников общества социального равенства, и доля тех, кто предпочитал общество социальной свободы. Как было отмечено выше, россияне всё же не являются убеждёнными сторонниками полного равенства – однако, по всей видимости, и общество индивидуальной свободы также вызывает у части из них скорее негативные эмоции, ассоциируясь со вседозволенностью (что неудивительно, т. к. 64% россиян понимают свободу именно как возможность быть самому себе хозяином). Оптимальной им представляется модель, где индивидуальная свобода каждого всё же ограничивается государством, которое при этом предоставляет всем минимальные, но подтверждённые гарантии, а равенство всех граждан перед законом позволяет каждому добиваться больше этого минимума в соответствии с индивидуальными желаниями и возможностями.

Кратко отметим, что при ответе на этот вопрос важным фактором был возраст респондентов. Так, среди тех, кому в момент опроса было от 18 до 25 лет, 31% выбрали общество социальной свободы, а 35% – общество социального равенства. При этом среди тех, кто был старше 60 лет, эти доли составили 10% и 66%, соответственно. Кроме того, значительно дифференцировались ответы и в зависимости от оценок россиянами их жизни: среди тех, кто считал, что в настоящий момент их жизнь складывается хорошо, 26% предпочли общество индивидуальной свободы и 44% – общество социального равенства; в то время как среди тех, кто считал, что их жизнь складывается плохо, эти доли составили 8% и 67%, соответственно. Таким образом, *запрос на социальное равенство предъявляют, прежде всего, пожилые россияне, а также те, кто не удовлетворён своей жизнью.*

Какова, по мнению населения, должна быть при этом роль государства в экономической сфере жизни общества? Учитывая сказанное выше, неудивительно, что большинство россиян видит роль государства в

экономике как ключевую. *Модель экономической сферы жизни общества, получающая поддержку наибольшей части россиян, – государство, которое восстановит государственный сектор, расширив при этом экономические возможности для населения. Классическая рыночная экономика, при которой вмешательство государства сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным акторам, практически не поддерживается россиянами – за последние 10 лет доля выбирающих такую модель не превышала 10% (табл. 9.2).*

Таблица 9.2

**Тип государства по отношению к экономике,
в наибольшей степени отвечающий интересам России,
1994–2011 гг., %**

Типы государства	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	16	18	28
Государство, которое своё вмешательство в экономику сведёт к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Как видно из приведённых данных, население страны оказывается, с одной стороны, достаточно неоднородным по своим представлениям о надлежащей роли государства в экономике: ни один из вариантов ответа не был поддержан более чем половиной населения. С другой стороны, *модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определённый консенсус. При этом 41% населения поддерживает экономику, основанную на государственной собственности, но с элементами рыночной экономики; 28% выступают за плановую экономику с централизованным регулированием и контролем над ценами. Наконец, 22% россиян считают, что тип государства в экономике не*

так важен – главное, чтобы в стране был сильный лидер, который взял бы на себя всю ответственность за происходящее в стране.

Среди групп, чей доход не превышает медианного для страны, ярче выражен запрос на полностью централизованную экономику или на сильного лидера, проводящего решительную политику. Среди тех, чей доход выше медианного, выше и запрос на восстановление государственного сектора при расширении возможностей для активности населения. Так, среди наименее обеспеченных россиян (тех, чей доход не превышал половины медианы), запрос на централизованную экономику предъявляют 34%, на сильного лидера – 27%, на смешанный тип экономического регулирования – 27%. В группе тех, чей доход был более двух медиан, эти доли составляли 22%, 15% и 53%, соответственно.

Запрос на смешанный тип регулирования экономики возрастает с ростом уровня образования: так, среди тех россиян, кто получил лишь начальное или неполное среднее образование, он составлял 26%; среди имеющих среднее или среднее специальное образование – 37%; среди имеющих высшее образование – 50%; а среди тех, у кого два высших образования – 59%. Среди наименее образованных респондентов при этом выше запрос на сильного лидера и проведение решительной политики вне зависимости от экономического строя в стране.

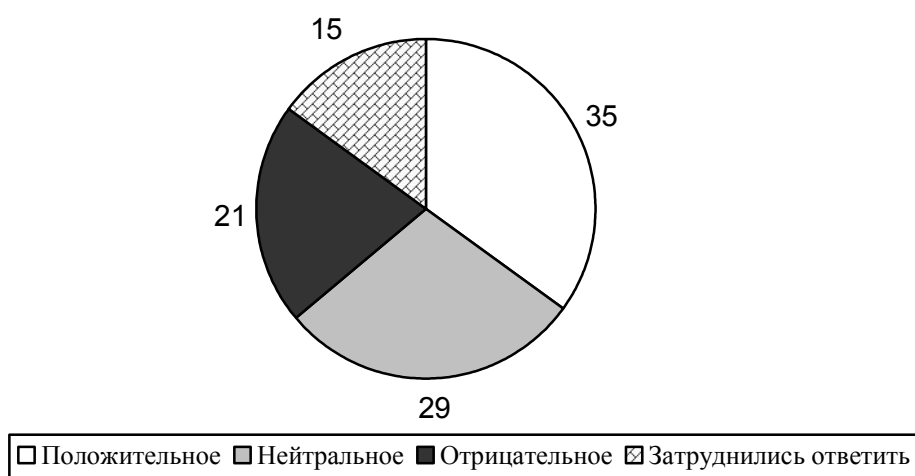
Запрос на свободную рыночную экономику оказывается максимальным в самой молодой когорте россиян – среди тех, кто моложе 25 лет. В этой возрастной группе такой тип экономической системы поддерживали бы 14%. Среди пожилых россиян достигает максимума доля тех, кто выступает за централизованную экономику – среди тех, кто старше 60 лет, она составляет 33%. *Однако для всех возрастных когорт преобладающим вариантом остаётся смешанная экономика с доминирующей ролью госсектора.*

Продолжая обсуждение запроса россиян на роль государства в экономике, интересно проанализировать их отношение к введению в России такого элемента свободной рыночной экономики, как частная собственность.

В свете сказанного выше естественно, что даже в настоящий момент каждый пятый россиянин (21%) отметил, что в своё время (в начале 1990-х гг.) отнёсся к этому негативно. Положительное отношение к введению частной собственности сейчас высказывает чуть более трети населения страны (35%), остальные занимают нейтральную позицию (29%) или затрудняются с оценкой (15%) (рис. 9.3).

Рисунок 9.3

**Отношение россиян к введению в стране частной собственности,
2011 г., %**

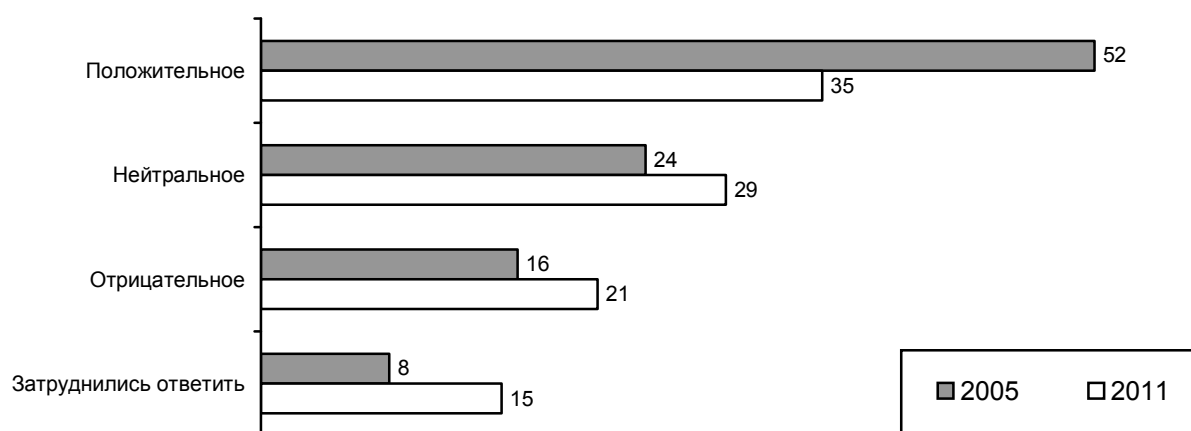

Положительное отношение к введению в стране частной собственности значительно возрастает с ростом уровня образования (среди имеющих образование ниже среднего положительное отношение к её введению высказывают 24%, среди имеющих высшее образование – 41%). Не менее значимым дифференцирующим фактором выступает и возраст – среди тех, кто моложе 25 лет, положительно относятся к введению частной собственности 50%, а среди тех, кто старше 60 лет, эта доля более чем в два раза ниже и составляет 22%. Значимы различия между группами с разным уровнем дохода – поддерживают введение в России частной собственности 20% среди имеющих менее половины медианного дохода и 52% тех, чей доход превышает две медианы. Кроме того, логично, что положительно относятся к частной собственности в стране 48% считающих, что их жизнь складывается хорошо, и 23% оценивающих свою жизнь как плохую.

Показательно, что по сравнению с 2005 г. поддержка населением введения в России частной собственности снизилась. Тогда более половины россиян высказывали положительное отношение к частной собственности, в то время как доля тех, кто относился к этому факту отрицательно, составляла только 16% (рис. 9.4).

Рисунок 9.4

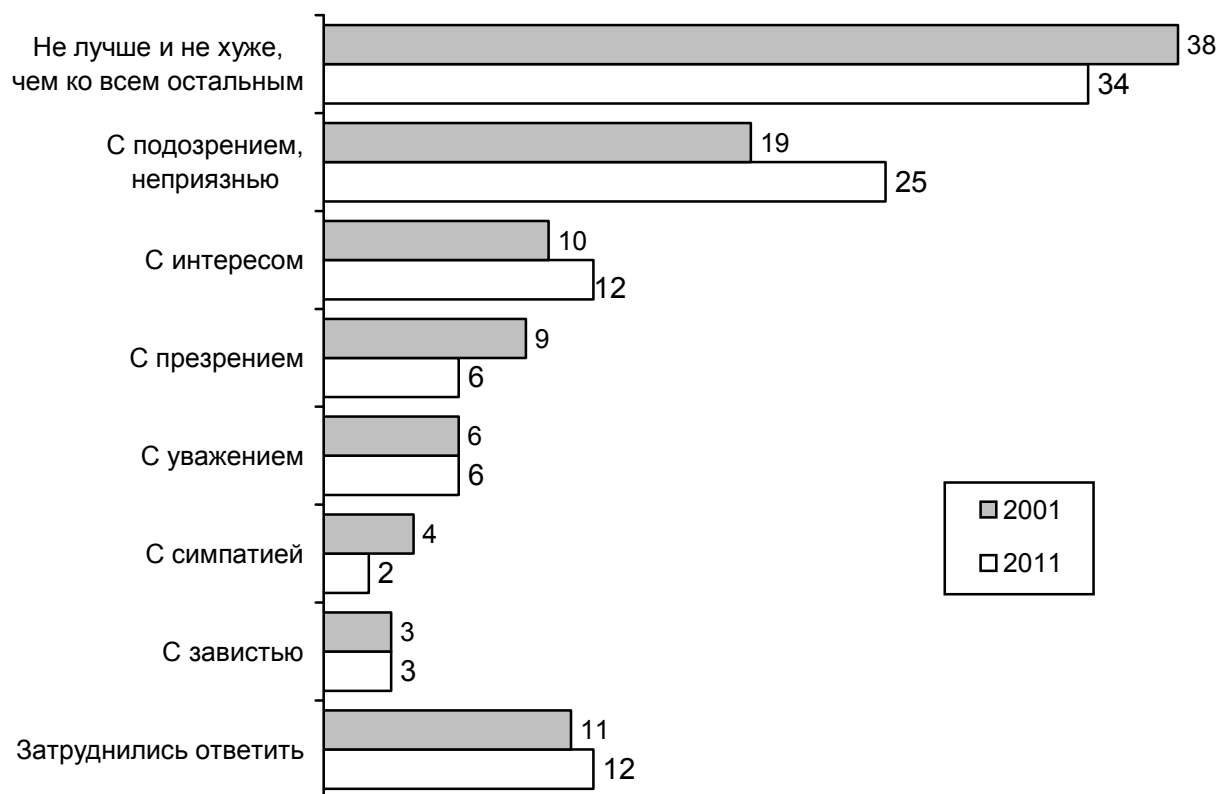
**Динамика отношения россиян
к введению в стране частной собственности,
2005 и 2011 гг., %**

Таким образом, среди населения возрастает не только запрос на ведущую роль государства в экономике, но и недовольство наличием частной собственности, распределение которой представляется нелегитимным и приводит к росту негативного отношения к частной собственности вообще.

Такие выводы подтверждаются, в частности, и динамикой отношения россиян к людям, которые разбогатели за последнее время. Хотя около трети респондентов утверждают, что относятся к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным, каждый четвертый отмечает, что испытывает по отношению к разбогатевшим россиянам неприязнь и подозрение, причем эта доля возросла по сравнению с данными десятилетней давности (рис. 9.5).

**Динамика отношения россиян к людям,
разбогатевшим за последние годы,
2001 и 2011 гг., %**

Как видно из рисунка, наибольшие изменения в отношении россиян к людям, разбогатевшим за последние годы, произошли по варианту ответа «с подозрением, неприязнью». При этом несколько сократилась доля относящихся к разбогатевшим людям так же, как и ко всем другим, а также тех, кто относится к ним с презрением. По остальным позициям колебания были незначительны.

Продолжая анализ роли государства в экономике в представлении россиян, посмотрим, управление какими организациями население хотело бы видеть в руках государства, а какие отнесло бы в сферу компетенций частного сектора (рис. 8.6).

**Какие организации должны управляться государством,
а какие частным сектором, %**

По распределению ответов на этот вопрос видно, как должна выглядеть структура управления экономической и социальной жизнью общества в восприятии россиян и как должны быть, в их глазах, распределены полномочия между государственным и частным секторами. Более 70% респондентов считают, что экономические структуры, связанные с природными ресурсами страны (электростанции, добывающие отрасли), транспорт, а также структуры, связанные с высшим и средним образованием (школы, вузы) и пенсионные фонды должны управляться исключительно государством. От половины до двух третей россиян поддерживают исключительно государственный контроль сферы строительства, предоставления и содержания жилья (ЖКХ), заводов тяжёлой промышленности (машиностроение, металлургия) и медицины. По таким

организациям и сферам, как дорожное строительство, банки, театры, музеи, библиотеки, доля тех, кто выступает за государственное управление, близка к доле тех, кто поддерживает совместное регулирование их как государством, так и частным сектором. Наконец, в управлении сельским хозяйством, производством продуктов питания, а также СМИ (газеты, телевидение) население хотело бы видеть как государственный, так и частный сектор.

Наибольшая доля сторонников только частного управления наблюдалась в оценке регулирования СМИ, но и там она не достигала даже пятой части населения. Таким образом, эти данные также подчёркивают уже отмеченную выше *склонность населения страны отводить ведущую роль в экономике государству, которая, однако, по их мнению, не должна полностью сводиться к централизованному плановому хозяйству и частично совмещаться с частным сектором.*

Посмотрим, произошли ли за последнее десятилетие какие-либо значимые изменения в распределении мнений по этому вопросу (табл. 9.3).

Таблица 9.3

**Какие организации должны управляться государством,
2001 и 2011 гг., %**

Организации	2001	2011
Электростанции	89	82
Школы	73	76
Добывающие отрасли	80	76
Пенсионные фонды	80	75
Вузы	70	74
Транспорт	49	71
Эксплуатация жилищного хозяйства	63	66
Металлургические и машиностроительные заводы	72	62
Медицина	50	60
Банки	47	46
Театры, музеи, библиотеки	48	45
Производство продуктов питания	23	38
Телевидение	35	33
Газеты	29	28

Как видно из таблицы, основные изменения, произошедшие за последние 10 лет, касались, прежде всего, повышения запроса на роль государства в управлении организациями в сфере транспорта, производства продуктов питания, медицины, а также в сфере образования (школы и вузы). При этом на 5% или более снизились запросы на роль государства в управлении пенсионными фондами, электростанциями, металлургическими и машиностроительными заводами; хотя доля тех, кто и сейчас поддерживает исключительно государственное управление организациями, работающими в этих сферах, остаётся высокой, составляя три четверти и более.

Представления россиян о роли государства в социальной и экономической сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня образования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на ведущую роль государства в этих сферах всё же является преобладающим практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

10. Переосмысление в массовом сознании

роли демократических институтов и ценностей

Прошедшие двадцать лет в современной российской истории ознаменовались глубокими переменами в политической жизни страны. Но, несмотря на масштабность этих изменений, посткоммунистическая Россия все эти годы характеризовалась многими российскими и зарубежными аналитиками как страна «переходного типа», перспективы эволюции которой в направлении демократии представляются весьма неопределёнными.

Однако далеко не все оценки, даваемые зарубежными и российскими исследователями, находят подтверждение в социальной реальности. В частности, не имеет ничего общего с действительностью весьма распространённое среди части экспертного сообщества мнение о полной несовместимости традиций, культуры, менталитета большинства россиян с ценностями демократии.

Как показывают настоящее и предыдущие исследования, ни в 90-х гг., ни сейчас российским обществом не подвергалась сомнению необходимость перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Спустя 25 лет после перестройки россияне признают важность и объективную предопределённость демократических преобразований, начатых М. Горбачевым, а также некоторых конкретных действий в этом направлении, осуществлённых в 80–90-е гг. Например, реабилитация жертв сталинских репрессий, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидация цензуры, демократизация выборов и т. п.

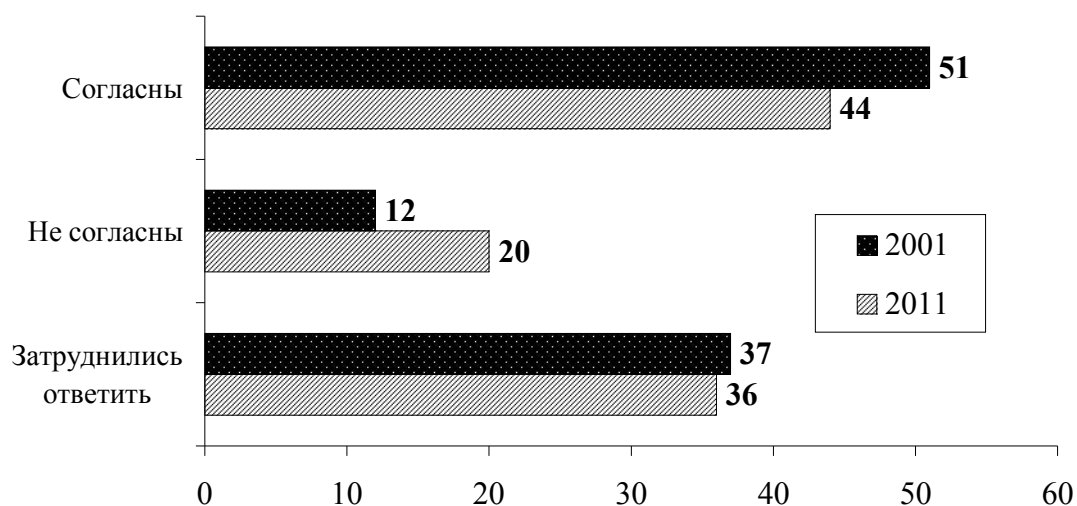
Ещё больше надежд с демократией связывали россияне в начале 90-х гг. На волне революционной эйфории подавляющее большинство из них в переходе к демократии видели надежду на лучшую жизнь. Дискредитированные в общественном мнении коммунистические ценности стали быстро замещаться демократическими. Действительность, однако, очень скоро разошлась с этими во многом идеалистическими представлениями, вызвав у населения разочарование «демократией по-русски». Причём, разочаровались даже не столько в самой демократии, сколько в своём политическом выборе, сделанном в начале 90-х гг. Осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Б. Ельцину, не оправдало ожиданий россиян, в результате негативное отношение к нему было перенесено и на демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект воплощался в жизнь. Именно поэтому общество довольно равнодушно восприняло откат 2000-х, когда даже те небольшие завоевания демократии, которые были достигнуты ранее, постепенно сворачивались.

В массовом сознании все последние годы происходила внешне мало заметная «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, в ходе которой ценности демократии и прав человека стали перемещаться на периферию общественного внимания и воспринимаются уже как ценности второго, третьего ряда, не настолько важные, чтобы бороться за их утверждение

всеми доступными, легальными способами. Даже в социально-экономической сфере, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации. В целом же, сформировавшееся у россиян представление о демократии можно охарактеризовать, как «благожелательный скептицизм», т. е. благожелательное отношение к самой идее демократии и крайне скептическое, а иногда и негативное к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т. п.).

Рисунок 10.1

**Динамика отношения россиян к демократии
и демократическим принципам организации общества
(согласие / несогласие с суждением «Демократические процедуры очень
важны для организации в обществе нормальной жизни.
Без них не обойтись»), 2001 и 2011 гг., %**

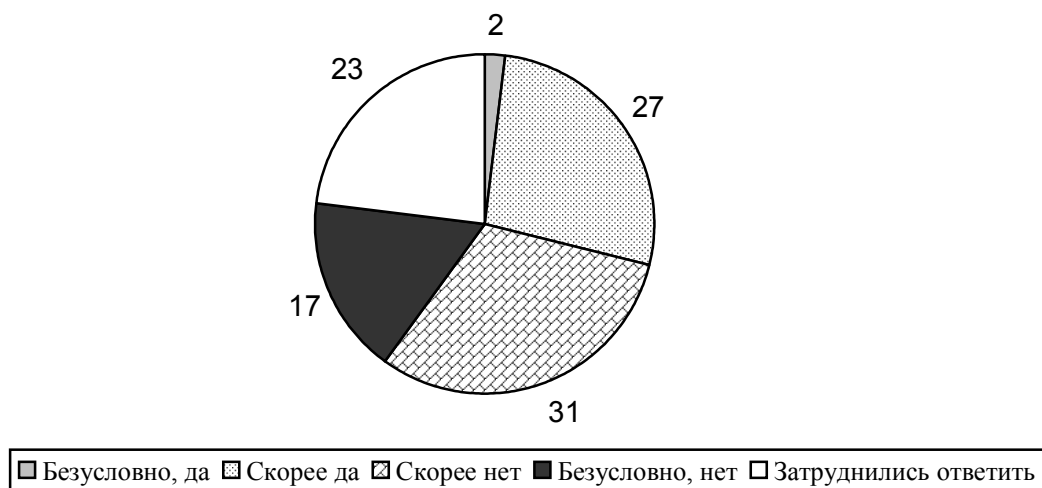
Так, несмотря на все издержки переходного периода, в сознании большинства россиян укоренилось мнение, что не только «свобода лучше, чем не свобода», но и «демократия лучше, чем не демократия». Такой точки зрения придерживаются 44% против 20%. Хотя нельзя не видеть и того, что число россиян, убеждённых в важности демократических процедур для

организации в обществе нормальной жизни, за последние 10 лет сократилось с 51% до 44%, а также сохраняется высокий процент «неопределившихся» (36%) (рис. 10.1).

С другой стороны, лишь около трети опрошенных (28%) назвали современную Россию демократической страной. Заметно больше тех (48%) кто так не считает, полагая, что наша страна сегодня так же далека от демократии, как и двадцать лет назад (рис. 10.2).

Рисунок 10.2

Мнение о том, можно ли назвать нынешнюю Россию демократической страной, %

Характерно, что ситуацию с демократией совершенно по-разному оценивают респонденты разных материально-имущественных групп: у кого дела идут хорошо, у того и с демократией в России всё в порядке, и наоборот. Как видно из ниже приведённых данных, среди выигравших от либеральных реформ практически каждый второй назвал Россию демократической страной, в то время как среди тех, кто остался при «своих», – 34%, а кто проиграл – лишь 19% (рис. 10.3).

Мнение всех опрошенных, выигравших/проигравших от реформ о том, можно ли современную Россию считать демократической страной, %

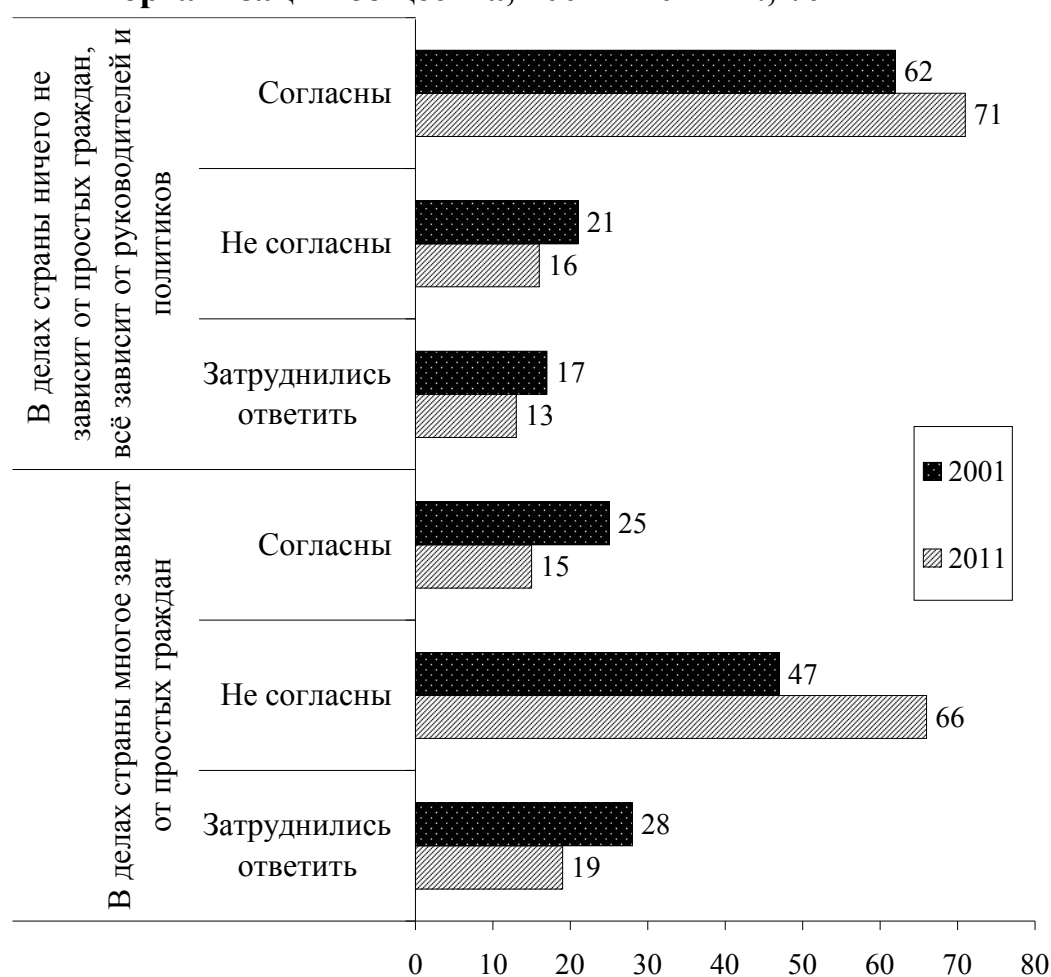

Эти данные подтверждают хорошо известную истину – стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Из этого вовсе не следует, что россияне в своём отношении к ценностям демократии меркантильны. Вряд ли кто будет отрицать тот очевидный факт, что доля хорошо материально обеспеченных людей заметно выше в Москве и Санкт-Петербурге, чем например, в районных или областных центрах. Однако в мегаполисах лишь 23% считают Россию демократической страной, а в провинции 26–30%. Сказываются разный уровень информированности и общий рост недовольства жителей двух столиц, который с осени прошлого года стали фиксировать все ведущие социологические центры.

Что же конкретно не устраивает россиян в отечественной модели демократии? Прежде всего, её *элитистский характер*. Российский правящий класс и в 90-е гг., и в настоящий период, концентрируя основное внимание на экономике и укреплении властных институтов, весьма настороженно относился и относится к любым проявлениям «живого творчества масс», стремясь локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми нынешняя элита овладела в полной мере. В результате в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И, напротив, $\frac{3}{4}$ россиян убеждены в обратном: всё в нашей стране решают руководители и политики (рис. 10.4).

Рисунок 10.4

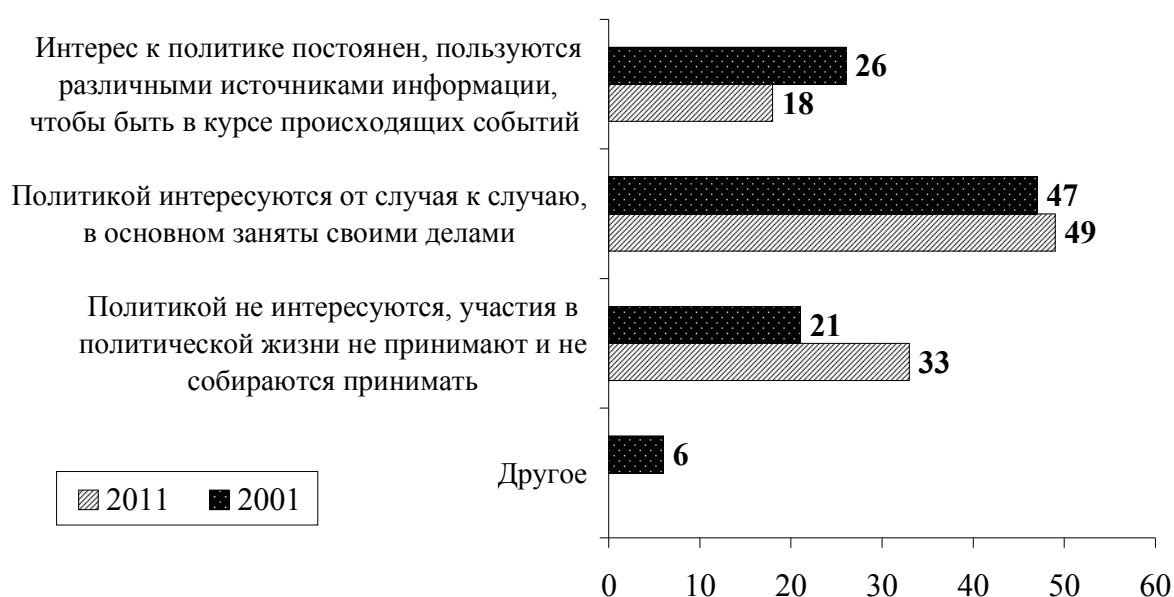
Динамика отношения россиян к демократии и принципам организации общества, 2001 и 2011 гг., %

С этим же связан и резкий спад политической активности граждан и интереса к политике как таковой. Только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26% до 18%; а тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилась с 21% до 33%. Большинство же, как и раньше, политикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события (рис. 10.5).

Рисунок 10.5

**Степень интереса россиян к политике, политическим событиям,
2001 и 2011 гг., %**

Было бы, однако, неправильным этот спад объяснять только лишь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики. На масштабах активности сказалось, например, то, что исчез «госзаказ» на участие. И большинство россиян стало действовать, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего «социального лифта», то жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т. п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню

политической активности, многие «правом на участие» воспользовались в полной мере.

Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в *крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов*. Ведь демократия в представлении россиян – это, прежде всего, работающая система, которая ориентирована на идею общего блага и эффективность которой определяется степенью влияния демократических институтов на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищённостью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением личных и коллективных прав и свобод граждан и т. п. Ничего из вышеперечисленного в реальности нет и не предвидится. Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. это ещё раз наглядно продемонстрировал. Он обнажил то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на её верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов тормозит развитие общества и государства.

Это начинает вызывать тревогу, в том числе у властвующей элиты. Всё чаще Президент России говорит о том, что жизненно необходима адекватная новым вызовам времени реконструкция системы власти, расширение реальной демократии, способной подтягивать толковых, равнодушных людей для решения серьёзных проблем модернизации России. Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли, после того, что происходило в стране последние 10–15 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к её базовым ценностям и институтам, вновь вовлечь в общественную и политическую жизнь страны?

Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно. Все исследования последних лет демонстрировали не только сравнительно низкий уровень политического участия, но и равнодушие многих россиян даже к тем возможностям, которые предоставляет Конституция РФ для борьбы не только за свои политические, но и экономические и социальные права и свободы. Есть, однако, симптомы, свидетельствующие о том, что общество постепенно «просыпается», всё новые группы и слои включаются в

общественную жизнь. Во всяком случае, уровень востребованности инструментальных ценностей демократии заметно превосходит показатели десятилетней давности. Практически в два раза выросла доля респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6% до 14%), а также в забастовках (рост с 6% до 13%).

Рисунок 10.6

Оценки эффективности различных способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов, 2001 и 2011 гг., %⁴⁹

По-прежнему высоко оценивается потенциал таких демократических институтов, как СМИ, судебная система и общественные объединения,

⁴⁹ Можно было выбрать до трёх ответов.

выражающие чаяния различных групп населения. Несколько поубавилась значимость в глазах населения института выборов; традиционно низкой остаётся роль политических партий (рис. 10.6).

Выборы всё чаще начинают восприниматься, особенно молодёжью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также много тех, кто в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование становится в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан.

Между тем, результаты нашего опроса свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе, чем это имеет место сейчас. На вопрос о том, «какие партии, на Ваш взгляд, должны быть представлены в следующей Государственной Думе?», довольно большое число респондентов, помимо «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», также назвали «Яблоко», «Патриотов России», «Партию народной свободы» (26%, 19%, 17%). «Правое дело» и «Другая Россия» особых симпатий у россиян пока не вызывают.

Однако, когда зашла речь об электоральном выборе, даже расширенное «политическое меню» не вызвало особого энтузиазма у респондентов. Треть опрошенных заявили, что не планируют участие в выборах, а электоральные предпочтения других опять распределились среди партий, представленных ныне в Государственной Думе (табл. 10.1).

Картина выглядит несколько иной в «поселенческом» разрезе: «Единая Россия» потеряла значительное число своих сторонников в мегаполисах. Так, в Москве и Санкт-Петербурге за неё готовы проголосовать лишь 20% опрошенных. Самый высокий уровень поддержки (36% и 42%) у «Единой

России» в малых городах и на селе. То есть, эта партия постепенно становится «партией российской глубинки», какой в 1990-е гг. была КПРФ. Коммунисты, справедливоросы, напротив, несколько прибавили в столицах и крупных городах. Если же говорить о не представленных в парламенте партиях («Партия народной свободы», «Патриоты России», «Правое дело» и «Яблоко»), то их электорат практически целиком сконцентрирован также в Москве и Санкт-Петербурге. Причём, пока ещё у не существующей «Партии народной свободы» уровень поддержки чуть выше, чем у их соперников на либеральном фланге – «Яблока» и «Правого дела».

Таблица 10.1

Какие партии, по мнению опрошенных, должны быть представлены в следующей Государственной Думе РФ, и за какую из них респонденты готовы проголосовать, %

Партии	Какие партии должны быть представлены в парламенте России?*	За какую партию Вы готовы проголосовать?***
«Единая Россия» (Б. Грызлов)	67	34
КПРФ (Г. Зюганов)	54	14
ЛДПР (В. Жириновский)	55	9
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	51	7
«Яблоко» (С. Митрохин)	26	1
«Патриоты России» (Г. Симигин)	19	1
«Партия народной свободы» (В. Рыжков, Б. Немцов, М. Касьянов и др.)	17	1
«Правое дело» (Л. Гозман, А. Чубайс)	8	0
«Другая Россия» (Э. Лимонов)	9	0
Какая-то другая партия	2	1
Не планируют участие в выборах	18	31

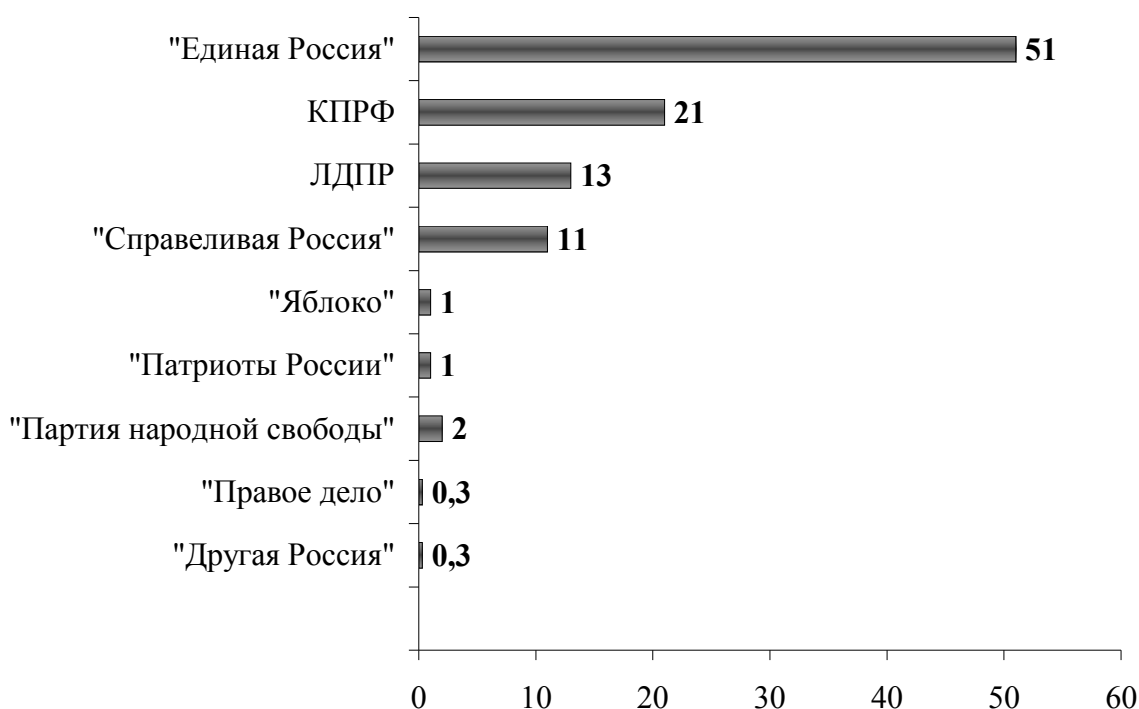
* Респонденты могли выбрать любое число ответов.

*** Респонденты могли выбрать только один ответ. Затруднившиеся с ответом не указаны.

Распределение голосов без учёта «абсентеистов» даёт примерно такую же картину, как и четыре года назад. Лишь поддержка «Единой России» выглядит чуть скромнее, а поддержка КПРФ – чуть весомее (рис. 10.7).

Рисунок 10.7

**Электоральные предпочтения россиян
на предстоящих выборах в Государственную думу в декабре 2011 г.,
% от тех, кто планирует участвовать в выборах⁵⁰**

С учётом отмеченного, крайне важным представляется на всех этапах избирательных кампаний возвращение институту выборов его истинного смысла и значения. Прежде всего, в качестве одного из ключевых инструментов воздействия большинства населения на властвующее меньшинство.

В то же время «демократия участия» не может и не должна сводиться лишь к голосованию на выборах. В современном обществе так же необходимо нахождение новых стимулов и форм гражданской самоорганизации, «перезагрузка» соответствующей инфраструктуры

⁵⁰ На рис. не указана доля планирующих проголосовать за какую-либо другую партию.

(партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнёрства, профсоюзов, локальных сообществ и т. д.). Очевидный спад интереса большинства граждан к политике может и должен компенсироваться разнообразными формами общественной самодеятельности. Демократизация гражданского общества должна открывать путь в политику новым субъектам, предлагающим для обсуждения новые проблемы и ценности. Они не могут и не должны заменять собою партии, но способны включить их в широкий общественный контекст, приблизить к интересам широких слоёв населения.

Имеются в виду внешне не очень заметные, но, тем не менее, идущие достаточно интенсивно процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Делегируя управленческие и политические функции «наверх», многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включённости в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своём непосредственном окружении, но в ещё большей степени, готовности к этому в будущем. Скажем, отличительной особенностью России является то, что здесь как нигде широкое распространение получили движения «одного требования». Речь идёт о движении автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т. п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованны и эффективны.

Такие формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Демократия участия предполагает также широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но дискутировать, чувствуя при этом приобщённость к делам страны, своего города, посёлка и т. п., могут и должны многие. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии в XXI в. будет более важен, чем институциональный. На этом фоне чрезвычайное значение имеет политика государства в отношении средств массовой информации.

В России все последние годы происходило «свёртывание» общего пространства публичной политики, дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни страны. Как следствие – площадкой для дискуссий всё чаще становятся не традиционные медиа, а интернет, социальные сети. Однако их охват, а главное глубина анализа насущных проблем нашей жизни пока не могут сравняться с телевидением, радио, печатными изданиями. Россияне, судя по результатам настоящего исследования, хотели бы видеть отечественные СМИ свободными. Единственным изъятием из этой свободы 53% опрошенных видят общепринятые моральные ценности, предполагающие запрет на пропаганду порнографии, насилия и т. п. Ещё 13% уверены, что даже этих ограничений быть не должно. Сторонниками цензуры (разной степени жёсткости) являются лишь 18%. Впрочем, 10 лет назад их было несколько меньше – 13% (табл. 10.2).

Таблица 10.2

Мнения россиян о том, какую политику должно проводить государство в отношении средств массовой информации, 1995–2011 гг., %

Суждения	1995	2001	2011
Деятельность этих средств должна быть максимально свободной без каких-либо ограничений	14	13	13
Деятельность этих средств должна быть свободной только при одном ограничении – существующими в обществе нормами морали (запрет на пропаганду секса, насилия и т. п.)	60	58	53
Деятельность этих средств должна быть свободной, но при условии поддержки существующей власти	5	2	6
Деятельность этих средств не должна быть свободной; они должны контролироваться государством	9	11	12
Мне это безразлично	12	16	16

Итак, судя по результатам настоящего исследования, последние двадцать лет не прошли для страны даром. Страна изменилась, изменились люди, изменилось и их отношение к демократическим ценностям и институтам. В целом, восприятие россиянами основных ценностных составляемых демократии мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий.

В то же время взаимодействие таких факторов, как неудачи социально-экономических реформ, заметно снизили в глазах значительной части россиян привлекательность демократии и обусловили сложное, двойственное отношение россиян к ней. За прошедшие двадцать лет она реализовалась лишь в качестве нормативной модели, но не проросла в ткань общественной жизни, не переросла в демократию участия и соучастия.

Между тем, опыт посткоммунистической трансформации свидетельствует, что, если демократические институты не воспринимаются обществом «инструментально», не востребуются людьми, то они постепенно увядают, превращаются в имитационные муляжи.

Сегодня общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В целом, оставаясь не включёнными в «большую» политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне, тем не менее, как уже отмечалось, демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации. Начинают «просыпаться» молодёжь и средние слои населения. То есть всё не так мрачно, и можно с определённой долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения, не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры.

11. Изменение взглядов россиян на окружающий мир и место России в нём

В декабре 2011 г. исполняется 20 лет с того дня, когда прекратил своё существование Советский Союз. Сопоставление данных, полученных в различные годы, показывает, что отношение россиян к этому событию сложилось, как говорится, по свежим следам и потом практически не пересматривалось. Хотя за прошедшие 20 лет в жизнь вошло новое поколение, знающее о советском прошлом только понаслышке, распределение мнений по данному вопросу в 2011 г. не слишком сильно отличается от того, что было зафиксировано в 2001 или даже в 1995 гг.

Россияне не склонны представлять себе СССР ни в виде демонической «империи зла», ни в романтическом образе «первопроходца» или тем более «весны человечества» (как выразился когда-то В. Маяковский). Соответственно этому, только 2–3% населения оценивают его распад как положительное событие мирового значения; не намного чаще встречается и мнение, что исчезновение Советского Союза создало условия для возрождения Российской Федерации и других бывших советских республик.

С другой стороны, в числе респондентов оказалось не так уж много таких, кто считает ликвидацию советского государства исторической катастрофой. Среди тех, кто оценил уровень своего материального благосостояния как хороший, так думает только 5% опрошенных; среди молодёжи до 30 лет – 7%. Бедность и возраст задают иные координаты оценки. Так, в группе, характеризующей своё материальное положение как плохое, соответствующая цифра выше, чем в группе наиболее благополучных, примерно в 4,5 раза, а среди россиян пенсионного возраста распад Советского Союза называют катастрофой и 3,5 раза чаще, чем среди молодёжи до 30 лет. Но и в этих группах катастрофизм не является преобладающей точкой зрения. В целом же по выборке расценивает распад Советского Союза как катастрофу примерно один человек из каждых семи – восьми.

Намного большая часть россиян (почти 30%) видит здесь не только минусы, но и плюсы.

Преобладают же в обществе не геополитические и идеологические оценки, а взгляд сквозь призму человеческих судеб. В этом плане распад СССР чаще всего воспринимается как общая беда миллионов людей, живущих в республиках бывшей союзной державы. В такой оценке солидарны и бедные, и богатые, и молодые, и пожилые россияне. Вначале, когда никто ещё толком не представлял себе, «что из всего этого выйдет», она отнюдь не преобладала. Но к концу 90-х гг. доля тех, кто придерживался такого взгляда на вещи, многократно возросла, приблизившись к 40-процентной отметке, а потом на некоторое время и преодолев её. В 2011 г. данная точка зрения оставалась наиболее распространённой, в её поддержку высказалось около 36% опрошенных (табл. 11.1). За этой динамикой стоят многочисленные и разнообразные реалии постсоветской истории: и разрыв складывавшихся десятилетиями, если не столетиями, экономических и гуманитарных связей; и обострившиеся межнациональные конфликты; и резкое падение уровня жизни; и охватившая огромные регионы массовая безработица.

Таблица 11.1

Отношение россиян к распаду СССР, 1995–2011 гг., %

Варианты ответа	1995	1998	2001	2011
Это катастрофа мирового значения	14	12	14	14
Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР	14	38	44	36
В этом есть и хорошие, и плохие стороны	30	34	30	29
Благодаря этому создались условия для возрождения России и республик бывшего СССР	5	6	4	6
Это положительное событие мирового значения	3	4	2	3
Затруднились ответить	3	6	7	12

Исчезновение одной из двух сверхдержав в одночасье изменило всю конфигурацию мировой политики. И хотя «новая» Россия унаследовала большую часть ресурсов Советского Союза и частично восприняла советское наследие, её положение в системе международных отношений не могло

остаться прежним. В частности, возникло много трудно разрешимых проблем, связанных с безопасностью, страна стала более уязвимой перед лицом различного рода угроз, набор которых в последние годы существенно увеличился. Как же воспринимался этот круг проблем массовым сознанием в разные моменты истории «новой» России? Что её граждане думают сегодня о её месте в мире?

Начнём с вопроса об отношении россиян к развитым странам Запада. Сознание советского человека постоянно колебалось между демонизацией «западного империализма», претензиями на роль «локомотива истории» и увлечением западным обществом потребления. И эта последняя тенденция в конце концов победила. Перестройка советской системы, а затем и её демонтаж в начале 90-х гг. XX в. воспринимались как условие приобщения к Западу, ближайшей и наиболее подходящей формой которого должно было бы стать «возвращение в Европу». Эмоционально россияне были готовы к такому возвращению и стремились к нему.

Многие политические деятели и интеллектуалы на Западе также в свою очередь ожидали, что Россия без особых проблем встроится в рамки утвердившейся там либерально-демократической модели. Однако история, как известно, по этому пути не пошла. Между Россией и Западом возникали всё новые противоречия, что, естественно, отражалось и на динамике общественного мнения. Уже в 1995 г. надежда на Запад сохранялась только у 7% опрошенных, тогда как 44% утверждали, что Западу совершенно безразлична судьба России, а 31% респондентов даже полагали, что он целенаправленно стремится её ослабить и превратить в зависимое государство. В дальнейшем это распределение мнений стабильно воспроизводилось в массовом сознании; сопоставление данных за разные годы даёт нам фактически лишь одну переменную – долю респондентов, подозревающих Запад в недоброжелательном отношении к России. Последняя на протяжении всего периода наблюдения постепенно возрастала

и к настоящему времени вплотную приблизилась к половине выборки (табл. 11.2).

Таблица 11.2

Динамика мнений россиян об отношении развитых стран Запада к России, 1995–2011 гг., %

Варианты ответа	1995	1997	2001	2004	2011
Эти страны позитивно относятся к России, хотят ей помочь	7	7	5	5	8
Судьба России им безразлична	44	46	45	45	27
Западные страны хотят ослабить Россию, превратить её в зависимое государство	31	31	37	38	49
Затруднились ответить	14	16	14	22	16

В то же время, если мы теперь перейдём от сложившегося в массовом сознании образа консолидированного «Запада» к восприятию отдельных стран, то увидим весьма дифференцированную картину. Фактически из всех стран Запада россияне безусловно отрицательно относятся лишь к США. Причём такое отношение сформировалось не сразу. Вплоть до середины 90-х гг. бывшей антагонист советской сверхдержавы воспринимался в России вполне позитивно. Так, в 1995 г. антипатию к США выказали всего 9%, а симпатию 77–78% опрошенных. Однако всего несколько лет спустя в общественных умонастроениях происходит заметный перелом. Его пусковым крючком послужила военная акция американцев и их союзников по НАТО в бывшей Югославии (весна – лето 1999 г.). Силовые действия против исторически связанной с Россией православной Сербии фактически были спроецированы россиянами на самих себя, и уже год спустя почти 44% опрошенных высказали мнение, что США в XXI в. станет для России основным источником угроз.

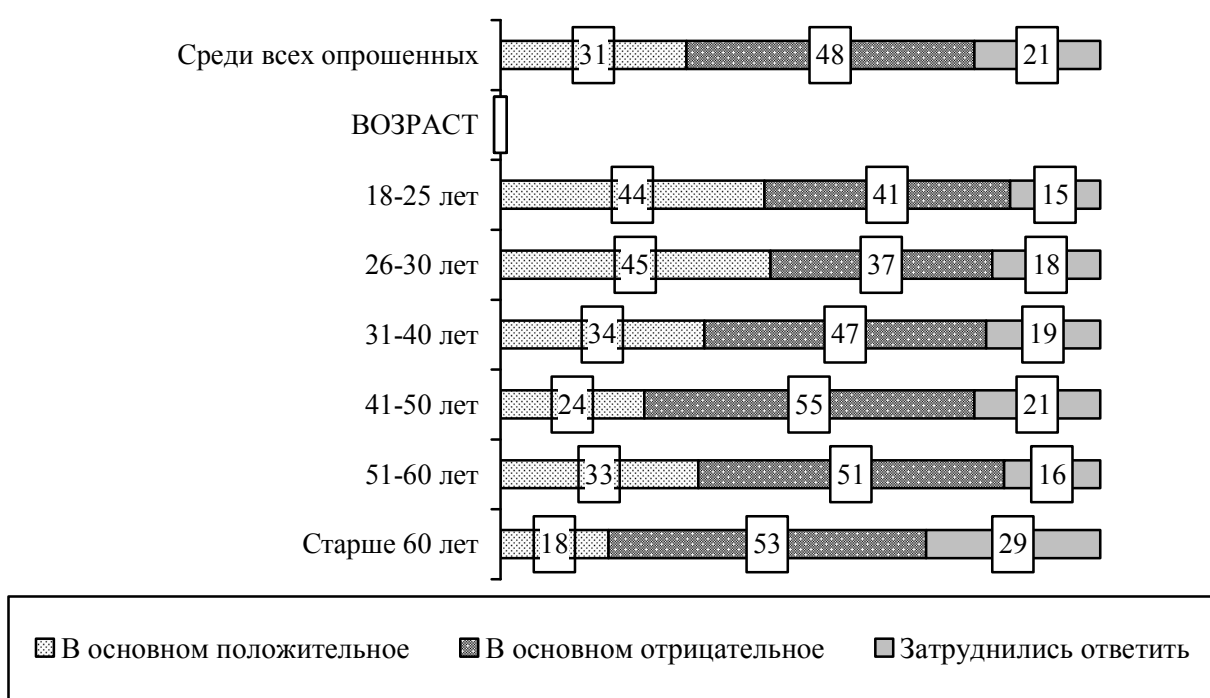
В последние годы (включая 2011-й) индикатор положительного отношения к США в целом по выборке держался на уровне трети, а отрицательного – половины от общего числа респондентов. Но надо сказать, что мнения по данному вопросу в российском обществе сильно дифференцированы. Хотя состоятельные россияне в целом относятся к США лучше, чем бедные, оплотом антиамериканских настроений являются прежде

всего именно богатые и процветающие мегаполисы. Здесь Америке симпатизирует только четверть опрошенных, тогда как 61% относится к ней отрицательно. Депрессивные поселения – село и посёлок городского типа – придерживаются сходной ориентации, хотя и проявляют её не в столь выраженной форме («за Америку» – от четверти до трети опрошенных, «против» – чуть менее половины, при довольно большом числе не определившихся).

Напротив, в городах областного масштаба почти половина населения воспринимает США вполне позитивно, тогда как негативное отношение к этой стране разделяют лишь чуть более трети опрошенных. Сильно сказывается на имидже Америки фактор возраста (рис. 11.1). В молодёжных возрастных группах позитивное отношение несколько перевешивает негативное. Но после 30 лет наступает перелом, и отрицательные эмоции начинают преобладать. При этом наихудший баланс симпатий и антипатий (–35%) был зафиксирован в ходе исследования в самой старшей возрастной когорте (60+).

Рисунок 11.1

Отношение представителей различных возрастных групп к США, %

Политическая поддержка ведущих европейских стран американской политики стоила части их собственной популярности, хотя и не в той мере, как самих США. В особенности сильно это отразилось на репутации Великобритании. По итогам пятнадцатилетнего периода (1995–2011) индекс симпатий к этой стране опустился с 77% до 55%, а антипатий – поднялся с 4% до 22%. Не так сильно, но всё же «пострадала» занимающая более самостоятельную позицию по отношению к США Германия: по результатам 2011 г. она также утратила примерно каждый седьмой или восьмой голос от числа поданных за неё в 1995 г. и почти каждый пятый голос 2009 г.

Однако лучше всего в глазах россиян выглядит Франция, к которой у нас всегда относились с некоторой рационально не объяснимой сентиментальностью и которая со времён де Голля дистанцируется от политики США, а по многим важным вопросам занимает позиции, более близкие к российской, чем к американской точке зрения. На протяжении всего времени, к которому относятся имеющиеся в нашем распоряжении данные, она оставалась неоспоримым фаворитом наших соотечественников. В 1995 г. «профранцузские» настроения продемонстрировали 79% наших респондентов, в 2011 – 70% от общего числа опрошенных.

Отметим вместе с тем, что, несмотря на заметное охлаждение россиян к Западу, они и сегодня эмоционально ближе нему, чем к странам Востока. Из наиболее значительных азиатских стран только применительно к Индии зафиксирован сопоставимый уровень симпатий (10 лет назад она заметно уступала в этом европейским странам, но вследствие падения их популярности в настоящее время сравнялась с ними). Еще 2–3 года назад почти столь же позитивно выглядела и Япония, но регулярные демонстративные выступления некоторых японских политиков по поводу территориального спора из-за Курильских островов снизили уровень симпатий к этой стране с 69% до 44%, в то время как уровень антипатий возрос с 19% до 31%. Менее благожелательным в последнее время стало и отношение к Китаю, который в середине только что истекшего десятилетия

довольно уверенно прибавлял в рейтинге. По-видимому, население России всё-таки относится к этому азиатскому гиганту с определённой опаской.

Таблица 11.3

**Динамика отношения россиян к странам, играющим важную роль
в мировой политике, экономике,
1995–2011 гг., %**

Отношение	1995	2001	2007	2011
<i>США</i>				
В основном положительное	78	37	37	33
В основном отрицательное	9	39	45	48
Затруднились ответить	13	24	18	19
<i>Англия</i>				
В основном положительное	77	55	52	55
В основном отрицательное	4	15	25	21
Затруднились ответить	19	30	23	24
<i>Германия</i>				
В основном положительное	69	54	62	60
В основном отрицательное	12	18	21	18
Затруднились ответить	19	28	17	22
<i>Франция</i>				
В основном положительное	79	64	75	70
В основном отрицательное	3	8	9	9
Затруднились ответить	18	28	16	21
<i>Индия</i>				
В основном положительное	59	53	64	59
В основном отрицательное	5	10	11	10
Затруднились ответить	36	37	25	31
<i>Китай</i>				
В основном положительное	41	39	45	43
В основном отрицательное	21	21	32	29
Затруднились ответить	38	40	23	28
<i>Япония</i>				
В основном положительное	69	53	60	44
В основном отрицательное	9	16	18	31
Затруднились ответить	22	31	22	25

Разумеется, западничество по-прежнему сохраняется в России как влиятельная идеологическая установка. В то же время под влиянием накопленного опыта оно приобрело некоторые новые оттенки и уж во всяком случае стало более сдержанным и прагматичным, чем это было на заре российских реформ. При этом список «значимых других» для россиян расширился. В последнее время их взор всё чаще обращается к странам

Восточной Европы и бывшего СССР, интерес к которым в первые годы после распада СССР был, как будто, совсем утрачен (табл. 11.4).

Таблица 11.4

**Динамика отношения россиян к некоторым странам бывшего СССР
и Восточной Европы, 2009 и 2011 гг., %**

Отношение	2009	2011
<i>Белоруссия</i>		
В основном положительное	80	61
В основном отрицательное	13	19
Затруднились ответить	7	20
<i>Грузия</i>		
В основном положительное	19	15
В основном отрицательное	69	62
Затруднились ответить	12	23
<i>Казахстан</i>		
В основном положительное	79	65
В основном отрицательное	11	11
Затруднились ответить	10	24
<i>Украина</i>		
В основном положительное	39	53
В основном отрицательное	49	26
Затруднились ответить	12	21
<i>Польша</i>		
В основном положительное	44	32
В основном отрицательное	38	35
Затруднились ответить	18	33
<i>Сербия</i>		
В основном положительное	58	44
В основном отрицательное	17	17
Затруднились ответить	25	39

В настоящее же время уровень симпатий к Белоруссии и Казахстану в России выше, чем к Германии, и лишь немного уступает показателям Франции. Правда, по сравнению с 2009 г. он также несколько снизился: надо полагать, россиян насторожили некоторые события в политической жизни этих стран (например, столкновения противников Лукашенко с силами правопорядка в декабре 2010 г.). Но зато одновременно с этим значительно улучшился сложившийся в массовом сознании образ Украины – по-видимому, также не без учёта внутривнутриполитической обстановки, существенно изменившейся с избранием на пост президента страны В. Януковича. По

индексу симпатий россиян Украина в 2011 г. обогнала такие опережавшие её в 2009 г. страны, как Сербия и Польша. Более того, она практически догнала Великобританию, которая в 2009 г. имела перед ней преимущество в целых 25% ответивших на данный вопрос респондентов.

Решающим фактором, определяющим отношение «среднего» российского гражданина к различным странам мира, являются не эмоционально окрашенные идеологические мотивы, какими руководствовалась либерально настроенная интеллигенция на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века, и не надежда на привлечение иностранных инвестиций (что характерно для политической элиты наших дней), а соображения безопасности. Соответственно, основной провоцирующий фактор, вызывающий у россиян отрицательные эмоции по отношению к той или иной стране, – это наличие в ней жёсткой воинствующей диктатуры и/или превращение данной страны в «кровоточащую язву» – источник неконтролируемой долговременной нестабильности, чреватой как «рутинным» насилием, так и периодически вспыхивающими вооружёнными конфликтами.

Это хорошо видно хотя бы на примере Ирака. С этой страной уже давно (по крайней мере с середины 90-х гг.) прочно связаны преимущественно негативные ассоциации. Вначале они были проявлением отвращения, которое россияне испытывали к диктатуре С. Хусейна, позже на их настроения повлияла развернувшаяся там война всех против всех, создающая угрозы всему региону Ближнего Востока. Несмотря на то, что со времени свержения режима Хусейна, прошло уже 8 лет, а ситуацию там более или менее контролируют войска западной коалиции, баланс эмоциональных реакций по отношению к Ираку в России остаётся крайне неблагоприятным. Общее количество негативных ответов по данной стране превышает количество позитивных более чем в 2 раза.

В этой связи обращает на себя внимание динамика оценок массовым сознанием Израиля. В середине 90-х гг. эта страна воспринималась в России достаточно благожелательно: доля симпатизирующих еврейскому государству россиян составляла более 40% и в 2 раза превышала число тех,

кто относился к нему с недоверием и неприязнью. Однако опрос 2001 г. засвидетельствовал, что ориентиры массового сознания поменялись на противоположные. Характерно, что это изменение совпало с началом нового витка затяжного арабо-израильского конфликта (апогей так называемой интифады Аль-Акса, блокирование Я. Арафата в его резиденции в Рамаллахе и др.). А вот на рубеже истекшего и нынешнего десятилетий благоприятное отношение к Израилю вновь восстанавливается примерно на том же уровне, что и в 1995 г. (40% позитивных реакций, 26% негативных) (табл. 11.5).

Таблица 11.5

**Динамика отношения россиян к Израилю и Ираку,
1995–2011 гг., %**

Отношение	1995	2001	2009	2011
Израиль				
В основном положительное	41	27	48	40
В основном отрицательное	20	33	34	26
Затруднились ответить	39	40	18	34
Ирак				
В основном положительное	22	18	30	19
В основном отрицательное	35	39	49	46
Затруднились ответить	43	43	21	35

Ещё одним предметом беспокойства для россиян является наш южный сосед – Грузия, нынешнее правительство которой не только совершенно открыто культивирует антироссийские настроения, но и пытается раздувать тлеющие угли опасных для единства России межнациональных конфликтов. В своё время Тбилиси даже попытался бросить Москве прямой военный вызов, что в сочетании с целым рядом других раздражающих факторов (экспорт этнической преступности, благожелательное отношение к чеченским сепаратистам, уничтожение памятников боевого братства времён Великой Отечественной войны и др.) привело к резкому ухудшению отношения к Грузии со стороны россиян. И сегодня, спустя время после вооружённого столкновения российской и грузинской армий в Южной Осетии, это отношение никак не улучшилось. В ходе проведённого опроса выяснилось, что антигрузинские настроения в той или иной мере разделяют чуть ли не 2/3 россиян (если быть совершенно точными – 62%), тогда как

симпатии к бывшей советской республике проявили всего 15% (что даже меньше, чем зафиксировано в 2009 г. по горячим следам только что утихших боёв на улицах Цхинвала).

Какие же факторы международной жизни в наибольшей степени беспокоит россиян? С чем в первую очередь связаны их тревоги и опасения, что воспринимается ими в качестве наиболее значимых и наиболее вероятных внешних угроз?

Таблица 11.6

**Динамика представлений россиян об основных угрозах и тревогах,
связанных с событиями и процессами в мире,
2009 и 2011 гг., %⁵¹**

Угрозы	2009	2011
Международный терроризм	55	61
Мировой экономический кризис	49	31
«Втягивание» России в долгосрочный конфликт на Кавказе	27	31
Угроза мировой войны в связи с возрастанием нестабильности в мире	34	30
Распространение эпидемий	38	26
Увеличение разрыва между «богатыми» и «бедными» странами	21	25
Ухудшение отношений с бывшими республиками СССР	23	24
Расширение НАТО на Восток, включение в состав этого блока Украины и Грузии	26	18
Усиление военно-политического влияния США в мире	17	14
Развёртывание системы противоракетной обороны (ПРО) США на территории Восточной Европы (Польши и Чехии)	19	7
Ухудшение взаимоотношений России с США	8	4
Возможность международной изоляции России	6	4
Другое	1	1
Не ответили	1	1

Как видно из данных табл. 11.6, «матрица угроз» в российском общественном мнении носит чрезвычайно подвижный характер. Ещё два года назад в списке международных угроз лидировали терроризм и возможность широкомасштабного экономического кризиса. На них указывалось, по крайней мере, в половине полученных нами ответов. Очень актуальной казалась в то время и опасность трансграничных эпидемий, а также перспектива перерастания глобальной нестабильности в новую

⁵¹ Сумма цифр в столбцах превышает 100%, т. к. можно было выбрать до 3-х ответов. Отранжировано в порядке убывания значений в 2011 г.

мировую войну, но эти факторы всё-таки беспокоили значительно меньшее число опрошенных (в первом случае 38%, во втором – 34%).

Спустя два года распределение мнений изменилось. Как и в 2009 г., на первое место в списке угроз наши респонденты поставили международный терроризм, причём доля обеспокоенных этой угрозой за это время несколько увеличилась (с 55% до 61%). Зато острота других опасений несколько смягчилась. Так, мировой экономический кризис в настоящее время беспокоит уже менее трети опрошенных. Снизился уровень страхов и тревог, связанных с распространением эпидемий (с 38% до 26%), а также с некоторыми военными угрозами – расширением НАТО на восток (с 26% до 18%) и развёртыванием американской ПРО в Чехии и Польше (с 19% до 7%).

Что касается возможности новой мировой войны, то она с повестки дня отнюдь не снимается, но всё же опасность такого развития событий в глазах россиян несколько уменьшилась (разница между данными 2009 и в 2011 гг. составила 4%). Значения остальных индикаторов опасений и угроз, по поводу которых опрашивались наши респонденты, изменились незначительно – в пределах 1–4%. Отметим, тем не менее, общую тенденцию к снижению уровня опасений по поводу неблагоприятного развития отношений с США, усиления американского влияния в мире и возможности международной изоляции России.

Опрос показал, что взгляд отдельных социальных и социально-демографических групп на новые внешние вызовы и угрозы примерно одинаков. А вот сторонники разных идейно-политических течений по-разному оценивают их актуальность. Международный терроризм вне конкуренции у всех, но если среди сторонников «русской идеи» им обеспокоены 52%, то среди «либералов» – 64%. И напротив, конфликт на Кавказе, его возможная интернационализация тревожит 44% «русских националистов» и лишь 29% «либералов». Последних также чаще, чем других, беспокоит мировой экономический кризис. «Левые» (коммунисты, социалисты) сигнализируют об опасности ухудшения отношений России с бывшими республиками СССР. Коммунисты и националисты – об угрозе

увеличивающегося разрыва между «богатыми» и «бедными» странами (табл. 11.7).

Таблица 11.7

**Мнение сторонников различных идейно-политических течений
об основных угрозах и тревогах,
связанных с событиями и процессами в мире, %⁵²**

Угрозы	Среди всех опрошенных	Сторонники идейно-политических течений					
		Либералов	Коммунистов	Обновленного социализма	Самостоятельного русского пути развития	Сочетания различных идей	Не являются сторонниками никаких течений
Международный терроризм	61	64	56	55	52	60	61
Мировой экономический кризис	31	37	21	23	22	29	36
«Втягивание» России в долгосрочный конфликт на Кавказе	31	29	37	27	44	44	28
Угроза мировой войны в связи с возрастанием нестабильности в мире	30	33	30	33	30	28	32
Распространение эпидемий	26	22	22	31	23	23	29
Увеличение разрыва между «богатыми» и «бедными» странами	25	26	32	26	31	25	23
Ухудшение отношений с бывшими республиками СССР	24	15	30	33	20	27	23
Расширение НАТО на Восток, включение в состав этого блока Украины и Грузии	18	14	23	17	24	21	18
Усиление военно-политического влияния США в мире	14	21	20	18	14	14	11
Развёртывание системы противоракетной обороны (ПРО) США на территории Восточной Европы (Польши и Чехии)	7	7	6	7	9	8	7
Ухудшение взаимоотношений России с США	4	2	5	4	4	4	3
Возможность международной изоляции России	4	5	2	8	6	2	5
Другое	1	3	1	0	1	1	1
Не ответили	1	1	1	1	1	0	1

⁵² Сумма цифр в столбцах превышает 100%, т. к. можно было выбрать до 3-х ответов.

Итак, решающим фактором, определяющим отношение «среднего» российского гражданина к мировой политике, различным странам мира, являются не эмоционально окрашенные идеологические мотивы, какими руководствовалась либерально настроенная интеллигенция на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века, и не надежда на привлечение иностранных инвестиций (что характерно для политической элиты наших дней), а соображения безопасности, взаимосвязь внутренних и внешних угроз. У россиян нет синдрома «осаждённой крепости», но терроризм и экономический кризис способствуют некоторому росту изоляционистских настроений. Исследование также показало, что многие наши сограждане хотели бы сохранить за Россией «свободу рук» на международной арене, особенно в отношении ведущих стран Запада, с целью большего учёта внутрироссийских проблем во внешнеполитическом курсе государства.

12. Российская идентичность и межэтнические отношения

Российские граждане живут в государстве, образ которого для большинства из них 20 лет назад был совершенно иным. Изменились не только его пространственные очертания «с южных гор, до северных морей», но и система отношений, этнический состав населения, государственное устройство. И поскольку эти изменения совпадали с экономическими трудностями, потерей уверенности в жизни, то невзгоды, даже в одной какой-то сфере, соединялись в представлении людей с другими и вызывали у многих неизбывную тоску по прошлому: «как хорошо мы плохо жили».

В первые годы новой России немало людей ещё чувствовали себя «гражданами СССР». В 1992 г. 71% опрошенных идентифицировали себя как гражданин России⁵³. Теперь, двадцать лет спустя, определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране в той или иной степени воспринимают себя как «граждане России», из них 72% ощущают свою

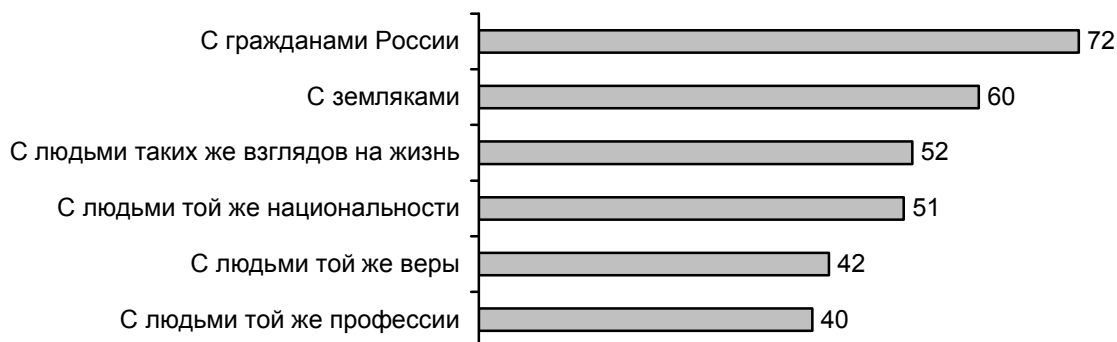
---

⁵³ Исследования под руководством В.А. Ядова, использованные для сравнения в кн.: Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С. 82.

общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов, это самая сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (рис. 12.1).

Рисунок 12.1

С кем люди ощущают связь в значительной степени, %

Российская идентичность исторически быстро формирующаяся. Ещё по опросам 2004 г. она по масштабам интенсивности, очевидно, уступала и этнической идентичности, и общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной, и локальной идентичности. Тогда россиянами называли себя 78% опрошенных, а сильную связь (часто чувствовали себя россиянами) – 31% (рис. 12.2).

К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее высоким⁵⁴.

Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но всё же очевидно уступала идентификации людей по профессии, общности по взглядам на жизнь и по национальности, то в 2011 г. по результатам проведённого исследования *российская идентичность первенствовала*. И это зафиксировано не только долей респондентов, подтвердивших свою

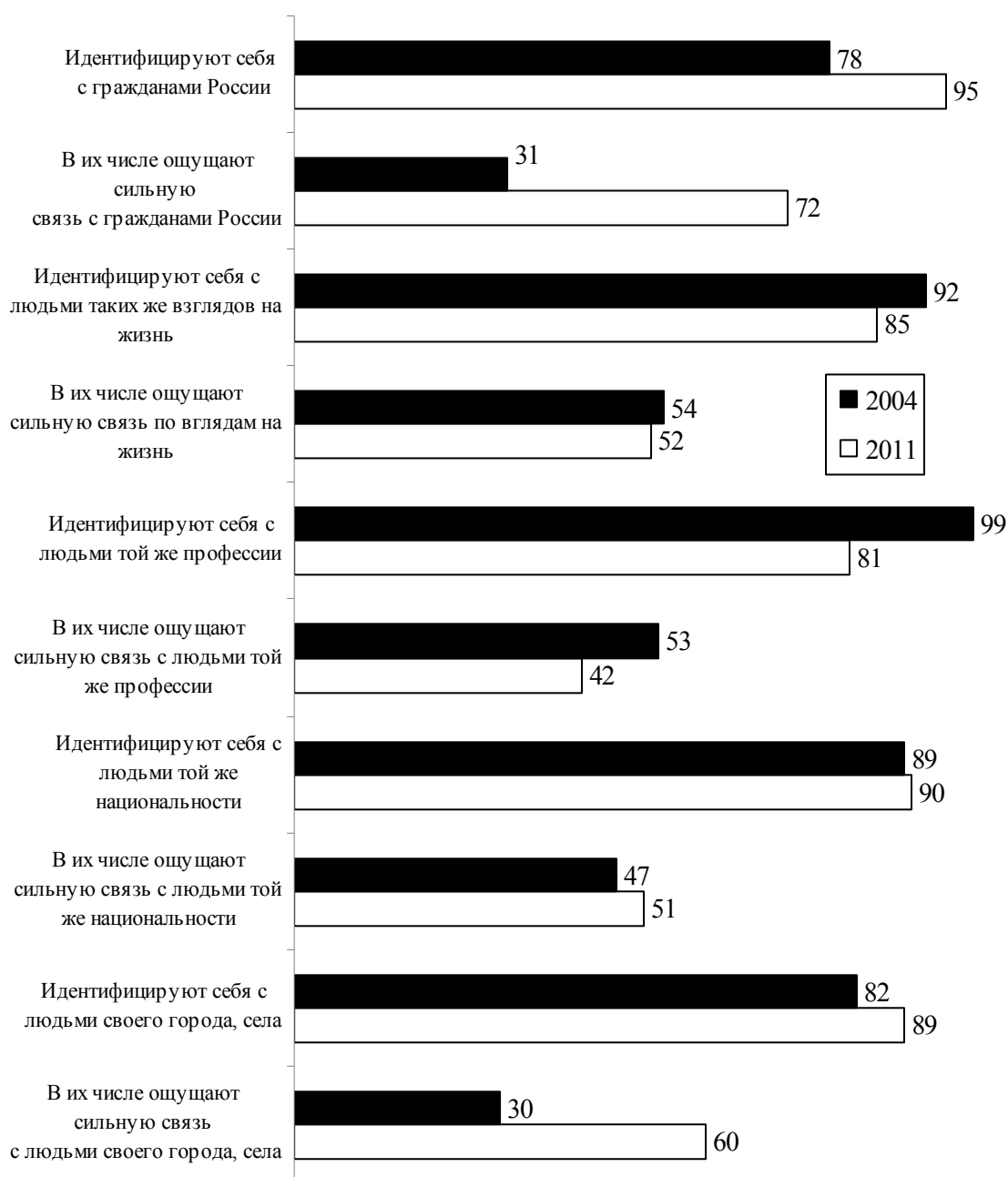
---

⁵⁴ В сравнения не включены семейные связи, которые по всем исследованиям бывают самыми сильными.

идентификацию со страной, но и тем, что ощущение «сильной связи» с ней выросло вдвое. Восстановилась связь времён. В советское время немного людей могли сказать, что они ассоциируют себя с РСФСР, и это, кстати, отличало их от жителей других союзных республик. В новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт представлений.

Рисунок 12.2

**Изменение значимости российской идентичности
на фоне иных идентичностей,
2004 и 2011 гг., %**

Если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ⁵⁵.

Естественно наибольший интерес вызывает сравнение российской идентичности с этнической, региональной, локальной, поскольку она отражает процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкурирующей, но превалирующей у людей в сравнении с государственной.

И вот к концу двадцатилетия российская идентичность в целом по стране (во всяком случае, в районах с доминирующим русским населением) стала немного преобладать, при этом 90% населения по-прежнему сохраняли идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь, как видно из рис. 12.2, по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами – 72%.

Респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?». 25% ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть ответивших (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом русские называли себя «скорее россиянами» чуть чаще, чем люди других национальностей (48% против 39%).

Таким образом, ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян и по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения – 93% против 87% среди молодёжи 18–25 лет, что, скорее всего, связано с пережитыми ими национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном

---

⁵⁵ За сравнение взяты данные ISSP 2003 г., где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно», «совершенно не чувствую связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но отражают тенденцию.

выборе среди них доля людей, «скорее чувствующих себя россиянами», тоже оказалась чуть больше (53% против 44% среди 18–25-летних).

При таких высоких показателях распространённости и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Заметим, что половина опрошенных ощущает сильную связь и со своим народом (в этнокультурном значении), и с российским сообществом. Кстати то же касается и локальной идентичности, которая, судя по опросам, оказалась практически столь же распространённой и сильной.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности *темы* о сепаратизме и разобщённости населения страны. И в чём-то это действительно так. Однако важны основания интегрированности. Ведь мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщённости. Но очевидно всё же, что есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими в обществе. Сама страна, где ты родился и жил, Родина – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. «Что для Вас значит быть патриотом России?» – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях получены согласованные ответы: «Любить свою страну» – 95–99%, стремиться улучшить жизнь в стране 92–97%, «гордиться своей страной 91–97%. Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», пятая часть опрошенных не согласилась; и треть была согласна с тем, что не надо говорить, что у твоей страны есть недостатки.

Есть и другой, подтверждённый опросом неблагоприятный симптом – солидаризация в немалой мере основана на обидах. 62% респондентов присоединилось к мнению: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских эта точка зрения более распространена,

чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших союзных республик; за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике; наконец, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим.

Отсюда такая чувствительность к тому, какое место должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения ещё живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек – «надёжный товарищ и друг», у части среднего и младшего о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия, а с другой стороны – обиды за потерю статуса старшего брата, сына великого народа.

За двадцать лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счёт тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США и ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава. В СССР русские составляли 51%, теперь в России – 80%. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги «Хватит кормить Кавказ»).

В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представления людей о многонациональности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?», – спрашивали респондентов. Однозначно считали преимуществом – 16%. Позиция «и то и другое» была самая распространённая и набрала – 41%, а 28% полагают, что «скорее проблема».

И русские, и несколько реже представители других национальностей придерживаются такого мнения (29% и 21% соответственно).

Отсюда за двадцать истекших лет не потеряло болезненности обсуждение вопроса, насколько Россия – общий дом для живущих в ней национальностей. Из табл. 12.1 видно, как распределялись мнения по этому вопросу с 1995 г.

Таблица 12.1

**Мнения респондентов о том,
насколько Россия – общий дом для российских народов,
1995–2011 гг., %⁵⁶**

Суждения	1995	1998	2001	2004	2006	2007	2011
Россия должна быть государством русских людей	11	11	12	17	19	16	14
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом.	14	20	20	24	31	31	31
Россия – общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ.	65	64	61	54	50	48	47
Затруднились ответить	10	5	8	6	0	6	8

То, что государство общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ, остаётся наиболее распространённым мнением, но оно с каждым годом получает всё меньше поддержки. В 90-е гг. это была точка зрения очевидного большинства (64–65%), а в 2000-е гг. доля её сторонников сокращалась: с 61% в 2001 г. до 47% в 2011 г.

Зато доля людей, которые полагали, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое (с 14% до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия

⁵⁶ Указаны доли согласившихся с каждым из суждений.

должна быть государством русских людей» они составили 45% (25% в 1995 г.).

Исследование показало, что открытую поддержку идее русской исключительности чаще других высказывает молодёжь, мало образованные россияне. В столицах же довольно высок процент «мягких националистов» (40% против 30–32% в других типах поселения), уверенных, что русские должны быть наделены большими правами, чем другие народы (рис. 12.3).

Всё это говорит о том, что самосознание русских актуализировано. 79% разделяют мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности».

Предыдущие исследования 90-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Правда, мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о том, кто они по национальности.

Солидаризация связана с политизацией этничности, в том числе с обсуждением в стране вопросов, как должно строиться наше государство.

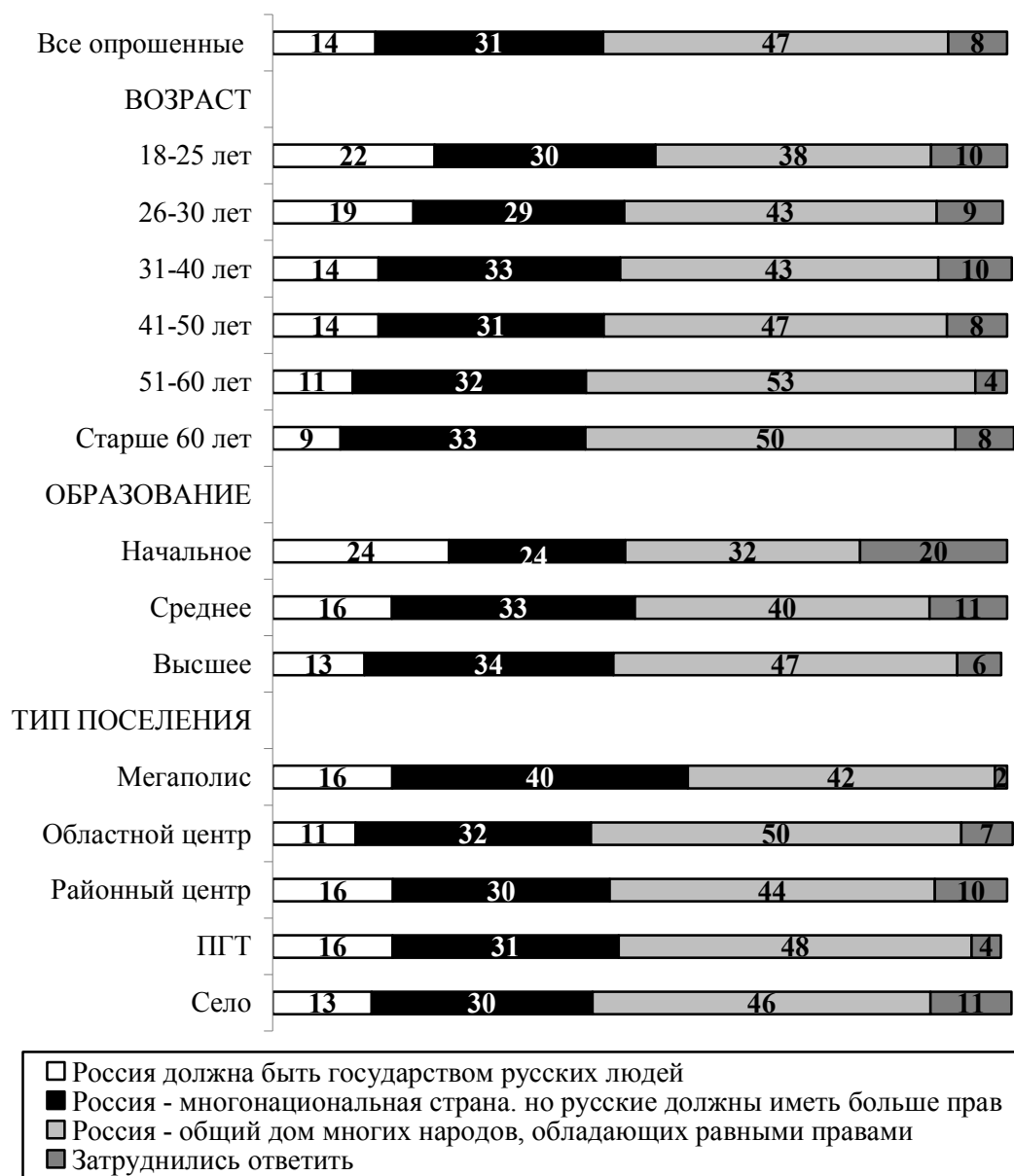
Мы тоже интересовались мнением наших граждан относительно государственного устройства и политики, связанной с многонациональностью страны.

Что касается государственного устройства, то большинство наших граждан не имеет устойчивого мнения на этот счёт. 42% респондентов полагают, что «необходимо упразднить деление России на республики». Это мнение в основном русских (среди которых 43% «за», 56% «против»), т. к. среди представителей других народов его разделяют 27% и среди них представлено по условиям выборки мало национальностей, живущих в самих республиках. Однако ещё важнее то, что 73% россиян разделяют и альтернативное мнение: «Было бы лучше, если бы народы республик

сохраняли свою самостоятельность внутри страны, автономию», причём полностью уверенных во втором мнении больше, чем в первом: 24% против 13%. А среди нерусских мнение о сохранении автономии разделяют 79%.

Рисунок 12.3

Мнения респондентов различных социально-демографических групп о том, каким должно быть национальное устройство российского государства, %

Таким образом, очевидно, что русские колеблются во мнениях о сохранении того типа государственного устройства, который у нас

исторически сложился, а представители других национальностей, тем более живущие в республиках, в большинстве – против.

В настроениях тех, кто за упразднение республик, скорее всего больше обиды и усталости от необходимости что-то предпринимать в связи с многонациональностью страны. Об этом свидетельствует согласие большинства (64%) с мнением «...лучше, если народы, которые не хотят мирно жить вместе, имели бы право выхода из России». Поддержка такого мнения не просто проявление либерализма. Судя по данным, вряд ли кто-то хочет распада страны, однако террористические акты на Северном Кавказе и в Центре страны не только пугают, но и вызывают озлобленность, готовность к радикальным решениям.

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, – безусловно важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний.

После декабрьских событий (2010 г.) тревогу за сохранение межнационального согласия выражали и общественность, и власть. На заседании Госсовета Президент РФ заявил, что без гражданского мира, межнационального, межконфессионального согласия в нашей стране «невозможно само развитие государства», «не может быть никакого будущего ни у нас, ни у наших детей»⁵⁷.

Данные проведенного исследования тоже рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, и 68% откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей». Известно, что у нас «в образе врага» чаще всего последнее время были «кавказцы», однако, в исследованиях было доказано, что если у человека есть предубеждения к лицам какой-то одной национальности, то в иной ситуации они будут

---

⁵⁷ Выступление Д. Медведева на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, 28.12.2010 г.

проявляться и к другим. Наиболее сильно такая неприязнь на этнической почве связана с тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – 63%. Другой аргумент неприязни – различия «в поведении людей, их образе жизни» – 39%, и только у 1/5 респондентов есть ощущения конкуренции в стремлении за престижные рабочие места. Это вполне понятно, т. к. большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

За двадцать лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности (табл. 12.2).

Таблица 12.2

**Влияние национальности человека на отношение к нему,
1994–2011 гг., %⁵⁸**

Влияние национальности в разных ситуациях	1994	2001	2011
Влияет при выборе круга друзей	22	24	29
Влияет при выборе места жительства	43	36	40
Влияет при вступлении в брак	39	35	47

Как видим по данным, драматизировать межэтнические отношения не стоит (и в этом Д. Медведев был прав в оценке на Президиуме Госсовета). Это вроде бы подтверждается и другими исследовательскими центрами – доля предубеждённых в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в районе 30% (данные «Левада-Центра»). Вполне согласованные ответы были получены в ходе настоящего исследования. 89% русских и такая же доля среди других национальностей считает, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причём среди русских такие настроения распространены больше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

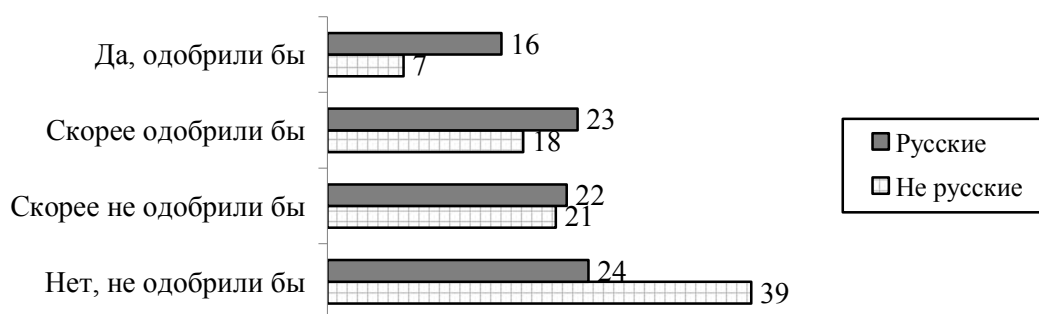
⁵⁸ Указаны доли согласившихся с каждым суждением.

Это новая ситуация 2000-х гг. В 1990-е гг. подобные настроения намного чаще встречались именно у не русских. Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чём говорилось выше.

Такие настроения русских в значительной мере связаны с быстрым притоком инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других европейских стран, оказавшихся в сходной ситуации. Зная о действиях правительства Саркози в отношении цыган, мы спросили наших граждан об их отношении к принудительному выселению людей каких-то национальностей (рис. 12.4).

Рисунок 12.4

Одобрение / не одобрение принудительного выселения представителей каких-то национальностей из города (села) проживания, %⁵⁹

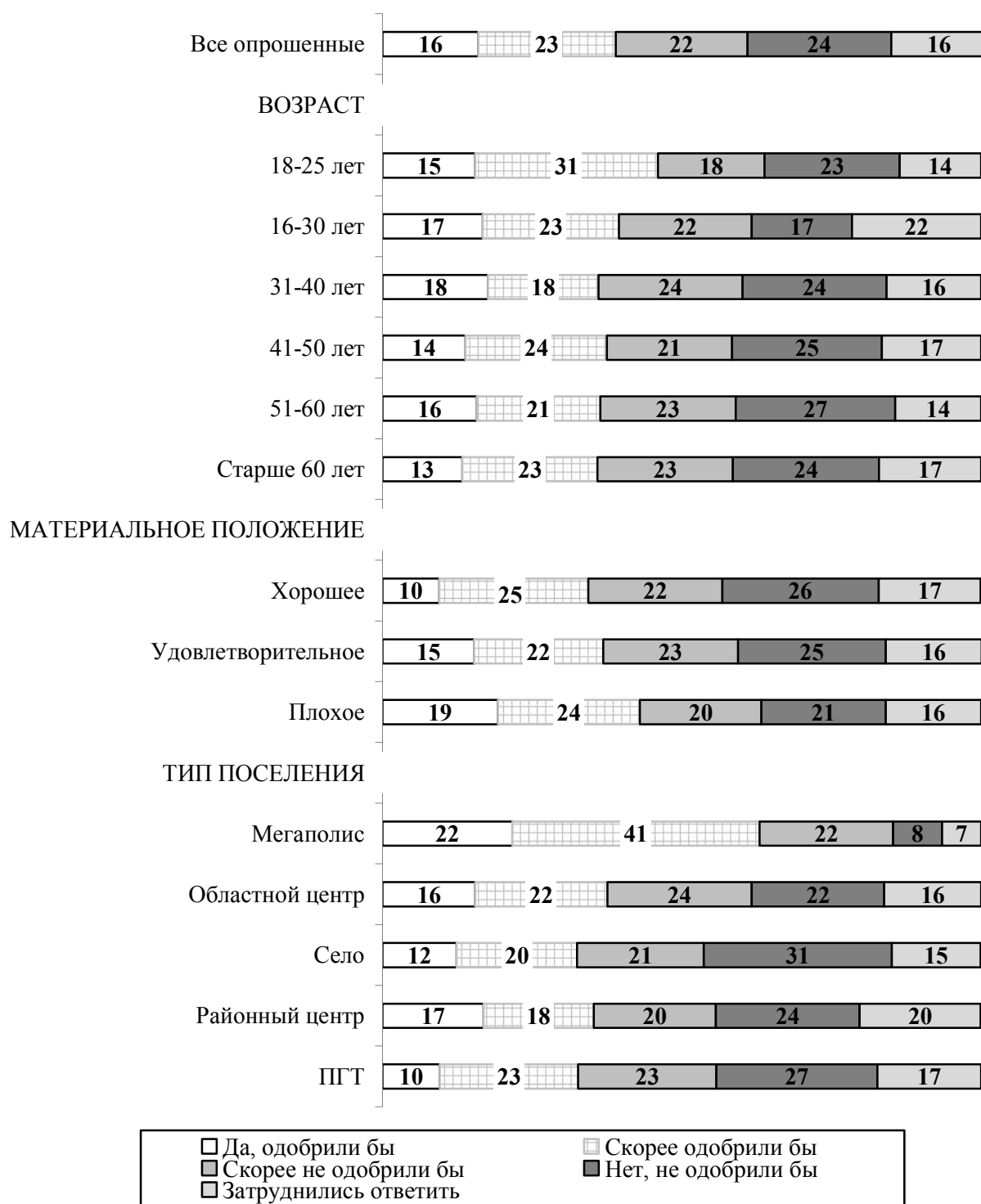

Тех, кто не одобрил бы принудительное выселение, больше, чем одобряющих – 46% против 39%. Но как видим сторонников силовых действий достаточно много и, что особенно тревожно, – их доля больше среди молодёжи. Среди тех, кому 18–25 лет, – 46%; среди респондентов в возрасте 50–60 лет и старше – 36–37%. Немало их и среди социально-обездоленных слоёв населения.

Но, чаще других в поддержку радикального решения национальных проблем высказываются жители столиц – 63% из них поддерживают (в том числе 22% безусловно), идею депортации каких-то национальностей (рис. 12.5).

⁵⁹ Не указаны затруднившиеся с ответом.

**Одобрение / не одобрение
респондентами различных социально-демографических групп
принудительного выселения представителей каких-то национальностей
из города (села) проживания,
%**

С чем связаны такие настроения? Сказать, что это достаточно большая группа молодёжи или жители Москвы и Санкт-Петербурга – убеждённые

ксенофобы, – нельзя. Ведь 85% молодёжи в этом возрасте считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещённые негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15–20 лет, то есть практически за свою ещё недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего возраста. Скорее, конечно, за ощущением потерь кроется их недовольство той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость. Комплекс социальных обид и неудовлетворённости принимает форму этнонациональных обид, ущемления этнических чувств. И события на Манежной площади 11 декабря 2010 г. это очевидно показали⁶⁰.

Растущая российская идентичность, совмещённая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

13. Сдвиги в морально-нравственных ориентациях россиян

Происходящие в последние два десятилетия в стране процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни каждого человека, в отношениях между людьми, в понимании того, что сегодня есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами для достижения этих целей можно пользоваться.

В первые же годы реформ государство фактически сложило с себя функцию воспитания и поддержания в обществе морально-нравственных устоев. Утратили своё значение прежде незыблемые (по крайней мере, на декларативном уровне) рамки поведения, в которых раньше люди существовали на протяжении всей своей жизни – начиная с детсадовских хороших чтений «Что такое хорошо, и что такое – плохо» и заканчивая наизиданиями взрослым «строителям коммунизма». Население оказалось

---

⁶⁰ Начавшееся по заказу Общественной палаты специальное исследование среди молодёжи 15–30 лет подтвердило: 78% считают выступления на Манежной площади не националистическими, а акцией протеста против коррупции. Так считают и русские, и представители других национальностей, а «кавказцы лучше приспосабливаются к коррумпированности власти (66%)».

предоставленным само себе, когда каждый вправе решить для себя, что же такое «хорошо», а прописанные в законе нормы уступили место «правилам игры» и «понятиям», стихийно складывавшимся в разных сообществах, на разных уровнях и в слоях, в разных плоскостях социальных взаимодействий.

Церковь после десятилетий вынужденной отчуждённости не смогла сразу взять на себя роль духовного поводыря оказавшегося без «руля и ветрил» общества – обретённая многими россиянами религиозность носила поверхностный характер, исчерпываясь в лучшем случае единичными походами в церковь по большим праздникам, и практически не повлияла на их мировоззрение.

В то время, когда большинство населения с трудом адаптировалось к новой ситуации, едва сводя концы с концами, на глазах у всей страны легализовывался незаконный бизнес и доходы, а многие добившиеся успеха люди с азартом пропагандировали такие «секреты» своего успеха, как умение обходить закон, быть жёстким, идти напролом и т. д. Для многих людей, не сумевших адаптироваться к новой реальности, возник соблазн объяснять собственные неудачи тем, что складывающееся в России «новое общество» отрицает понятия морали и нравственности, которыми они сами руководствуются, что пользоваться ими означает обречь себя на неуспех, и что их личные неудачи – лучший тому пример.

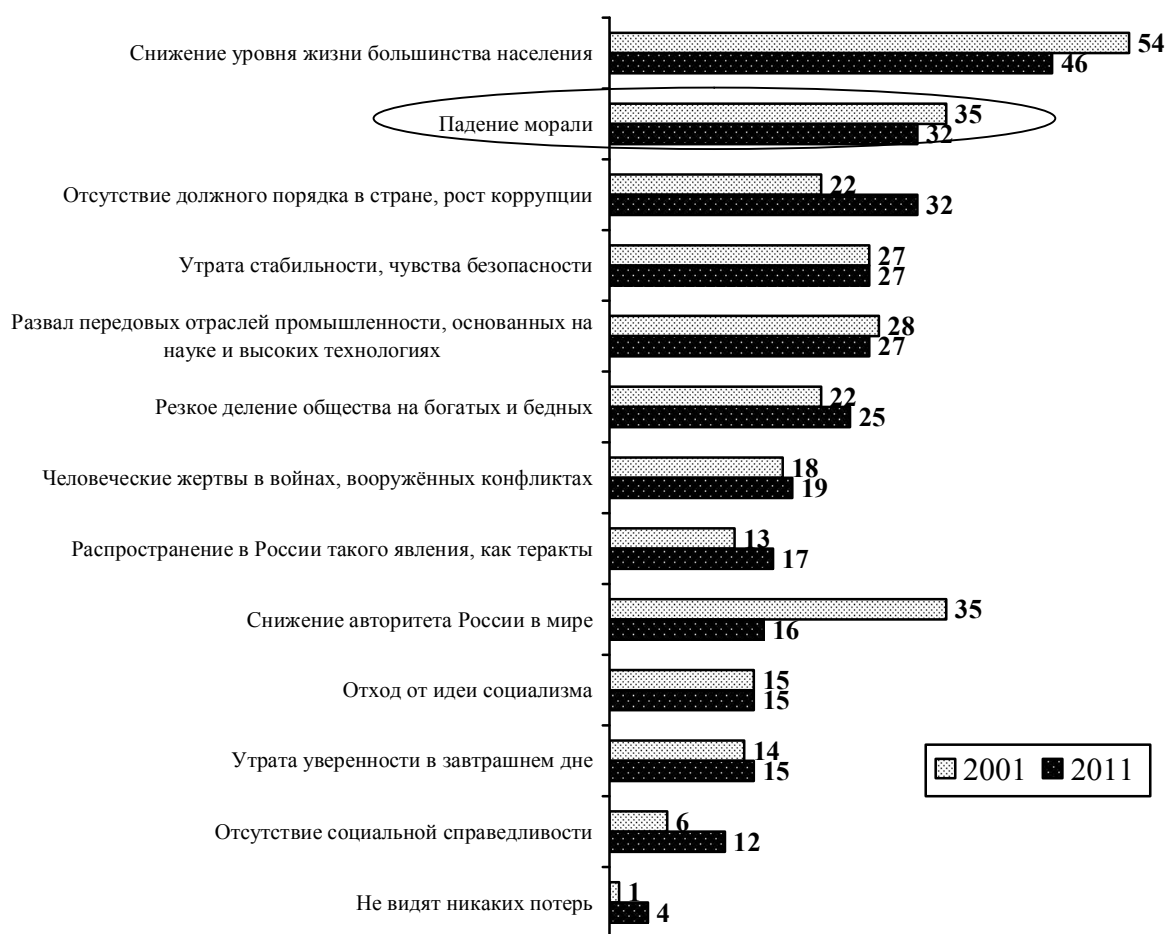
В результате всех этих процессов у многих россиян складывается убеждение в полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, в том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядёт духовное перерождение, а точнее – вырождение России.

Данные социологических исследований эту озабоченность иллюстрируют очень наглядно. Падение морали расценивается сегодня населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за годы реформ (рис. 13.1). В «рейтинге потерь» эта позиция занимает второе-третье место, её отметили 32% респондентов. Т. е. падение морали ставится опрошенными на одну ступень с такой острой проблемой современной России, как отсутствие должного порядка в стране и

рост коррупции (также второе-третье место), и лишь немного уступает по значимости лидеру рейтинга потерь - снижению уровня жизни населения (46%). Причём, если острота восприятия низкого уровня жизни сограждан снизилась за последние 10 лет на 8%, то ощущение потери обществом морального стержня ослабло незначительно (на 3%).

Рисунок 13.1

**Рейтинг потерь, которые понесло российское общество
в результате реформ,
2001 и 2011 гг., %⁶¹**

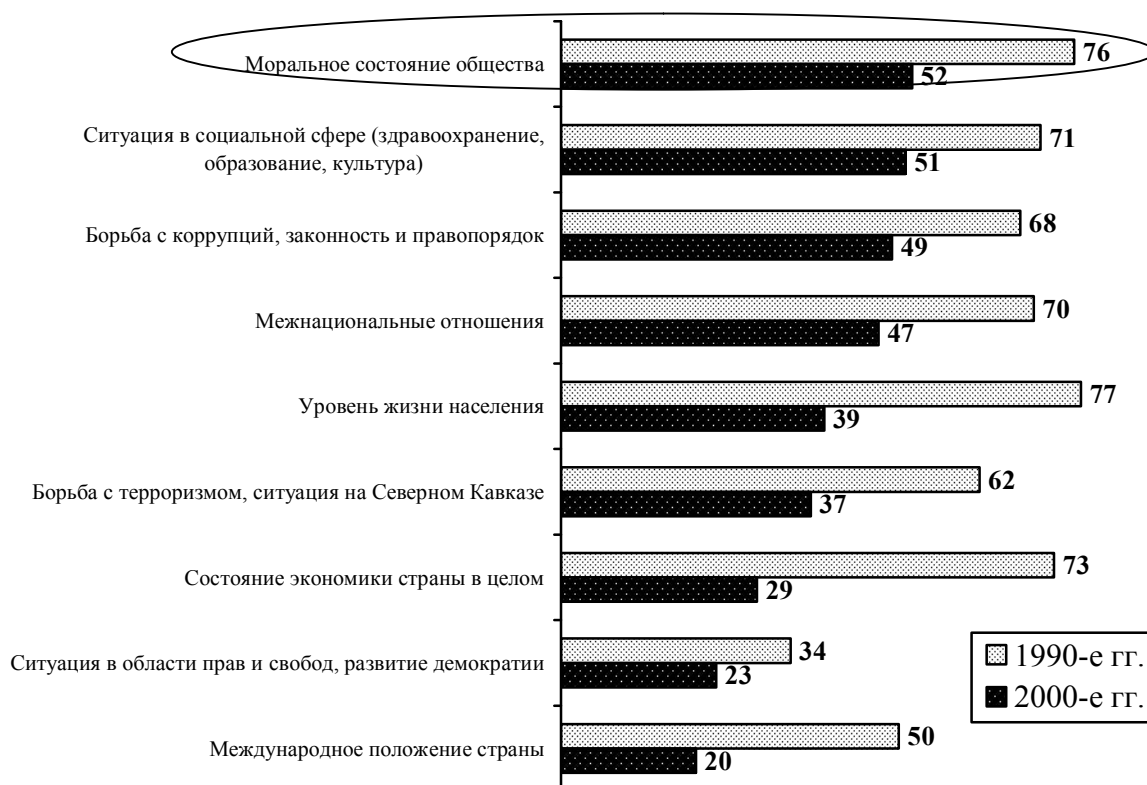
При том, что два прошедших десятилетия отличаются в массовом сознании россиян различной нагрузкой «реформенного негатива» (1990-е гг. воспринимаются как десятилетие более тяжёлых последствий, большего ухудшения ситуации во всех сферах жизни общества, нежели 2000-е гг.), ухудшение морального состояния общества оценивается как одно из самых

⁶¹ Сумма цифр по каждому году превышает 100%, т. к. можно было отметить до трёх ответов.

выраженных негативных процессов на протяжении обоих десятилетий. Причём, если в 1990-х ухудшение морального климата в обществе ещё уступало, например, снижению уровня жизни населения, то в 2000-х гг. моральное состояние общества стало главным «лидером» негативных перемен, обогнав такие негативные вехи этого периода, как кризис в социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре), ситуацию в сфере законности и правопорядка, межнациональные отношения, уровень жизни населения.

Рисунок 13.2

**Оценка динамики положения дел в различных сферах жизни
русского общества в 1990-е и в 2000-е годы
(один ответ по каждой позиции;
приведены данные по ответу «положение ухудшалось»), %**

Таким образом, складывается весьма тревожная картина – по оценкам населения, общество стремительно катится вниз по «моральной наклонной», причём моральный упадок рисуется основным, самым сильным вектором, направляющим и определяющим развитие общества в период последних двадцати лет.

Однако обратим внимание на одно важное обстоятельство. Сегодня, как и десять лет назад, падение морали в результате реформ воспринимается россиянами, прежде всего, как проблема общества в целом – но не их собственная (табл. 13.1). И в 2001 г., и в 2011 г. потерей лично для себя падение морали считают лишь 18–19% опрошенных (по сравнению с 32–35% указывающих на потерю морали, актуальную для общества в целом). Говоря о себе, гораздо более важными, нежели моральные перипетии, опрошенные считают утрату уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату стабильности и чувства безопасности, разделение общества на богатых и бедных, отсутствие социальной справедливости и порядка в стране.

Таблица 13.1

Динамика актуальности позиции «падение морали» в рейтингах потерь, которые понесло российское общество в результате реформ – для общества в целом / для респондентов лично, 2001 и 2011 гг.

	2001		2011	
	% указавших	Место в рейтинге	% указавших	Место в рейтинге
Рейтинг «для общества в целом»	35	2–3	32	2–3
Рейтинг «для Вас лично»	19	5–6	18	7

С одной стороны, такое перераспределение акцентов можно считать естественным. Если иметь в виду, что для каждого человека его собственная рубашка «ближе к телу», то нерешённые проблемы уровня жизни, безопасности, порядка и справедливости действительно могут быть в оценках происходящего более актуальными, нежели такие умозрительные конструкции, как мораль и духовность. С другой стороны, можно предположить, что перемещение проблемы морали со второго на седьмое место при переходе от рейтинга «потерь для общества» к рейтингу «потерь для себя» свидетельствует о том, что люди не ощущают в своей повседневной жизни, в общении с окружающими их людьми существенного ухудшения морального климата. Или ощущают, но не как тотальную моральную деградацию и далеко не столь сильно, как собственную

неуверенность в завтрашнем дне, снижение уровня жизни или утрату стабильности, чувства безопасности и социальной справедливости.

И ещё один тренд, незначительный по величине показателей, но важный по своей сути – за последние 10 лет снизилась острота восприятия россиянами падения морали как важной лично для них потери от реформ. Об этом свидетельствует перемещение позиции «падение морали» в рейтинге потерь «для себя» с 5–6-го на 7-е место. Изменение не очень большое, но оно явно противоречит тому, что моральное состояние общества чаще всего оценивается россиянами как сфера, где в последнее десятилетие происходило ухудшение ситуации.

Приведённые данные позволяют предположить, что отношение россиян к проблеме морали в современном обществе складывается в двух плоскостях. Применительно к тому, что происходит в обществе в целом – это выраженный критический настрой и пессимизм, ощущение моральной деградации, потери обществом духовности и морально-нравственной опоры. Применительно же к собственной жизни и ближайшему окружению восприятие ситуации заметно спокойнее, моральность собственная и ближнего круга как бы выводятся из-под негативного влияния реформ.

Как же на самом деле обстоят дела, насколько россияне готовы руководствоваться в своей жизни традиционными моральными нормами, как изменилось отношение к этим нормам за годы реформ?

Исследования показывают (табл. 13.2), что россияне демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах. Они называют себя противниками большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными. В числе безусловных табу – употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей. Безусловными противниками этих действий называют себя более $\frac{3}{4}$ опрошенных (90%, 87% и 77%, соответственно). Уклонение от налогов и

дача взятки также неприемлемы для большинства, хотя и не абсолютного – их осуждают 67% и 59% опрошенных, соответственно.

Своеобразной чертой, водоразделом, за которым обнаруживается значительное число людей, допускающих лично для себя совершение действий, традиционно считающихся аморальными, является отношение к сознательному обману других людей для достижения корыстных целей. Последовательных противников такого обмана среди опрошенных оказалось меньше половины (48%), тогда как 6% признались, что сами нередко к нему прибегают, 27% обманывают «редко», а 16% заявляют, что хотя сами они никого не обманывают, но не осуждают такого поведения со стороны других людей.

Наконец, курение и распитие крепких спиртных напитков в российском обществе практически выведены из сферы действия моральных ограничителей. Менее трети опрошенных (32%) однозначно осуждают курение, и ещё меньше (18%) являются последовательными противниками употребления крепких спиртных напитков. При этом и курение, и употребление крепких спиртных напитков – часть повседневной жизни многих россиян: 41% респондентов заявили, что сами часто курят, ещё 16% делают это редко или просто пробовали; крепкое спиртное часто употребляют 27% опрошенных, и ещё 46% пьют такие напитки редко.

В группу жёстких норм, разделяемых большинством населения, входят, прежде всего, те действия и поступки, которые связаны с сексуальной жизнью людей, и те, которые регламентированы нормами закона. В этом смысле отношение респондентов к сознательному обману для достижения своей цели является своеобразной лакмусовой бумажкой, которая показывает зону размывания моральных норм в сфере, которая регулируется только общественной моралью и не поддерживается извне, законодательными нормами.

Отметим также, что и в отношении тех поступков и действий, которые не приемлемы для большинства населения, просматривается определённый

релятивизм, проявляющийся в «разрешении» на подобные действия, «выдаваемом» респондентами другим людям. Так, 16% опрошенных проявляют терпимость в отношении дачи взяток, если это делают не они сами, а другие люди; 19% оправдывают таким образом уклонение от налогов, 14% не возражают против использования другими сексуальных связей для достижения корыстных целей. Природа такой толерантной позиции в отношении других людей при внешне строгом отношении к собственному поведению может быть двоякой. С одной стороны, это проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. При этом их собственный моральный кодекс, как правило, совпадает с общепринятым. Для кого-то это – отражение действительной толерантности, для кого-то – позиция, демонстрирующая окружающим «широту» его взглядов, возможность казаться «современным», «продвинутым».

С другой стороны, подобная демонстрация терпимости в отношении действий и поступков других людей может быть «хорошей миной», стремлением дать социально одобряемый ответ, прикрывающий «гибкость» собственных моральных ограничителей, особенно если это касается таких сфер, где традиционно сильна общественная мораль (например, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей) или где действуют нормы закона (уклонение от налогов, дача взятки).

Так или иначе, но заявленное отношение респондентов к включённым в тест действиям и поступкам свидетельствует, что наши сограждане стараются продемонстрировать внешнему миру вполне достойный образ человека, придерживающегося традиционных норм и правил поведения, отрицая большинство традиционно осуждаемых действий, за исключением курения и употребления крепких спиртных напитков, которые в российском общественном сознании являются естественным и неотъемлемым элементом культуры повседневного действия, «нормой» жизни.

Более того, сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели 10 лет назад, и тем более – по сравнению с 1990-ми. Сравнение данных, полученных в ходе настоящего исследования с данными опросов 1997 и 2001 гг. показывает, что в отношении большинства рассматриваемых действий и поступков, традиционно признаваемых аморальными, доля их противников увеличилась. Прежде всего, это касается употребления наркотиков (доля противников выросла с 79% до 90–91%), гомосексуализма (с 49% до 87%), использования сексуальных связей для достижения корыстных целей (с 71% до 77%), уклонения от налогов (с 45% до 67%).

Данные ярко иллюстрируют спад той моральной (а точнее, аморальной) бравады, которая была популярна в первые годы реформ. Так, в 1997 г. почти 8% россиян заявляли интервьюерам в ходе опроса, что вступали (хотя бы редко, в единичных случаях) в гомосексуальные отношения, и ещё почти треть (30%) заявляли, что хотя сами этого не делают, но и в поведении других гомосексуализм не осуждают. По прошествии 14 лет открыто признавать свои сексуальные связи с людьми своего же пола отваживается лишь 1% опрошенных, и только 8% признают на это право других людей.

За последние 10 лет с 18% до 14% сократилась доля россиян, оправдывающих поведение других людей, которые используют сексуальные связи для достижения корыстных целей.

Судя по всему, волна сексуальной революции в российском обществе хотя и оставила заметный след, но всё же схлынула – для подавляющего большинства наших сограждан признание в отклонении собственного поведения от норм в этой сфере стало некомфортным. Да и признание права других людей на пренебрежение моральными нормами в сфере сексуальных отношений также теряет свою актуальность.

Число респондентов, открыто признающих в употреблении наркотиков (хотя бы редком, «пробном»), сегодня по сравнению с 1997 г. также сократилось – с 10% до 4%. Однако это сокращение не стало таким же радикальным, как в отношении поступков, связанных с сексуальной жизнью человека (напомним, в гомосексуализме признаётся 1% опрошенных, в использовании сексуальных связей в корыстных целях 2%). Таким образом, употребление наркотиков, даже став общепринятым табу, тем не менее, опирается на определённый круг людей, которые даже под давлением абсолютного большинства не считают нужным скрывать свои пристрастия.

Динамика распространённости нормы, осуждающей уклонение от налогов, хотя и не столь впечатляющая, как динамика отношения к поступкам, связанным с сексуальной жизнью человека, но также весьма заметна. С 12% до 8% снизилась доля опрошенных, признающих, что они сами когда-либо уклонялись от налогов, с 33% до 19% снизилась доля тех, кто оправдывает уклонение от налогов со стороны других людей.

Несколько выбивается из этой логики отношение россиян к даче взяток и сознательному обману в корыстных целях. После расширения к 2001 г. распространённости норм, отрицающих такое поведение (с 46% до 65% в отношении взяток; с 34% до 54% в отношении обманов), в последующие 10 лет население вновь «расслабилось», спокойное отношение к взяткам и обманам, хотя и не стало столь же распространённым, как в 1997 г., но заметно более выраженным, чем в 2001 г. (рост суммарной доли тех, кто тем или иным образом признает взятки с 2001 по 2011 гг. – с 30% до 36%, признающих обманы – с 38% до 49%).

Что же касается курения и употребления крепких спиртных напитков, то отношение к ним стало несколько более строгим к 2001 г. и с тех пор держится примерно на одном уровне (рост доли противников курения – с 13% в 1997 г. до 32–33% в 2001–2011 гг.; употребления крепкого алкоголя – с 7% до 16–18%).

Таблица 13.2

**Динамика отношения респондентов к поступкам,
которые принято считать недопустимыми, 1997–2011 гг., %**

«Скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам...?»	Да, часто	Редко (только пробовал)	Сам этого не делал, но не осуждаю	Нет, противник этого	Не хочу отвечать
Употреблять наркотики					
1997	2	8	8	79	3
2001	1	4	2	91	2
2011	1	3	4	90	2
Иметь сексуальные отношения с человеком своего пола					
1997	3	5	30	49	13
2001	0,3	0,2	9	84	6
2011	0,1	0,5	8	87	4
Использовать сексуальные связи для достижения корыстных целей					
2001	1	2	18	71	8
2011	0,3	2	14	77	7
Уклоняться от налогов					
1997	6	6	33	45	10
2001	3	5	22	62	8
2011	2	6	19	67	6
Давать взятки					
1997	6	16	26	46	6
2001	3	12	15	65	5
2011	4	16	16	59	5
Сознательно обманывать кого-то для достижения своих целей					
1997	13	33	12	34	8
2001	5	22	11	54	8
2011	6	27	16	48	5
Курить					
1997	48	27	11	13	1
2001	40	15	11	33	1
2011	41	16	9	32	2
Пить крепкие спиртные напитки					
1997	37	45	4	7	7
2001	31	42	5	16	6
2011	27	46	6	18	3

Безусловно, распространённость моральных норм имеет свои особенности в различных группах и слоях населения. Для того чтобы прояснить эту групповую специфику, все респонденты были условно поделены на три группы в зависимости от того, как часто в оценке действий

и поступков, которые принято считать аморальными, они выбирали позицию «я противник этого». Респонденты, для которых не приемлемыми оказались все шесть включённых в рассмотрение ситуаций⁶², были отнесены к группе с «высоким моральным статусом»; неприятие 4–5 ситуаций определяло отнесение опрошенных в группу со «средним моральным статусом»; неприятие трёх и менее ситуаций, традиционно воспринимаемых как аморальные, определяло отнесение респондентов в группу с «низким моральным статусом».

В целом среди опрошенных россиян доля «высокоморальных» респондентов составила 31%; доля обладателей среднего статуса – 39%; доля людей с низким моральным статусом – 30%.

Как показало исследование, женщины отличаются заметно большей склонностью разделять общепринятые моральные нормы, нежели мужчины. Среди женщин более трети (37%) высказались однозначно против всех включённых в рассмотрение действий и поступков, тогда как среди мужчин – менее четверти (24%). Соответственно, среди мужчин гораздо чаще встречаются люди, «свободные от предрассудков», для которых большинство моральных ограничителей не имеют значения (34% по сравнению с 26% среди женщин).

Принято считать, что среди возрастных групп наиболее уязвимой в отношении морали и нравственности является молодежь, чей нравственный стержень ещё достаточно гибок и для которой существующая ныне социальная среда с её моральным релятивизмом естественна и органична. У многих вызывает сомнение, что нынешняя молодёжь способна воспринять те ценности и смыслы, которые несёт в себе старшее поколение, зреет ощущение, что межпоколенческий «транзит» морально-нравственных основ вот-вот прервётся, и с нынешних 18–20-летних начнется чуть ли не новая «порода» россиян, лишённых стыда и совести.

Такой взгляд на современную молодёжь и её «моральный облик» вполне объясним и во многом справедлив. Действительно, нынешние 18–25-летние россияне заметно отстают от старшего поколения по части

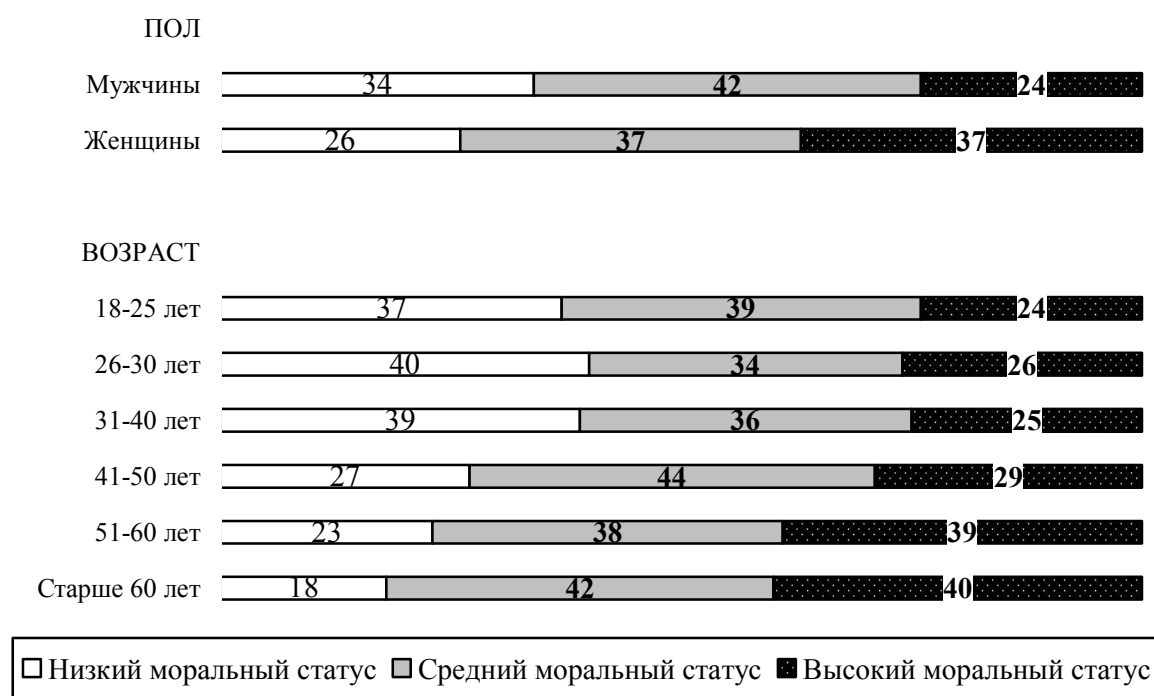
⁶² При этом учитывалось отношение к шести видам действий и поступков: сознательному обману в корыстных целях, гомосексуализму, использованию сексуальных связей в корыстных целях, уклонению от налогов, даче взяток и употреблению наркотиков. Ещё две позиции – курение и употребление крепких спиртных напитков – из данного анализа были исключены в силу толерантного отношения к ним со стороны большинства населения.

включённости в морально-нравственный контекст жизни нашего общества, относясь ко многим вещам гораздо легче, без излишней рефлексии. Более трети (37%) их представителей можно смело отнести к группе людей с низким моральным статусом, тогда как приверженностью (хотя бы на словах) всем рассматриваемым нормам может похвастать лишь каждый четвертый представитель молодёжи (24%).

В то же время, по данным исследования, на одной ступени «морального взросления» с самой молодой возрастной когортой находится и «зрелая молодёжь» (26–30 лет), и поколение, перешагнувшее 30-летний рубеж (30–40 лет). И лишь с группы опрошенных 41–50 лет мы наблюдаем ожидаемое возрастание доли людей с высоким моральным статусом и снижение доли «моральных инфантов» (рис. 13.3).

Рисунок 13.3

**Моральный статус опрошенных
в группах респондентов, выделенных по полу и возрасту, %**

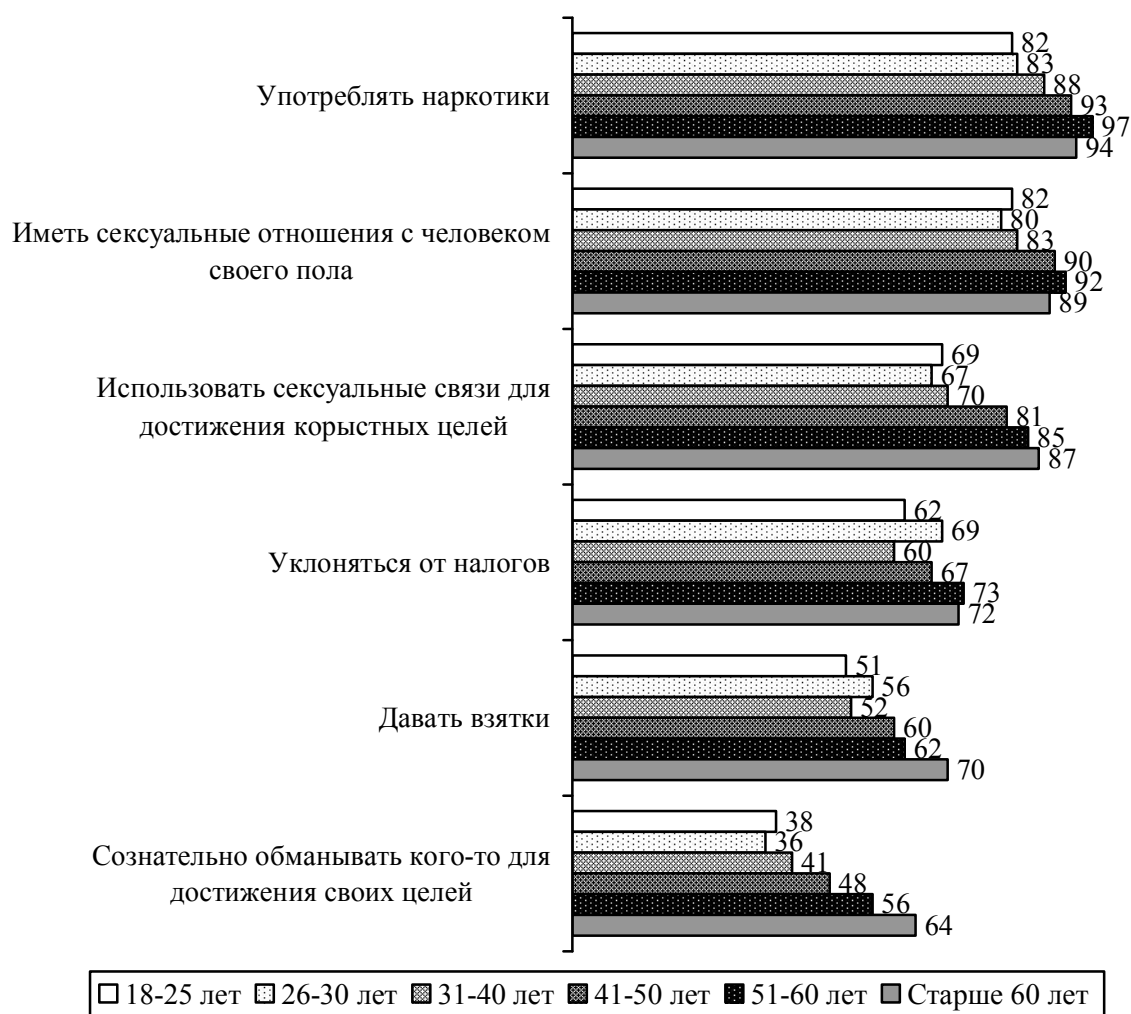

В свою очередь 31–40-летние респонденты отличаются наиболее терпимым отношением к уклонению от налогов и даче взяток. Эти люди вступали в трудовую жизнь в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в период процветания теневых и неформальных отношений в российской экономике,

активного уклонения и взяточничества. Усвоенные в этот период жизненные «уроки» оставили свой след в матрице моральных норм этой возрастной когорты, ослабив те моральные нормы, которые определяют характер взаимоотношения человека и государства, человека и закона, т. е. нормы гражданской морали (рис. 13.4).

Рисунок 13.4

Отношение респондентов разного возраста к поступкам, которые принято считать недопустимыми
(приведены доли тех, кто на вопрос «Приходилось ли Вам...?» дал ответ «Я противник этого»), %

Возвращаясь к вопросу о моральном статусе молодёжи в целом, подчеркнём, что моральное сознание молодёжи всегда представляет собой

«лист», если и не белый, то, во всяком случае, с большими белыми пятнами. Это не феномен исключительно современной России, а обстоятельство, присущее любому обществу в любые времена. Постепенное усвоение человеком различных ценностей и установок, их закрепление с приобретением социального опыта – вещь совершенно естественная. Что же касается «особо устойчивой» моральной платформы представителей старшего поколения, то она покоится скорее на меньшей включённости в активную социальную жизнь с её соблазнами и испытаниями, нежели с существенно иными ценностными установками. У них реже возникает соблазн приобщиться к наркотикам, необходимость давать взятки, реже предоставляется возможность достигнуть целей посредством сексуальных связей и т. д. И в этом смысле их завышенные моральные планки в отрыве от многих сфер жизни, с которыми сталкиваются их молодые сограждане, – тоже своеобразный «моральный инфантилизм».

Следующий фактор, важный при анализе распространения моральных норм в современном российском обществе, – религия. Несмотря на то, что церковь не стала в России институтом, оказывающим существенное влияние на моральное самоопределение большинства населения, тем не менее, следует отметить наличие связи между отношением респондентов к религии и их моральным статусом. Первая особенность – заметное отставание атеистов от верующих людей в отношении к рассматриваемым моральным нормам. Если среди разных групп верующих доля опрошенных с высоким моральным статусом составляет 31–41%, то среди атеистов таких только 25%. Вторая особенность – выраженное лидерство по демонстрации приверженности моральным нормам среди респондентов – последователей ислама. Среди них высоким моральным статусом обладает 41%, тогда как среди последователей православия, других религий, а также верующих без принадлежности к какой-либо конфессии – только 31% (рис. 13.5).

**Моральный статус опрошенных в группах респондентов,
выделенных по отношению к религии, %**

Традиционно считается, что существенные различия в «моральном облике» людей во многом связаны с тем, где они живут – в крупных городах, мегаполисах или в провинции. Мегаполисы, с их жёстким ритмом жизни и работы, амбициями и притязаниями, представляются жизненными территориями, в которых человеку, стремящемуся достичь поставленных целей и не выпасть из «обоймы преуспевания», часто приходится переступать через общепринятые нормы и правила. Да и общественное мнение крупных городов в вопросах морали часто воспринимается как более «гибкое». Напротив, провинция, с её спокойным, размеренным темпом жизни, сравнительно скромными запросами, традиционностью и консерватизмом, имеет образ жизненной территории, где люди в первую очередь заботятся о спокойствии своей совести и душевном равновесии.

Как показывают данные опроса, провинции, особенно ПГТ, сёла и небольшие города с населением менее 100 тыс. человек действительно обгоняют крупные города «по части морали». Например, в городах-миллионниках доля тех, кто признает все рассматриваемые в исследовании моральные нормы, минимальна – 23%; тогда как в ПГТ доля людей с

высокой моральной планкой достигает 43%; в малых городах, сёлах и деревнях 34–35%.

Несколько иные акценты в поселенческую карту распространения моральных норм в России вносит место взросления респондентов. Моральная планка людей, которые не просто живут в условиях городов-миллионников, но кто в них вырос и впитал их «ценностный дух» с малого детства, оказалась ещё ниже – всего 21% имеющих высокий моральный статус и 37% обладателей низкого морального статуса. Провинция же заметно более успешно выступает в роли воспитателя людей, придерживающихся всех общепринятых моральных норм.

На этом фоне весьма противоречивой выглядит ситуация в городах с населением 250–500 тыс. человек. С одной стороны, среди проживающих в них сегодня респондентов отмечается самая высокая доля людей, не «обременённых» моральными нормами (43%). С другой стороны, среди выходцев из этих городов (людей, воспитывавшихся в них до 18 лет) фиксируется самая высокая доля респондентов с высоким моральным статусом.

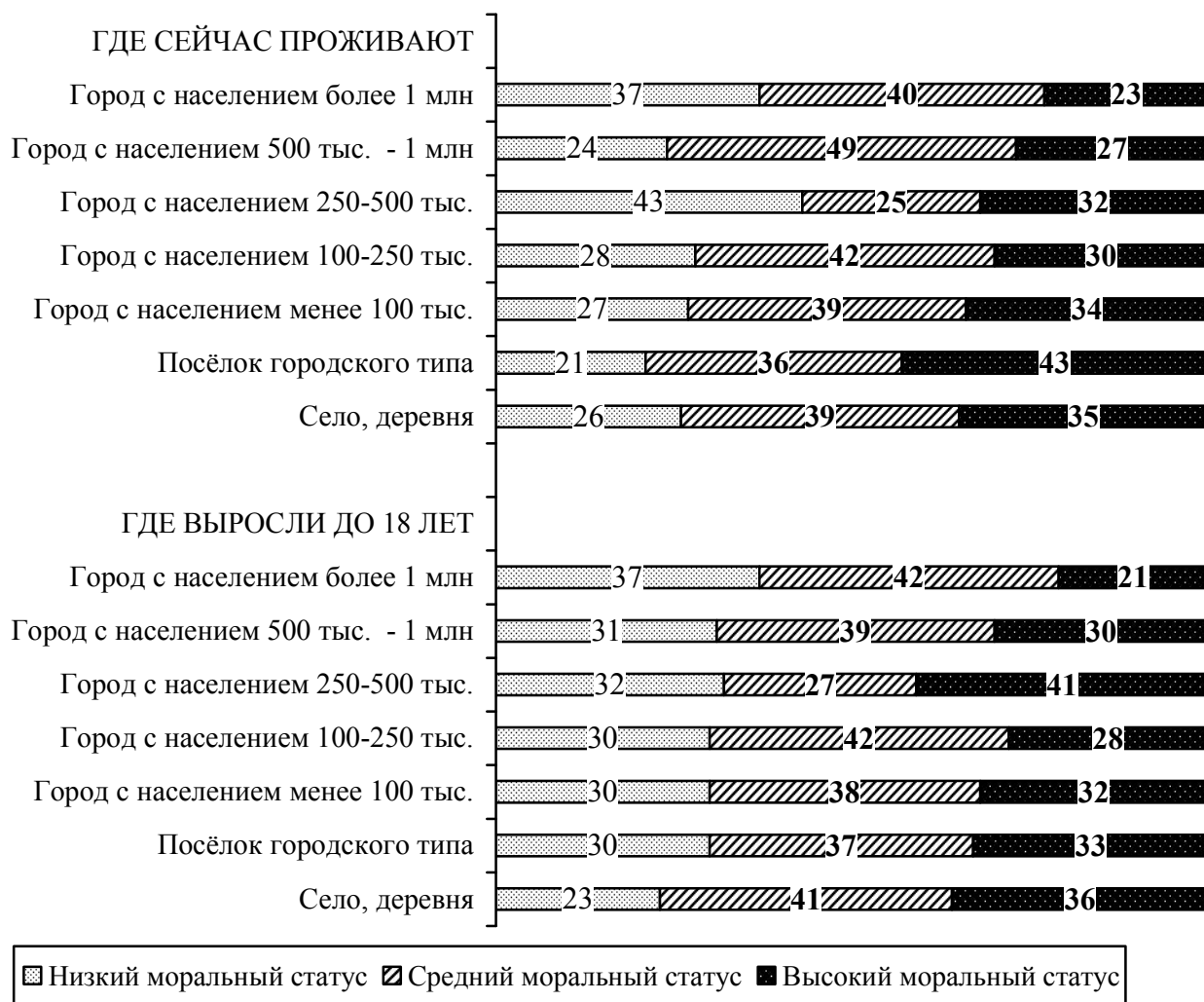
Так или иначе, но в целом подтверждается мнение, что именно провинция, особенно «малая», является «кузницей моральных кадров» России, тогда как столицы чаще, чем другие поселения, воспитывают и привлекают к себе людей низкого «морального сорта» (рис. 13.6).

В число факторов, определяющих степень распространённости моральных норм, входит и уровень образования. Чем он выше, тем чаще люди демонстрируют свою приверженность общепринятым моральным нормам. Причём различия в доле респондентов с высоким моральным статусом отмечаются между группами опрошенных, не получивших высшего образования, и тех, кто его имеет – независимо от того, гуманитарное это образование или техническое, естественно-научное, имеет человек одно высшее образование или два. Так, при отсутствии высшего образования доля

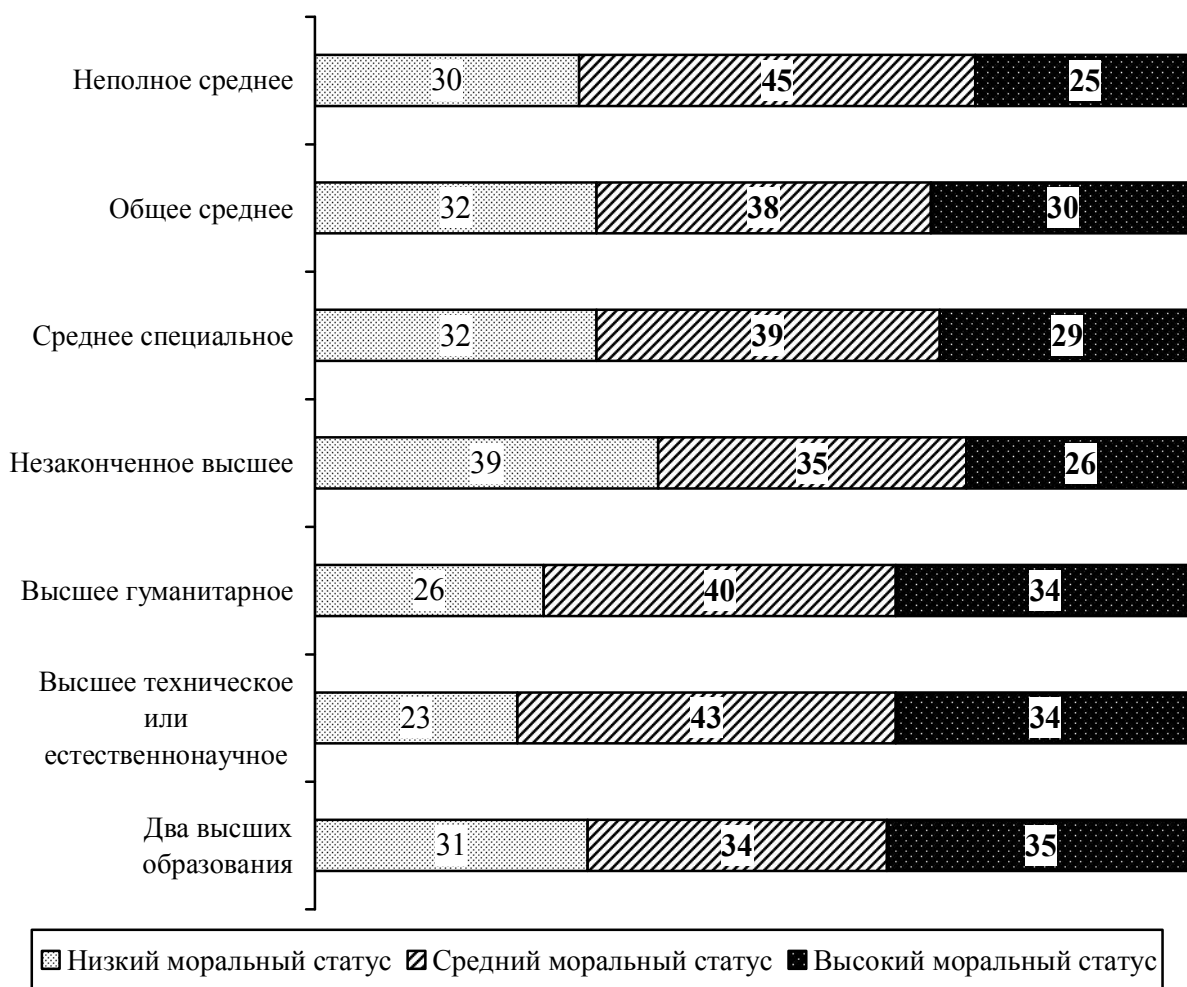
опрошенных с высоким моральным статусом составляет 25–30%, а при его наличии – 34–35%.

Рисунок 13.6

**Моральный статус респондентов,
выросших и проживающих в поселениях различного типа, %**

В то же время группа опрошенных с двумя высшими образованиями отличается *большой* долей моральных релятивистов (31% при 23–26% среди обладателей только одного высшего образования). По всей видимости, расширение кругозора сверх общепринятого провоцирует часть интеллектуалов относиться к общественной морали несколько «свысока», бравировать широтой взглядов как частью своей эксклюзивности (рис. 13.7).

Моральный статус респондентов с разным уровнем образования, %

Наконец, ещё один важный фактор формирования отношения людей к принятым в обществе моральным нормам связан с динамикой социального статуса людей в годы реформ. Как уже отмечалось, успех, достижения человека сегодня нередко трактуются как производные от его готовности пренебречь устоями, действовать вне сложившейся морально-нравственной матрицы. В какой степени оправдан такой взгляд?

Воспользуемся ретроспективой динамики социального статуса респондентов, данной ими самими в ходе проведённого исследования. Опрошенным предлагалось оценить, на какой ступени социальной лестницы (из 10 условных ступеней), по их мнению, они находились в начале реформ

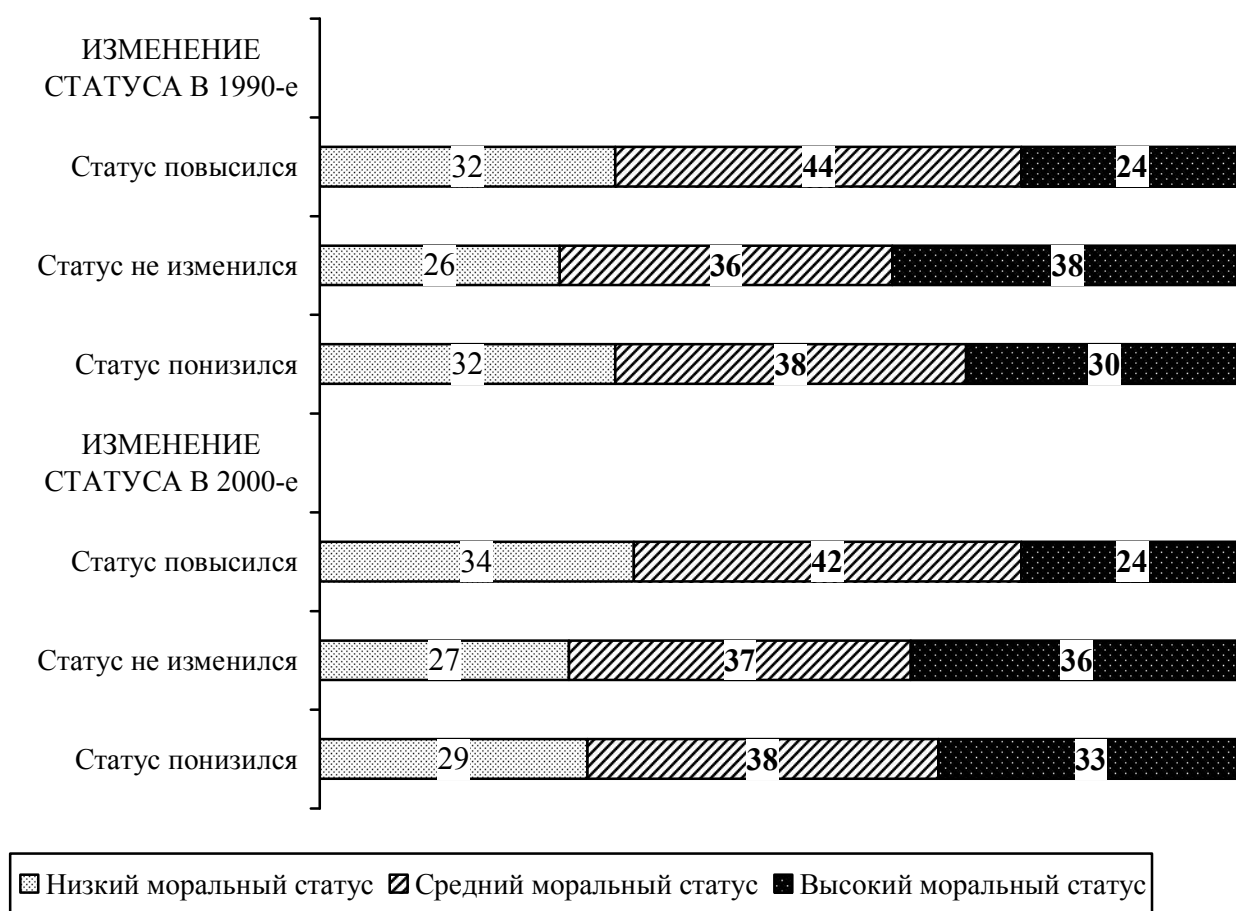
(1991–1992 гг.), в 2000–2001 гг. и на какой ступени они находятся сегодня. Выделим на основе сравнения данных на этих трёх лестницах группы опрошенных, которые поднялись, опустились или остались на той же ступени (а) в 1990-е; (б) в 2000-е гг. Каким моральным статусом обладают представители этих групп?

Среди сумевших подняться по социальной лестнице как на первом, так и на втором этапе реформ, доля людей с высоким моральным статусом самая низкая (24%). Среди переживших в эти периоды социальное падение, доля людей, демонстрирующих приверженность высокому моральному стандарту, заметно выше - 30% в группе тех, кто опустился по социальной лестнице в 1990-е гг., и 33% в группе переживших такое снижение в 2000-х гг. Казалось бы, налицо та самая зависимость – чем человек последовательнее в своих моральных принципах, тем труднее ему в жизни. И напротив, пренебрежение общепринятыми нормами способствует жизненному успеху.

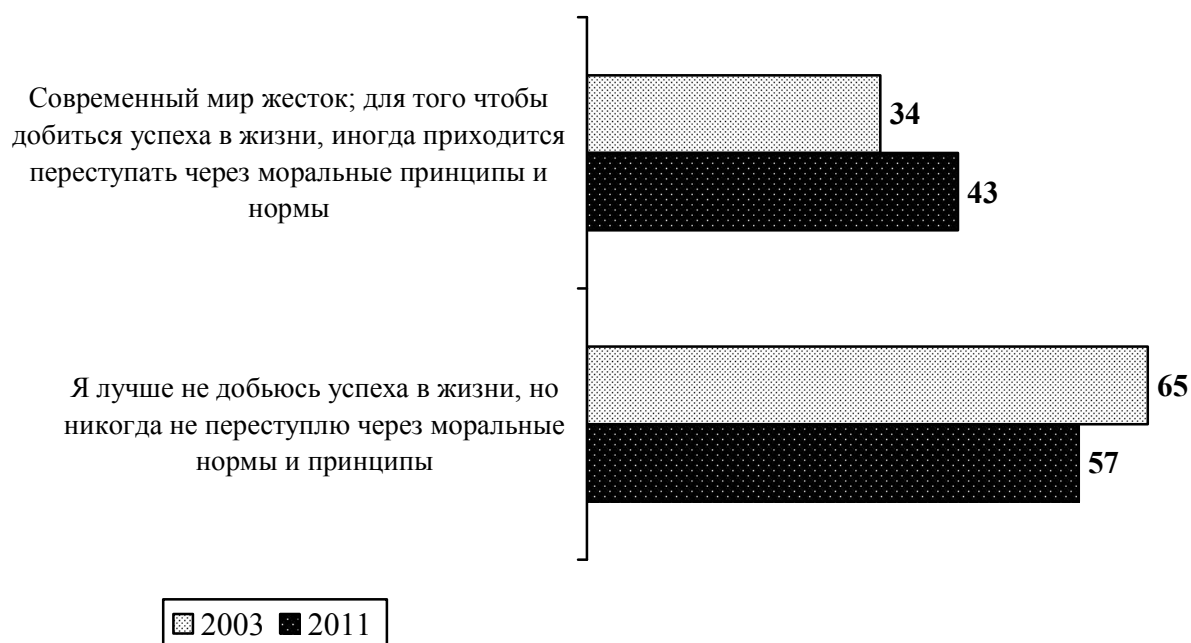
Однако эту логичную, на первый взгляд, картину, нарушают группы опрошенных, которые никуда не двигались по социальной лестнице, не пережив за рассматриваемые периоды ни взлетов, ни падений. Именно среди их представителей отмечается самая большая доля людей, находящихся в полном согласии с моралью и нравственностью (36–38%). И в этих же группах фиксируется наименьшее число тех, кто склонен к игнорированию общепринятых норм и правил (26–27% при 29–34% в группах социальных лидеров и аутсайдеров).

Таким образом, формула зависимости социального продвижения от морального статуса дополняется ещё одной важной переменной – социальной стабильностью, которая связана с высоким моральным статусом человека сильнее, нежели социальный успех или не успех (рис. 13.8).

**Моральный статус респондентов
с разной динамикой их социального положения в 1990-е и в 2000-е гг., %**

И, тем не менее, зависимость успеха в жизни от приверженности моральным нормам или готовности ими пожертвовать, безусловно, существует. Во всяком случае, в умах наших сограждан. Более того, сравнение данных опросов 2003 и 2011 гг. позволяет констатировать укрепление этой позиции. Если в 2003 г. на жёсткость окружающего мира, вынуждающую иногда переступить через моральные принципы, ссылались 34% опрошенных, то к сегодняшнему дню их доля выросла до 43%. Одновременно с 65% до 56% сократилось число респондентов, которые готовы соблюдать моральные принципы и нормы, даже если это грозит им жизненным неуспехом (рис. 13.9).

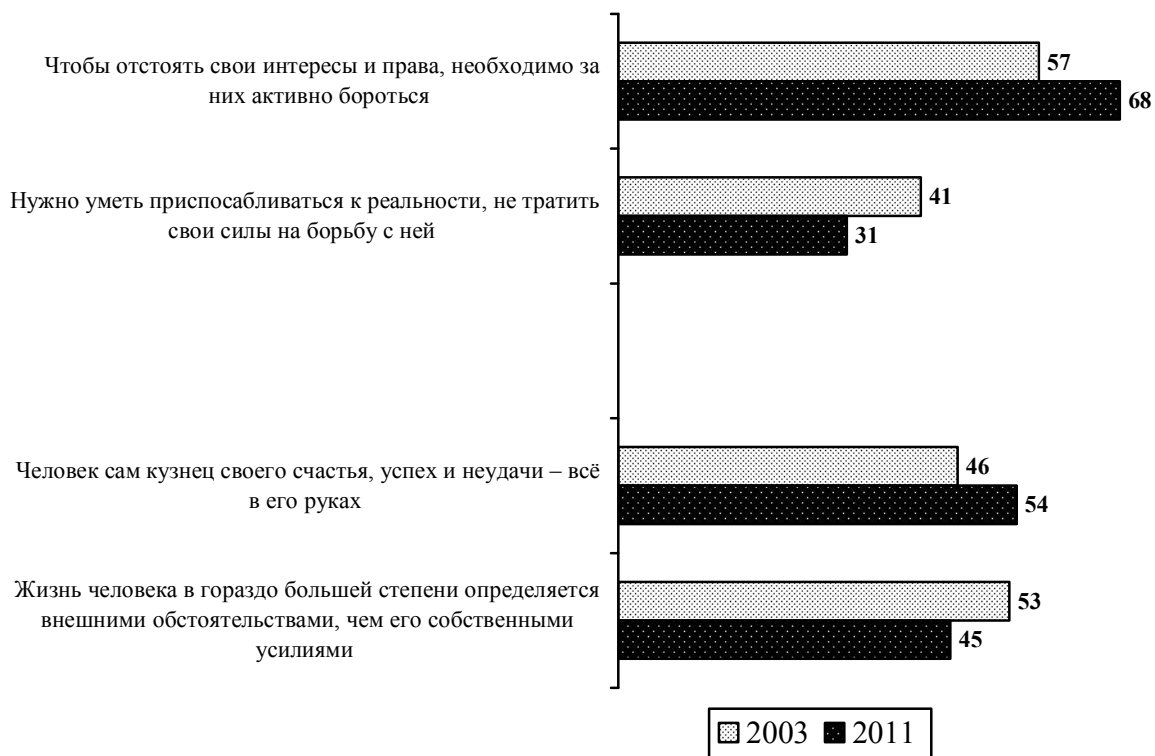
Выбор между моралью и успехом, 2003 и 2011 гг., %⁶³

Одновременно с этим в обществе растёт доля людей, готовых активно бороться за свои права и интересы (с 57% до 68%); и снижается доля тех, кто предпочитает приспособливаться к реальности, не тратя силы на борьбу с ней (с 41% до 31%). Усиливается понимание того, что человек является кузнецом своего счастья и жизненный успех и неудачи находятся в его руках (с 46% до 54%), и, напротив, ослабляется ранее преобладавшая точка зрения, согласно которой жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, нежели его собственными усилиями (с 53% до 45%) (рис. 13.10).

Означает ли это наращивание российским обществом энергетического потенциала, стремления отдельных его членов к активному росту, продвижению, борьбе за свои интересы – очередную угрозу общественной морали?

⁶³ Сумма цифр по парам суждений в 2003 и 2011 гг. может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

**Выбор из двух пар суждений о достигательных установках,
2003 и 2011 гг., %⁶⁴**

Судя по данным исследования, поводов для подобного рода беспокойства нет. Среди опрошенных, демонстрирующих активную жизненную позицию, стремящихся к успеху и считающих, что за этот успех нужно бороться и достигать его собственными усилиями, - распространённость моральных норм практически такая же, как среди людей, ориентирующихся на приспособление к реальности и подчиняющихся внешним обстоятельствам. Более того, респонденты, уверенные, что за свои права и интересы следует активно бороться, даже в несколько большей степени привержены моральным нормам, нежели остальные. Среди них выше доля людей с высоким моральным статусом (32% при 29% среди остальных) и, напротив, ниже доля людей, игнорирующих общепринятые нормы (29% при 33% среди остальных) (рис. 13.11).

⁶⁴ Сумма цифр по парам суждений в 2003 и 2011 гг. может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

**Моральный статус респондентов
с разными достигательными установками, %**

Два минувших десятилетия стали серьёзным испытанием для россиян, заметно пошатнув их ценностные устои и нормы поведения. В условиях, когда государство фактически сложило с себя роль морального наставника, которую оно выполняло на протяжении жизни нескольких поколений россиян, а другие общественные институты, в том числе церковь, не смогли на себя эту роль принять, общество оказалось практически без «руля и ветрил». Трудности социально-экономической адаптации подтолкнули многих россиян к тому, чтобы освободиться от лишнего «морального груза», научиться обходить нормы, диктуемые им обществом и государством. Игнорирование традиционных моральных предписаний стало экономически и социально выгодным — продвижение по социальной лестнице заметно легче давалось людям, не обременённым моральными нормами.

Однако традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения по-прежнему актуальны для большинства наших сограждан. И та обеспокоенность состоянием морально-нравственного климата в обществе,

переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую россияне сегодня демонстрируют – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане стоят на пути морального и нравственного выздоровления, остро чувствуют его необходимость. И лучшее тому подтверждение – возобновление межпоколенческого транзита моральных норм; пусть и незначительное, но моральное лидерство поколения 18–25-летних россиян на фоне старшей российской молодёжи и поколения 31–40-летних россиян, чья приверженность традиционным нормам, особенно в отношениях с государством, была заметно «остужена» в «лихие 90-е».

14. Динамика досуговых предпочтений россиян

Обновление жизненных практик россиян в результате реформ коснулось всех сторон их жизни. При этом есть сферы, перемены в которых носят особый характер. Одни становятся определяющими по отношению ко всему укладу жизни человека, как бы изнутри системы управляют тем, как она работает – это, например, смена ценностных ориентиров общества в целом и отдельных людей, трансформация морально-нравственного каркаса. Другие отражают смену образа, стиля жизни, формирование новых привычек людей, которые, как известно – их «вторая натура». Такой сферой является свободное время, досуг людей, их досуговые предпочтения. Досуг вообще является своеобразной визитной карточкой общества, которая позволяет получить яркое и очень информативное представление о том, чем живут представители того или иного общества, отражает в себе особенности его политического устройства, экономического состояния, того же ценностного базиса. В обществе, переживающем реформы, сфера досуга выступает важным показателем укоренённости этих реформ, их проникновения в ткань повседневной жизни человека.

Важность досуга в повседневной жизни вообще трудно переоценить. Для современного человека, живущего в мире высоких скоростей, стрессов,

быстрых и масштабных социальных перемен, возможность отвлечься от выполнения своих обязанностей – трудовых, гражданских, семейных – и погрузиться в свой собственный мир, заниматься тем, чем хочется, а не только тем, что должно, приобретает особое значение. Однако ритм современной жизни и условия достижения в ней успеха таковы, что зачастую заставляют человека пренебрегать таким простым и испытанным временем «рецептом» счастья, как полноценный досуг. И хотя труд и отдых – два необходимых и вполне равноценных компонента здоровой и счастливой жизни человека, тем не менее, личное свободное время сегодня нередко приносится нашими согражданами в жертву работе.

Реальные жизненные условия существенно корректируют запросы людей на свободное время, заставляя тратить на выполнение обязательных дел больше времени, чем хотелось бы. Лишь 16% респондентов смогли констатировать, что в графике их реальной жизни строка «свободное время» занимает достойное место. Ещё четверть (25%) наличием достаточного количества свободного времени похвастать пока не могут, но считают, что обеспечат его себе в будущем. На другой чаше весов – более трети россиян, для которых наличие свободного времени является важной, но практически не достижимой жизненной целью (34%).

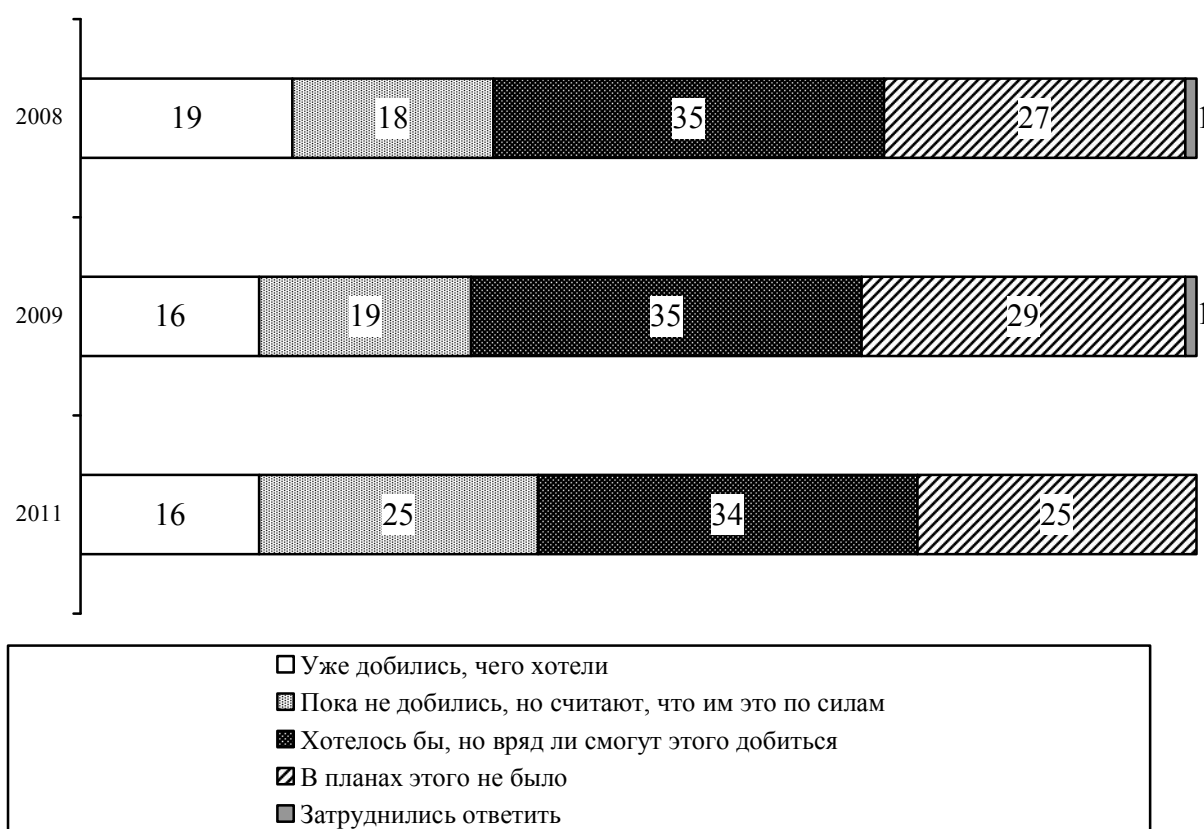
Таким образом, общее число оптимистичных и пессимистичных оценок респондентами своих досуговых возможностей (с точки зрения наличия свободного времени) сегодня складывается скорее в пользу оптимистичных оценок (41% «+» против 34% оценок «-»). Однако разница в значениях не очень велика, и в целом можно сказать, что потребности россиян в свободном времени удовлетворены или могут быть удовлетворены на сегодняшний день немногим более чем наполовину.

Динамика ответов респондентов на вопрос о том, смогли ли они добиться желаемого по отношению к наличию у них свободного времени, свидетельствует, что преодоление кризиса 2008–2009 гг. принесло россиянам если не улучшение ситуации, то надежду на такое улучшение. Хотя доля

людей, которые располагают достаточным количеством свободного времени, пока не увеличивается (остаётся на уровне 2009 г. – 16%), но растёт доля тех, кто уверен, что в перспективе у них такая возможность появится (с 18–19% в 2008–2009 г. до 25% в 2011 г.) (рис. 14.1).

Рисунок 14.1

Оценка респондентами возможности для них добиться желаемого по позиции «Иметь много свободного времени, проводить его в своё удовольствие», 2008–2011 гг., %

Тем не менее, фактом остаётся высокая доля россиян – на уровне трети населения – которым не удаётся добиться того, чтобы в их повседневной жизни было достаточно времени для отдыха. При этом дефицит свободного времени является существенным фактором социальной неудовлетворённости людей – сегодня 11% россиян считают одной из главных причин неустроенности своей жизни отсутствие времени для того, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела. А почти вдвое большее число наших сограждан (19%) считают главной причиной своей жизненной

неустроенности отсутствие возможности провести досуг так, как им хотелось бы.

За последнее десятилетие ситуация практически не изменилась, отсутствие свободного времени и возможностей для проведения досуга остаются в числе важных причин социальной неудовлетворённости россиян, занимая в общем рейтинге её причин, соответственно, 9-ое место из 16 возможных (дефицит свободного времени) и 5–6-ое место (невозможность проведения досуга желаемым образом).

Таблица 14.1

**Восприятие россиянами отсутствия свободного времени
и возможностей для проведения досуга
как главных причин их жизненной неустроенности, 2001–2011 гг.**

	2001		2011	
	% указавших	Место в рейтинге	% указавших	Место в рейтинге
Отсутствие возможности провести свой досуг так, как хотелось бы	18	5	19	6
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	12	9	11	9

Данные таблицы показывают, что важность возможностей для проведения досуга является более значимым фактором социального самочувствия россиян, чем наличие (а точнее, отсутствие) свободного времени как такового. Иначе говоря, на восприятие своей жизни через призму досуга оказывает влияние не столько «количество» досуга, сколько его «качество». Действительно, сам по себе факт наличия свободного времени ещё не означает того, что люди имеют полноценный досуг, и дело здесь в его содержательном наполнении. Полноценный досуг даёт человеку самые широкие возможности: с одной стороны, для восстановления сил и отдыха, а с другой - для саморазвития, совершенствования, самореализации. Праздное же «ничегонеделание», лишённое разнообразия, даёт лишь

видимость отдыха и тормозит развитие человеческой личности. Другой негативной альтернативой некачественного досуга является его использование на «затыкание хозяйственных дыр» – когда бесценное свободное время человек вынужден полностью тратить на решение проблем, связанных, прежде всего, с ведением хозяйства, забывая о таких функциях досуга, как восстановление сил, саморазвитие, личностный рост.

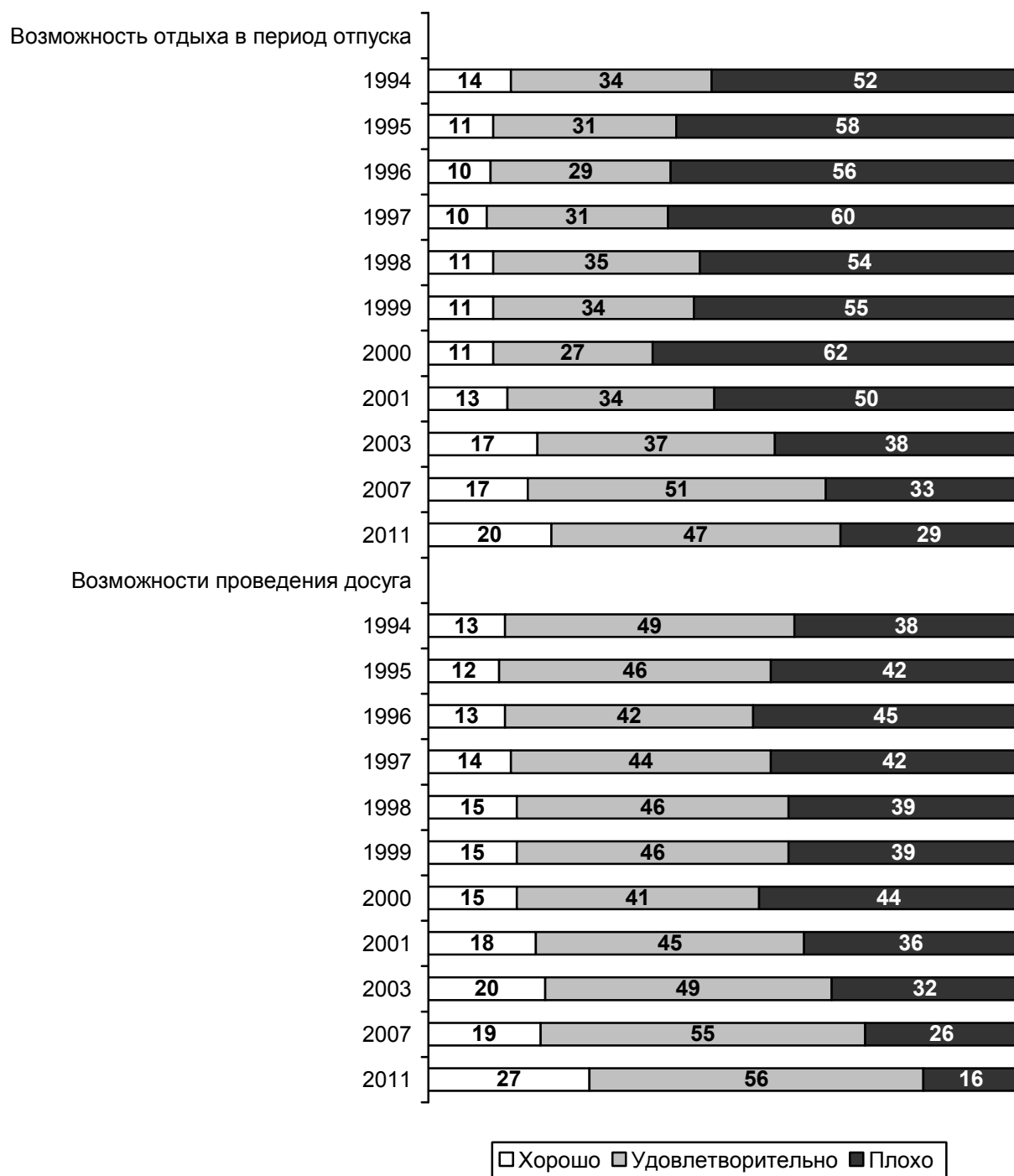
Как же сегодня россияне оценивают имеющиеся в их распоряжении возможности проведения досуга, насколько они ими удовлетворены?

Для ответа на этот вопрос воспользуемся данными мониторингового наблюдения за социальным самочувствием россиян в период с 1994 г. по 2011 г. В нём присутствуют две важные для нас переменные – «возможность проведения досуга» и «возможность отдыха в период отпуска» (рис. 14.2).

Данные мониторинга показывают, что большинство россиян (56%) оценивают сегодня свои возможности проведения досуга как «удовлетворительные», ещё 27% полностью ими довольны (плохими их считают 16% опрошенных). Нынешняя ситуация – самая благоприятная за весь период наблюдения. Выраженный тренд на её улучшение отмечается в последние 10 лет, с 2000 г., который стал переломным в динамике оценок. В этот момент недовольство россиян своими возможностями в сфере досуга достигло пика (почти половина респондентов, 44%, оценили свои досуговые возможности как «плохие»), а далее последовало поступательное снижение недовольства, его вытеснение средними, удовлетворительными оценками.

Сходная картина отмечается и в динамике удовлетворённости россиян возможностями отдыха в период отпуска. До 2000 г. ситуация развивалась с «переменным успехом», в 2000 г. фиксируется кризис, всплеск недовольства (до 62% негативных оценок), после чего недовольство год от года стихает (до 29% негативных оценок в 2011 г.), а ему на смену приходит умеренная удовлетворенность (47%) или даже полное довольство (20%).

Динамика оценок респондентами своих возможностей проведения досуга и отдыха во время отпуска, 1994–2011 гг., %⁶⁵

Рассмотрим, что же позволяет нашим согражданам говорить о том, что их досуг улучшается, какие досуговые практики и какая их динамика стоит за приведёнными трендами улучшения «досугового самочувствия» россиян.

⁶⁵ Сумма цифр по каждой строке может быть меньше 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Чем они заполняют своё свободное время, насколько разнообразен или беден их досуг, чего в нём больше – праздности или деятельной активности, направлен он на примитивное «ничегонеделание» или подразумевает саморазвитие человека, его нравственное и культурное совершенствование?

Как показывают данные опроса, самым распространённым видом досуга для россиян является просмотр телепередач и слушание радио – свободное время посвящают этому 79% опрошенных. Вторая по значимости досуговая альтернатива – занятие домашним хозяйством (61%). Широко распространёнными видами проведения досуга являются также встречи и общение с друзьями (55%) и «просто отдых» (50%).

Россия по-прежнему – «читающая страна»: 43% наших сограждан в свободное время читают газеты и журналы, 40% читают книги. Значительную роль в досуговых практиках опрошенных играют слушание музыки (34%) и радио (24%), занятия с компьютером, в том числе компьютерные игры (29%).

Заметное место в структуре досуга россиян занимают также посещения театров и концертов, хобби (по 17%), посещения кафе, баров и ресторанов (13%). Несколько ниже, по сравнению с посещениями театров и концертов, популярность проведения свободного времени на выставках и вернисажах, в музеях (8%). В свою очередь, посещения кафе, баров и ресторанов сегодня популярнее досуга в ночных клубах, на дискотеках (7%).

Особая тема – посещение церкви, религиозных собраний. Их сегодня практикуют 13% россиян. Причём религиозные собрания в разы популярнее каких бы то ни было кружков, объединений по интересам, политических организаций, молодёжных объединений (по 1–2%).

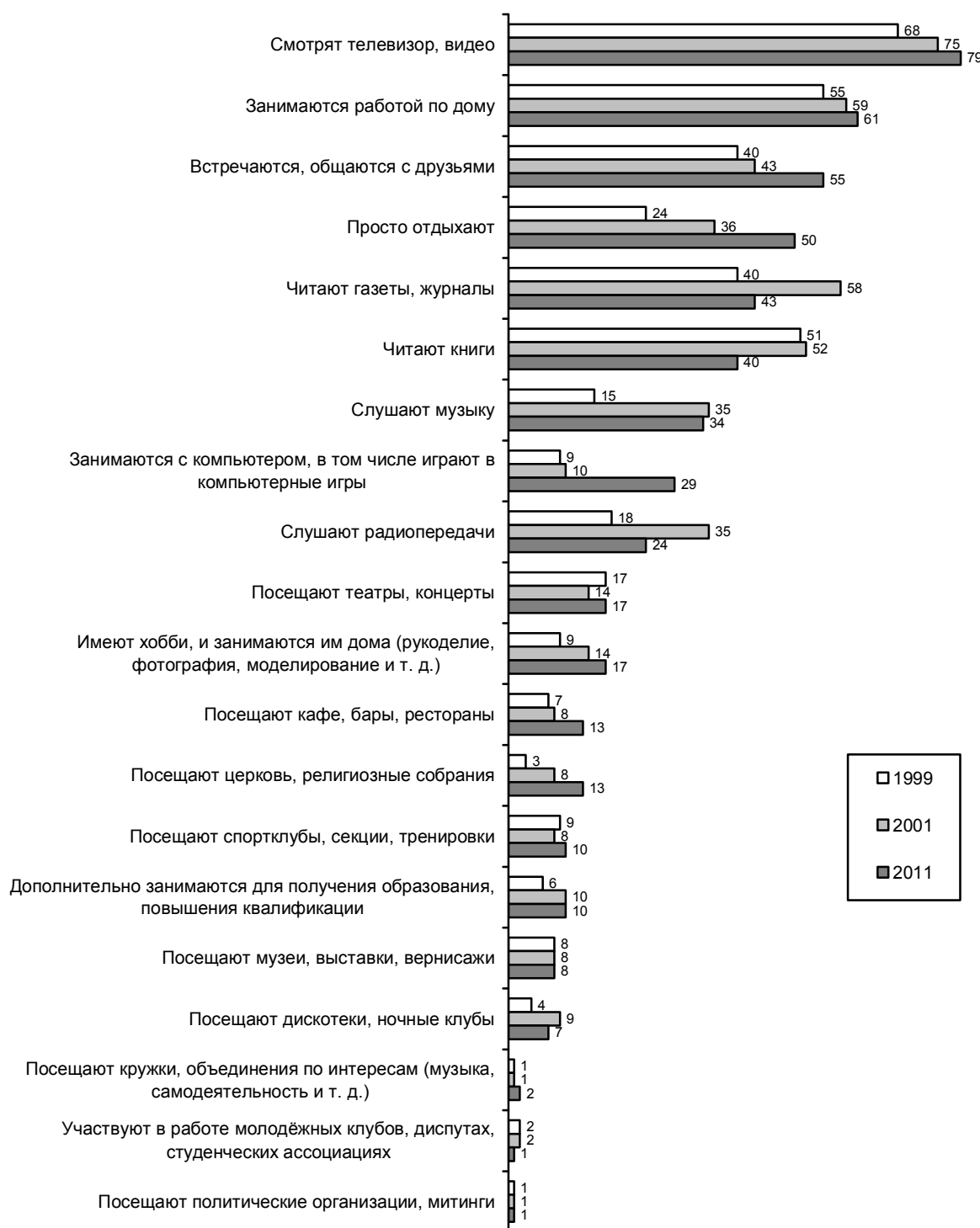
Как показывают данные мониторинга досуговой активности населения, в этой сфере за последние годы произошли заметные изменения (рис. 14.3). Во-первых, отмечается усиление активности многих досуговых практик россиян в сфере так называемого «домашнего досуга» - просмотр

телевидения, занятия домашним хозяйством, «просто отдых», домашнее хобби. Кроме того, человек всё больше привязывается к дому посредством компьютера и интернета, который создает иллюзию присутствия во вне, в социуме, в самых разных сообществах, тем самым зачастую гася его реальную жизненную активность. Другими словами, просматривается вектор на индивидуализацию и «одомашнивание» досуга россиян.

С другой стороны, есть тенденция к распространению досуговых практик, в ходе которых люди проводят свободное время вне дома, расширяют среду своего общения. Причём это касается разных направлений «внедомашнего» досуга – встреч и общения с друзьями, развлечений (посещение кафе и ресторанов), посещения религиозных собраний, спорта.

Есть и ещё одна особенность, которая обращает на себя внимание. К 2001 г. вырос интерес россиян к таким формам досуга, которые обеспечивали им постоянное и оперативное включение в информационно насыщенную среду, в том числе позволяющую следить за важнейшими событиями в общественно-политической жизни – просмотр телевидения, чтение газет и журналов, слушание радиопередач. Такой рост вполне объясним, если вспомнить, что это был период смены курса реформ, связанный с приходом на пост президента страны В. Путина. К сегодняшнему дню интерес населения к газетам, журналам, радиопередачам (немузыкальным) вновь заметно снизился. Этому есть две причины. С одной стороны, это стабильная общественно-политическая ситуация, не вызывающая у населения ни особых тревог и опасений, ни интереса. С другой стороны, с распространением интернета ведущая информационная роль журналов и газет (прежде всего, в печатном формате) естественным образом ослабляется. Что же касается телевидения, то его популярность сегодня зиждется не только и не столько на информационной составляющей, сколько на развлекательной, поэтому ожидать снижения интереса к нему в связи со снижением интереса к общественно-политической жизни не приходится.

**Динамика популярности различных способов проведения
респондентами своего досуга, 1999–2011 гг., %⁶⁶**

⁶⁶ Можно было дать несколько ответов.

Направленность досуговой активности, то есть содержательная сторона наполнения свободного времени, является важным типологизирующим фактором, определяющим специфику и качество свободного времени той или иной социальной группы, слоя. Можно выделить три основные типа реальной досуговой активности. Самые распространённые и не требующие никаких дополнительных затрат **домашние** формы проведения свободного времени (телевизор, радио, хозяйственные заботы или просто «ничегонеделание») при отсутствии любой досуговой активности вне дома представляют собой самый «простой» тип досуговой активности.

Добавление к этим домашним «развлечениям» тех или иных увлечений, включая чтение периодики, книг, слушание музыки, занятия компьютером и другие хобби, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи, встречи с друзьями, посещение церкви, обогащает свободное время и несёт в себе более определённый развивающий компонент. Оставаясь домашним по своей сути, такой тип досуга более разнообразный и интересный, чем простое сидение перед телевизором и домашние хлопоты, и в целом наиболее **«традиционный»** для России, поскольку именно его практикует подавляющее большинство.

Однако та часть населения, которая использует только простые или традиционные формы заполнения свободного времени, остаётся не в состоянии проявлять активное социальное и культурное участие вне дома, являющееся признаком полноценности и разносторонности досуга, важным условием высокого качества жизни. **Активный** досуг, о котором идёт речь как о важнейшем показателе качества жизни, начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счёт внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности, дополнительного образования и т. д. Посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, кафе и т. п., включённость в деятельность общественно-политических институтов, любая другая социальная активность

вне дома требуют заметных дополнительных затрат (как материального, так и интеллектуального плана). Однако именно это и придает социальной жизни людей наибольшую полноту. Поэтому «активный» тип досуга, венчающий собой иерархическую лестницу типологии досуговой активности, наиболее богат, разнообразен и социально привлекателен⁶⁷.

Какой же тип досуга в своей повседневной жизни практикуют россияне?

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют, что *доля простых форм досуга и отдыха составляет сегодня в России 10% - ровно столько наших сограждан не выходят за рамки таких простейших видов проведения своего свободного времени, как просмотр ТВ и слушание радио, занятие домашним хозяйством и «просто отдых».*

Более разнообразные, но *традиционные формы* заполнения свободного времени практикует большинство россиян – 51%. Во-первых, это те, кто дополняет «простейший досуг» чтением периодики, книгами, музыкой, а также такими «домашними хобби», как рукоделие, фотография и т. д. Их досуг остаётся в целом домашним, но носит более разнообразный и содержательный характер. Этот *«традиционный домашний» досуг предпочитают 15% опрошенных.* Заметно больше тех, кто в своё свободное время не ограничивается рамками дома, а предпочитает те или иные виды общения – интернет-сообщества, друзья, люди своей веры. Такой *традиционный, направленный на общение, досуг, свойственен 36% респондентов.*

Наиболее продвинутый, *активный внедомашний* досуг с характерным для него множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных компонентов практикуют 39% россиян. Здесь можно выделить три важных типа досуга. Первый предполагает дополнение традиционных досуговых жанров такими «лёгкими жанрами», как

---

⁶⁷ Данный подход к анализу досуговой активности населения был разработан Н. М. Давыдовой.

развлечения и спорт – посещение дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также кружков и клубов по интересам, спортивных залов и т. п. Этот активный, направленный на развлечения и спорт, досуг, отличает 13% опрошенных. Во-вторых, это досуг, ориентированный на саморазвитие человека, его культурное и интеллектуальное совершенствование. Здесь мы говорим о людях, которые посвящают своё свободное время театрам и концертам, музеям и выставкам, а также дополнительному образованию. Таковых насчитывается 26%. Наконец, третье – это досуг, в ходе которого человек проявляет себя как активный гражданин, отдающий своё свободное время участию в работе различных общественных, политических организаций. В современной России, с её слаборазвитым гражданским обществом и аполитичным, общественно-пассивным населением, этот вид досуга отмечается лишь у незначительной части опрошенных – не более 1% (рис. 14.4).

Рисунок 14.4

**Распространённость основных типов досуга
по признаку его содержательной направленности, %**

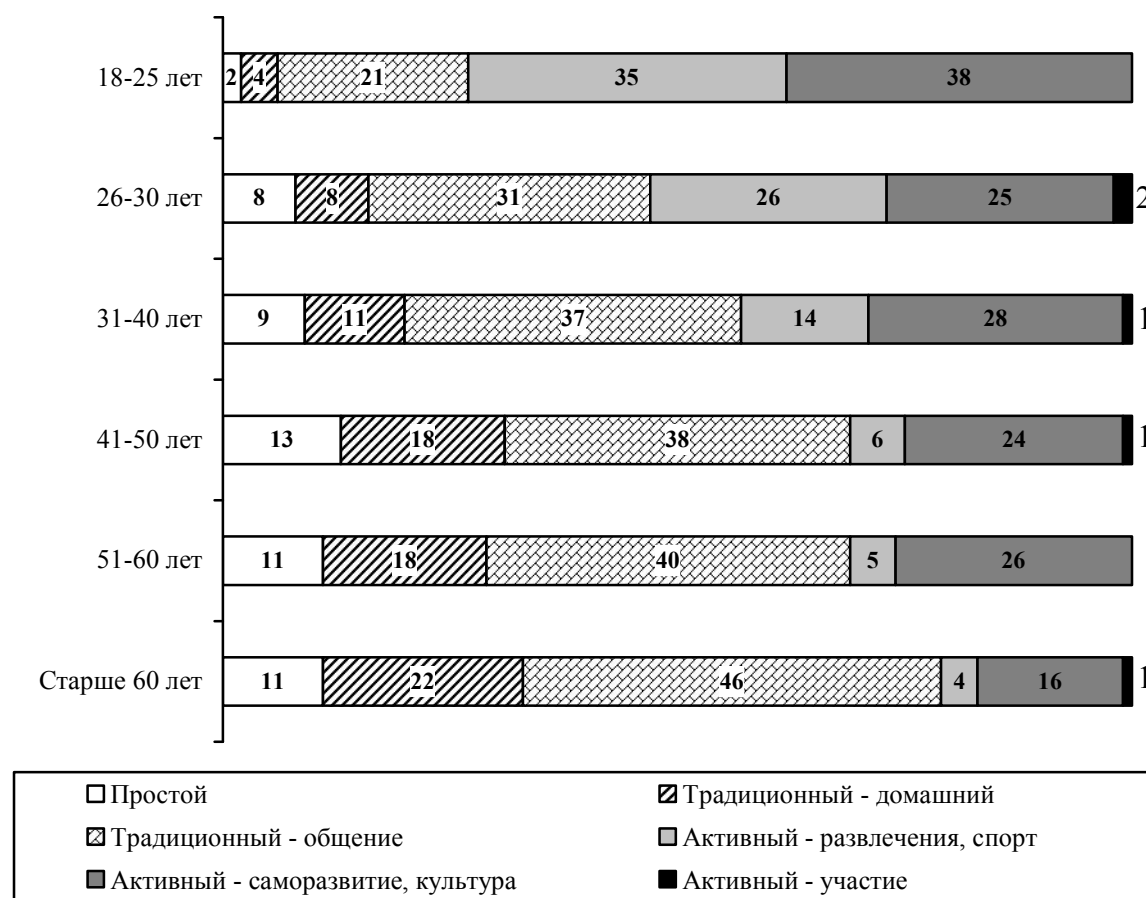

Выбор той или иной модели досуга во многом определяет «лицо» различных социальных групп и слоёв населения, помогает лучше понять их предпочтения и ориентации, является важнейшей характеристикой их повседневной жизни.

Так, молодёжь, как и во многих других вопросах, в выборе досуговой модели демонстрирует наиболее активную позицию. Среди опрошенных в возрасте до 25 лет отмечается самая высокая доля тех, кто предпочитает активный досуг – 73%. При этом почти в равных пропорциях здесь представлены ориентации на спортивно-развлекательную составляющую досуга и на саморазвитие. Простой же вид досуга среди молодёжи 18–25 лет практикуют лишь 2% опрошенных; минимальна здесь и доля предпочитающих традиционный досуг – будь то сугубо домашнее времяпровождение (4% по сравнению с 8–11% в других возрастных группах) или традиционный досуг, направленный на общение (21% при 31–46% в других группах).

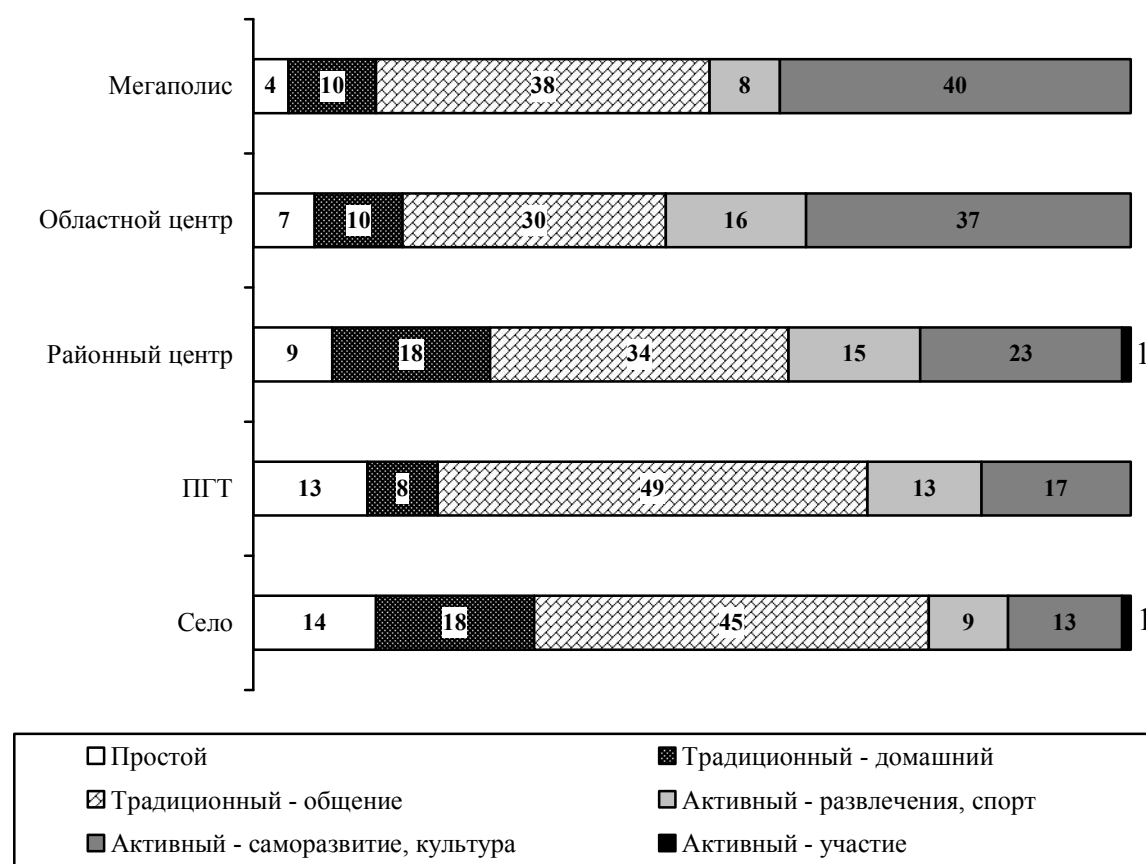
На противоположном досуговом «полюсе» – представители старших поколений. Постепенно освобождаясь от трудовой занятости, а часто и от многих семейных обязанностей, они чаще других практикуют разнообразные традиционные формы досуга, особенно направленные на общение. Так, среди респондентов старше 60 лет почти половина (46%) ориентирована на традиционный досуг-общение. Многие 51–60-летние опрошенные проводят досуг активно, с акцентом на культурный досуг (театры, музеи и т. д.). А вот пересечение 60-летнего рубежа связано с резким снижением культурной досуговой активности, что, по всей видимости, связано с выходом на пенсию и изменением величины и структуры доходов этой группы, необходимостью экономить (рис. 14.5).

**Распространённость основных типов досуга в группах респондентов,
выделенных по возрасту, %**

В срезах данных по типам поселений (рис. 14.6) следует отметить самый высокий показатель простого домашнего досуга среди сельских жителей и населения ПГТ. Отсутствие возможностей для разнообразного досуга из-за неразвитости собственной социальной инфраструктуры, плохое транспортное сообщение, не дающее пользоваться инфраструктурой соседних поселений, а также низкий уровень жизни малых российских поселений ограничивает досуг 14% их жителей телевизором и радио, домашними заботами и просто отдыхом. Противоположный социальный полюс – это областные центры, отличающиеся самым высоким охватом населения активными типами досуга в целом (53%), и мегаполисы Москва и Санкт-Петербург, где люди чаще всего практикуют культурный досуг и самообразование (40%).

Распространённость основных типов досуга в группах респондентов, выделенных по типу поселения, %

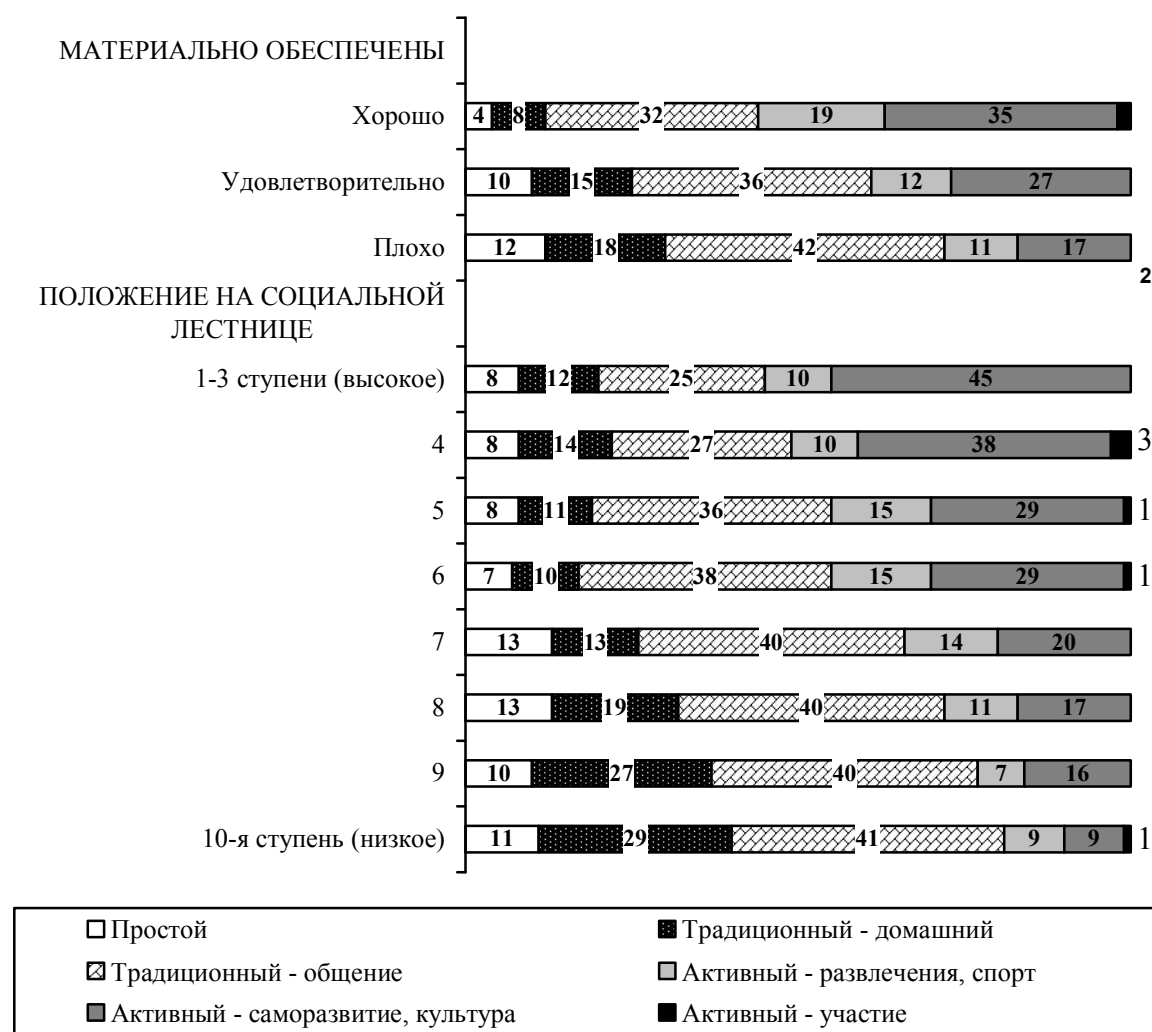
Важнейший фактор выбора того или иного типа досуга – уровень жизни людей, в том числе наличие у них финансовой возможности воспользоваться теми услугами, которые предоставляют гражданам те или иные культурные, спортивные, развлекательные организации и учреждения. Обратимся к распределению видов досуга среди людей с разным уровнем (по самооценкам) материальной обеспеченности и с разным положением на социальной лестнице. В полученных данных очевидна тенденция – чем выше доход опрошенных, тем чаще они выбирают активный досуг, направленный на культуру и саморазвитие (от 17% в группе оценивающих свою материальную обеспеченность как плохую до 35% в группе с высокими материальными самооценками), на развлечения и спорт (от 11% до 19%). При среди состоятельных опрошенных фиксируется (хотя и небольшая – 2%) доля тех, кто участвует в деятельности каких-либо общественных или

политических организаций. Группы же со средним и низким уровнем обеспеченности полностью отчуждены от регулярной общественно-политической деятельности.

Та же тенденция – на большую распространённость активного досуга – наблюдается и при движении от низших социальных страт к высшим. Если среди опрошенных 10-й (самой низшей) ступени социальной лестницы какие-либо виды активного досуга практикуют только 19%, то представители высших (первых трех) страт охвачены им на 55% (рис. 14.7).

Рисунок 14.7

Распространённость основных типов досуга в группах респондентов, выделенных по самооценкам материального и социального статуса, %

Для характеристики досуга как важнейшей сферы повседневной жизни населения важно понимать не только его содержательную направленность,

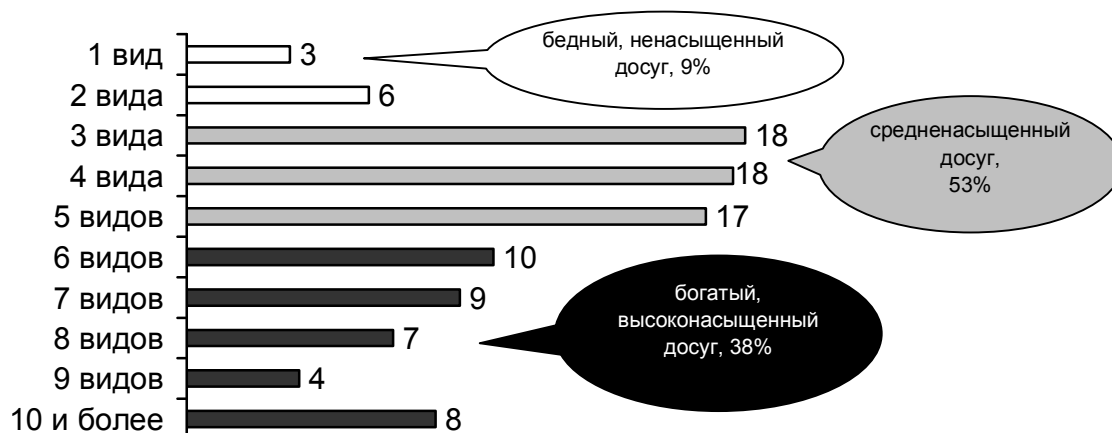
но и насыщенность, видовое разнообразие. Действительно, трудно назвать полноценным досугом сведение всего свободного времени человека только к одному-двум видам деятельности, даже если это посещение театров или участие в деятельности политической организации. Чем разнообразнее досуг, чем шире круг общения и интересов человека, тем эффективнее используется свободное время, поскольку позволяет снять накопившийся стресс, восстановить силы, полноценно отдохнуть. Узконаправленный же досуг не несёт в себе подобного рекреационного заряда, сам по себе превращается в рутину, приобретает подобие обязанности.

Анализ полученных данных показывает, что большинство россиян имеют насыщенный досуг, в котором представлено *три и более вида досуговой активности*. При этом каждый второй (53%), как правило, отдаёт свободное время трём-пяти видам досуга, а ещё 38% имеют досуг очень насыщенный, включающий шесть и более видов деятельности.

В то же время, существует группа людей, досуг которых беден, мало насыщен, – 9% респондентов (рис. 14.8).

Рисунок 14.8

Распределение опрошенных по количеству видов досуговой активности, %

Портреты обладателей того или иного типа досуга с точки зрения его разнообразия и насыщенности имеют выраженную социально-демографическую специфику, в которой следует обратить внимание на ряд моментов.

Данные о разнообразии досуга в группах опрошенных, выделенных по критерию дохода, подтверждают ранее сделанный вывод о зависимости досуга от материального фактора. Чем выше самооценки материальной обеспеченности респондентов, тем разнообразнее и насыщеннее они проводят своё свободное время. Так, доля опрошенных с богатым, высоконасыщенным досугом растёт с 31% в группе плохо материально обеспеченных опрошенных до 45% в группе хорошо обеспеченных.

Разнообразие досуга – величина, напрямую связанная с социальным статусом человека. Чем выше его положение на социальной лестнице, тем разнообразнее досуг. Респонденты, занимающие в социальной иерархии самые высшие ступени (1–3-ю, 4-ю), демонстрируют и самые высокие показатели разнообразия досуга – шесть и более видов досуговой активности здесь практикуют 45–47%. В то же время в группах опрошенных, стоящих на низких ступенях социальной лестницы, богатый досуг имеют только 24–25%, тогда как большинство (62–64%) ограничивается 3–5 видами досуга.

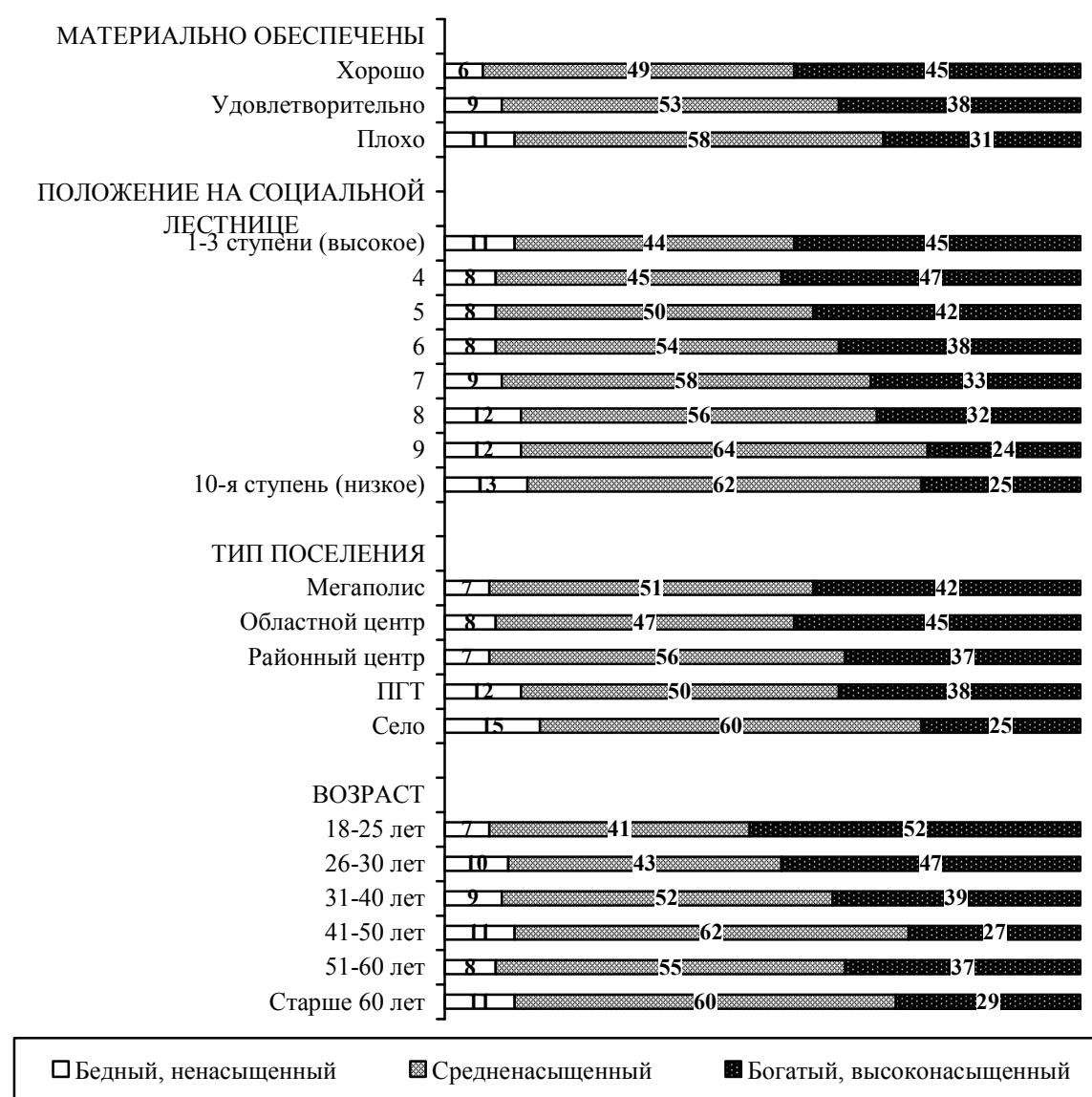
От мегаполисов к сельским поселениям снижаются возможности россиян для многообразного досуга – если в Москве и Санкт-Петербурге, а также в других крупных городах высоко насыщенный досуг практикуют 42–45% опрошенных, то в сёлах данный показатель существенно ниже (25%). Напротив, доля людей с бедным досуговым «меню» растёт – с 7% в мегаполисах до 15% в селах. Причины такого шагренового эффекта уже назывались – неразвитая социальная и транспортная инфраструктура малых поселений и низкий уровень жизни населения в них.

Возрастной срез данных свидетельствует, что наиболее насыщен и разнообразен досуг российской молодёжи, большинство (52%) её представителей практикуют шесть и более видов досуговой активности. У

молодых людей, с одной стороны, больше энергии и жизненных сил, а с другой - выше потребность попробовать в жизни как можно больше. С возрастом период поиска заканчивается, люди определяются в своём выборе, знают, чем именно им хотелось бы заниматься в свободное время. Поэтому среди представителей старшего поколения уверенное большинство (52–62%) практикует насыщенный, но не «разбросанный» досуг (3–5 видов) (рис. 14.9).

Рисунок 14.9

Насыщенность досуга в различных социально-демографических группах респондентов, %

Сегодня важным фактором досуговой деятельности россиян становится возможность пользования информационной техникой и

специализированными информационными услугами. Прежде всего, речь идёт о возможности пользоваться персональным компьютером и интернетом (дома, на работе, у друзей). Сегодня общая численность пользователей компьютеров и интернета составляет 55%. Главными их пользователями является молодёжь, люди с высшим образованием, хорошей материальной обеспеченности, высокого социального статуса, проживающие в крупных городах. Однако и в остальных группах населения, которые традиционно принято считать аутсайдерами в освоении информационной техники и услуг, сегодня также растёт число пользователей ПК и интернета. Это, например, 16% людей старше 60 лет и немногим менее половины 51–60-летних россиян (40%); 32–49% обладателей неполного среднего, общего среднего и среднего специального образования; 37% жителей сел и 42% жителей ПГТ; 44% людей с низким уровнем материальной обеспеченности и 25% тех, кто стоит на низшей ступени социальной лестницы. Таким образом, информационные технологии начинают оказывать влияние на представителей самых разных социальных групп и слоёв (рис. 14.10).

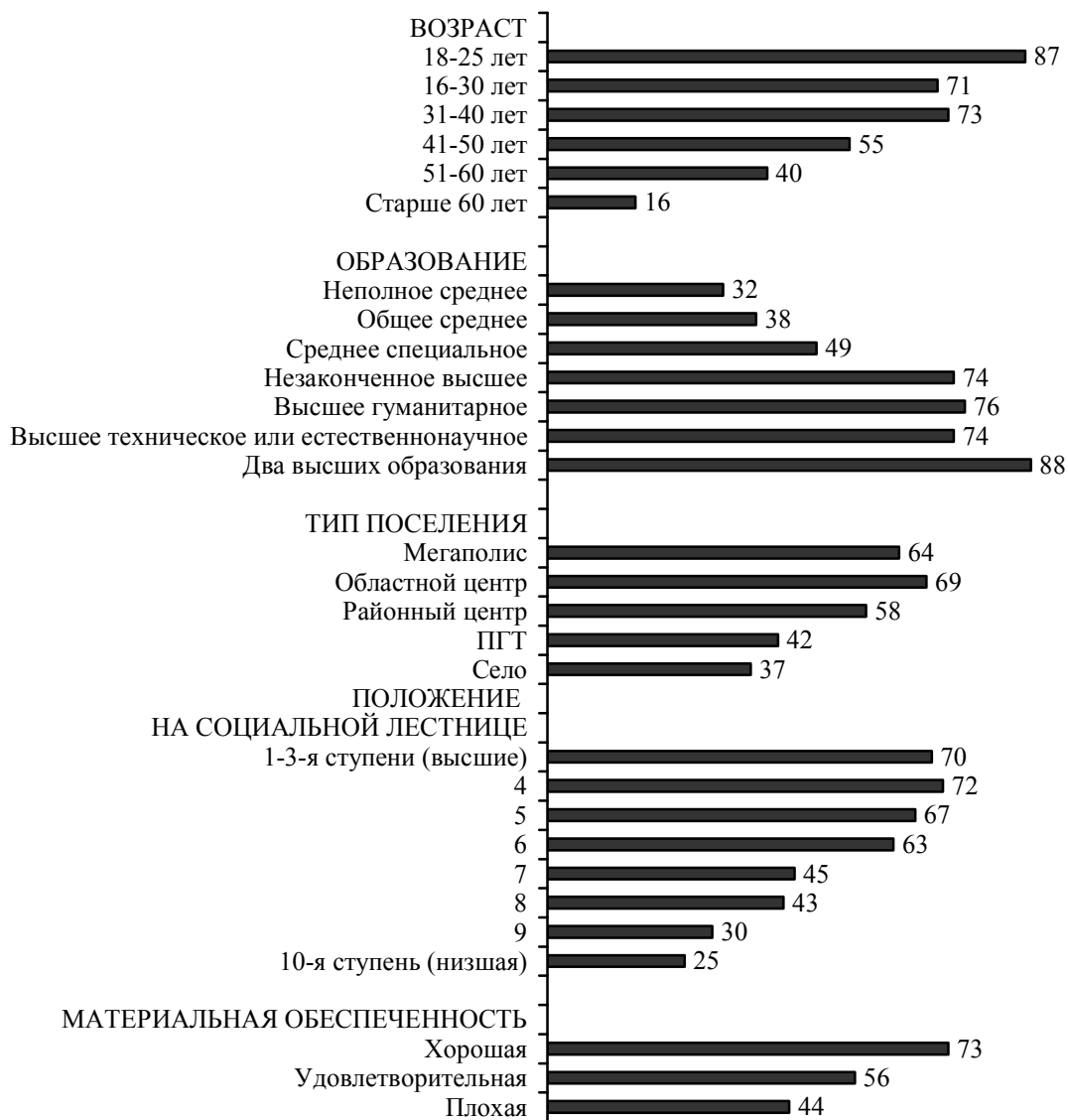
Несмотря на то, что ПК и интернету сегодня почти «все возрасты покорны», тем не менее, в анализе их роли в формировании досуговых стратегий населения были учтены только ответы респондентов, не перешедших 40-летний рубеж, среди которых ПК и интернетом пользуется подавляющее большинство.

Доступ к ПК и интернету делает досуг их пользователей содержательнее и разнообразнее. Так, среди их пользователей существенно больше тех, кто практикует активный досуг, ориентированный на культуру и саморазвитие (34% по сравнению с 16% среди остальных опрошенных), на развлечения и спорт (25% и 14%). Напротив, заметно меньше среди них тех, кто ограничивает себя досугом традиционным, будь то сугубо «домашние» (7% при 15% среди остальных) или же ориентированные на общение практики (28% при 39% среди остальных). И вчетверо меньше среди них по

сравнению с теми, кто ПК и интернетом не пользуется, людей, которым достаточно простого досуга (4% и 16%, соответственно).

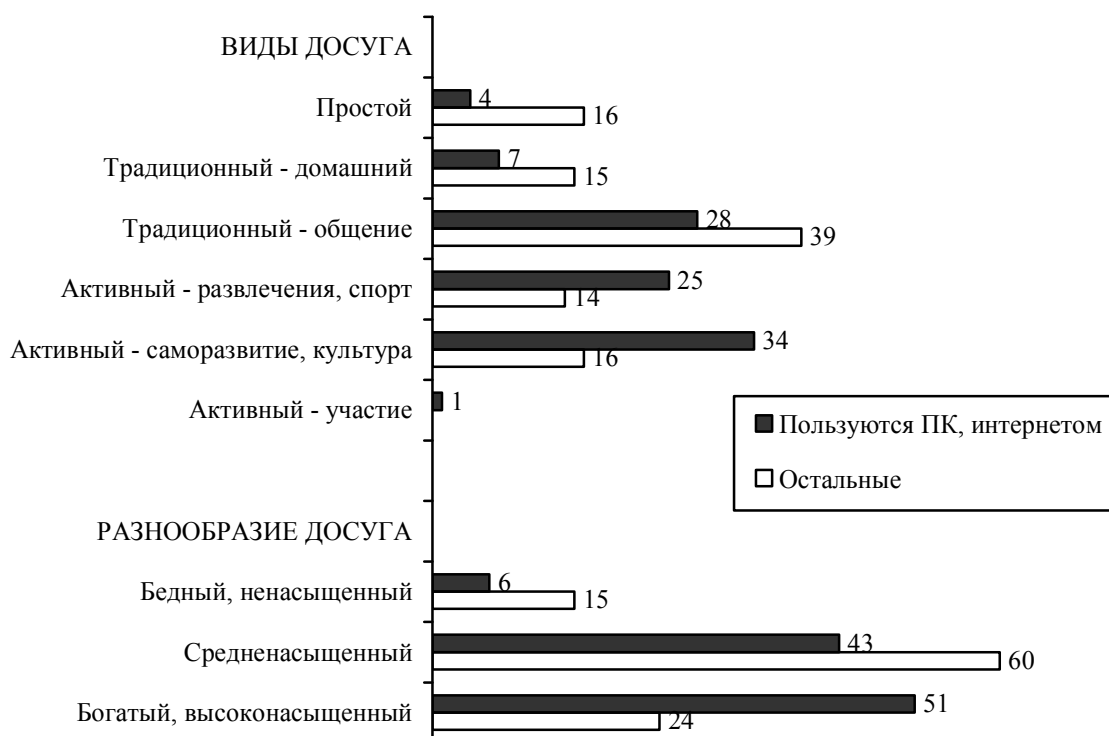
Рисунок 14.10

**Доли респондентов, пользующихся компьютером, интернетом,
в различных социально-демографических группах, %**

Пользователи ПК и интернета отличаются не только более содержательным досугом, но и заметно более разнообразным с точки зрения количества используемых способов его проведения. Так, каждый второй в этой группе характеризуется богатой, высоконасыщенной досуговой активностью (использует 6 и более способов проведения свободного времени). Среди тех же, кто ПК и интернетом не пользуется, столь разнообразный досуг имеют только 24% (рис. 14.11).

**Распространённость основных типов досуга в зависимости от того, пользуются ли респонденты компьютером, интернетом
(только среди опрошенных до 40 лет), %**

Учитывая, что распространение интернета сегодня идёт очень быстро, можно предположить, что в ближайшее время в тех группах и слоях населения, которым он станет доступен, будет более активно развиваться и сфера досуга.

15. Пореформенные поколения российской молодёжи

Каждый исторический период за счёт соответствующих ему реалий формирует своё поколение граждан. Речь идёт о той части населения, которая проходит активную вторичную социализацию на определённом этапе развития общества, наиболее интенсивно впитывает в себя формирующиеся в этих условиях нормы и ценности. Последние 20 лет, на протяжении которых в России проводились реформы в социальной, экономической и политической сферах, также привели к формированию новых, уже пореформенных поколений. Сегодняшняя российская молодёжь в

возрасте до 25 лет проходила стадию своего личностного формирования после начала экономических реформ – её представители пошли в школу уже в постсоветской России, когда либеральные экономические ценности не просто витали в воздухе, но уже активно внедрялись в систему общественных отношений, а активная вторичная социализация этой возрастной когорты проходила в «путинскую эпоху». При этом молодёжь в возрасте от 26 до 35 лет – другое поколение молодых россиян, формирование которого проходило не просто в период реформ, но реформ разного типа, т. к. их социализация пришлась на 2 разных периода трансформаций – ельцинский и путинский.

Выделенные поколения молодёжи отличаются от остального населения, как, впрочем, различаются и между собой, не только тем, что они проходили вторичную социализацию в разное время – они жили во многом в разных условиях. Так, сегодня чем младше россияне, тем чаще они живут в городах и особенно крупных. В сельской местности (включая ПГТ) живут 26% молодёжи в возрасте до 25 лет, 30% россиян 26–35 лет и 34% остального населения. При этом около половины младшей из рассматриваемых возрастных когорт проживает в крупных городах – 38% в областных центрах и 11% в мегаполисах. Для двух других групп эти показатели в сумме составляют около трети (25% и 9% для молодёжи 26–35 лет и 24% и 11% для остального населения). Сегодня высокая концентрация российской молодёжи в крупных городах поддерживается уже не за счёт приезжающих на учёбу граждан – абсолютное большинство (около двух третей для областных центров и более четырех пятых для мегаполисов) россиян как до 25 лет, так и 26–35 лет, проживающих в мегаполисах и областных центрах, как минимум сами (а зачастую и их родители) всю жизнь прожили в этих населённых пунктах⁶⁸. Более того, до 18 лет около трети (31–34%) всех поколений россиян проживали в сёлах и ПГТ, а в мегаполисах – 19% россиян старше 25 лет и 27% молодёжи в возрасте до 25 лет. *Таким образом, молодёжь,*

---

⁶⁸ Для остального населения этот показатель лишь около половины.

особенно до 25 лет, наиболее активно осваивала нормы городской среды, проявление которых особенно ярко именно в крупных городах.

Значимо отличается и среда первичной и вторичной социализации молодёжи по сравнению с остальным населением в части уровня образования родителей. Показатели уровня образования родителей в среде молодёжи значительно выше: у 24% россиян до 35 лет отец, а у 30–32% мать имеют высшее образование. Для остального населения эти показатели равны 14% и 13% соответственно. При этом хотя бы среднее специальное образование имеют родители трех четвертей молодёжи до 25 лет, более половины россиян 26–35 лет и около трети остального населения. *Таким образом, современные поколения молодёжи ещё и в семье чаще осваивали нормы наиболее «продвинутых» слоёв населения.*

Молодёжь сегодня – самая успешная часть населения по самооценкам; и чем младше молодёжная когорта, тем более позитивно её представители оценивают своё положение. Молодые россияне (особенно в возрасте до 25 лет) лучше остальных групп населения характеризуют различные сферы своей жизни: от отношений в семье до уровня личной безопасности (табл. 15.1). И если для самой молодой группы россиян подобный оптимизм в оценке ситуации оправдан тем, что в значительной степени представители этой группы пользуются как своими ресурсами, так и ресурсами своих родителей, то наиболее благополучное среди всех остальных россиян положение молодёжи в возрасте 26–35 лет несколько противоречит основным принципам индивидуальных жизненных циклов. Однако в случае нашей страны это скорее не странность, а закономерность, описывающая то, что пореформенные поколения лучше встраиваются в современное социально-экономическое пространство по сравнению с теми, кто прошёл основные этапы формирования собственной личности в советский период.

Таблица 15.1

**Доли респондентов, оценивших положение
в соответствующей сфере своей жизни как хорошее,
в разных возрастных группах, %**

Сфера жизни	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет
Материально обеспечены	21	16	14	13	9
Питаются	55	41	33	34	25
Одеваются	45	27	20	20	16
Состояние здоровья	50	41	23	14	7
Возможность реализовать себя в профессии	25	29	26	28	13
Отношения в семье	65	55	55	53	51
Возможности проведения досуга	38	31	25	24	21
Ситуация на работе	32	30	28	30	13
Положение, статус в обществе	34	26	26	25	20
Место, регион, в котором живут	42	35	32	32	28
Возможность получения образования и знаний, которые им необходимы	35	27	19	24	13
Возможность отдыха в период отпуска	32	23	20	20	12
Уровень личной безопасности	25	20	13	13	9
Жизнь в целом складывается	49	32	25	27	19

На лестнице социального положения сегодня две молодёжные группы и остальное население занимают, согласно самооценкам, примерно одинаковые позиции – медиана⁶⁹ находится на 6-ой из 10 позиций, из которых низшая – это 10-ая позиция. Однако запрос на высокое социальное положение, высокий социальный статус у молодёжи выражен ярче, чем у россиян старше 35 лет. В целом россияне до 35 лет говорят о 3-ей из 10-ти позиций на лестнице социальных статусов как предпочтительной, в то время как для остального населения это положение – 4 (по медиане)⁷⁰, т. е. на одну позицию ниже. При этом свои перспективы в ближайшие 2–3 года положительно оценивает большинство представителей молодёжи до 25 лет (59%), в то время как для остального населения оценка динамики ситуации

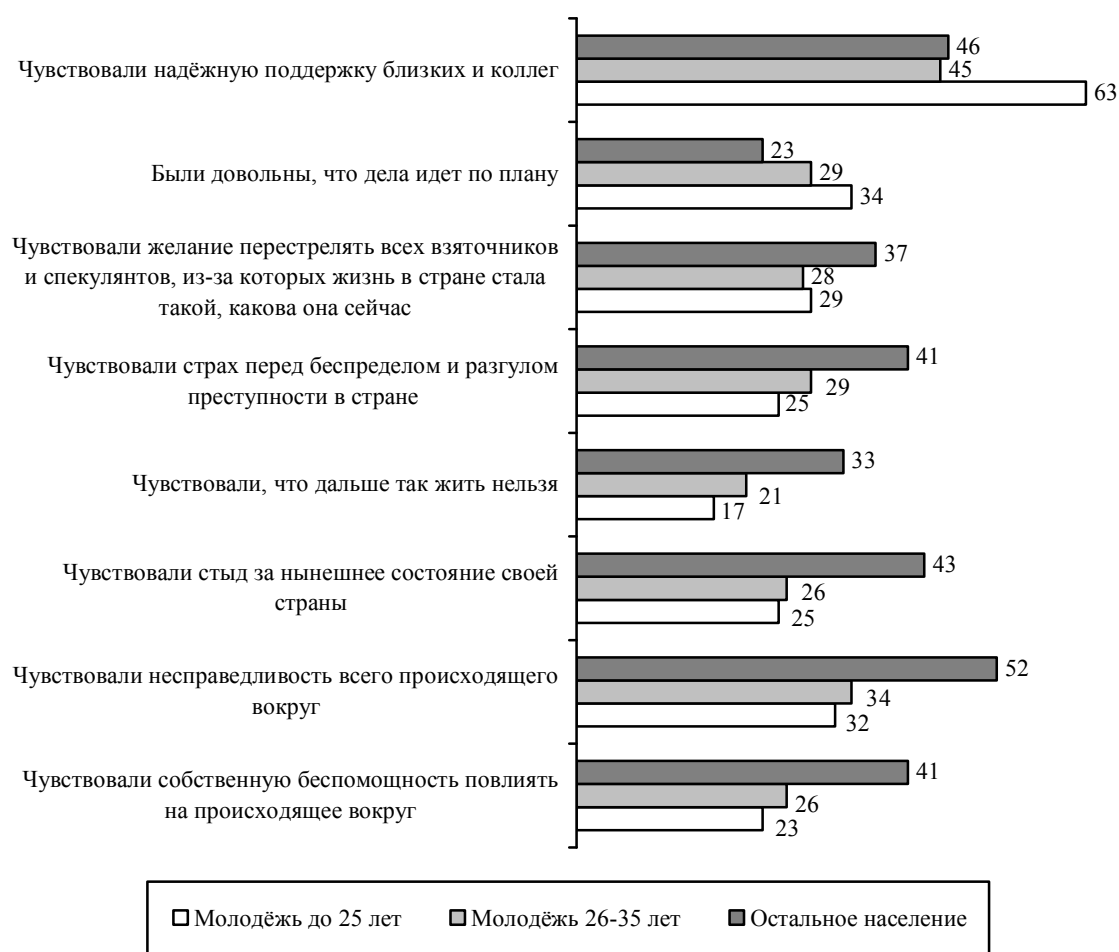
⁶⁹ По средним значениям положение старшего поколения несколько ниже – 6,41, в то время как для молодёжи этот показатель равен 5,80 и 5,88.

⁷⁰ Средние показатели равны 2,76 для россиян до 25 лет, 3,12 для россиян 26–35 лет, и 3,82 для остального населения.

ближайших лет является нейтральной – оно не ожидает существенных изменений своего положения (51% в группе 26–35 лет и 61% для групп старше 35 лет). *Таким образом, молодое поколение, особенно в возрасте до 25 лет, демонстрирует оптимизм относительно собственного будущего и здоровые амбиции.*

Подобная позитивность восприятия своего места в обществе и своего будущего не является плодом лишь самоуверенности молодёжи – это, видимо, и следствие некоторых возрастных особенностей. Во всяком случае, молодые россияне значительно реже, чем остальное население, испытывают негативно окрашенные чувства: страх перед беспределом и разгулом преступности, стыд за нынешнее состояние страны, чувство несправедливости всего происходящего вокруг, собственной беспомощности повлиять на происходящее и, наконец, желание перестрелять всех взяточников, из-за которых жизнь в стране стала такой, какая она есть сейчас (рис. 15.1). При этом молодёжь чаще чувствует поддержку со стороны близких и коллег и довольна тем, что дела у них идут согласно их плану. Наиболее высокими эти показатели были для молодёжи до 35 лет в крупных городах (60% и 37% соответственно). Это означает, что либо молодые россияне располагают механизмами для ответа на вызовы сложившейся в стране ситуации, либо то, что обстоятельства, которые болезненно воспринимаются остальным населением, рассматриваются молодёжью как норма. Недаром, несмотря на оценку нынешней ситуации в России абсолютным большинством в любой возрастной группе как напряжённой (53–67% представителей разных поколений), около трети молодёжи (40% в возрасте до 25 лет и 32% в возрасте 26–35 лет) воспринимали её как нормальную, причём в населённых пунктах всех типов.

**Доля часто испытывающих соответствующие чувства в различных
возрастных группах, %**

Как видим, молодёжь лишь отчасти разделяет чувства и опасения россиян более старших возрастов. Ключевые тревоги населения старше 35 лет, свойственные не менее чем половине этой группы, – кризис системы ЖКХ (60%) и низкий уровень жизни значительной части населения (53%). При этом молодёжь в возрасте 26–35 лет разделяет лишь тревоги по поводу кризиса системы ЖКХ (53%), а молодёжь в возрасте до 25 лет и этот вопрос волнует менее чем в половине случаев (49%).

Отметим также, что молодёжь 18–25 лет несколько реже остальных групп тревожат такие проблемы, как вымирание населения (22% против 30% для других групп), коррупция (35% против 45–46%) и снижение морали (11%

против 16–17%), что демонстрирует различия в оценке разных социальных групп относительно происходящего в стране. *Таким образом, молодые россияне не просто более позитивно и оптимистично смотрят на жизнь, но ещё и дают оценку различным её аспектам через призму своей системы норм и ценностей.*

В то же время, все поколения россиян, говоря о положительных результатах реформ, отмечают, что наиболее значимые из них для всего общества – насыщение рынка товарами (50–54%), свобода выезда за рубеж (30–40%) и возможность зарабатывать без ограничений (24–31%). В число ключевых плюсов реформ для молодёжи до 25 лет вошло, в отличие от других возрастных групп, сближение российского образа жизни с образом жизни экономически развитых стран (24%), а для молодёжи 26–35 лет и остального населения – усиление роли церкви в обществе (23–25%).

При этом оценка достижений периода реформ лично для респондентов, а не для общества в целом, даёт несколько иной набор плюсов в разных возрастных группах. Если россияне старше 35 лет концентрировали своё внимание на таких достижениях, как насыщение рынка товарами (41%), возможность зарабатывать без ограничений (26%) и свобода выезда за рубеж (24%), то молодёжь обоих поколений при внимании к этим же проблемам – доступности товаров (31% и 42% для молодёжи 18–25 и 26–35 лет соответственно) и свободе выезда за рубеж (36% и 35%) – в дополнение к ним отмечала возможность высоких заработков (28% и 34%), а также то, что жизнь стала ярче и интереснее (22–26% и только 16% для остального населения) и появились большие возможности для самовыражения и личной карьеры (21–25% и 14% для остального населения). *Таким образом, представители обоих поколений молодёжи значительно чаще, чем остальное население, отмечают важность появившихся возможностей в части реализации потребностей в самовыражении, карьере, яркой и содержательной жизни.*

Оценивая негативные результаты реформ, россияне различных поколений отмечают такие факты, как снижение уровня жизни большинства населения (32–49%) и отсутствие должного порядка в стране, рост коррупции (30–33%). При этом к числу основных потерь российского общества молодёжь до 25 лет относит вооружённые конфликты и распространение терактов (по 26%), а остальные россияне, включая молодёжь в возрасте 26–35 лет – падение морали (33–34%). *Тем самым, молодые россияне чаще отмечают возникшие угрозы физического насилия, а остальные возрастные группы – моральной деградации общества.*

Фиксируя падение общего уровня морали, применительно к себе как личную потерю от реформ, население вне зависимости от возраста отмечает его не так часто (12–20%). Ключевыми потерями от периода реформ, которые затронули непосредственно респондентов безотносительно к их принадлежности к разным возрастным когортам, относятся утрата уверенности в завтрашнем дне (30–46%), стабильности и чувства безопасности (24–38%), а также снижение уровня жизни (23–39%) и расслоение российского общества на богатых и бедных (23–32%).

Сравнение оценки потерь и достижений периода реформ различными поколениями россиян свидетельствует о том, что, во-первых, молодёжь имеет несколько отличные от остального населения приоритеты в части жизненных ценностей, например, больше ценит возможности самовыражения, а во-вторых, россияне в возрасте до 35 лет дифференцированы относительно сформировавшихся у них норм и дают оценку ситуации через призму этих норм.

Это заставляет более пристально рассмотреть отличия молодёжи ельцинской и путинской эпох. Начнём с их жизненных устремлений.

Предпочтения молодого поколения страны в различных сферах жизни достаточно разнообразны. Молодые россияне, как и остальное население, хотели бы создать счастливую семью и воспитать хороших детей, жить не хуже других и при этом честно прожить свою жизнь, иметь интересную

работу и любимое дело (93–99% по всем группам). Однако при этом набор их притязаний значительно шире, чем у россиян старше 35 лет. Молодёжь чаще желает получить образование (этого не было в планах только у 4% молодежи и 15% остального населения), престижную работу (2–6% и 16%), побывать в разных странах мира (9–12% и 27%), стать богатыми (17–21% и 43%), и иметь свободное время (17–20% и 28%). При этом россияне до 35 лет, и особенно до 25 лет, значительно реже остального населения не включают в свои планы открытие бизнеса (22–33% и 59%), карьеру (24–33% и 52%), вхождение в определённый круг людей (36–46% и 60%), а также приобретение известности (60–69% и 79%) и доступ к власти (68–73% и 84%). Таким образом, представители российской молодёжи ориентированы на достижения в абсолютно различных сферах. Особый максимализм демонстрируют при этом самые молодые россияне. Но каковы же при этом ценности и нормы, на которые они опираются при формулировании и реализации жизненных планов?

Говоря о ценностях российской молодёжи, стоит отметить, что она лишь отчасти разделяет свойственные остальному населению установки. Среди общих норм для всех групп населения – значимость свободы в противовес материальному благополучию, ориентация на равенство возможностей в противовес равенству условий жизни и ценность интересной работы в противовес простой максимизации доходов от неё (табл. 15.2). При этом другие нормы заметно варьируют по своей распространённости в зависимости от возраста. Так, с его увеличением растёт доля приверженцев таких ценностей, как следование привычному, принятому большинством в ущерб инициативности; материального благополучия в ущерб свободе; приспособления к ситуации вместо активного отстаивания своих интересов; подчинения обстоятельствам, а не опоры на собственные силы. Причиной этого является, в том числе, видимо и наращивание социального опыта и усвоение практик с наилучшим соотношением издержек/выгод в

российских реалиях, когда борьба со сложившейся системой общественных отношений чревата серьёзными проблемами.

Таблица 15.2

Ценностные ориентации россиян из разных возрастных групп, %⁷¹

Ценностные пары	Молодёжь 18–25 лет	Молодёжь 26–35 лет	Остальное население
<i>Ценности и установки, примерно в равной степени распространённые в различных возрастных группах</i>			
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	72	68	63
Главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна	28	32	37
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	68	65	59
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	32	35	41
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	55	53	60
Главное в работе – это сколько за неё платят	45	47	40
<i>Ценности и установки, распространённость которых в различных возрастных группах линейно нарастает и сокращается⁷²</i>			
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	81	71	66
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, не тратить свои силы на борьбу с ней	19	29	34
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	77	84	88
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	23	16	12
Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно	72	68	50
Все перемены к худшему, поэтому хотелось бы, чтобы мир вокруг оставался таким же, каким мы привыкли его видеть	28	32	50
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – всё в его руках	71	63	49
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	29	37	51

⁷¹ Фоном выделены позиции, набравшие большинство в соответствующей возрастной группе. Вектор нарастания распространённости соответствующей ценности или установки выделен жирным шрифтом.

⁷² Отранжировано по доле выбравших первую из альтернатив в паре в младшей возрастной когорте.

Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все	71	61	42
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	29	39	58
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	49	34	29
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьётся западный образ жизни	51	66	71
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	42	50	62
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	58	50	38
Ценности и установки, характерные молодежным когортам в противовес группе старше 35 лет			
Человек должен жить в той стране, где ему больше нравится	63	63	40
Родина у человека одна, и нехорошо её покидать	37	37	60
Современный мир жесток, для того чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	59	52	37
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы	41	48	63

Интересно при этом, что по 6 альтернативным парам ценностных ориентаций, при различиях в распространённости тех или иных из них в разных возрастных группах, между разными поколениями сохранялся «ценностный консенсус», т. е. во всех группах большинство характеризовалось сходными ценностными ориентациями. Помимо уже упоминавшихся – значимости свободы, ориентации на равенство возможностей и ценности интересной работы, – это касается также установки на активную борьбу за свои права, а не просто приспособление к реальности (впрочем, распространённость этой, активной установки снижается с 81% в группе до 25 лет до 66% в группе старше 35 лет), ориентации на спокойную совесть в противовес стремлению к власти (тут картина обратная – среди респондентов 18–25 лет на спокойную совесть и душевную гармонию ориентированы лишь 77%, а среди тех, кому более 35 лет – 88%) и убеждения, что Россия – это особая цивилизация, в которой никогда не привьётся западный образ жизни (хотя стоит отметить, что в младшей группе

молодёжи число сторонников и противников этой точки зрения практически одинаково).

В то же время по 3 парам ценностных ориентаций между поколениями, чья социализация пришлась на период реформ, и остальными россиянами такого консенсуса не наблюдается. Наиболее яркие различия характеризует распространённость в этих возрастных группах конформистских / неконформистских установок. Так, среди поколений россиян, прошедших социализацию в ходе реформ, отчётливо доминирует убеждение, что выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все. Тогда как россияне старше 35 лет убеждены в массе своей, что жить как все лучше, чем выделяться среди других. К этой же группе относится и отношение к возможности самостоятельного выбора индивидом страны проживания, а также к возможности переступить через моральные нормы и принципы для достижения успеха в жизни.

Наконец, есть 3 пары альтернативных ценностных ориентаций, которые демонстрируют, как непросто идёт смена ценностных ориентиров россиян. Одна из них связана с ориентацией на традиции, привычное, принятое большинством в противовес ориентации на инициативу, предприимчивость, поиск нового. В этой альтернативе молодёжь до 25 лет в большинстве своём выбирает ориентацию на инициативу и поиск нового, старшее поколение – ориентацию на следование привычному, а группа 26–35 лет разделилась в своих симпатиях точно пополам. Зато в вопросе об отношении к жизни в непрерывно меняющемся обществе обе молодёжные группы чётко определились со своими симпатиями, выбрав позицию «Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно», а группа старше 35 лет разделилась поровну между поддержкой этого суждения и альтернативного ему – что «Все перемены к худшему, поэтому хотелось бы, чтобы мир вокруг оставался таким же, каким мы привыкли его видеть».

Возможно, впрочем, что на выборе в этих альтернативах сказались чисто возрастные различия в психологии людей, и, следовательно, по мере накопления жизненного опыта взгляды части нынешней молодёжи могут в

этом отношении измениться. Это касается также и убеждения, что человек сам кузнец своего счастья в противовес убеждению, что жизнь человека определяется в большей степени внешними обстоятельствами: молодёжь обеих возрастных групп была ориентирована на приписывание всей меры ответственности за свою судьбу прежде всего самому человеку, а представители россиян старше 35 лет разделились в своих симпатиях примерно поровну между возложением ответственности на внешние обстоятельства и самого человека.

В связи с этим интересен вопрос о так называемом патернализме россиян, в том числе и среди молодёжи. Современная молодёжь воспитана большей частью в условиях рыночной экономики и является основной надеждой исследователей при рассуждениях о будущем страны, именно с молодым поколением связываются перспективы развития общества индивидуальной ответственности. Однако среди тех представителей молодёжи, которые сделали выбор между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства, большинство (53% опрошенных до 25 лет и 67% в группе 26–35 лет), как и среди остальных респондентов (78%), выбрали последнее. При этом 40–44% представителей всех поколений считают, что интересам России отвечает такое государство, которое восстановит государственный сектор экономики, расширив частные экономические и политические возможности граждан.

В то же время 45–48% россиян всех возрастов полагают, что государство должно обеспечить всем гражданам определённый минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам. Ещё 36–43% из них отмечает необходимость обеспечения полного равенства всех граждан силами государства. Подобный уровень запроса на государственное вмешательство среди молодых россиян не удивителен, ведь даже молодёжь (53% и 59% для россиян 18–25 и 26–35 лет и 69% для остального населения) считает, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям сегодня выжить сложно. *Таким образом, на практике значительная*

часть амбиций и установок молодых россиян со временем разбивается о суровую российскую действительность.

Особого внимания требует также вопрос сохранения моральных принципов у современной молодёжи, ведь, как было показано выше, снижение морали среди населения – одна из наиболее значимых потерь 20-летнего периода реформирования, по мнению старших поколений, но не самой молодёжи. Означает ли это, что традиционные нормы российской культуры, по крайней мере, в сфере морали и нравственности, постепенно начинают размываться в сознании молодых поколений россиян?

Из данных табл. 15.2 видно, что большинство молодёжи (59% в возрасте 18–25 и 52% – 26–35 лет) считает, что современный мир жесток, а значит, для того чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы. При этом для старшего поколения типично (63%) противоположное суждение: лучше не добиться успеха в жизни, но не переступить через свои моральные нормы и принципы. Поскольку практически четверть молодёжи до 25 лет отмечает, что человек должен стремиться к власти и возможности оказывать влияние на других, тенденция возможного дальнейшего ослабления моральных норм выглядит достаточно пугающей.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что самая младшая из рассматриваемых когорт не имеет чётко сформулированной позиции об оптимальном векторе развития России, её месте в мире. С равной частотой представители этой группы говорят, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, или считают, что Россия – особая цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни. И в этом плане позиция молодёжи заметно отличается от взглядов россиян старше 35 лет. При этом отношение абсолютного большинства молодёжи к странам Европы (Англия, Франция, Германия) – положительное.

В этих условиях не удивительно, что, как уже отмечалось выше, одним из основных плюсов от реформ, по мнению именно молодёжи, является сближение образа жизни россиян и жителей западных стран. При этом

большинство населения старше 35 лет (60%) говорит, что вообще не имеет желания жить за рубежом, однако около трёх четвертей молодёжи хотели бы уехать за границу: заработать денег (38% в группе 18–25 и 34% в группе 26–35 лет), на учёбу (21% и 16% соответственно), просто пожить (20% и 17%). Сменить место жительства ради интересной и высокооплачиваемой работы в своей стране при этом готовы 74% молодёжи в возрасте до 25 лет и 57% – 26–35 лет (остальное население готово решиться на этот шаг только в трети случаев). Таким образом, *современная российская молодёжь достаточно мобильна, однако в этой мобильности она демонстрирует скорее ориентацию на Запад, чем на переезды внутри собственной страны.*

Тем не менее, несмотря на стремление большинства уехать на Запад, в среде молодёжи слабо распространена «мы-идентичность» с европейцами (13% и 20% в двух молодёжных группах, причём желание уехать «на Запад» с этим никак не связано). Для группы 18–25 лет ощущение себя «европейцем» более характерно и встречается здесь в 1,5 раза чаще (20%), чем в группе «старшей молодёжи» и среди остальных россиян (по 13%) (табл. 15.3).

Таблица 15.3

Ключевые «МЫ – идентичности» в различных возрастных группах, %⁷³

Группы, о которых можно сказать: «Это – мы»	Молодёжь до 25 лет	Молодёжь 26–35 лет	Остальное население
Люди, строго соблюдающие законы	42	48	55
Граждане России	70	71	72
Люди того же достатка, что и Вы	43	38	43
Люди той же национальности	51	48	52
Земляки	56	56	60
Жители Вашего города, села	60	56	61
Люди Вашей веры, вероисповедания, что и Вы	36	36	44
Люди той же профессии, занятия, что и Вы	37	36	41
Европейцы	20	13	13
Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	54	49	53

Наибольшая часть «мы-идентичностей» россиян, в том числе молодёжи, связана с территориальными сообществами, в рамках которых они

⁷³ Учитывался ответ о свойственности идентификации «в значительной степени». Жирным шрифтом выделены различия, межгрупповой разрыв в показателях которых составляет не менее 7%.

проживают: граждане России, земляки, жители определённого населённого пункта. При этом по сравнению с самыми молодыми россиянами молодёжь в возрасте 26–35 лет является наименее «вписанной» в жизнь общества – её представители имеют меньшее количество идентичностей, чем более молодые россияне и те, кто старше 35 лет. Это означает, что череда трансформаций (реформы 1990-х и реформы 2000-х гг.) не прошли для этой социальной группы бесследно – у её представителей возникают проблемы с самоопределением в результате многочисленных попыток встроиться в систему социальных отношений. При этом наибольшее количество идентичностей, а соответственно лучшую встроенность в систему социальных отношений, демонстрируют представители немолодёжных когорт – все свойственные молодёжи до 25 лет идентичности для них дополняются ещё и такой, как «люди, строго соблюдающие закон» (55%). В связи с этим встаёт вопрос о так называемом правовом нигилизме современной российской молодёжи. Насколько терпимы к неправовым и социально осуждаемым практикам и насколько вовлечены в них молодые россияне?

Самой приемлемой из таких практик для россиян, в том числе и молодых, является практика сознательного обмана кого-то для достижения своих целей. При этом в среде молодых россиян её противниками являются лишь чуть более трети (табл. 15.4), а прибегали к ней – 41–45% молодёжи (и 27% россиян старше 35 лет). Не являются противниками дачи взяток более половины россиян в возрасте до 36 лет, и 18–22% представителей разных возрастных когорт признают, что сами давали взятки. Таким образом, молодые россияне активно включены в поле неправовых и социально не одобряемых взаимодействий, а их толерантность к таким практикам действительно выше, чем у тех, кто старше 35 лет. При этом российская молодёжь достаточно негативно относится в массе своей лишь к употреблению наркотиков, хотя и в этом отношении толерантность её к соответствующей практике на 19% выше, чем в группе старше 35 лет. *При*

этом обман ради наживы практически считается в среде молодёжи нормой.

Таблица 15.4

**Доля противников соответствующих практик
в различных возрастных группах, %**

	Молодёжь до 25 лет	Молодёжь 25–35 лет	Остальное население
Сознательно обманывать кого-то для достижения своих целей	39	38	56
Употреблять наркотики	85	88	95
Давать взятки	54	57	65
Уклоняться от налогов	66	70	73
Использовать сексуальные связи для достижения корыстных целей	74	74	87

Наиболее толерантно к обману ради достижения какой-то выгоды относится молодёжь до 35 лет из крупных городов (мегаполисов и областных центров) – только 28% из них говорили о том, что являются противниками этой практики, в то время как для молодёжи районных центров и сельской местности эти показатели были равны 39% и 47% соответственно. Блокатором данного типа асоциальной активности, по всей вероятности, являются более тесные связи между людьми в относительно мелких населённых пунктах, большая жёсткость в них социального контроля. Аналогична ситуация со взятками, противниками которых выступают менее половины молодёжи крупных городов (49%, в то время как для районных центров и сельской местности эти показатели равны 55% и 53% соответственно).

Не удивительно, что в условиях такого выборочного правового послушания идея укрепления России как правового государства кажется идеей, способной вдохновить людей, сплотить их во имя общей цели, только трети молодёжи (32–35% при 40% среди представителей остального населения).

Итак, исследование фиксирует нарастающее давление социальной среды, причём не в лучшую сторону, на формирование этических установок

вступающих в сознательную жизнь новых поколений. Ситуация изменится только тогда, когда молодёжь почувствует благотворность приверженности общепризнанных моральным ценностям для реализации успешных практик.

16. «Настоящее» и «будущее». Оценка россиянами перспектив развития страны

Ещё несколько лет назад, накануне экономического кризиса, перспективы развития страны в XXI в. для большей части россиян носили однозначно позитивный характер. Как социальная практика, так и исследования свидетельствовали, что Россия «нулевых» уверенно вышла на траекторию стабильного экономического и социального развития, а многие страхи, которые довели над страной 10–15 лет назад – опасения распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т. д., – остались в прошлом. Восемилетний экономический рост обусловил также заметный рост доходов значительной части населения. Пик позитивных настроений пришёлся на лето 2008 г. Наши сограждане, причём как те, кто сумел преуспеть в жизни, так и те, кому это не удалось, поверили, что Россия – успешная страна, что политическая стабильность и экономический рост – это всерьёз и надолго. Даже у многих специалистов складывалось впечатление, что к концу правления В. Путина Россия вступила в новую «постпереходную» фазу. Постепенно стал формироваться новый запрос, теперь уже мало отличающийся от запроса граждан любой европейской страны – не только на удовлетворение первичных материальных потребностей, но и на новое качество жизни.

Однако разразившийся кризис, а также последовавшие за ним неблагоприятные события (резкий рост цен на продукты первой необходимости, на услуги ЖКХ; природные и техногенные катаклизмы; теракты; нестабильность в мире) заставляют общество более сдержанно и критично оценивать собственное настоящее и будущее.

Завершение острой фазы экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных парадигм, связанных с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытывавших на себе тяжести адаптации к переменам 90-х гг. Группы, на которые власть привыкла опираться в «нулевые» – значительная часть бюджетников, «низовой» бюрократии и т. п. – стали критичнее относиться к действиям властей, прежде всего, в Москве. Особенно резко отразилась новая социально-политическая ситуация на настроениях людей летом 2010 г., усугубленных жарой, смогом, подорожанием самых ходовых продуктов питания, бездействием или низкой эффективностью действий властей в условиях чрезвычайной ситуации.

После событий в станице Куцевской резко возросло недовольство россиян деятельностью бюрократии и правоохранительных органов, а в столицах – неконтролируемым ростом миграции. В Москве и Санкт-Петербурге только за последний год было зафиксировано несколько достаточно массовых стычек на межнациональной почве.

В течение длительного времени столицы были «оазисом» стабильности и благополучия. Ещё два года назад 69% жителей столиц оценивали ситуацию в России в целом со знаком «плюс». Сегодня же лишь 22%. Впервые за все годы наблюдений жители российской глубинки демонстрируют более оптимистичный взгляд на жизнь страны и своего региона, чем москвичи и петербуржцы. Есть основания считать, что напряжённость в столицах имеет более глубокие корни, чем просто недовольство экономическим и социальным положением в их городах. В настоящее время, в отличие от ситуации десятилетней давности, приоритетным для москвичей является уже не столько уровень, сколько качество жизни (ситуация на дорогах, экология, состояние социальной инфраструктуры и т. п.). Поэтому несмотря на очевидные достижения предыдущей администрации города в решении многих социальных проблем,

уход Ю. Лужкова не вызвал протестов со стороны москвичей. То же самое можно сказать и о многих других регионах страны.

Не следует также забывать, что многие проблемы, обострившиеся в последнее время, не являются следствием кризиса 2008–2009 гг., а накапливались годами, если не десятилетиями. Особенно в социальной сфере, инфраструктура которой все последние годы медленно, но неуклонно разрушалась. Становится всё более очевидным, что укрепление государственнической компоненты через построение «административной вертикали», интенсивное формирование «правлящего класса» в лице бюрократии, не смогли обеспечить новые импульсы развитию экономической и политической системы страны, напротив, привели к стагнации, снижению эффективности работы государственных органов на всех уровнях. Как следствие: приходит осознание необходимости перемен, ведётся проработка различных сценариев будущего. Причём, каждая из крупных «групп влияния» стремится обзавестись собственной «моделью будущего», призванной обосновать её претензии на ведущую роль в принятии стратегических решений в преддверии президентских выборов 2012 г. Именно через призму борьбы этих групп и группировок во многом и следует рассматривать разворот дискуссии о том, что сегодня представляет собой Россия и каковы её перспективы.

Если говорить об обществе в целом, то настоящее исследование фиксирует разнонаправленные тенденции в отношении настоящего и будущего России. С одной стороны, большинство наших сограждан, несмотря на все катаклизмы 1990-х и 2000-х гг., считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен; и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Этой точки зрения придерживаются 60% опрошенных, хотя немало и тех (39%), кто убеждён, что путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик. Эти данные практически

ничем не отличаются от аналогичных, полученных десять лет назад, в 2001 г. (рис. 16.1)

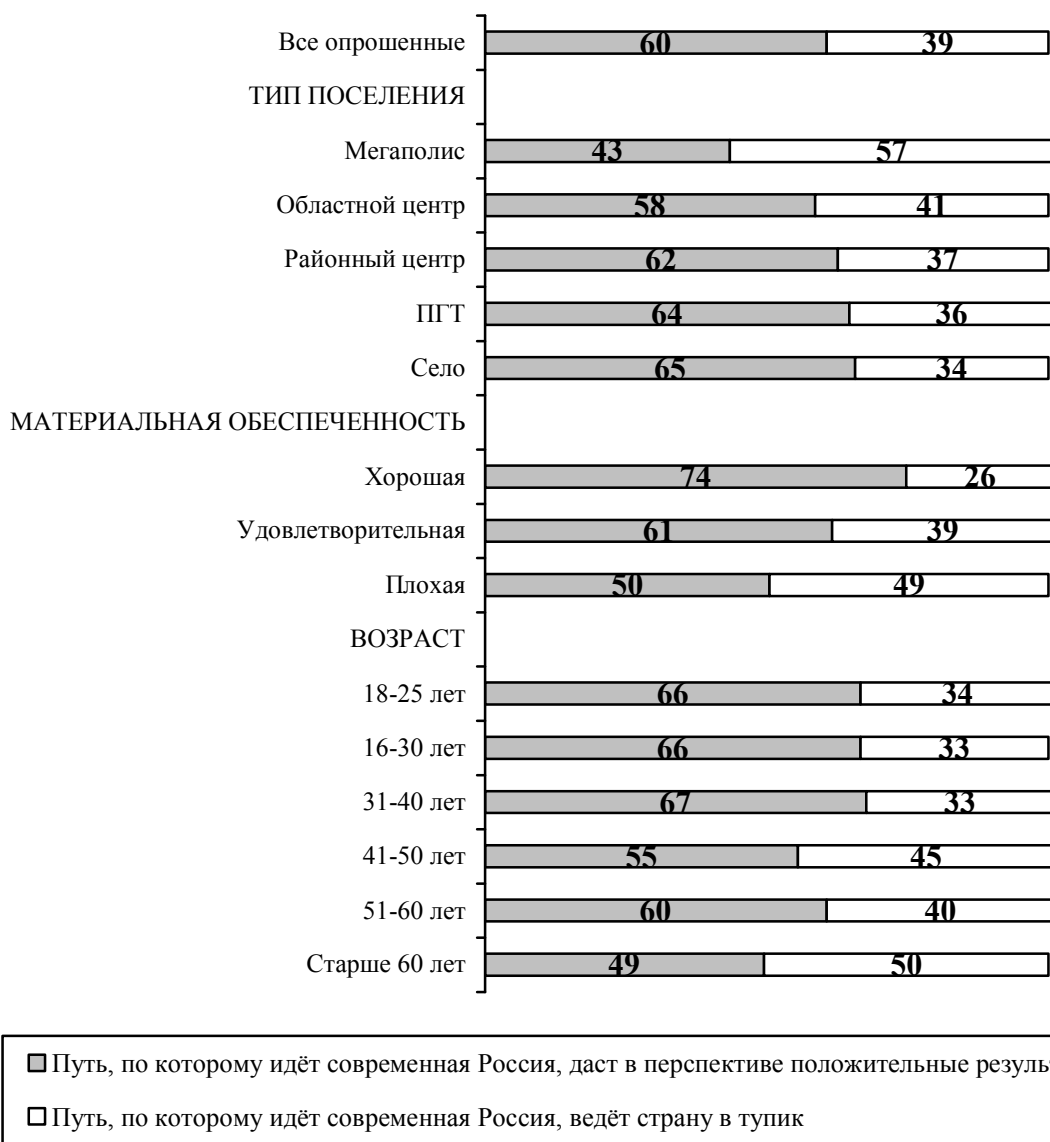
Рисунок 16.1

**Мнение о перспективах развития современной России,
2001 и 2011 гг., %⁷⁴**

Верят в правильность того пути, по которому идёт современная Россия, в большей степени молодые и относительно преуспевающие группы россиян. Так, в самой молодой из опрошенных групп (до 21 года) доля оптимистов составляет 65%, примерно на таком же уровне аналогичные показатели и в других молодых и средневозрастных группах — до 40 лет, после чего наблюдается постепенное снижение уровня оптимизма до 49% в самой старшей из опрошенных групп (более 60 лет). Среди представителей россиян с высоким социальным и материальным статусом доля оптимистов составляет 66%, а в группах с низким статусом — 52%. Жители мегалиполисов критичны, как видно из нижеприведенных данных, не только в отношении настоящего, но и будущего России (рис. 16.2).

⁷⁴ Сумма цифр по каждому году может быть меньше 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Оценка нынешнего пути развития России, %⁷⁵

Уверенность россиян в позитивных перспективах развития страны обуславливает стремление очень многих сохранить стабильность и если проводить какие-либо реформы, то исключительно осторожные и постепенные. Настоящее исследование продемонстрировало, что, несмотря на рост числа тех, кто стремится к переменам, сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со слишком значительным перевесом. Их доля, в общем объёме опрошенных, составляет 57% при 42% тех, кто выступает за быстрые и кардинальные перемены. Численность сторонников

⁷⁵ Сумма цифр по каждой строке может быть менее 100%, т.к. не указаны затруднившиеся с ответом.

перемен примерно одинакова во всех слоях российского общества – 40% в низшем слое, 42% – в среднем и 43% – в высшем, примерно соответствующем «среднему классу». Анализ возрастных групп показывает, что на перемены в значительно большей степени ориентируется молодёжь, особенно в возрасте до 21 года (54%). Можно в этой связи констатировать, что постепенно главным «заказчиком» перемен становится молодёжь и некоторая активная часть среднего класса.

С другой стороны, сохраняя запрос на стабильность, значительная часть россиян ощущает потерю динамизма, который был присущ социально-экономическому развитию первой половины «нулевых». Так, 42% опрошенных полагают, что Российская Федерация и её экономика успешно развиваются, вследствие чего страна возвращается в число мировых экономически развитых держав. Несколько большее число опрошенных (54%) придерживаются диаметрально противоположного мнения, согласно которому перемены происходят в худшую сторону, а отставание России от ведущих стран постоянно возрастает. Оптимистический взгляд на место России в мире, как всегда, демонстрируют молодые и преуспевающие слои общества: 52–53% «оптимистов» среди высшего слоя по статусу и обеспеченности и лишь 31–35% среди малообеспеченной и пожилой части населения.

Причём россияне не склонны винить в экономическом (и не только экономическом) застое «внешние силы». 63% против 37% полагают, что основные угрозы, с которыми приходится в настоящее время сталкиваться России, сфокусированы внутри неё самой. Лишь 3% россиян сегодня беспокоит, например, охлаждение отношений России с Западом, в то время как коррупция, бедность, фактический распад социальной инфраструктуры и т. п. – на порядок, а то и два порядка, больше.

По-прежнему низкой, по мнению большинства опрошенных (72%), остаётся, как и в течение всего последнего десятилетия, общественная активность граждан, их участие в делах страны, своего города, села и т. п.

Иной точки зрения придерживаются 27% россиян, по мнению которых общественно-политическая жизнь в стране становится более активной, общество постепенно «просыпается». Эти тенденции чаще отмечает молодёжь и младшие средние возраста (36% в группе 27–30 лет) и, напротив, практически не отмечает старшее поколение (18%). Действительно, в новых формах социальной активности, проявляющихся в последнее время – таких как экологические движения («Химкинский лес», «Архнадзор»), другие движения «одного требования» («синие ведерки», «обманутые дольщики») – активно участвуют в основном молодёжь и россияне среднего возраста, задействуя современные информационные технологии, эти движения часто переплетены с молодёжной субкультурой. А как показывает недавний опыт революций на Ближнем Востоке и Севере Африки, при всей некорректности более детальных аналогий, именно активная молодёжь, даже не составляющая значительного большинства, способна стать катализатором настроений в пользу перемен (табл. 16.1).

В целом же можно констатировать, что современное российское общество сегодня прибывает в некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего. Это связано с тем, что, с одной стороны, сохраняется инерция, надежды на то, что всё само как-нибудь «рассосётся», надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. С другой, всё большее число людей понимает, что без серьёзной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее «сытое» десятилетие, страна вряд ли сможет успешно двигаться вперед. Пока эта переоценка ощущается лишь в декларациях руководителей страны о необходимости модернизации экономики, иных сфер жизни общества. Каких-то практических действий в этом направлении явно недостаточно для преодоления застойных явлений.

Таблица 16.1

**Выбор в парах суждений
о различных аспектах современной жизни России, %**

I.	
Путь, по которому идёт современная Россия, даст в перспективе положительные результаты	60
Путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик	39
Затруднились ответить	1
II.	
Стране нужны быстрые, кардинальные реформы в социально-экономической сфере и политике	42
Страна нуждается в стабильности, реформах эволюционного характера	57
Затруднились ответить	1
III.	
Россия за последнее десятилетие развивается динамично, возвращается в число мировых экономически развитых держав	45
Россия в экономическом отношении всё сильнее отстаёт от ведущих мировых держав	54
Затруднились ответить	1
IV.	
Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	37
Основные угрозы для России находятся внутри страны	63
Затруднились ответить	0
V.	
Общественно-политическое участие граждан остаётся по-прежнему на низком уровне	72
Политическая жизнь в стране становится более активной, общество постепенно «просыпается»	27
Затруднились ответить	1

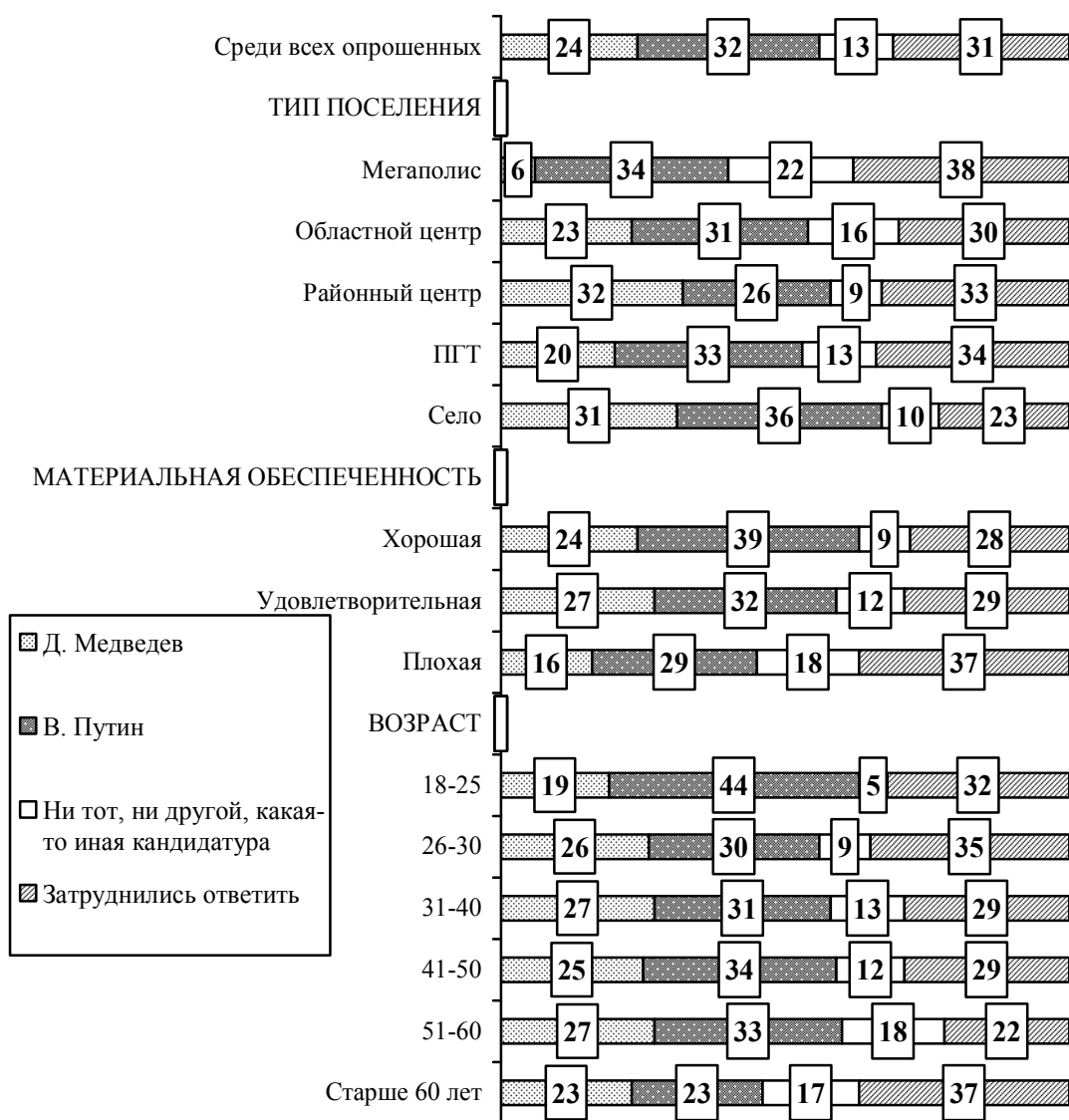
Рост напряжённости в обществе обусловлен и усилением конкуренции и противостояния внутри властных элит, связанных с предстоящими в 2012 г. президентскими выборами. Здесь главная интрига, безусловно, состоит в выборе кандидата от правящей элиты. Судя по результатам настоящего исследования, россияне пока ещё не сделали окончательного выбора. 24% полагают, что кандидатом в президенты должен выдвигаться ныне действующий глава государства Д. Медведев, 32% – В. Путин, 13% хотели бы видеть кандидатом от «партии власти» кого-то третьего.

Результаты опроса свидетельствуют, что кандидатура Д. Медведева пользуется несколько большей поддержкой среди людей среднего достатка, среднего и предпенсионного возраста (31–40 и 51–60 лет). В. Путину в

наибольшей степени симпатизируют самые молодые (18–25 лет) и хорошо обеспеченные россияне. Видеть кандидатом кого-то иного чаще хотели бы плохо обеспеченные россияне предпенсионного и пенсионного возраста (рис. 16.3).

Рисунок 16.3

Мнение всех опрошенных, представителей различных социально-демографических групп о том, кто из нынешней властвующей элиты должен выдвигаться кандидатом в Президенты Российской Федерации, %

Заметно больший разброс мнений по поводу кандидата от правящей элиты наблюдается среди политически активной части респондентов, сторонников различных идейно-политических течений. Либералы явно на стороне Д. Медведева (47% голосов за него и лишь 27% – за В. Путина).

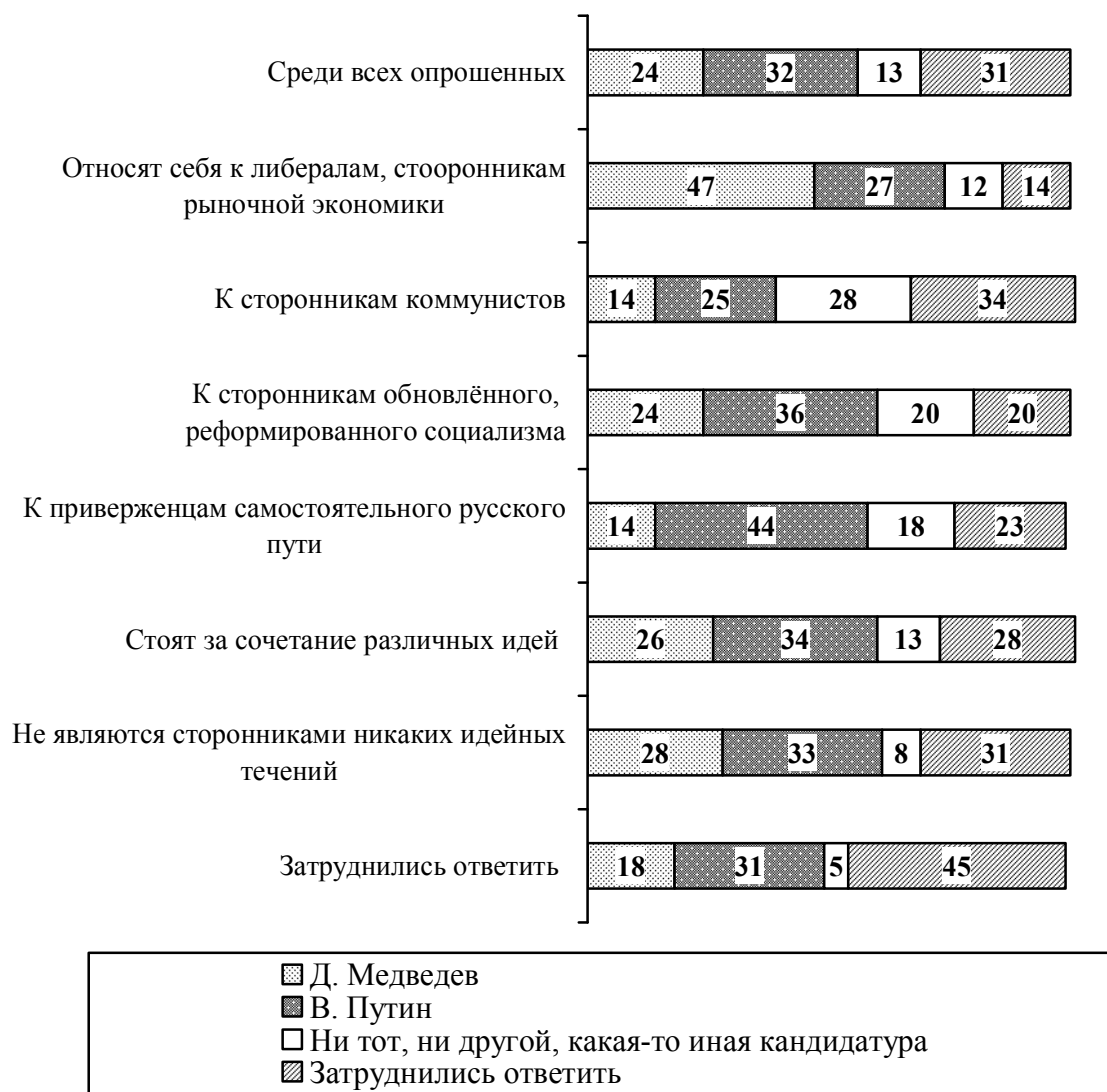
Коммунисты скорее поддержали бы какую-то иную кандидатуру. «Социалисты», «националисты» и «центристы» в большей степени симпатизируют В. Путину. Впрочем, идеологически мотивированная часть электората сравнительно невелика, поэтому ценностные и мировоззренческие установки кандидатов в президенты вряд ли окажут заметное влияние на окончательный выбор большинства россиян. Обращает на себя внимание и то, что во всех возрастных, социальных группах, а также среди сторонников различных идейно-политических течений очень высок процент неопределившихся (от четверти до трети). Это говорит о том, что значительная часть россиян пребывает в «задумчивости», а возможно и в ожидании появления каких-то новых ярких игроков на современной политической сцене России (рис. 16.4).

Отсюда трудность определения кандидатов, которые могли бы составить конкуренцию представителям властного тандема. Называлось множество фамилий, включая известных общественных и политических деятелей: С. Собянин, Б. Немцов, М. Ходорковский, А. Навальный, В. Рыжков, С. Шойгу и даже Ю. Шевчук. Но ни один из них не получил и 1% голосов поддержки. По-прежнему в «шорт-листе» реальных оппонентов кандидата «партии власти» всё те же В. Жириновский, Г. Зюганов и примкнувший к ним С. Миронов (их кандидатуры назвали 6%, 5% и 3% опрошенных соответственно). Половина опрошенных (51%) убеждены в том, что в России нет политиков и общественных деятелей, способных на равных бороться с властвующей элитой.

Всё это, безусловно, не добавляет ясности в отношении перспектив развития страны. 23% опрошенных уверены, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно. 39% не разделяют подобного оптимизма, они, напротив, ожидают наступления «трудных времен», а 38% считают, что ничего принципиально не изменится, всё будет примерно так же, как и сейчас.

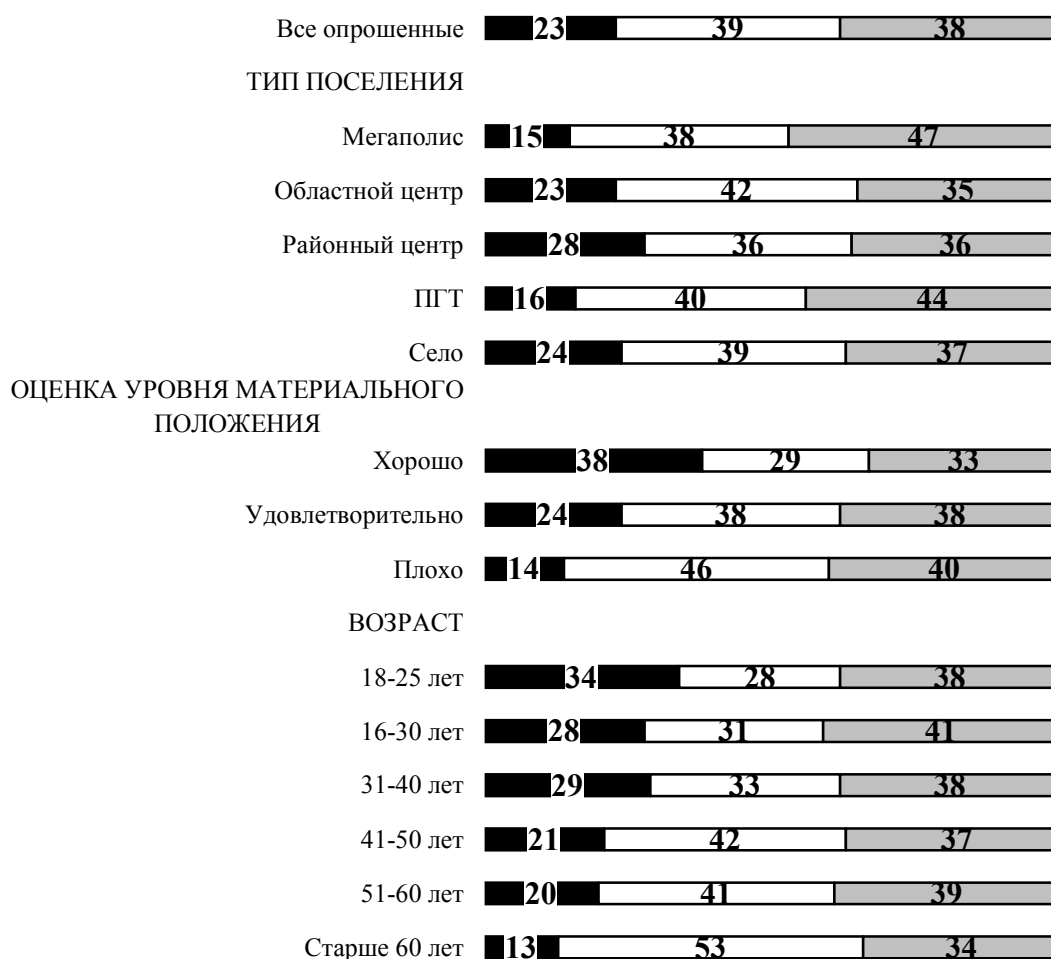
Рисунок 16.4

Мнение сторонников различных идейно-политических течений о том, кто из нынешней властвующей элиты должен выдвигаться кандидатом в Президенты Российской Федерации, %

В предстоящий успех верят лишь 14% опрошенных, представляющих «социальный низ» общественной пирамиды, и 38% «верха» той же пирамиды. Старшее поколение россиян (рис. 16.5), в своём большинстве (53%), ожидает наступления «трудных времён», а молодёжь разделилась на примерно равные группы – тех, кто ждёт лучшего, и тех, кто ожидает худшего.

Мнение о перспективах развития России, %

■ Страна будет развиваться успешно

□ Страну ждут трудные времена

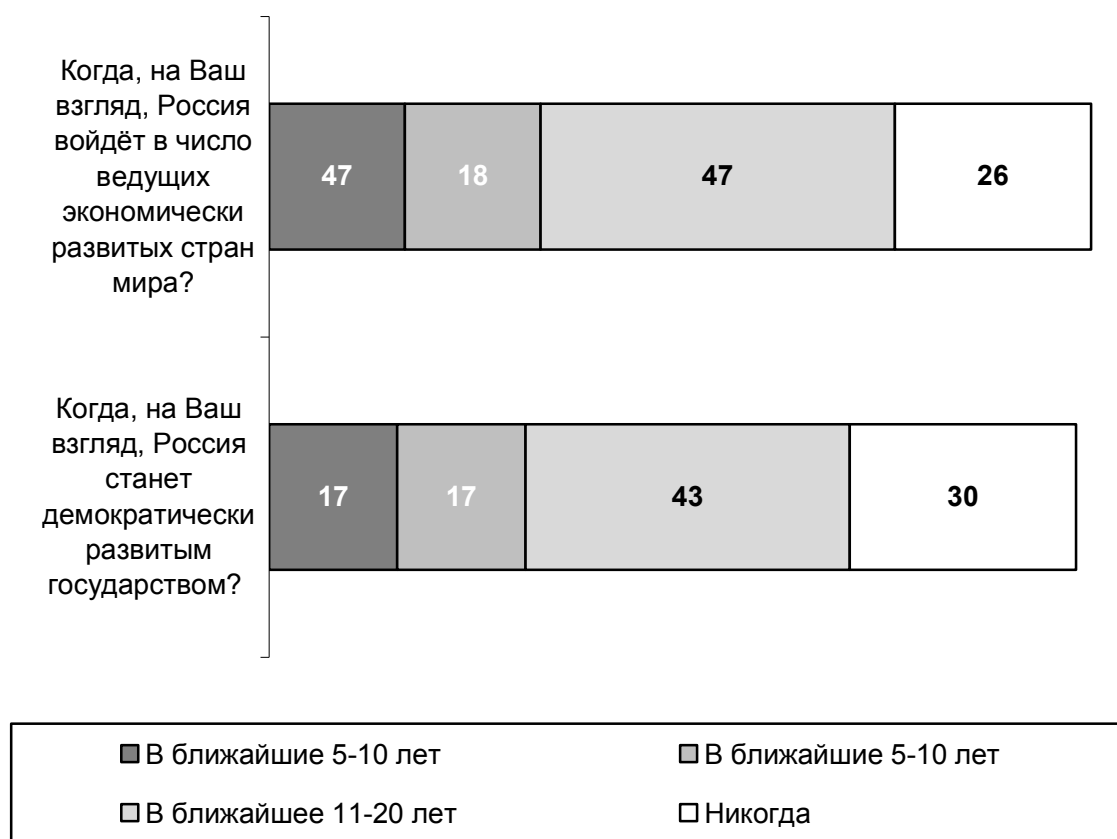
■ Ничего принципиально не изменится

На фоне замедления экономического развития России, стагнации большинства политических институтов постепенно отодвигаются горизонт будущего экономического процветания и формирование подлинного демократического государства. Сказались и последствия кризиса. Уже к середине 2009 г. практически рассеялся миф о российском «экономическом чуде», и соответственно иссякли надежды на то, что в самое ближайшее время россияне смогут жить так же, как в ведущих странах Европы. Сегодня

лишь 17–18% видят возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдёт в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной развитой демократии. 26–30% полагают, что этого не произойдёт вообще никогда. А, по мнению 43–47%, это если и произойдет, то не раньше чем через 11–20 лет. Впрочем, для России с её непредсказуемостью и низким временным горизонтом в массовом сознании, 20 лет – это очень большой срок (рис. 16.6).

Рисунок 16.6

Оценка перспектив экономического и демократического развития России, %⁷⁶

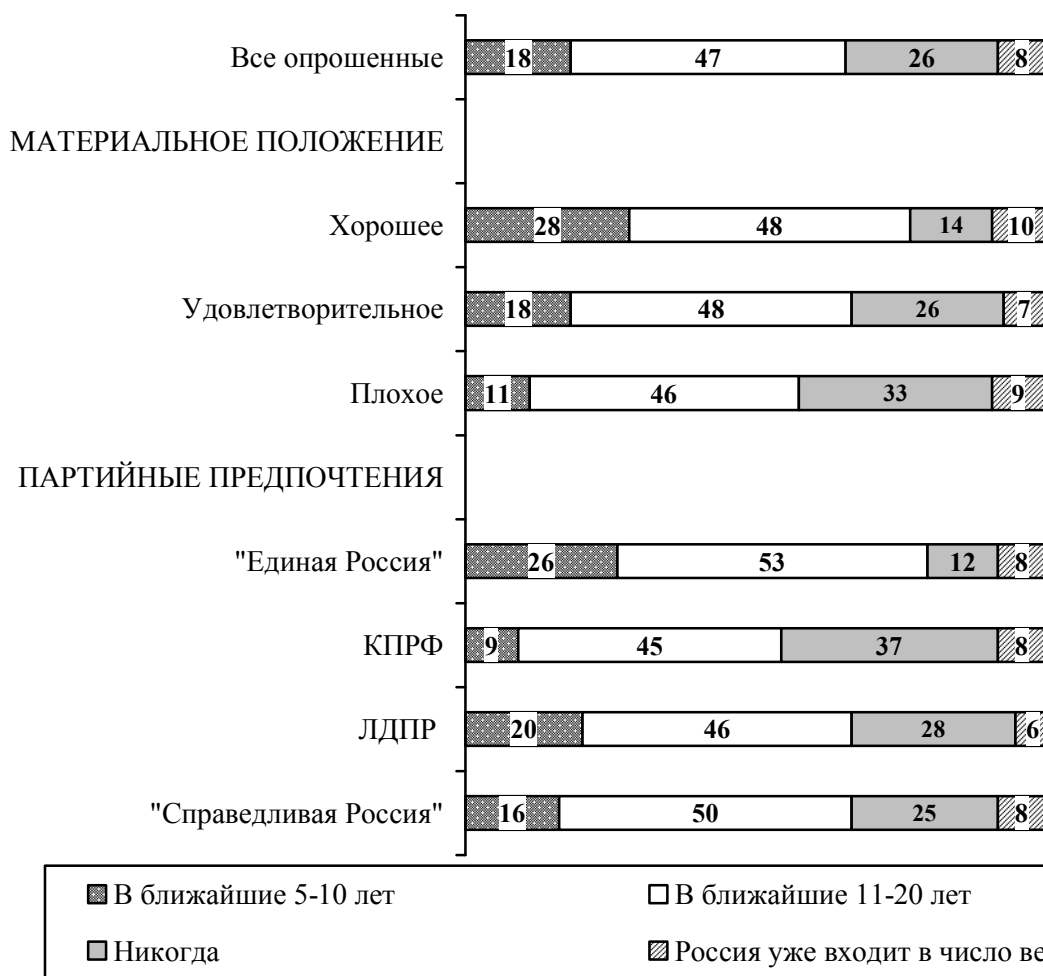

⁷⁶ Сумма цифр по каждой позиции может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Даже те группы населения, которые лучше других адаптированы к нынешним реалиям и поддерживают действия властей, весьма сдержаны в своих оценках настоящего и прогнозах на будущее. Имеются в виду респонденты, оценивающие своё материальное положение как «хорошее» и сторонники «Единой России» (рис. 16.7). Даже среди них доля считающих Россию экономически развитой страной не превышает 8–10%, а доля оптимистов, уверенных, что наша страна в самое ближайшее время войдёт в клуб высокоразвитых держав, составляет 26–28%.

Рисунок 16.7

Мнение о том, когда Россия войдёт в число ведущих экономически развитых стран мира, %⁷⁷

Впрочем, какой-то особой трагедии наши сограждане из этого не делают. Последнее двадцатилетие их многому научило и закалило; сегодня в

⁷⁷ Сумма цифр по каждой позиции может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

обществе практически не наблюдается алармистских настроений. Тот же последний кризис, в отличие от кризиса конца 90-х, был воспринят гораздо спокойнее: именно как кризис, а не катастрофа. Потеря былого могущества страны также оценивается без былых эмоций, как и признание её нынешних возможностей, экономического потенциала и места в мировой политике. Наконец, нельзя не признать и того, что среди значительного числа россиян, особенно молодых, широкое распространение получили «пофигистские» настроения, стремление жить лишь сегодняшним днём, фактически игнорируя всё, что происходит за пределами непосредственной среды обитания, особо не «парясь» по поводу будущего страны. А многие и вовсе готовы её покинуть, если возникнут угрозы или препятствия реализации их жизненных планов.

Таким образом, многое говорит о том, что в своей оценке современного уровня развития и в образах будущего, сегодняшняя Россия стоит перед сменой парадигм и накануне возможной переоценки многого из того, что казалось очевидным ещё несколько лет назад. Но этот процесс только в самом начале. Наряду с растущим осознанием многих негативных факторов, замедляющих или останавливающих динамику развития страны, остаются велики силы инерции, боязнь перемен, нежелание задумываться о будущем, даже не столь отдалённом.

К общим выводам

1. Посткоммунистическая трансформация России, включая экономические реформы Ельцина – Гайдара, поначалу была позитивно воспринята обществом. В первую очередь это было связано с высоким уровнем ожиданий и доверия к Б. Ельцину в тот период. Однако уже вскоре сторонники реформ оказались в меньшинстве. Позитивное к ним отношение сегодня высказывают чуть более трети опрошенных (34%), а десять лет назад их было ещё меньше (28%). В то же время молодая активная часть населения начинает чувствовать взаимосвязь между собственными достижениями и реформами 90-х. В целом же исследование показало, что острота отрицательного отношения к ним постепенно ослабевает, сменяясь сожалением об упущенных в 90-е гг. возможностях.

Большинство россиян (около 70% опрошенных) не склонно соглашаться с точкой зрения инициаторов реформ о безальтернативности предпринятых в начале 90-х мер, обусловленных глубиной экономического и политического кризиса. Истинная цель реформ, по мнению большинства, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свёртывание возможностей влияния общества на принятие политических решений. Точку зрения реформаторов разделяют те группы россиян, которым удалось повысить свой материальный уровень и социальный статус и для которых результат реформ – важнее их изначальных целей.

2. Реформы 90-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны, как в экономике, так и в политике и социальной сфере. Определённая часть населения склонна видеть «плюсы» в процессах, связанных с демократизацией, свободой слова, правами человека. Лишь корректировка курса реформ, связанная с именем В. Путина, привела к смене однозначно

негативного тренда 90-х гг. Прежде всего, это относится к экономике, уровню жизни населения и особенно внешней политике. В то же время фиксируется нарастание в 2000-е гг. негатива, связанного с ростом коррупции, бюрократического засилья, а также деградацией социальной сферы.

Наряду с этим идёт постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ в общезначимом и личном аспектах. На передний план, заметно чаще, чем десять лет назад, выходят достижения, связанные с формированием в России «общества потребления» (некоторый рост благосостояния, насыщение рынка товарами и уход в прошлое экономики дефицита, свобода выезда за рубеж). Напротив, респонденты гораздо реже отмечают значимость обретенных в начале 90-х гг. демократических прав и свобод. Когда речь идёт о приобретениях и потерях в личном плане, то здесь респонденты отметили, что, с одной стороны, реформы открыли новые возможности для самореализации, профессионального и карьерного роста, занятия предпринимательской деятельностью, участия в общественно-политической жизни. Но с другой стороны, по мнению большинства респондентов, «освоить» эти возможности смог сравнительно узкий круг людей, в то время как для многих россиян они остались либо труднодостижимыми, либо даже сократились.

3. Два десятилетия, прошедшие с начала реформ 90-х, оказались богатыми на знаковые для страны события, большая часть которых была воспринята обществом неоднозначно. В отношении событий 90-х гг. преобладают негативные оценки. Это касается распада СССР, силового разгона Верховного Совета РФ в 1993 г., войны в Чечне, приватизации государственной собственности в середине 90-х, экономического кризиса, приведшего к дефолту в 1998 г. «Особое», скорее позитивное мнение о многих из этих событий имеют сторонники либеральных взглядов, которые, впрочем, составляют незначительную часть населения страны. Основные

«вехи» первого десятилетия XXI в. воспринимаются менее конфронтационно. Хотя к таким событиям, как монетизация льгот, зажим СМИ, к действиям российских властей в период кризиса 2008–2009 гг., достаточно большое число россиян относится скорее со знаком «минус».

4. Лидеры страны (СССР и России) 90-х гг. – М. Горбачев и Б. Ельцин – продолжают восприниматься большинством общества негативно (кроме части общества, придерживающейся либеральных взглядов), а последующего десятилетия – В. Путин и Д. Медведев – напротив, позитивно, причём всеми группами общества, в чуть меньшей степени – пожилыми россиянами, сторонниками коммунистических взглядов.

Исследование показало, что за последние десять лет рейтинг В. Путина не только не снизился, а вырос. Что касается Д. Медведева, то его политика воспринимается как продолжение курса В. Путина.

5. Социально-психологическое состояние россиян всё в меньшей степени детерминировано условиями микроуровня (возраст, доход, текущие жизненные проблемы) и всё в большей степени начинает зависеть от факторов, связанных с их оценкой легитимности сложившейся в России модели социума.

В целом социально-психологическое состояние россиян, с одной стороны, характеризуется стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а с другой стороны, ростом распространённости чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди россиян чувства агрессии.

Агрессивные умонастроения, порождаемые общей неудовлетворённостью сложившимся в России типом социума, вероятнее всего приобретут националистическую окраску и могут вызвать, в случае перехода от настроений к реальным действиям, серьёзные столкновения на национальной почве. Учитывая скорость нарастания агрессивных чувств и

пространственную локализацию их носителей, развитие событий по такому сценарию очень вероятно. Особо рискованной в этом отношении представляется ситуация в Москве.

6. Наибольшую тревогу у россиян вызывает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей. Однако если рассмотреть динамику отношения россиян к различным явлениям и процессам в жизни страны, которые кажутся им наиболее тревожными, то лидером является всё же не «коммуналка», а проблема коррупции и засилья бюрократии. Причём, наиболее значимым объективным фактором, влияющим на распространённость соответствующих тревог, выступает не столько принадлежность к той или иной социальной группе, сколько регион проживания. Это ещё раз свидетельствует о глубокой неоднородности России в региональном разрезе.

Если говорить не о тревогах россиян, а о тех проблемах, которые мешают им жить, стоит отметить низкую долю тех, кто считает, что живёт нормально – это всего около четверти населения. Главными среди проблем выступают, прежде всего, низкий уровень жизни и отсутствие социальных гарантий по болезни, старости, безработице и инвалидности. Не случайно среди потерь, которые лично им принесли реформы последних десятилетий, безусловным лидером стала утрата уверенности в завтрашнем дне.

7. Исследование показало рост неудовлетворённости многих россиян своей жизнью на фоне некоторого улучшения их материального положения (рост среднедушевых доходов только за последний год примерно на 1,5 тыс. рублей на человека в месяц). Видимо, с началом кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечёт из него уроки на будущее, или, хотя бы, что он коснётся всех в более-менее равной степени. Однако реальность оказалась иной – вся тяжесть кризиса оказалась, по мнению населения, возложена на рядовых граждан, а из острой фазы кризиса страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, прежде всего – со всё усиливающейся

коррупцией. Население ответило на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью, невзирая на стабилизацию своего материального положения.

Обобщением россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает их оценка собственного выигрыша или проигрыша от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих себя выигравшими от реформ очень мала (всего 10%) и в два с половиной раза меньше, чем доля считающих себя проигравшими. Ещё около трети остались, что называется, «при своих» – не выиграли и не проиграли. Такова итоговая оценка, поставленная россиянами последним двадцати годам истории нашей страны.

8. Судя по результатам исследования, изменения социального статуса россиян за последние 20 лет имели позитивную динамику. Однако быстрый рост социальных притязаний наших сограждан, обусловленный колоссальной и всё углубляющейся социальной дифференциацией и нарастанием социального неравенства, сводит «на нет» достижения последних лет, т. к. разрыв между реальным и желаемым статусом для большинства россиян не только сохраняется, но и нарастает.

Самооценки россиянами своих достижений в различных сферах жизни говорят о том, что относительно больше шансов на достижение успехов у них на микроуровне – в семье, сфере дружеского общения, досуговой сфере. Однако и в частной, приватной жизни им удаётся далеко не всё. Многие не удовлетворены отсутствием возможностей заниматься любимым делом, дефицитом свободного времени. Ещё хуже ситуация складывается с тем, что связано с местом россиян в макросоциуме. Сколько-нибудь массовыми можно считать лишь такие их достижения, как получение хорошего образования (которым могут похвастать, по самооценкам, 46% опрошенных). Все остальные достижения (престижная работа, карьера, наличие собственного бизнеса и т. д.) характеризуют небольшую часть наших сограждан, хотя значимость их в системе ценностей населения страны растёт.

9. Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени сужением каналов социальной мобильности, в том числе и горизонтальной. Возможности самостоятельно, за счёт смены места жительства, улучшить своё положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Немногие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в сёла, а также горожан из крупных городов, переезжающих в города с меньшей численностью населения. Однако вектор внутрироссийской миграции носит обратный характер – большинство мигрантов едут в более крупные населённые пункты, чем те, в которых они выросли.

Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населённый пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодёжь, хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), всё же характеризуется более низкими показателями мобильности, чем возрастные группы старше 40 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодёжи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения уже имеющейся в ней рабочей силы.

Если же говорить о миграции из России, то потенциал её очень велик и серьёзно вырос за последние 10 лет. Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причём в группе до 30 лет доля таковых ещё больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян. Это в два раза больше, чем 10 лет назад. Еще 35% готовы уехать за рубеж «на заработки». Желание более трети всех работающих россиян превратиться в гастарбайтеров – яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда, позволяющее глубже понять причины недовольства наших сограждан сложившейся в стране ситуацией.

10. Помимо сдвигов в социально-экономических условиях жизни россиян существенные изменения претерпели и их мировоззренческие установки. Вместе с распадом СССР рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришёл не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая хаотизация ментального пространства. У разных социальных и социально-демографических групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелкие, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии. Однако к началу 2000-х гг. появились идеи, которые могут претендовать на статус общезначимых. Это – единение народов России с целью её возрождения как великой державы, укрепление правового государства и объединение усилий всех народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Обращает на себя внимание рост числа сторонников социалистических идеалов. Это значит, что распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще.

11. Данные проводившегося на протяжении всего периода реформ социологического мониторинга показывают, что ценностные ориентации российского общества достаточно устойчивы. Причём в их палитре заметное место занимают ценности свободы, справедливости, понимаемой, как равенство возможностей, труда, патриотизма. Безусловно, новые образы и идеи, которые очень активно продвигались реформаторами в информационное пространство, повлияли на массовое сознание, в особенности – на молодёжь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», не меняющих общую иерархию ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа.

При наличии общего «ценностного консенсуса» различных поколений (существующего несмотря на некоторые возрастные особенности тех или иных групп, в частности традиционные для молодёжи оптимизм и амбициозность) пореформенная молодёжь в существенно меньшей степени демонстрирует конформистские жизненные установки. Поэтому в прошедших за последние 20 лет реформах она видит больше плюсов, чем остальное население, и главные из этих плюсов для неё – появление возможностей для самовыражения и построения карьеры.

В структуре мировоззренческих установок россиян особое место занимает восприятие ими роли государства. Соглашаясь с тем, что она должна быть ключевой не только в экономической, но и в социальной сфере, население не готово поддержать ни либеральные модели социальной политики, при которых вмешательство государства в социальную сферу минимально; ни свободную рыночную экономику, при которой всё зависит от частных акторов. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой государство обеспечивает всем определённый минимум, а остального каждый добывается сам. Однако симптоматичным представляется рост поддержки модели социального равенства, обеспечиваемого государством, который наблюдается в обществе в последние годы. Возможно, частично он связан с ростом запроса на равенство перед законом, правовое равенство и равенство возможностей для всего населения.

В основе оптимальной экономической модели страны, по мнению россиян, должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором. Все стратегические отрасли экономики должны быть под контролем государства, а частное управление теми или иными организациями должно обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Представления россиян о роли государства в социальной и экономической сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня образования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на

ведущую роль государства в этих сферах всё же является преобладающим практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

12. Что же касается отношения россиян к демократическим ценностям и институтам, то его можно охарактеризовать, как «благожелательный скептицизм», т. е. благожелательное отношение к самой идее демократии как оптимальной форме организации общественной жизни и крайне скептическое, а иногда и негативное отношение к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т. п.).

Уровень интереса большинства россиян к политической жизни страны по-прежнему низок. Однако есть симптомы, свидетельствующие о некотором оживлении общественной активности, главным образом, на локальном уровне. Косвенно это подтверждает тот факт, что сегодня востребованность инструментального потенциала демократии (акции прямого действия: митинги, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т. п.) заметно превосходит показатели десятилетней давности.

13. В декабре 2011 г. исполняется 20 лет с того дня, когда прекратил своё существование Советский Союз. Россияне не склонны представлять себе СССР ни в виде демонической «империи зла», ни в романтическом образе «первопроходца» или тем более «весны человечества» (как выразился когда-то Маяковский). Преобладают же в обществе не геополитические и идеологические оценки, а взгляд сквозь призму человеческих судеб. В этом плане распад СССР чаще всего воспринимается как общая беда миллионов людей, живущих в республиках бывшей союзной державы. В такой оценке солидарны и бедные, и богатые, и молодые, и пожилые россияне.

Рост патриотических умонастроений привёл к переосмыслению в массовом сознании вопроса не только о своеобразии России, но и о её роли и месте в мире. Решающим фактором, определяющим отношение «среднего»

российского гражданина к международной политике, различным странам мира, являются не эмоционально окрашенные идеологические мотивы, какими руководствовалось общество в начале 90-х гг. прошлого века, а прежде всего соображения безопасности. Среди главных угроз современной России респонденты называют международный терроризм и мировой экономический кризис. Охлаждение россиян к большинству стран Запада в период войны с Грузией носило краткосрочный характер и к настоящему времени практически преодолено. За исключением США, отношение к которым по-прежнему негативное.

14. Распад СССР, помимо новых представлений о месте России в мире, дал толчок к формированию новой российской идентичности. К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой (её отметили 95% опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее сильным, оно выросло вдвое. При этом 90% населения по-прежнему сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами – 72%. При таких высоких показателях распространённости и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость.

Казалось бы, подобные данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщённости населения страны. И в чём-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Исследование показало, что солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60% респондентов присоединились к мнению: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших

союзных республик, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим.

За двадцать лет реформ эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счёт тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. То, что государство – общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ, остаётся наиболее распространённым мнением. Но с каждым годом оно становится всё менее поддерживаемым. В 90-е гг. это было мнение очевидного большинства (65%), а в 2000-е гг. – только половины россиян (47%).

15. Данные проведённого исследования рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, а 68% откровенно признались, что испытывают раздражение по отношению к представителям других национальностей. Обнадёживает то, что около 90% русских и нерусских считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». В то же время 41% респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причём среди русских такие настроения распространены не меньше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х гг. В 90-е гг. подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Нынешние ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания. Растущая российская идентичность, совмещённая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

16. Два десятилетия реформ стали серьёзным испытанием для морально-нравственных устоев общества. После того как государство

фактически сложило с себя роль морального «наставника», а другие общественные институты не смогли или не захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали выбор в пользу отказа от лишнего «морального бремени», поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным. Естественно, это очень беспокоит многих наших сограждан. Каждый третий опрошенный ухудшение морального состояния общества оценил как одно из самых негативных явлений на протяжении двух десятилетий реформ.

Несмотря на столь критичные оценки развития ситуации в сфере общественной морали, для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. Россияне декларируют приверженность традиционным нормам в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными (в их числе употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонение от налогов, дача взяток). Более того, сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели 10 лет назад, и тем более – по сравнению с 1990-ми.

В то же время, исследования ИС РАН выявляют релятивизм опрошенных в отношении некоторых сфер, которые регулируются не законом, а только общественной моралью (например, сознательный обман для достижения корыстных целей). Кроме того, исследования фиксируют проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. Тем не менее, сам факт обеспокоенности состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую многие россияне сегодня демонстрируют, – это не столько констатация утраты норм

и традиций, сколько признаков того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость.

17. Одна из немногих сфер, где действительно ощутим большой прогресс – это сфера досуга. Несмотря на то, что многие россияне ощущают дефицит свободного времени, его проведение, судя по опросам, носит достаточно насыщенный, разнообразный характер. Всё чаще его основу составляют различные внедомашние формы активности, направленные на общение, развлечения, саморазвитие. Большинство россиян (51%) по-прежнему практикуют традиционные формы досуга, которые предполагают отдых на «домашней территории» либо общение в рамках ближнего круга (родственники, друзья) вне дома. Однако уже не мало и тех (39%), кто предпочитает активный внедомашний досуг с множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных компонентов.

Основными факторами, определяющими качество досуга, а с ним и качество жизни в целом, являются материальная обеспеченность, социальный статус, место проживания. Люди с высокими самооценками материальной обеспеченности, стоящие на высших ступенях социальной лестницы, жители крупных городов проявляют выраженный интерес к своему свободному времени и насыщают его разнообразными формами активного досуга, направленного на культуру и саморазвитие, развлечения и спорт. Низкая же материальная обеспеченность и проживание в малых поселениях, особенно сёлах, снижают интерес и возможности людей в сфере досуга, обедняют и опрощают его.

Одним из возможных факторов развития досуга – его содержательного наполнения и видового разнообразия – может стать пользование ПК и интернетом. Исследование показало, что россияне, имеющие возможность ими пользоваться, проводят своё свободное время заметно более содержательно, чем остальные, чаще практикуют активный досуг, направленный на саморазвитие и культуру, на развлечения и спорт. С учётом того, что компьютеры и интернет всё увереннее входят в жизнь

представителей самых разных групп и слоёв населения (в том числе пожилых людей, плохо материально обеспеченных, живущих в небольших поселениях), можно предположить, что досуг россиян будет становиться всё более разнообразным и насыщенным.

18. В заключительном разделе исследования, посвящённом перспективам развития страны, особенно отчётливо выявилось неоднозначное, двойственное отношение россиян к нашему недавнему прошлому, настоящему и будущему. С одной стороны, большинство опрошенных (около 60%) считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен; и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Хотя немало и тех (около 40%), кто убеждён, что путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик. С другой стороны, больше половины опрошенных (54%) полагают, что Россия, её экономика потеряла динамизм и отставание нашей страны от ведущих держав мира будет только нарастать.

В настоящий период лишь 17–18% опрошенных верят в возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдёт в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной развитой демократии. Отсюда некоторый рост сторонников перемен, более решительных мер по модернизации экономики, политической и социальной сфер. И это несмотря на то, что сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со значительным перевесом (57% против 42%). А вот среди молодёжи поддержка идеи модернизационного прорыва выглядит уже достаточно выраженной. Пока это слабо проявляющаяся тенденция. Но как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены начинает овладевать умами людей, причём в молодых и активных группах, подобный запрос, так или иначе, начинает пробивать себе дорогу.